

Райдо Витич

Днатолиа колплексов 1

Annotation

Он с другой планеты, она с Земли. У них разные взгляды на жизнь, разные вкусы, знания и пристрастия. Столкновение двух представителей совершенной разных рас приводит к глобальным переменам не только в их жизни..

Райдо Витич

Анатомия Комплексов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— И что сидим? — пробасила Марьяна, с демонстративным грохотом опустив две толстые тетради на стол.

Рокот ее голоса эхом прокатился по пустой аудитории, и Алена невольно поморщилась:

— Не голос, а набат.

— А то! — ухмыльнулась та, оперев кулаки в пышные бока. Ядовито-зеленый пиджак строгого костюма тут же встал на дыбы, оттопырившись фалдами на высокой груди.

Зеленый цвет Марьяне не шел, а уж такой, вообще превращал в нечто жабообразное. Однако, девушка этого не замечала и с патологическим упрямством продолжала втискивать свои необъятные размеры во все оттенки зеленого, от бледно-травянистого до болотного.

В свое время она прочитала в одной заумной книжечке, что зеленый цвет приносит достаток, удачу в делах и успех в личной жизни. С тех пор и носила одежду только этого оттенка в надежде, что рано или поздно он возблагодарит свою фанатку за труды и верность.

Не высокая, полненькая Марьяна Сокирян, была весьма странной особой, чуть помешанной на мистике, и конкретно, на особях мужского пола. Ее глазки так и стреляли по окрестностям, выискивая предмет своего вожделения, и не важно, был ли он прыщав, косолап и инфантилен или элегантен, умен и симпатичен. Ее волновало... само волнение, самое начало отношений, томление и ожидание, предчувствие, флирт. Но дело в том, что познавала она это в гордом одиночестве.

Ее пышные формы, конечно, трудно было не заметить, но и представить предметом страсти тоже. Марьянка вспугивала своим зычным голосом, навязчивостью и властным характером любого, кто приближался к ней ближе, чем на метр. Никому из парней-сокурсников не приходило в голову попросить у нее конспекты, не говоря уж о том, чтоб пригласить в 'Баскин-Робин', расположенный прямо напротив института. Однако та не отчаивалась, твердо уверовав в то, что рано или поздно, наперекор скептикам, какой-нибудь восточный красавец примчится к ней на тонконогой кобыле, и ввергнет в пучину бурной страсти, по сравнению с которой, перипетии шекспировских героев покажутся вялыми и бледными, как брачные игры древесных жучков. Однако 'Джульетте' армянского разлива уже исполнилось 21 год, а ее 'Ромео' так и не появился.

Алена захлопнула конспекты:

— Ты, как всегда, неподражаема. Видели б тебя лягушки, от зависти умерли!

— Злая ты! — фыркнула девушка и сгребла Аленины тетрадки, — кончай голову ерундой забивать, о вечном надо думать! Домой пошли.

— Я не злая — справедливая, а вечное, к твоему сведению, знания! — парировала Ворковская, смиренно складывая конспекты в рюкзачок: переписать лекции в спокойной обстановке уже не представлялось возможным — Марьяна не даст. Так и будет теперь стоять над душой и вещать с придыханием очередную душещипательную историю из чьей-то семейной жизни, прочитанную в «СПИД-инфо», сидя в папенькином клозете. К тому же при ее армянском темпераменте, просидеть 4 пары — подвиг, а уж сверх того в институте околачиваться — героическая эпопея, не имеющая аналогов.

— Не злись, завтра перепишешь, — прогудела Марьяна.

— Завтра мне уже отдавать. Филя на день дал, с утра заберет. Придется по твоей милости ночью корпеть, а я поспать люблю, сама знаешь.

— А чего ночью-то? Вечером перепишешь.

— Не смогу, Серега в кабак тащит.

— Да ну?! Опять предложение сделает? — вытаращила глаза девушка. — Смотрю, не сдастся наш 'смелый варяг', все ближе к ЗАГСу мадам-недотрогу двигает? Если надумаешь вдруг, меня пригласить не забудь, все ж подруга я тебе, не абы как! Друзья у твоего — у-у-у, класс! — Марьяна закатила глаза и облизнулась, вспоминая вожделенных мужичков, словно кусок не доеденного торта.

Алена фыркнула, и закинула рюкзачок на плечо:

— Пошли, озабоченная моя.

И зацокала тонкими каблучками к выходу. Марьяна с завистью посмотрела в спину подруги и заторопилась следом:

— Ох, и стерва ты, Аленка, сколько мужика на голодном пайке держишь?

— Тебе-то что? — смерила та подружку холодным взглядом чуть раскосых, огромных синих глаз, выплывая в коридор.

— Да так, я ж не осуждаю, я завидую. По-хорошему, конечно. Ты б обо мне похлопотала, я тоже в кабак хочу,...а потом в ЗАГС.

— Посмотрим, — пожала плечами Алена, вышагивая рядом с гордо поднятой головой. Высокая, стройная, красивая и неприступная, как Джомолунгма. На лице холодная маска надменности, чтоб лишние не приставали, во взгляде туман и безразличие. Марьянка вздохнула: «Нет, ну умеют же некоторые снежных королев из себя лепить!»

— Красивая ты, Аленка, — заметила она и вздохнула. — Шазюбль опять братик презентовал? Золотой он у тебя. Эх, мне б таких родичей.

Ворковская покосилась с любопытством на нее, и бровь выгнула:

— Тебе ли на своих жаловаться?

— Ну, их, отсталые питекантропы! Представляешь, мать вчера опять нотации весь вечер читала, а папаня — змей, всю косметичку в унитаз смыл! Полторы штуки только тональный, а тушь еще больше! Представляешь?!

— И правильно сделал. Краситься уже не модно, пора природной красотой блистать... и умственной, в первую очередь. А ты размалюешь себя, как Вера Холодная перед съемками, килограмм краски на один грамм массы тела и думаешь — красиво.

Алена толкнула входную дверь и выплыла на проспект им. незабвенного Ленина, на котором располагалось здание педагогического института.

Сокирян последовала за ней, обиженно сопя: нет, ну, кто бы уж рассуждал! Ишь вышагивает — ножки, как произведение искусства, обзавидуешься, а талия, а грудь? Не то, что у нее две подушки впереди и две с половиной сзади. Ужас!

Нет, ну, почему, кому-то все, а кому-то ничего?

Ходишь здесь, как обезьяна среди слонов, невостребованная, комплексами обрастаешь, молодость губишь. Эх, бедная армянская девочка, чего ж твоему папе в Спитаке не сиделось?

А ведь разобраться, если — не хуже она Алены, в умственном плане, а может и лучше даже. Хватило же у нее ума к Ворковской еще на первом курсе в подруги набиться и вот уже на третий вместе перешли.

Марьяна Алену давно заметила, как никак, в одном дворе росли, хоть и в разных домах жили, стоящих друг напротив друга, и в разные школы ходили. Алена в обычную, за углом, а Сокирян, папа, в специальную, с гуманитарным уклоном, возил. Вбивал доченьке в голову

образование.

В то время подружиться с горделивой Ворковской девушке возможности не представлялось, а когда в один институт поступили и в одну группу попали, тут уж сам бог велел.

Аленка поначалу несказанно удивляла армянку своей моральной устойчивостью, а потом даже напрягать начала.

Вот спрашивается: для чего ее бог такими данными наделил, если она им не пользуется?

Сдала бы в архив свои отсталые взгляды да жила б припеваючи с каким-нибудь симпатичным дяденькой. Взять хоть Серегу! Чем не пара? Внешность приятная, не дурак, свой бизнес, и хоть сейчас любимую на Канары, под теплое солнышко на золотистый песок, так нет — думает ее величество, в облаках летает.

Э-эх, Марьяне бы Аленкин 'интерфейс', уж она бы не прогадала, живо бы мужиков в штабеля уложила и выковыривала бы по одному, по мере надобности. Уж они бы у нее попрыгали.

Девушка представила себя плывущей по проспекту в остроносых туфельках на высоченном тонком каблукке, вся такая, как Алена, неприступная и красивая, а вокруг мужички от слюнявых юнцов до седовласых джентльменов, тестостероном исходят, головы сворачивают... И, так весело стало, что она не выдержала, рассмеялась.

— Ты что? — недоуменно выгнула бровь Ворковская, останавливаясь у покореженной скамейки, на остановке.

— Да так. Смотрю вокруг и радуюсь. Мужики вон головы сворачивают, а ты хоть бы хны.

— На улице знакомиться — дурной тон, к вашему сведению, мисс. Да и мало ли кто и что сворачивает? Это их трудности, — пожала плечами девушка

— И где, по-твоему, знакомиться прилично? В институте? В кабаке?

— В кабаке одни ловеласы и алкаши с наркошами, им не жена, а подруга на ночь нужна, это в лучшем случае, а в худшем — компаньон, жилетка для пьяных соплей и спонсор. Институт — тоже не выход. Сама знаешь, нормальных раз, два и обчелся, и то уже разобрали еще на первом курсе, опоздала ты малость, — привалилась Ворковская к железному поручню, изящно выставив остроносую туфельку.

— Тогда через «Тумбу» [Ш](#)остається, — хмыкнула Марьяна, пытаясь пристроиться рядом с тем же изяществом. Не получилось.

— Ну, если закомплексованный леприкон, предел твоих мечтаний, то дерзай.

— Это почему? Говорят, неплохие экземплярчики попадаются.

— Кто говорит? — ехидно скривилась девушка. — Любительницы 'некондишен', замученные ПМС girl не первой свежести, с бурным прошлым и кучей забот?

— Почему? — круглое, чуть одутловатое лицо Марьяны вытянулось, от неожиданной резкости подружки. — Санька вон, из параллельной группы, со своим папахен так познакомилась. Теперь на 'ниве' в институт приезжает. И приделалась. И дядечку я этого видела, ничего из себя: не высокий, правда, но не суть, в остальном, вроде, все в норме. Очки еще, на носу, старомодные, в роговой оправе и диоптрии не малые, да главное, чтоб сослепу вместо доллара, деревянный своей ненаглядной на безделушки не выдал.

— Ох, Марьянка, меркантильная ты девица, однако, а как же любовь?

— Фи, где ее взять-то? Оглянись — кругом одни оглоеды, так и норовят на шею бедной

девушки сесть, а мне б самой к кому пристроиться. Если с любовью, оно, конечно, замечательно, но если с толстым портмоне, вообще шоколадно.

— Да тебе ли о деньгах беспокоиться? У меня родители на 'скорой' пашут, и зарплата — слезы, и то не переживаем, а твой Арон Гургенович, в самый не прибыльный день, раз в 20, наверное, больше имеет. Не в деньгах счастье, подруга.

— Ага, в их количестве.

— Никто не спорит, есть — хорошо, но только ради них... Фу, гадость, какая! Это себя не уважать.

— Отсталая ты, прямо тургеневская девушка, очнись, XXI век на дворе, все деньгу куют, а на любовь по-фигу. Где она? Ау? — развела руками Сокирян.

— Не правда, любовь понятие вечное и за деньги ее, как и здоровье, не купишь. А ты представь — вышла ты замуж по расчету и вот крутится каждый день перед тобой совершенно чужой мужик, в постель тащит, а ты только и ждешь, когда он испарится! Нет уж, лучше в старых девах остаться, чем за деньги себя ломать.

— Это, смотря, сколько у него денег, а то и видеться, не придется. Ты на Канары, он в кабаке, ты в театр, культуру свою, значит, повышать, ну, или кругозор расширить, а он на совещании до ночи. Короче, он текилу, ты — коньяк, и вам не встретиться никак!

Алена звонко рассмеялась и немедленно удостоилась подхалимской улыбочки темноволосого парня, стоящего в метре от них и развесившего уши. Девушка тут же осадилась его взглядом и демонстративно повернулась спиной, встав с другой стороны Марьяны.

Ворковская стеснялась повышенного внимания к своей персоне, наперекор чужому мнению, считая себя серенькой мышкой.

В свое время, лет в 14, она посвятила много времени изучению собственной физиономии в зеркале и получила массу отрицательных эмоций, с тех пор смирившись, заглядывала в него мимоходом, не заикливаясь особо на лице. Да и что в нем интересного? Брови в разлет, чуть вздернутый носик, белая неподдающаяся загару кожа, слишком большие, по ее мнению, глаза, слишком яркого синего цвета.

А фигура, мамочка, моя! Как Алена завидовала не высоким, и более женственным, с округлыми формами, не то, что у нее, девушкам. Вон, хоть Марьяшу взять? Ни одна косточка не выпирает, смотреть приятно. А она? Суповой набор, а не женщина!

И какой чудик ее мисс истфак прозвал?

Сокирян же покосилась на физиономию молодца и нашла его не стоящим внимания. Мелковат, однако, и одет не очень.

Тут и трамвай подошел, как по заказу. Они загрузились в салон и пристроились у окна. Осень стояла на удивление теплая. Конец сентября, а на улице + 20, ну ни чудо ли? Бабье лето радовало обывателей всех возрастов и гнало на улицу.

В рюкзаке Алены вдруг резко завывала сирена. Она поморщилась, и виновато глянув на недовольного кондуктора, поспешно выудила из его недр серебристую pokia.

— И что ты другую мелодию не поставишь? — спросила Марьяна. Т а лишь пожала плечами и отвернулась, слушая голос в трубке.

— Я в трамвае, Сережа, — тихо заметила она, и Сокирян насторожилась: никак милый прорезался? — А почему?.. Нет. Да в общем-то... Мне конспекты нужно срочно переписать... А почему? Смерти моей хочешь?.. Так уж и заморозки? ... Да... До понедельника? Нет... Меня Филя съест!.. Ладно, поговорю... Перезвони... Уже четыре... Я могу не успеть ... И что брать?.. А состав?... Ладно, уговорил, в шесть... Не-е, раньше никак. Пока.

Алена отключила трубку и, сунув ее обратно в рюкзак, загадочно прищурилась, разглядывая Марьяну. У той лицо, от любопытства, из квадратного, в прямоугольное превратилось.

— На дачу поедешь?

— Когда? — чуть отпрянула та, но глазки уже заблестели в предвкушении.

— Сегодня. В 'Лесное', на шашлыки. В воскресенье вечером дома будем.

— С ночевкой? — то ли обрадовалась, то ли насторожилась девушка.

— Да.

— Класс!

— Тогда в шесть у моего подъезда. Выходим.

Девушки прыгнули с подножки и потопали к дому.

— Вы ж вроде, в кабак собирались? — спросила Марьяна, врезаясь в толпу малолеток, как ледокол в торосы.

— У них спонтанный слет уфологов, так что Сережа спешно меняет планы, настраивает гитару и затаривается горячительным. То, что скучно не будет, гарантирую. Программа напряженная: шашлык, песни под гитару, с ностальгическим завыванием, пионерский костер и страшилки на ночь. Учти, контингент чокнутый, сдвинутый на совдеповском прошлом и инопланетном разуме.

— И сколько их?

— Кого?

— Уфологов?

— Ну... — неопределенно пожала плечами Алена, мысленно подсчитывая количество голов. — Олеська, Макс, Настя со своим... Нас четверо получается, девчонок.

— А мужчин? — насторожилась Марьяна.

Уик-энд уик-эндом, а уфологии тоже дядьки, их небось, не только инопланетяне интересуют, а и более приземленные темы. Впутываться же в историю категорически не хотелось...

Хотя, если подумать, в какую историю можно попасть с Ворковской? Она до противности старомодна в отношении полов, порядочна до тошноты и монументальна в вопросах чести и дружбы, до оскомины. С Серегой вон два года встречаются, а Марьяна голову бы дала на отсечение, дальше стыдливых поцелуев не зашли. Вот вам и простота нравов, и сексуальная революция. Встречаются и в наши дни мастодонты!

— Много, бородатые, плечистые... женатые. Если за свою девичью честь беспокоишься — то угомонись, она им без надобности, дядьки хоть и нудные, но порядочные, не из 'тумбы'. Их кроме вселенского разума и гуманоидов мало, что интересует. Поползновений сексуального характера не дождешься, не мечтай. Но от отбившихся от стаи бородатиков, держись подальше, поймают, будут мучить оккультной тематикой и идеей дружбы народов до утра. Точно не знаю — кто будет, но состав наверняка тот же, что и на моем дне рождения.

— Вау! — заблестели глазки Марьяны. — И ты скрывала? Обязательно подберу какого-нибудь дядечку, пускай мне про ауру и фен-шуй растолкует. А то я, наверное, не тот оттенок зеленого выбираю.

Алена закатила глаза, но промолчала, прикусив острый язычок, чтоб не обидеть подругу:

— Сбор в шесть, не забудь. Иди, отпрашивайся, — выдала со вздохом.

Они остановились посреди двора. Алене налево, Марьяне направо. Две однотипных старых девятиэтажки: Шаумяна 5, Шаумяна 5а — вот и вотчина моя.

— Давай! — помахала Алена рукой подружке, а та и не заметила, застыла, открыв рот, мысленно уже прикидывая — что одеть, с кем кокетничать.

— Марьянка! Оглохла, что ли? Так и будешь посреди двора стоять до шести?

— А?...

— Ага! Тебя отпустят хоть?

— Пускай попробуют не отпустить! — угрожающе сверкнула глазами девушка, спускаясь с небес. Аленька только улыбнулась. Действительно, нашла, в чем усомниться: отпустят ли Марьяну, если та мысленно уже в 'Лесном'? Попробуй поперек встать — как заорет дурным голосом с армянской патетикой — не один ЛОР потом слух не восстановит, а уж что про психику говорить?

— А с собой-то что брать? — озаботилась Сокирян.

— Как всегда в поход: спички, картошку... Ой! Не знаю. Винно-водочными изделиями и мясом мужики запаслись наверняка. Олеська уже съестное пакует. Да и на фазенде у Сокола, наверное, мыши не все погрызли, так что, будем надеяться, что сахар, соль, чай там есть.

— А кто такой Сокол?

— Ну, ты даешь, старушка, атеросклероз, что ли замучил? Ты ему неделю назад на моем день рождения глазки строила и 'кто такой Сокол?' Мишка! Бородатый, здоровый, в вытянутом свитере, в углу сидел, тихий такой, 'не заметный', как неоновая вывеска казино 'Арбат'. Он потом еще пол ночи гитару на кухне мучил, у меня соседи чуть не повесились!

— Да ты что! — осветилось воспоминанием лицо Сокирян. Уж кого-кого, а Мишку она хорошо запомнила, заметила, как тот хохол, шматок сала: 'тильки для сэбэ!' В ее вкусе мужчина: громадный, как медведь, кудри, как у древнерусского богатыря, лицо простоватое, бесхитростное, и возраст самое то — лет 35. А что манеры неуклюжие и голоса нет, так для мужика не это главное. Руки-то на месте. И в остальном, о-очень даже ничего, да и дачка оказывается есть! Вот такого б в мужья!

Алена покосилась на размечтавшуюся Марьяну и скривилась: нашла на кого время тратить!

Михаил Сокол, жутко въедливый и непоседливый, вызывал у Алены стойкое недоумение. И ассоциировался с медведем гризли. Тот тоже, с виду милейшая зверушка, а задень, ноги бы унести. И этот такой же. А уж если выпил — не угомонишь, будет шататься неприкаянный, идею вселенского братства в жизнь толкать и попробуй, не согласишься, мигом лохматые брови на переносице грозно сведет и уставится мутными голубыми глазами, как бизон на соперника в период брачных игр.

— Все, полтора часа до общего сбора осталось, иди, давай, перышки чисти, — кивнула Алена и поплыла к своему подъезду, оставив Марьяну один на один с мыслями о Михаиле.

Та с трудом прогнала желанный образ, похлопала покрашенными, километровыми ресницами в спину подружке и, развернувшись, потрусилась к себе, соображая на ходу, что ж такое на уши родичам навешать, чтоб они, без лишней суеты, отпустили ее восвояси?

Алена открыла железную дверь, провозившись с ней, как обычно минут десять, и в тысячный раз прокляла идею родителей поставить эту чертову железяку. Ну, и зачем она, скажите, пожалуйста, нужна? Защита от воров? А что у них брать-то? Сашкин Atlon 2000? Может старенькую стиральную машину?

Старшие Ворковские были врачами линейной бригады скорой помощи и сутками зависали на своей гвардейской подстанции, чтоб в зарплату долго рассматривать заработанные бумажки и, вздыхая, прикидывать — на что, в первую очередь, потратить кровные? Нет, в принципе, в финансовом положении их семья была вполне благополучна... Благодаря Александру, старшему брату Алены, двадцатисемилетнему гению компьютерных технологий. Если б не его умственные способности, кормившие, по сути, всю семейку, жевать бы Ворковским геркулес и ходить в секонд-хендовском тряпье до окончания 'светлого' периода российского капитализма.

Девушка прошла в квартиру, небрежно скинула рюкзачок и бросила на столик, под светильник, вместе с ключами, потом сняла туфли и поплыла в глубь коридора.

Квартирка у них была на удивление просторной. 'Трешка', с огромной кухней и двойным комплектом санузлов. Небольшой квадратный коридорчик с дверью в смежную ванную комнату убежал в даль, красуясь еще четыремя добротными (дубовыми — горделиво заявил Саша, приобретя их по случаю) дверями. Направо — кухня и Аленкина комната, налево — гостиная, или комната родителей и комната брата.

Девушка прошла, открывая двери в каждую, в надежде найти кого-нибудь дома и увидела затылок братика. Тот мирно сидел за компьютером, как всегда, по уши в Интернете.

— Привет братец — кролик! Ты, значит, дома, а я, как дурочка, с этой железякой возилась. Алена прошла в комнату и уселась на тахту, напротив него, поджав ноги. Тот покосился и насмешливо заметил:

— Между прочим, гениальное человечество давным-давно придумало дверной звонок. Не пыталась воспользоваться? Говорят — прост и доступен в использовании... Врут, наверное?

Алена слабо улыбнулась, с любовью поглядывая на парня, и подумала: все-таки ей сильно повезло с братом!

Саша был предметом ее гордости, обожания и глубочайшего уважения. Светловолосый, высокий, стройный, как все Ворковские, Александр, к тому же, обладал небесно-голубыми, весьма лукавыми глазами и удивительно легким характером. Ему и жизнь давалась легко, никаких прискорбных историй в период пубертата, криминальных компаний, бурной юности с бутылкой портвейна в подворотне или самопальных бомбочек в класс. Спокойный, интеллигентный, уравновешенный. Здравый смысл, добрый нрав, английский юмор и безграничное терпение. Просто идеал.

— Чего молчишь, студентка? Умаяли бедную? — покосился Саша.

— Не то слово, — вздохнула Алена. — Устала... И зачем я на истфак пошла?

— А я тебя предупреждал, и отец с мамой то же.

— Поздно, милый, поздно, — с фальшивым тоном обреченности выдохнула девушка и, извернувшись, легла на тахту, вытянула ноги, устала в потолок.

— У-у-у! 'Ее засосала опасная трясина и жизнь ее' в истории, да? — продекламировал

парень.

— И ничего смешного! Между прочим, история важней, чем твоя железяка.

— Да, это чем?

— А тем! Это бесценный опыт, и только олухи не понимают важность исторических событий! И потом, не зная прошлого, мы лишаем себя будущего, потому что все, что происходило, обязательно произойдет вновь, пусть немного по-другому. Мы можем предугадывать события не хуже Нострадамуса, основываясь на опыт прошлых поколений, прогнозировать политические, религиозные течения и свою жизнь, в первую очередь. Главное, вовремя увидеть, понять, что нам хотели сказать деятели древних царств, представители древних народов, и сделать правильные выводы, — с пафосом продекламировала девушка.

— Интересно, какие я должен сделать выводы из жизни неандертальца? Извини, на ум приходит только одно — хреново им тогда было! И потом, при всем уважении к данной дисциплине, я не могу согласиться, с тем, что опыт общения питекантропа с мамонтом может мне как — то пригодиться.

— Ты узко мыслишь, — наморщила носик Алена.

— Ну, да, только так широко, как мыслишь ты, мне не по силам, мозговой потенциал, боюсь, сглючит, — усмехнулся брат.

— Меня тоже глючит.

— Оно и видно. Закругляйся с философией, поднимай свое инертное тело и неси его на кухню. Мама дежурные котлеты оставила и суп в холодильнике, подогрей и на меня.

— Не-а, сам котлеты ешь, — качнула головой Алена и обреченно вздохнула. — Я на фуршет отбываю, в 'Лесное': шашлык, салатки, гитара.

— Опять? А не замучили тебя братья-уфологи? — выгнул бровь Саша и испытывающе уставился на сестру, — помнится, месяц назад, ты клялась, что ноги твоей на Мишкиной дачке не будет.

— А что делать? Они Сережины друзья.

— Та-ак, — протянул Саша и серьезно спросил, развернувшись всем корпусом к Алене. — Намечается положительный ответ?

Девушка грустно посмотрела на него и отвернулась.

— Понятно, — поджал губы парень. — Слушай сестренка, а ты хоть его любишь?

Та задумалась, и ответ был, увы, неутешительным ...

С Сережей Мальцевым, она познакомилась два года назад, как водится, случайно. Ее подруга Олеся Проживалова решила купить музыкальный центр и естественно прихватила с собой Алену для единодушного «одобрям!» Правда оно не понадобилось — Олеся, обладая широкой душой и незамысловатыми претензиями к технике, выбрала после трехчасового хождения по салонам, здоровенную бандуру со смертельными для соседей колонками. Коробка, в которую поместили это чудище китайской индустрии, увеличила его габариты в полтора раза и убила мысль доехать домой общественным транспортом в зачатке. Алена косилась на разговорчивого служащего и необъятную коробку, прикидывая в уме кратчайшую дорогу домой.

— Тачку словим! — весело постановила Олеся, махнув рукой на остатки финансов, с радости от удачного приобретения, с гордостью поглядывая на фирменную наклейку — osaka.

Убеждать ее в том, что эта ‘балалайка’ с такой же легкостью может быть LG, HИTACHИ HИTACI или попросту Китай — Лимитед, Аленка не стала, дабы не утруждать серое вещество подружки излишними знаниями и не омрачать положительные эмоции.

Подруги вывалились на улицу и решили взять такси. И взяли, вернее не они, а их.

У обочины лихо тормознул серебристый фольксваген и дверца открылась. Олеська с трепетом прижимая к груди коробку, в которую с легкостью могла бы войти сама, сунула нос в салон. Молодой, лет 25, парень, с темным ежиком волос призывно улыбнулся:

— Нам на Шаумяна, — проблеяла Олеся, и тут же была бесцеремонно оттерта плечом Алены. Ворковская, зная Олесину бесшабашную щедрость, не желала, чтоб та осталась без денег, поэтому грозно сдвинула брови и, глянув с подозрением на водителя, спросила:

— Сколько? Пятьдесят устроит?

Парень замер, похлопал ресницами, крикнул, шмыгнул, открыл рот...и закрыл. Все.

С минуту Алена ждала человеческих слов и не дождалась. Парень взирал на нее, как на Монну Лизу, со смесью недоверия, восхищения, удивления и еще, бог знает чего. А слов в его запасе, похоже, не было. Он просто мотнул головой, приглашая в салон. Алена посверлила его оценивающим взглядом и, не узрев в обалдевшей физиономии ничего опасного ни для их с Олесей здоровья, ни для кошелька, милостиво кивнула подруге, открыв дверцу: залазь!

Та чуть не подпрыгнула от радости, мигом нырнула в теплый салон, протолкнув коробку вперед. Алена глянула на нее и, не спеша села на переднее сиденье. Этот процесс, видимо, окончательно добил водителя. Он с благоговением посмотрел на длинные ноги, потом в глаза девушке и опять открыл рот.

Алена захлопнула дверцу, облокотилась на стекло локтем и милостиво кивнула, запахивая на коленях полы длинного пальто:

— На Шаумяна, пожалуйста.

Парень с трудом отвел взгляд, подумал пару секунд, закрыл рот и нажал газ. Машина плавно тронулась с места, влилась в ряд других и заскользила по проспекту.

Минут пять в салоне было тихо: девушки отогревались после уличного холода, ноябрь выдался в тот год снежный, буйный, а парень за дорогой смотрел. Потом, видимо, вспомнил, что умеет разговаривать и неожиданно мягким, приятным голосом, спросил:

— Познакомимся? Меня Сергеем зовут, а вас, очаровательные создания?

— Меня Олеся, — с готовностью сообщила Проживалова, поддавшись вперед, и облокотилась руками на подголовник переднего сиденья.

— Очень приятно, а вас? — парень чуть поддался в сторону Ворковской.

— Алена, — равнодушно ответила та.

— Учимся? Работаем?

— Студентки! — опять влезла Олеся.

— О-о-о! Какой курс?

— Первый.

— И кем станете по окончании?

— Фельдшером.

— Аленушка, тоже?

— Меня Алена зовут, — заметила та.

— Извините. Тороплюсь.

‘Оно и видно’, — мысленно согласилась с ним Алена.

— Вы тоже будущий врач? — не унимался парень.

— Я будущий историк.

— Значит, в пединституте учитесь?

— Значит.

— И чем наши будущие историки занимаются в свободное от учебы время?

— Прялка, вышивание, — брякнула Олеся.

— Кулинария, цветоводство?

— Изучение ассортимента салонов бытовой техники, — парировала Олеся.

— Результативно? — парень кивнул на коробку.

— А то! Osaka! — с гордостью похвасталась девушка. Алена ехидно улыбнулась и отвернулась к окну.

— В курсе, что покупку обмыть надо?

— Конечно!

— И как собираетесь это делать?

— Как все — весело и непринужденно.

— Меня пригласите? Обязуюсь исправно косить под медика, выдавая себя за историка.

Алена скептически выгнула бровь, с интересом уставившись на нахального водителя:

’Ничего себе! ‘

Парень, мило улыбаясь, ответил ей невинным взглядом и добавил со значением:

— Стол, за мой счет.

— Новый русский? — спросила Олеся.

— Старый, девочки, старый. 26 стукнуло.

— Тоже мне старый, — фыркнула девушка.

— Так куда подходить с провизией? На Шаумяна?

— Точно, адрес верный.

— И улица длинная.

— Вы всерьез?

— Я вообще очень серьезный человек, незлобивый, преданный и спокойный, — парень

со значением покосился на Алену.

— Добрый самаритянин? — насмешливо спросила та.

— Верно, — серьезно кивнул Сергей. — И щедрый от рождения.

— Спонсор угнетенных государством студенток?

— Не всех, только таких очаровательных, как вы.

— Какая честь! — фыркнула недоверчиво Алена. Настырный парень улыбнулся:

— Алена у нас недовольна покупкой?

— Отчего ж? Довольна. Просто не люблю бесплатный сыр, говорят, его обычно в мышеловках используют.

— Отчего ж бесплатный? Я с вас чашку чая затребую.

— И кофе на завтрак?

— Алена, ну, чего ты? — недовольно надула губы Олеся.

— Да все нормально. Я, Аленушка, безопасен для детей и женщин. Так что, вам беспокоиться не о чем.

— А мы и не беспокоимся, — заметила Олеся. Алена только вздохнула, понимая, что подруга уже решила пригласить настырного парня к себе. Следовательно, противиться бесполезно, остается смириться с ее легкомыслием и обеспечить безопасность.

— Значит, договорились?

— Конечно.

— Когда намечается событие?

— А что откладывать? Прямо сейчас.

— Понял, — заулыбался парень, словно его на свадьбу к Мадонне пригласили. — Тогда прикупим необходимое по дороге? Что девушки предпочитают из спиртного?

— Кефир, — буркнула Алена.

— А кроме?

— Мы не пьем, — отрезала Олеся, проявив неожиданное благоразумие. — А вон гастроном, если Сережа не передумал, и жена его дома не ждет, можно сходить за провизией.

Парень тут же тормознул у обочины и серьезно заявил, глядя на Алену:

— Я не женат.

— Это радует, — сказала Олеся, открывая дверцу. — Идем? Только вы учтите, Сережа, аппетиты у нас большие, за портмоне не боитесь?

— Нет. Аленушка с нами идет?

— Нет, я здесь подожду, если можно.

— Хорошо, — согласился парень и вылез из машины, не вытащив ключи из замка зажигания.

Алена посмотрела в след колоритной парочке: высокий, с ежиком темных волос, парень атлетического телосложения в дорогой кожанке и низенькая девчонка в китайском пуховике и вязаной шапочке, и вздохнула. Ох, доиграется когда-нибудь Олесьяка!

Проживалова — девчонка озорная, непоседливая, маленькая, верткая, на язык острая, на подъем легкая, с импульсивной, грубоватой Ворковской почти с пеленок дружила. Сначала в садик вместе ходили, потом в школу, да и жили в одном подъезде, Олеся на 7 этаже, Алена на пятом. Подруги были — не разлей вода, везде вместе — что в кино, что зануде — физику дипломат к столу приклеить.

Но, после школы их пути разошлись, одна в пединститут подалась, другая в медучилище, по стопам матери.

Олесю мать одна воспитывала, работала в ГСМП медсестрой, света белого не видела и дочку соответственно- то на сутки, то с суток — не до воспитания, прокормить бы и то ладно. На институт, понятно, денег не было, но Олеся и не стремилась, одиннадцать классов-то не хотя закончила, с тройками и двумя сиротливыми четверками. Правда в училище легко поступила, на удивление, а тут и восемнадцатилетие грянуло — отметили эти события разом — сложились подруги, мама, и папаша прощальные алименты присовокупил, получилась астрономическая, по Олесиным понятиям, сумма, которую она и решила незамедлительно потратить на мечту своей жизни — музыкальный центр. Денег в обрез хватило и этот водитель кстати попался, а то обмыть радостное событие не представилось бы возможным.

Понять подругу Алена могла и понимала, но все же опасалась настырного знакомца с типичной стрижкой братков, оттого решила на фуршет пригласить брата. Студентов — медиков, понятно не намечалось, а сидеть в обществе этого парня, хоть и вдвоем, Алене не хотелось: странные он взгляды на нее бросал. Впрочем... симпатичный, не отнимешь. Высокий, полноват, правда, но лицо приятное с широкими скулами, глаза опять же добрые, красивые, карие в обрамлении длинных, пушистых ресниц.

И не жмот. Вернулись они минут через 30. Олеська довольная, улыбка до ушей, Сергей с огромными пакетами в руках, спокойный, как удав, ни грамма недовольства на лице. Еще минут через десять, они все вместе поднялись к Проживаловым. Пока Сергей настраивал новенькую аппаратуру, показывая Олесе, как пользоваться и зачем на панели та или иная кнопочка, Алена, дивясь неожиданной щедрости парня, разгружала сумки.

— Вы, наверное, всю зарплату в том гастрономе оставили? — не удержавшись, спросила она, с уважением поглядывая на деликатесы: сырокопченую колбасу, банки с оливками, черной икрой, мясом криля, конфеты ‘Каркунов’, ‘ferrero’, бутылку пятизвездочного коньяка, огромный торт и прочее. Сережа мягко улыбнулся:

— Ерунда, Алenuшка, деньги дело наживное. Не мы для них, они для нас.

В общем, зря Алена опасалась, никаких эксцессов не было, и Сашу звать не пришлось.

Новый знакомый оказался мирным, веселым, откровенным и легким в общении, без всяких блатных словечек в лексиконе, пошлых шуточек и сексуальных наездов.

Узнав, что гостей кроме него не намечается, он быстро вызвонил своего друга, и через полчаса на пороге возник стройный, блондинистый парень с гитарой наперевес — Максим Кулагин или попросту, Макс. Он с ходу принялся ухаживать за Олесей, выплескивая на девушку бездну своего обаяния, и к полуночи Проживалова была почти влюблена в него, выпустив из поля зрения Сергея.

Тот, не скрывая восхищения, ухаживал за Аленой. Посвятил в свою банальную жизненную историю и заявил, что влюбился в девушку, как только увидел.

До ночи новые знакомые развлекали девушек, не пили, не нагтели, и Алена совершенно оттаяла, потеряла бдительность, принимая знаки внимания, а утром, увидев серебристый Фольксваген у своего подъезда и улыбающуюся физиономию Сергея с букетом тривиальных роз, даже не удивилась. Парень не однозначно давал понять, что очарован ею и готов хоть сейчас в ЗАГС.

Однако, вот уже два года Ворковская не решалась ответить — да.

Казалось бы, что надо? Парень умный, добрый, характер прекрасный, в ней — души не чаёт, подарками заваливает, богат — свой автосалон, автостоянка. Олеся вон, долго думать не стала, три месяца с Максом пообщалась и под венец пошла. Живут теперь господа Кулагины, деточкой обзавестись думают, а Алена все в сомнениях тонет, не решается.

Нет, Сережка ей нравится, и братьев — уфологов, друзей его беспокойных, пережить можно, но скучно с ним и на сердце после встреч пусто, не радостно. Когда рядом — хорошо, а нет — и не надо. Разве это любовь?

Была у Алены тайна, глупая, по сути, детская, но это разумом понимаешь, а душой — нет. С ранних лет снились ей сны, и каждый был, как экскурсия в другой мир — красочный, сказочный, добрый. Даже мамин окрик: ‘Вставай, в школу опоздаешь!’ не вытряхивал из нее впечатление от иллюзий.

Шли годы, и она уже сама порой не помнила, и не различала, что ей снилось, а что происходило на самом деле. Но одно виденье преследовало ее все эти годы, не меняясь и не сдвигая позиций: сероглазый, темноволосый парень, в белоснежной рубашке, стоящий в зарослях молоденьких лип. Его лицо она видела четко: утонченное, ирреально-прекрасное.

Он то приближался, то отдалялся и словно звал ее, ждал. Она бежала к нему через огромное поле, не обращая внимания на колючки, цепляющиеся за подол, на рытвины и ямы, в которые чуть не падала. Сердце в тех снах билось как-то особенно, и душа словно парила, нежась под взглядом серых глаз.

Этот незнакомец и был ее мечтой. Верила Алена, что не зря снится, и оттого не спешила с Сергеем себя обещанием связывать.

Саша, единственный, кто о ее тайне знал, пока маленькая была — не насмеялся, не юродствовал, с почтением к секрету относился, но с годами стал сестру осторожно в сторону реальности подталкивать, вразумлять не навязчиво:

— Ты, Аленка, слишком романтична. Глупо ждать принца из снов, когда рядом реальный принц ходит. Сама подумай, может Сергей тот и есть? Сны ведь ассоциативны. И потом, где гарантия, что ты своего сероглазого дождешься? Что он существует не только в твоём воображении? А Мальцев реален и основателен, как монумент дивизии Котовского — бери и пользуйся.

— Ага, а под мышкой летающая тарелка — привет земляне! — фыркнула девушка.

— У каждого свои ‘тараканы’ в голове. Ты на истории помешана, я на компьютерах, он на ДЭИР, уфологии и бардовских вечеринках. Что плохого?

— Ничего. Только беседы о том, что случайностей нет и вселенский разум строго следит за человечеством, уже достали! По мне, так лучше календарики собирать, чем вырезки о встречах с инопланетянами! Бред какой-то! Ты сам-то веришь в них?

— А причем тут я? Я, миледи, реалист, материалист, марксист-ленинист и весьма скучная личность. Мне, что летающие тарелочки, что фарфоровые — все едино, лишь бы ХР не сглючило да вирус мой процессор не погрыз.

— Вот и мне. Кстати, картошка у нас есть или всю в суп пустили?

— Ничего себе — кстати! — засмеялся брат, — Не в курсе, знаешь ли, далек от хозяйственных проблем также, как и от инопланетных. А тебе зачем? Решила перед отправкой на фуршет кулинарное мастерство повысить?

— С собой взять хочу, на случай, если у Сокола не найдется, в углях испечем, пионерское прошлое вспомним.

— Надолго в поход? — подозрительно прищурился Саша.

— До вечера воскресенья, так что, обрадуй родителей. — Алена нехотя поднялась с тахты и пошла к выходу.

— А выдержишь?

— ‘Крепка броня и танки наши быстры’, — пропела девушка, скрываясь за дверью.

‘Лесное’ находилось в 40 километрах от города, в глухом, заброшенном месте, на краю таежного массива. Поселок, ставший дачным во времена перестройки, славился своими дурными причудами и замысловатыми выкрутасами местной флоры и фауны, оттого любители аномальных явлений сюда валом валили, а трезвомыслящие материалисты обходили стороной.

Миша Сокол прикупил здесь дачку года полтора назад за сущие копейки, выторговав ее у какого-то замученного нечистью мужика, и очень этим обстоятельством гордился.

Двухэтажная домина из красного кирпича мало того, что стояла на пригорке, так еще и на отшибе, у самого леса, жуткого, непролазного урочища. В купе с готическим стилем, в котором она была построена и огромными масштабами, высилась дача над всем поселком, навевая ужас своей угрюмостью и, красуясь неказистой крышей с горбатыми, крылатыми фигурками по краям — то ли горгулиями, то ли мини динозаврами.

Странное здание при близком рассмотрении вызывало недоумение: высокое крыльцо из каслинского литья, железные ставни, железная дверь и... забор из сетки — рабицы, причем только со стороны улицы, с ржавой, покосившейся калиткой, сильно смахивающей на спинку железной кровати времен НЭПа, закрывающейся на проволоку.

Неухоженный участок, заросший сорняками, плавно переходил в лесной массив, не имея четкой границы. Правда Мишка божился, что где-то там вбиты колышки, обозначающие ее, но, сколько их ни искали, найти не могли: то ли сгнили за давностью лет, то ли нечисть утащила для своей надобности — осталось загадкой.

По разумению Алены, только очень больной на голову человек, мог купить в этих местах дачу. Леса глухие, до трассы километров десять-пятнадцать, в поселке семей восемь и те после шести вечера из дома ни на шаг. Ни магазинов, ни почты, ни иных благ цивилизации, если не считать электричества. Вода в колодце, удобства на улице, двенадцать соток неухоженной земли и несуразная домина — кому как, а для Алены несчастье и весьма сомнительное удовольствие.

Однако, другие так не считали и бурно радовались встрече с чудом архитектурного мастерства. Фольксваген, старенькая ‘волга’, и две ‘девятки’ въехали во двор и встали в ряд на краю леса. Дверцы открылись и 10 любителей экстрима выскочили на волю, буйно ликуя и восторгаясь красотой природы.

Сокол, неуклюже переступая, взобрался на крыльцо, отпер железную дверь, толкнул ее и исчез в недрах домика.

Алена передернула плечами: ‘Бункер Мюллера’, как она прозвала Мишкину дачку, навевал на нее безотчетную тревогу и устрашал своим нелепым видом: железные ставни при готическом стиле — изыск, по ее мнению, чрезмерный.

Сергей привозил ее сюда раз десять, не меньше, и каждый раз ей становилось не по себе, как только она видела острые шпили и мордочки диковинных животных неизвестной породы на крыше, угрожающе урчащий лес вокруг и окружающее, прямо таки удручающее запустение.

Это место напоминало ей декорации к фильму ужасов и, казалось, что рано или поздно здесь произойдет какое-нибудь леденящее душу событие: то ли Джек-Потрошитель объявится, то ли парочка оборотней на огонек заглянет, то ли вампир из колодца вылезет, с

горячим приветом из нижнего царства.

И кто этот поселок ‘Лесным ‘ назвал, а подобный склеп — дачей? Вот бы узнать да дедушке Фрейду стукнуть: потер бы он ручки от радости — наш клиент!

— Ну, не сердись, Аленушка. Во вторник в кабак сходим, — заискивающе заглядывая в глаза любимой, сказал Сергей.

‘И причем тут кабак?’ — выгнула бровь та и вылезла из машины.

Она протопала по вялым сорнякам к дому, старательно обходя заросли дикой малины и пару унылых яблоневого саженцев, радуясь тому, что этот богом забытый уголок Руси не лишился лампочки Ильича за время их отсутствия: Миша уже включил свет в доме, ставни открыл и стоял на крыльце, как Милляр ^[2] в ожидании любимого тулупчика.

— Экзотика, блин! — недовольно сморщилась Марьяна, оглядывая унылый пейзаж справа от ‘блиндажа’: покосившаяся от тоски и одиночества, деревянная конура, эксклюзивный клозет им. Графа Дракулы в окружении десятка хворостин — помороженной еще в прошлую зиму вишни, но так и не выкорчеванной. На остальной территории благополучно разрастался сорняк: полынь, репейник, лопух, одуванчик и прочая неприхотливая растительность.

— Глухомань, милочка, — пожалала плечами Алена и затопала по крыльцу. — Советую в дом зайти, интерьер впечатлит еще больше, обещаю.

Внутреннее убранство дома действительно впечатляло.

Прихожей в Мишкином домике не было, какходишь, так сразу оказываешься в огромной комнате, приспособленной под кухню. Темно-красный абажур под потолком отбрасывал бардовые тени, превращая убранство комнаты в сюрреалистическую картинку. Стены с выцветшими обоями увешаны африканскими масками, репродукциями в стиле Вилладжо, китайскими колокольчиками под потолком, старинным оружием, отобранном, наверное, у самого Алеши Поповича: бугристая дубинка устрашающих размеров, пара кортиков, и шикарный, старинный меч в ножнах.

В углу, у входа, фигурка балерины из каслинского литья, причем в человеческий рост. Сокол ее под вешалку приспособил. Под деревянной лестницей, кем-то особо помешанным, масляной краской, прямо на обоях, был нарисован огромный глаз, видимо взятый из учебника по Древнему Египту, и смотрел на всех входящих с подозрением и насмешкой, бросая в дрожь неискушенных материалистов своей реалистичностью.

Мягкий уголок, большой стол, кухонный гарнитур — все это сейчас было завалено коробками с провизией, которые прибывали и прибывали.

Алена хмыкнула, вспомнив свои скромные три кило картошки, тяпнутые из родительских закровов.

— Что Саню не взяла? — грянул над ухом Макс, обнимая ящик мартини.

Алена пожалала плечами: ‘Саша бы ‘застрелился’ через час пребывания в этих хоромах’.

Макса отпихнули еще одной коробкой, и ответ не понадобился.

Марьяна вжалась в стену, у входа, и стояла ни жива, ни мертва, с ужасом поглядывая на странную публику, замысловатый интерьер и количество съестных и спиртных запасов. Ворковская ее прекрасно понимала: здоровенные, высоченные парни с коробками наперевес — впечатляет, веселая суета и количество провизии, на один килограмм тела присутствующих — настораживает, а раритетные экспонаты, развешанные и раскиданные по комнате — обескураживают. Особенно — бивень, валяющийся на столе меж пакетами с овощами, и полочки, заставленные всевозможными фигурками, от нэцке, до фарфоровых

статуэток, не иначе еще царской работы.

Алена подозревала, что Мишка, проживая в городе, в тесной полуторке хрущевских времен, с хлипкой дверью прессовка&картон, перетащил сюда все особо ценные вещи, под бдительное око барабашек, леших и инопланетян, которые бесспорно водились в здешних местах в большем количестве, чем криминальные элементы.

— Ну, чего под обои косишь? Проходи, — протолкнула Марьяну Олеся.

Та несмело шагнула, плюхнулась на табурет у входа в другую комнату, да так и застыла, как примороженная, глаза, то ли от страха, то ли от изумления, размером с блюдца.

— Да не бойся ты, уфологи люди смирные. Это поначалу чудно, привыкнешь, — Подбодрила ее Алена и пошла подругам помогать — продукты сортировать, какие в холодильник, какие в стол, какие сейчас на стол, а излишки горячительного под сиденье кухонного углового дивана.

Шато, черноусый, черноглазый грузин, уже спорил с Соколом и Славкой Медяниковым, вечно всем недовольным атлетом, фанатом бодибилдинга и тренером в институте физической культуры, по поводу целесообразности затевать шашлыки сейчас, когда впереди два выходных, а мясо в десятилитровом ведре еще не дошло до нужной, по его мнению, кондиции. В конце концов, Мишка на правах хозяина постановил, что шашлыку быть сегодня:

— Душа праздника требует! Завтра в город сгоняем — еще мяса привезем.

— Сдурел? У меня в багажнике еще ведро! — взвыл Славка. — В вегетарианстве переходить надо!

— Э-э, я что, баран, да? — насупился Шато.

Мишка время не терял и начал нанизывать сочные куски на шампура, скинув мешавший бивень на колени Марьяны.

— Слушай, иди, да?! Сам! — попытался отпихнуть торопыгу грузин. — Мясо — дело мужское, один рука нужен!

— А я что, по-твоему, на Шуру смахиваю? — грозно сдвинул брови Сокол.

— Зачем? — неподдельно удивился Шато.

— А не рано шашлык затеваете, мужики? Углей-то нет, — встряла Маша, миловидная шатенка 22 лет от роду, с рысьими глазами.

— В самый раз, солнышко, — чмокнул ее в щечку Дима, ее законный супруг и сказочно красивый брюнет, стащив из-под носа благоверной пару конфет.

— Димка! — тут же шлепнула его по руке возмущенная супруга.

— Все, все! — примиряюще развел тот руками, скорчил покаянную гримасу и отвернулся, чтоб беспрепятственно запихнуть в рот вожаделенную конфету.

Аленка с легкой укоризненной смотрела, как Сергей и Максим складывают под диван бутылки с виски, и вздохнула:

— Упьетесь.

— Что ты, Аленушка, на три дня ведь, — проблеял Мальцев, преданно заглядывая ей в глаза.

— На два, — уточнила она, пытаясь выглядеть грозной.

— Ну, на два, — не стал спорить тот.

— Я не понял, а кто костер разводить будет? — возник в проеме входной двери еще один 'уфолог' — Артем Корельский или попросту — 'Карел Готт'. Очень он на знаменитого чехословацкого певца похож был, внешне. — Сокол, куда дрова дел? Опять в лес идти?

Парня развернули и вытолкали во двор, показывать, где дрова лежат. Макс закрыл диван, сел, засунул в рот стебель укропа, взял гитару и дурным голосом заорал:

— ‘Не кочегары мы, не плотники — да! А мы монтажники, высотники — да!...’

Алена села напротив него, обвела унылым взглядом компанию и тяжело вздохнула: умела бы она говорить ‘нет’, сидела бы сейчас дома и спокойно читала Шелдона, попивая кофе. И конспекты, кстати, переписать бы успела...

К десяти вечера, ночная тьма плотным покрывалом окутывала поселок.

Шумная компания разместилась во дворе, вокруг костра и разрывала тишину своим гомоном. Шашлыки, мастерски приготовленные Шато, благополучно исчезали. Запасы мартини неуклонно стремились к завершению. Сытый Макс ‘на гора’ выдавал одну песню за другой, смешивая репертуар Митяева и Розенбаума со своим собственным.

Мишка стоял, как глыба неизвестной породы, возвышаясь над костром, и с рыком снимал зубами куски мяса с шампура. Марьяна, сидя на бревне с бокалом спиртного, во все глаза смотрела на голодного великана. Шато косился на армянку, старательно подливал мартини и пытался переключить ее внимание на себя — горячего грузинского парня.

Маша, в заботливых объятьях Димы, вторила Максиму, и неувядающе: ‘Солнышко лесное’, несло над местечком, сотрясая холодный, вечерний, сентябрьский воздух. Артем, Славка и Костик Загудало, низкорослый крепыш с генами дружественной Украины в третьем поколении, лежали невдалеке от костра на старых ватниках и, тыкая в небо пальцами, о чем-то спорили в полголоса.

— Не озябла, Аленушка? — озаботился Серега и обнял подругу, накрыв ее плечи своей курткой. Алена благодарно вдохнула, прижалась к нему и уставилась в звездное небо над головой.

— А где обещанное НЛО? — спросила Марьяна, кокетливо поведя необъятными плечиками.

— Э! Рано, да?! Мало выпили, — ответил Шато, подливая ей мартини.

— Они ночью появляются, часа в два, — с серьезным видом заметил Мишка.

— Прямо здесь? — округлила глаза Марьяна.

— Да, на опушке, — подсел в круг Артем.

— А вы видели? — заинтересовалась та.

— Конечно!

— Ой, мамочки! Страшные?

— Нет, хотя с непривычки... — и братья-уфологи, учув благодарного слушателя, начали активно вешать неискушенной армянке лапшу на уши.

Алена прикрыла глаза, пригревшись у груди Мальцева.

— Устала? — спросил Серега, косясь на нее.

— Немного. День какой-то суетный, да и вообще неделька не задалась.

— Может, спать пойдём?

— Нет, давай еще посидим.

—это научно доказанный факт!

— Мало ли ненормальных?..

—..Это я ненормальный?!

—..а факты? Про это уже столько писали, что ваш скептицизм, юноша, как бы это помягче выразиться... — надрывались уфологии.

— Слушай, Сереж, я все понять не могу, как взрослые люди, состоявшиеся мужчины верят во всю эту чепуху?

— ‘Есть многое на свете, друг Гораций...’

Этот ответ не удовлетворил Алену, и она громко спросила, обратившись к собравшимся:

— Ребята, а кто-нибудь из вас видел живого инопланетянина? Сам? Своими глазами?

Над костром повисла тишина и вдруг, Славка поднялся, шагнул к огню и брякнул, обводя друзей покаянным взглядом:

— Я видел.

— Когда? — обалдел Сокол, на минуту забыв про шашлык.

— Здесь. В августе.

— И какие они? — спросила Марьяна, а друзья переглянулись недоверчиво и загалдели:

— Почему, нам не сказал?..

—..Ну, чего пристали, дайте ему рассказать!..

—..Где видел-то?!..

— ...еще друг называется...

— Да праздник еще какой-то был, мы в лес пошли..

— А-а-а, это тогда, — разочарованно протянул Макс и опять обнял гитару.

— А я все гадал, чего он зеленый такой? Перепил что ли? — поскреб затылок Мишка.

— Так мы с тобой же ходили! Я никого не видел, — озаботился Артем.

— Я ... действительно их видел, — у парня даже голос сел, и у костра затихли. —

Я...отстал тогда и заплутал немного. Ходил, ходил, потом смотрю, огонек вроде, ну и подумал — вы. Рванул на радостях, а там...Не знаю,... люди как люди, только одежда странная и лица словно восковые, неестественные, костюмы еще ...и штучки у поясов, как пейджеры, только светятся... Я и не помню, чтоб так пугался... как тогда. В общем, развернулся на ходу и деру, куда глаза глядят, лишь бы подальше. А в голове бьется — уходи, уходи, быстрее,... Не знаю, может, спасся, может, наоборот ... Только, как вас увидел, почувствовал такое облегчение: все, жив, думаю! А вам сказать... стыдно, в общем! Испугался, драпанул, как заяц...Вот и промолчал.

— Точно, на людей похожи?

—..Надо было сказать! Мы бы их мигом скрутили, пообщались...

—..Да перепил, вот и почудилось...

— Да не пили мы!

— А я все равно не верю, — заявила Алена, и ребята, смолкнув, недоуменно уставились на нее.

— Как можно не верить, отрицать очевидное? — возмутился Артем.

— А вот так! Не верю и все! Злобные гуманоиды, летающие тарелки... Бред! Это из области фантастики, а в жизни все проще. Наверняка есть масса научных объяснений этому явлению, может параллельные миры или что-нибудь в этом роде..

— Твоя мысль не нова.

— А истина где-то рядом, — усмехнулся Макс.

— Да нет, она в чем-то права. Те, кого Слава видел, не похожи на гуманоидов...

— А ты знаешь какие они?

— А я слышала, что инопланетяне наших женщин воруют и насилуют... — выдала Марьяна и тут же притихла, сообразив, что сказала.

— Ага, вот радость-то! Что вас насиловать-то... — скривился презрительно Макс, и

заработал от Олеси внушительную плюху.

— Если есть мы, значит, есть и еще кто-то или что-то разумное. Мы не можем существовать в одиночестве — это законы бытия. Ничего не существует в единичном экземпляре, даже бог имеет свой антипод. Любое начало — двойственно, — глубокомысленно изрек Дима.

— Не знаю, — пожалала плечами Алена, — я допускаю мысль, что мы не одни во вселенной, но злобных гуманоидов отрицаю категорически. Зачем им лететь сюда? Тем более, если это настолько высокоразвитая цивилизация, что способна добраться до какой-то Земли, преодолев миллионы световых лет или там, парсек?

— Может, им здесь медом намазано? Да и кто говорит, что они злобные? Может милейшие существа... — пробасил Костик.

— ...Как гремлины...

— Да все намного тривиальнее — природные ресурсы. Мы столько тысячелетий обитаем на Земле, но до сих пор до конца не выяснили, чем обладаем, — изрек Слава.

— Каково уж знать, что у тебя под ногами, если 99 % населения, не задумывается над тем, что у них в голове, — выдал самый неприметный из всей компании Вова Крёз. Нет, богатым финансовым магнатом он не был, а вот обширнейшими знаниями во многих областях обладал, что, слава богу, ценилось данным обществом больше, чем высокое материальное положение, к тому же работал Вова, ни много ни мало, парапсихологом в местной фирме 'Анжилон' и фамилию имел соответствующую — Крезон. Вот и прозвали Владимира Крезона — Крёмом.

Он вечно витал в облаках и был, как говорят, не от мира сего. С точки зрения Ворковской, больше был похож на полного сразу, чем на Креза, но против общества не пойдешь и кличка намертво прилипла к его сублильной, лысеющей от переизбытка знаний личности.

— Вы знаете, в последнее время я склоняюсь к мысли, что предмет пристального внимания инопланетного разума является непосредственно само человечество, а не природные ресурсы, коими мы обладаем, — тихим голосом заметил Крез, задумчиво поглядывая на жидкость в граненом стакане, зажатом в его аристократических пальчиках.

— На что ты намекаешь? — озадачился Артем.

— Мы имеем очень мало данных о встречах с НЛО и гуманоидами в начале прошлого века, в пятидесятые... Они есть, конечно, но! К началу этого века произошел просто обвал подобных встреч, а количество очевидцев, контактов и контактеров столь велико, что уже трудно закрывать на этот факт глаза любому скептику. Однако,стораживает другое — параллельно количеству контактов растет и количество исчезнувших без следа. Возьмите статистику по тому и другому вопросу, сравните, и вывод станет очевидным.

— Ты считаешь, они забирают к себе?.. — озаботилась Маша и ткнула пальцем в небо.

— Ты думаешь, они готовятся к нападению, собирают информацию? — спросил Артем.

— Из чего следует данный вывод? Ни факт первое и ни факт второе. Не суди с точки зрения агрессивного человечества, фактов подтверждающих, что их менталитет подобен нашему — нет, — заметил Миша.

— А, по-моему, это логично, если следовать теории биполярности, — подал голос Дмитрий.

— В смысле: мы белые и пушистые, а они черные и гадкие? — прищурился Макс.

— Я вообще-то говорил о другом, ...о нашей действительности.

— Интересно, получается, говоришь о законах мироздания, но действуют они в каком-то определенном отрезке времени и места. Это ведь не математическая теорема, не юридический закон, а всеобъемлющий. Он либо есть, либо его нет, но действовать избирательно он не может, это не логично. По-моему ты узко мыслишь, — вставила Алена.

— Нет, Алена, я мыслю, как обычный хомо сапиенс, забитый в рамки социума, — парировал Дима.

— Вот он диктует тебе свои правила и взгляды, а они могут оказаться далекими от истины, — сказала Маша.

— Я просто высказал свою точку зрения. Я не гений, как Крёз и не могу объять необъятное! Вполне естественно, что некоторые вещи ускользают от меня. И потом, что вы ко мне-то привязались? Вон к Крёзу все вопросы.

— Ну, в этом ты не одинок, в смысле ускользания мысли, — заметил Слава.

— Но я же пытаюсь понять..

— И как успехи?

— А Крез в чем-то прав, я тоже слышал, что статистика пропавших без вести устрашающе высока ...

— Ерунда — криминал...

— Не все так просто ... — загалдели опять братья-уфологи.

Алену всегда утомляли пустые споры, и она перестала обращать внимание на ребят, переключилась на звезды, пытаясь увидеть хоть одну падающую и загадать желание. Впрочем, с желаниями, как и с падающими звездами, было плохо: из банальных — поспать, из глобальных — встретить, наконец, того сероглазого из снов и поставить точку на детских иллюзиях. А может его и нет в природе? А может и есть, только не так хорош в жизни, как во сне?..

Не очень яркая звезда сорвалась с места и стремительно полетела вниз, как раз тогда, когда Алена из десятка желаний пыталась сформулировать одно: 'Хочу встретить его. Нет, хочу увидеть его. Нет, хочу за него замуж... Нет, хочу влюбиться и быть любимой!.. Хочу, чтоб мой будущий муж оказался красив, как тот сероглазый, умен как академик, напорист, богат и независим, смел, силен и востроглаз, как ирокез, любил бы меня, как Эдвард Рочестер свою Джейн Эйр и..'

Звезда скользнула в темноту и растворилась без следа, а Алена, так и не заметив ее, улыбнулась собственным мыслям: 'Вам, девушка, как в том анекдоте, Иван Абрамович Чингачгук требуется! Наверное, прав Саша: хватит в облаках летать. Сережа во всех отношениях прекрасный человек, а любовь... может, я вообще любить не умею? Бывает ведь такое?' — Алена покосилась на суженного: 'Главное он меня любит'...

Девушка крепче прижалась к Сергею, потерлась щекой о плечо и, заглядывая в глаза, попросила, решившись, наконец:

— Сереженька, позови меня замуж, а?

Тот растерянно похлопал ресницами, недоверчиво косясь на нее, и настороженно протянул:

— Ну... зову..

— Да не 'зову', а по-другому — романтично!

— Без проблем! — бодро гаркнул он, дошло, видимо, что она не шутит и, вскочив, скрылся в темноте, оставив Алену в недоумении.

Через пару минут Мальцев уже стоял перед ней на коленях с охапкой полыни и с

придыханием изливал собственную версию романтического предложения руки и сердца:

— Нижайше прошу Вас, жестокосердная леди, принять сей скромный дар, а с ним мое горячее сердце и твердую руку, дабы пойти по жизни рядом, делить радость и печаль... Короче, Аленушка, любимая, будь моей женой, а?!

Над костром грянули аплодисменты и бурные завывания в честь молодых. Алена снисходительно улыбнулась и, присев в театральном реверансе, приняла охапку вялой полыни.

— Я согласна, мессир рыцарь. Обязуюсь стирать вам носки, печь пироги, пичкать колдактом в эпидемический период и тратить ваши кровные на благо семейного интерьера!

— ‘Ах, свадьба, свадьба, свадьба в жизни только раз, может два, а может три, но это не для нас..’ — тут же взвыл Макс.

Компания начала шумно поздравлять молодых, перекрикивая друг друга:

— Наконец-то! — взвопила Олеся, подпрыгивая от восторга.

—..Ох, и свадебку закатым!

—..Молодцы ребята!

—..Дай пять, жених!

—..Опередил, Серега.

— Чур, здесь торжество устраивать! — пробасил Мишка.

— Чокнутый? — взвизгнула Олеся.

— Аленушка, — пропел любимый и обнял девушку, ткнувшись от переизбытка чувств ей в плечо. Ворковская только вздохнула — каблуки на свадьбу не одеть, Сережа ростом с Алёну, разница в два сантиметра, куда каблуки?

А вокруг, бурно радовались счастью молодых, наперебой обсуждая предстоящее событие. Мужчины, сбегали за дополнительной порцией мартини, прихватив и пару бутылок виски, на всякий случай, и уже разливали горячительное по стаканам. Темпераментный Шато толкал длинный грузинский тост на тему любви и дружбы между особями разного пола. Сергей, то и дело встряхиваемый братьями-уфологами, залпом выпил стакан и, спешно вывернувшись из медвежьих объятий Сокола, пристроился за спиной Алены, обхватив ее за плечи:

— Не передумаешь, милая? — тихо спросил он, настороженно заглядывая ей в лицо.

— Не передумаю, — буркнула девушка, отчего-то загрузив.

— Ты не пожалеешь! Ты же знаешь — я все для тебя сделаю! Мы в понедельник заявление подадим, две недели ведь нам хватит на приготовления? Квартиру надо найти, чтоб тебе до института не далеко было и надо будет тебе на права сдавать... В общем, придумаю. Во вторник свататься приду.

— Зачем?

— Так положено, Аленушка, твоих надо в известность поставить и обсудить все. Где будем праздновать?

— Не знаю, мне все равно.

— Как это ‘все равно’? — услышала Олеся и не преминула влезть. Алена недовольно посмотрела на нее: тебе-то что?

— А где медовый месяц планируете провести? — спросила Маша.

— Езжайте на Канары! Солнце, песок, море, — размечталась Марьяна.

—..Да сдались им эти Канары! У нас на Руси хороших мест мало?

—..И какие?

—..Аркаим, Пермский треугольник, ...

— ... Ты что городишь-соображаешь?

—..Ее замуж зовут, а не инопланетян ловить и аномальные зоны изучать! Совсем спятили!

— ...Совместят приятное с полезным. Зато экзотика.

—..Какая экзотика, в баню!

— А мы с Димой, в Питер ездили. Не город- сказка!

— На костях построен!

—..Ну, и при чем тут кости?

—..Можно подумать, это принижает его достоинство. Наш тоже на чем-то построен.

—..На болоте.

— ...А что? На болоте в палатке — кайф! Ни тебе благ цивилизации, ни соседей, ни знакомых, а то ведь замучают советами...

— ...Ага, комары, лягушки и жуткий холод...

—..Совсем сдурели? В белом платье и на болоте? Это у кого такая фантазия буйная? У кикимор инфаркт случится!

— ...От зависти.

— ...От дурости человеческой!..

— Ша!!! Батько говорить будет! — заорал Мишка перекрывая дружеский гомон. — Пущай свой медовый месяц проводят, как посчитают нужным, а свадьбу здесь справить предлагаю. Места хватит.

— Сокол, ты чокнулся! В твоём замке Баскервиллей, только поминки устраивать можно, — заметил Дима.

— Обижаешь?! — тут же взревел Миша в притворном гневе. — Чем тебе моя домущечка не гарна?! Да я здесь роту размещу и ни об кого не запнусь! А ты в своей хрущёвке о хвост кота запинаешься, в сортир без членовредительства пройти не можешь! Слова громко не скажешь — у соседей шпукатурка сыпется! А здесь — воля! Ори — не хочу, гуляй хоть до второго пришествия, хоть дивизию на раут приглашай — раздолье!

— Мишаня, кончай людей на глупости подбивать!

— Лучше в ресторане. 'Азия' вон — вполне приличное место.

— Да, на фига эти массовые попойки с мордобоем и выносом тел нужны?...

— По себе людей не судят.

—..Да? А не ты ли нам, змей, на свадьбе бедлам устроил...

—..Ну, все, поехали...

—..А мы им романтическую свадебку устроим.

Алена вздохнула и искренне пожалела, что устроила подобный бардак. Ну, что, спрашивается, два дня не подождала? Дома бы, без свидетелей, все решили.

Вот ведь потянул черт за язык.

— За любовь! — взвизгнула Марьяна и сунула Алене стакан с мартини.

— Э, не так, да? — выгнул пальцы Шато и выдал десятиминутный тост, из которого следовало, что Мальцев в принципе больше никогда ни на кого не посмотрит, потому что уже умер от любви. За этим тостом последовали другие, короче, потом еще и еще.

Запасы мартини и виски таяли на глазах, и слет уфологов плавно перешел в съезд бухологов, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

К часу ночи все основательно нарезались и уже не помнили, за что, собственно, пили.

Мишка, пристроив свое брненное тело у колодца, сотрясал листья лопуха и распугивал ночных насекомых в радиусе трех метров своим жутким храпом. Славка толкал затухающему костру идею вселенского братства, салютуя отобранном у Маши бокалом. Артем с Сергеем спорили — кто из них больше любит Алену и соответственно женится на ней, начисто забыв о ее присутствии. Макс с Олесей, завывая, как Витас со сводным хором работников милиции, выдавали частушки из репертуара Балаган-лимитед. Марьяна, пьяно икая и размазывая водостойкую тушь по лицу, жалилась Шато на свою загубленную девичью жизнь и клялась, что она — грузинка в третьем поколении. На что тот отвечал односложно:

— Вышьем, да?

Димка спорил с Машей о происхождении женской 'сучности' и рисковал получить в лоб пустой бутылкой из-под горячительного. Крез спал в машине, свернувшись калачиком на заднем сиденье. Костик, как самый умный, отполз в дом и, по — медитировал на бутылку виски, заснул прямо на лестнице, с трепетом обнимая одной рукой пустую тару, другой — знаменитый бивень..

Алена, выпив за этот вечер свою годовую норму — полбутылки мартини, опьянела настолько, что с легкостью поддалась уговором охрипшей от сольного выступления Олеси сходить в лес и пригласить на бракосочетание Ворковской и Мальцева парочку пришельцев из другой галактики.

Для храбрости и остроты ощущений, юные любительницы экстрима приложились к бутылке 'Смирнофф', позаимствованной Максом из бардачка крезовской машины прямо из-под носа хозяина. Водка, смешавшись в хрупком студенческом организме с мартини, сделала свое черное дело, и погнала их навстречу приключениям.

Дури, которой хватало и в трезвом виде, больше ничто не препятствовало, и девушки, максимально, с их точки зрения, замаскировавшись под инопланетян: Олеся нацепила африканскую маску на физиономию, накинула на плечи белую простынь и стала больше похожа на шизанутое, умершее, от осмотра самого себя в зеркале, привидение. Алена накинула китайский дождевик ярко красного цвета, выуженный из недр кухонного столика, соорудила веночек из повядшей полыни, надела его на голову и ринулась в лес, под ручку с Олесей, в сопровождении вездесущего Макса. Он, в отличие от девушек, не мудрствовал, и пошел во главе делегации, как истинный гражданин России — с бутылкой под мышкой, фонариком в зубах и гитарой наперевес: простенько и со вкусом.

Процессия отважно устремилась в чащу, навстречу инопланетному разуму, под лихие аккорды: 'Батяня — комбат'

Последнее, что запомнила Алена — пузатая бутылка в руке и шершавая сосновая кора перед носом. Сосна ни в какую не желала разделить ее радость по поводу окончания поры девичества, на что Ворковская несказанно обиделась и легла спать прямо на землю, у ее корней, удобно пристроив голову на веночек из многострадальной полыни.

Пробуждение было жутким. Холод пронизывал до костей, заставляя даже серое мозговое вещество трястись в ознобе. Кругом было тихо, темно и сыро.

Жутчайшее состояние похмелья, с которым Алене, дожив до 20 лет, удалось благополучно избежать близкого знакомства, терзало каждую клеточку неискушенного организма. Продираясь сквозь похмельный туман и головную боль, в закоулках сознания возник первый вопрос: где я? А затем второй: что здесь делают сосны? Минут десять ушло на то, чтобы сфокусировать взгляд на близстоящем стволе дерева, минут пятнадцать на то, что бы подняться с мокрых, холодных еловых иголок и мха, преодолевая дурноту и проклиная изготовителей винно-водочной продукции.

Алена потерла лицо ладонями, поежилась и попыталась сообразить, где находится. В памяти клубился туман и стойко хранил секрет ее недавних передвижений, зато выдал 'на гора' предысторию похода в лес. Тишина, стоящая вокруг, вкупе с кромешной тьмой, производила устрашающий эффект вакуума, но Алена даже не обратила на это внимание — не протрезвевший разум потерял не только способность соображать, но и бояться, однако, некоторые провалы в памяти не смягчали негативных эмоций по поводу дружеских отношений, а также рождали глубокое неудовлетворение поведением некоторых персон.

Почему Олеся ее оставила? Где Макс? И где, черт возьми, влюбленный жених?!

Алена, шатаясь, побрела меж сосен, пытаясь найти какой-нибудь ориентир. Но это не удавалось, глаза то слипались, то откровенно косили. И девушка просто тупо шагала, переставляя негнущиеся ноги, как китайская кукла — барби, радуясь хотя бы тому, что не разучилась ходить. А значит, рано или поздно, куда-нибудь придет и, в итоге, встретится с братьями-уфологами, расскажет им биографию их гуманоидовой матери и обозначит их место проживания на ближайшую пятилетку — в местах глухих и столь же отдаленных, как эти.

И дернул же ее нечистый за язык, позвать бухологов на встречу с вселенским разумом! В итоге чужой не нашла, а свой потеряла — корми теперь комаров и обнимайся с 'Колотун-ага'. Зубы Алены клацали от холода так, что шишки с сосен падали.

Ворковская вспомнила все ругательства, какие узнала или услышала за свою недолгую жизнь. Скучного запаса хватило минут на пятнадцать, и она пошла по второму кругу, образуя прилагательные, глаголы и словосочетания из пройденного материала, и, хоть это занятие не давало заснуть и замерзнуть окончательно, к сожалению, новообразованные эпитеты не удовлетворяли и не отображали в полной мере переполнявшие ее эмоций.

Она понятия не имела, сколько времени бредет по лесу, распугивая его немногочисленных жителейбряканьем своих челюстей, но отчего-то казалось — долго. Однообразный пейзаж окончательно ее утомил, запас ругательств иссяк, остатки алкогольных паров быстро выветривались и только холод все сильнее и настойчивее пробирался в многострадальный организм, заставляя подпрыгивать девушку, как Мягкова из 'Иронии судьбы или с легким паром', выдавая трепетную дробь — 'надо меньше пить, пить надо меньше..'

Когда вдали замаячил тусклый огонек, Алена приняла его за костерок братьев-бухологов, и припустила со всех ног, придумывая на ходу вендетту своим бессердечным друзьям.

Она на бегу стянула с волос резинку, сняла дождевик, оставшись в светлом свитере и джинсах, и, выпучив глаза, страшно оскалившись, размахивая красной накидкой, как знаменем гвардейской дивизии, с диким воем вылетела к огоньку, желая произвести эффект внезапности, и, хоть на минуту, испугать бессовестных бухологов, оставивших бедную девушку в глухом лесу.

Но, то ли сослепу, то ли спьяну, Алена не разглядела, что мерцающий огонек — вовсе не костер, и, лишь вылетев на поляну в диком виде, поняла свою ошибку и, словно споткнувшись, резко смолкла, застыла и уставилась на странную картинку, открывшуюся взору, не столько со страхом, сколько с глубочайшим изумлением. Алена хлопнула ресницами и открыла рот от удивления.

Свет шел не от костра, а исходил из какой-то странной штуки, напоминающей высокий, метра полтора, цилиндрический аквариум, диаметром метра два, наполненный голубоватой светящейся и пузырящейся жидкостью. Сверху была плоская крышечка, которая мерцала и переливалась, как новогодняя гирлянда в темноте, и при этом не издавала и звука. Рядом со странным аппаратом, стояло три человека в абсолютно одинаковой одежде — серебристых комбинезонах, застегнутых под горло, и с широкими темными поясами, на которых мигали какие-то, очень похожие на пейджер, приспособления.

Этих троих можно было разглядеть в отсвете мерцающего огня, как при ярком дневном свете, и вид их девушку не порадовал. Один, невысокий, щуплый, с ежиком светлых волос и большими голубыми глазами на восковидном лице, еще походил на человека, а вот двое других — нет. Они были похожи на роботов: совершенно одинаковые фигуры, не высокие, но широкоплечие и устрашающе крепкие, поза солдат срочной службы, застывших по команде ‘смирно!’, одна на двоих. И лица близнецов — неестественно тяжелые челюсти, тонкие губы и ежик темных волос над узким лбом — все это одно на двоих.

Эта картинка чем-то напомнила Алене кадры из немногочисленных фантастических фильмов про инопланетян, просмотренных ею в детстве. Она тут же вспомнила рассказ Славки и почувствовала тревогу. Ноги сами начали движение в сторону леса. Алена мелкими шажками начала отступать, еще не поворачиваясь спиной к этим ‘чудикам’, готовая в любой момент сорваться и нестись со всех ног от них подальше.

Странные люди лишь смотрели на нее с любопытством и не делали никаких движений. Вернее, смотрел голубоглазый, а двое других просто стояли рядом с ним с тупыми, каменными лицами и столь же тупыми взглядами абсолютно пустых темных глаз.

Ворковская уже вознамерилась поблагодарить бога за спасение и развернуться в сторону леса, как на что-то наткнулась спиной и вскрикнула от неожиданности. Чья-то ладонь тут же легла ей на губы, а другая рука крепко сжала в объятиях, перехватив через предплечья:

— Тихо! — осек крик Алены властный, мужской голос над ухом. Она покосилась на его обладателя и заскулила от страха, пытаясь вырваться. Вид мужчины навевал тоску: черные, как уголь, равнодушные глаза, короткие, темные волосы, строгое лицо неестественно серого цвета с бороздками морщин.

— Я сказал: тихо! — разжал он тонкие губы.

— Вэрэн, эйси лой. ^[3] — произнес голубоглазый надтреснутым голосом.

Непонятные слова еще больше испугали Алenu, и она забилась в стальных объятиях черноглазого. Секунда, и тот резко наклонил ее вперед, заведя руки за спину, и что-то широкое, твердое и тяжелое, словно наручники, сцепило запястья вместе — не развести. Еще

секунда, толчок, и она полетела вперед, чуть не впечатавшись лицом в странный ‘аквариум’.

— Бесто лой! Нэ фелимэ! ^[4]

‘Нужно бежать и кричать!’ — забилося в голове Ворковской, и она, обезумев от страха, рванула что есть сил в сторону леса, но пролетела лишь пару шагов. Кто-то безжалостно толкнул ее в спину, и девушка с треском впечаталась плечом в ствол сосны. Из глаз тут же брызнули слезы — боль врезалась в тело, слепя сознание, и она, обессилев, рухнула на землю.

Ее молча подняли и потащили куда-то. Алена преодолевая боль и ужас, пыталась орать, брыкаться, но на двух ‘близнецов’- роботов, вцепившихся в ее плечи с двух сторон, как плоскогубцы, это не произвело впечатления. Она была, как кузнечик, накрытый стеклянной банкой — сколько ни бейся — не перевернуть, не выбраться на свободу. Эти двое с равнодушными, застывшими лицами тащили ее, бог знает куда, как коробку с тортом — бережно, но надежно, не обращая внимание на завывания жертвы, дикие крики и удары ногами не больше, чем на спутник, летящий в темном небе над их головами.

— Помогите!! — орала Алена. — На помощь!! Отпустите меня!! Отпустите сейчас же!!!

И вдруг смолкла, мгновенно онемев оттого, что увидела.

На небольшой поляне, занимая все пространство от края до края, на фоне темно-синего неба и темных пятен деревьев, высилась ирреальная, фантастическая платформа с цилиндрическим куполом и мерцала по краям сине-зеленым тусклым светом, словно подмигивала. Она напоминала Алене космический корабль уменьшенного размера и явно не земного происхождения, что не вязалось с ее материалистическими взглядами на жизнь.

Ее протащили по гладкой, словно отполированной, с матовым отблеском, тонкой на вид, наклонной плоскости вверх, к зияющему проему и втокнули внутрь. Алена, перестав сопротивляться и открыв рот от изумления, крутила головой, осматриваясь округ — будет что рассказать братьям-уфологам при встрече.

Внутри корабля что-то жужжало, то ли под округлым потолком, то ли под решетчатым полом, из-под которого сквозь узкие, вертикальные щелки просачивался неяркий, желтоватый свет. Стены узкого коридорчика, по которому вели Алену, были однотонными, голубоватыми и светились. В конце коридора виднелся серебристый круг с мигающим, разноцветным ободом, к нему девушку и подтащили. Он тут же гостеприимно распахнулся, вернее, распался на острые, на вид, треугольники, мгновенно исчезнувшие в ободу, и обдал троих посетителей белесой густой дымкой без запаха.

Алену втокнули внутрь, в еще один коридор, который по ходу то раздваивался, то растраивался. Все тот же пол решеткой, арочный потолок выложен выпуклыми квадратами, горящими в шахматном порядке. Стены серебристые, странные: не поймешь — то ли из пластика, то ли из неизвестного металла или резины, и ни одной двери, ни одного окна или иллюминатора. Пол и потолок светятся, а стены отсвечивают.

‘Близнецы’ поставили девушку у стены в коридоре и застыли по бокам, не выпуская добычу из своих лап. Алена покосилась сначала на одного, потом на другого и уже вознамерилась спросить — кто придумал этот очаровательный фарс с гуманоидами в главной роли, как гладкая стена, напротив них, бесшумно разверзлась, открыв взору небольшое, полукруглое помещение, напоминающее лабораторию какого-нибудь особо аскетичного ученого.

Светящийся потолок, светящийся пол, хрупкий на вид, похожий на стекло, под которым пустили струю дыма, мерцающие неоновом — серебристые стены и минимум мебели — одна,

единственная кушетка, вернее, ее верхняя часть, висящая прямо в воздухе, абсолютно гладкая, плоская пластина, с приподнятым подголовником.

У кушетки, упираясь в нее ладонями, стоял высокий, не молодой мужчина с грубоватым, надменным лицом, бронзовой кожей, темным ежиком волос и... ярко-желтыми глазами, в которых плескалось откровенное презрение и недовольство.

Такой цвет глаз, скорее естественный для хищника, чем для человека, обескуражил и заставил бы занервничать любого нормального обывателя, но Алена, несмотря на очевидность происходящего, приняла это как знак, объясняющий нелепость ситуации и подтверждающий ее абсурдное предположение, что все случившееся — не очень умная шутка братьев-уфологов.

'Наверняка линзы. У человека таких глаз быть не может', - решила она и, хлопнув ресницами, мило оскалилась, решив подыграть:

— Привет братьям по разуму!

Мужчина оторвался от 'кушетки', выпрямился, сложил руки на груди и, прищурившись, удовлетворенно кивнул:

— Что ж, Вэнс не ошибся. Прекрасный экземпляр, можно сказать — редкий, — медлительным, сладким, как патока, голосом, произнес он на чисто русском языке, что еще больше утвердило Алену в ее догадке.

— Да? Я рада! Вы тоже — ничего. Кому сказать спасибо за прекрасную, красочную постановку? Римейк к звездным войнам? Русский вариант?

Желтоглазый скорчил презрительную гримасу и кивнул 'близнецам':

— Укладывайте на кушетку.

Что они незамедлительно и сделали, несмотря на отчаянное сопротивление девушки и ее возмущенные крики. Алену, буквально за секунду, распяли на этом 'прокрустовом ложе', прижав к нему твердыми, широкими обручами, появившимися неизвестно откуда, как зайцы из шляпы фокусника. Они крепко обхватили лоб девушки, шею, запястья, талию, колени, лодыжки, а главное быстро, надежно и, явно, не для шуток.

От ужаса у нее перехватило дыхание, девушка захрипела и получила укол под нижнюю челюсть. В горле мгновенно похолодело и все мышцы, от носа до груди, намертво заледенели, отказываясь подчиняться хозяйке. Алена больше не могла издать и звука, ей только и оставалось расширенными от ужаса глазами следить за манипуляциями желтоглазого 'ящера'. А тот, холодно-безучастный, отстранено-равнодушный, как патологоанатом на своем 2001 вскрытии, повертел перед ее носом блестящим предметом, похожим на хирургический скальпель с лазерным прицелом, и рассек им плечо. Девушка забилась и скосила глаза — на плече красовалась большая, аккуратная буква 'Т', в середину которой, не обращая внимания на струящуюся кровь 'хирург-садист — экспериментатор' впихивал рифленую, плоскую, голубоватую штучку с тонким стержнем, похожую на пуговицу армейского кителя.

Алена сначала почувствовала жуткую боль, а потом все поплыло перед глазами, закружилось, унося ее в спасительное забытье.

Она открыла глаза и, увидев знакомый, ненавистный серебристый потолок в выпуклый квадратик, нахмурилась. Тело ныло, левое плечо — жгло, но в данный момент это не имело для нее значение, а вот потолок — имел.

Она-то, было, подумала, что все, что произошло — сон, порой кошмарный, порой

причудливый и интересный, но сон, а значит, рано или поздно она проснется. Но эти квадратики над головой лишали ее такой уверенности. ‘Либо я еще не проснулась, либо это не сон’, - пришлось признать Алене, и тревога, объединившись со страхом, приготовили себе местечко в партере души.

Девушка повернула голову и зажмурилась на минуту, внутренне похолодев, потом резко села и тряхнула головой: ‘нет!’ Но что толку кричать — нет, если — да?

Она встала и огляделась. Жуткая действительность оказалась реальнее любого кошмара в стиле ‘Стивен Кинг’ и, как бы Алена ее не отвергала, не желала превращаться в виртуальный вымысел.

Девушка находилась в замкнутом пространстве, в кубической полутемной комнатке в которой не было ни окон, ни дверей, ни мебели, если не считать плоскую серебристую пластину, на которой она лежала пару минут назад, примерно метр на два, парящую прямо в воздухе, у стены. Знакомый пол в решетку, из-под которой струится тусклый, желтоватый свет, знакомый потолок, знакомые стены, словно залитые сначала каучуком, а потом покрашенные серебрянкой — и все это было так же реально и осязаемо, как и боль в плече, на котором сквозь белый материал, похожий на медицинский пластырь, проступала кровавая буква ‘Г’. Так же реально, как изодранный рукав свитера, как испачканные джинсы, как сама Алена.

Девушка нервно забегала по ‘каземату’, всхлипывая, поскуливая, закусывая губы и изо всех сил пытаясь не поддаться панике. Она тщательно прощупала все стены на предмет малейшей лазейки, щелочки, панельки, кнопочки, но они были абсолютно ровными и непроницаемыми, немного шершавыми и теплыми на ощупь, звуконепроницаемыми, пуленепробиваемыми и ногтенепродираемыми, надежными, как банковская система Швейцарии.

Алена забилась в истерике, заколотила кулаками по шероховатой поверхности, заорала, пиная кроссовками то там, то тут немую стену, так и бесновалась, пока руки и ноги не отбила, не охрипла, и, в конце концов, сдалась, заскулила, оседая на пол, заплакала от бессилия, неопределенности и страха.

Она почувствовала себя жуком, помещенным в спичечную коробку, замученным, забытым и закинутым на антресоли. Алена впервые почувствовала угрызения совести оттого, что в детстве ловила всяких букашек-таракашек и собирала их в банки, потом забывала, а они умирали. Теперь ее черед. Детская бездумность и жестокость предъявляли ей счет — плати.

Как часто мы совершаем поступки, даже не предполагая, куда они нас заведут — на самое дно страданий и боли или на вершину счастья и блаженства. Мы, бывает, и предполагаем, высчитываем, взвешиваем и все равно — просчитываемся, и платим, а заплатив один раз, категорически не желаем платить второй и третий, не желая платить — осторожничаем, а осторожничая — перестраховываемся, а перестраховываясь — не доверяем и не верим, а не веря — боимся, в итоге зарабатываем массу комплексов на пустом месте, истинную причину которых забываем с годами или напрочь отрицаем их присутствие в своей личности, из-за того же страха. Так и обрастаем всякими тайными ‘заборчиками’ и ‘гирями’ на шее, как выставочная кошечка медалями, и не желаем с ними расстаться. Это нельзя, то — стыдно, а это — страшно и все равно не по силам, да и поздно, да и надо ли, что подумают, правильно ли поймут?

Алена, раскачиваясь и глотая слезы, скользила взглядом по гладким стенам и снова

подумала: ‘ вот он — ад’. За какие грехи она сюда попала? Как же это она умудрилась так нагрешить за 20-то лет жизни? Что же она не так делала? В чем виновна?

За то, что ленилась чистить зубы на ночь? За то, что Димке Фомину годовую контрольную по алгебре списать не дала, а ему потом пришлось в ‘технар’ вместо десятого класса идти?

За то, что они с Олеськой в восьмом классе фосфором для ногтей в кабинете ботаники скелет выкрасили?.. А потом ботаничку Анну Николаевну чуть инфаркт не хватил, выключила та свет в кабинете и кинула прощальный взгляд в темноту ...зима была, поздний вечер... Ее потом час в учительской валерьянкой отпаивали..

А может, за то, что парней доводила? Костику Соколовскому свидание назначила и не пошла, а он два часа под дождем простоял и потом месяц с бронхитом провалялся... Сережку, как собачку на поводке два года водила, близко не допускала...

‘Бред! Какой бред! Чушь! Ерунда! Да это наверняка братья-уфологии, придурки несчастные, устроили! Решили проучить за скептицизм и неверие в торжество инопланетного разума! А заодно нервишки пощекотать, на силу духа и прочие архаичные атрибуты проверить!’ — у Алены даже слезы высохли от возмущения. Она вскочила и опять заколотила в стены, выкрикивая в пустоту:

— Эй, вы?! Шутники! Хватит издеваться! Выпустите меня сейчас же! Вы, идиоты! Выпустите, слышите! Я вам уши оборву! Я вас придушу! Выпустите меня! Хватит, ребята! Это уже не смешно, слышите?! Придурки, что вы делаете?! Я вам что — подопытный кролик?! Сережа?! Мишка?! Макс?! Ребята!?! Хватит!! Хватит!! Я домой хочу!! Мне страшно! Прекратите сейчас же! Ну, Сережа?! Ну, хватит издеваться над человеком! Ну, все, все!! Верю я в ваших гуманоидов!! И во вселенский разум, в апокалипсис, и в бога, и в черта!!! Выпустите меня!!!

Алена то умоляла, то угрожала, то плакала, то злилась, то билась в стену, то рыдала, то сидела, сжавшись в комочек, но ничего не происходило, ничего не менялось. Она жутко хотела есть, пить, элементарно — в туалет, но ее инквизиторов это видимо не интересовало и не беспокоило.

Она не знала, сколько сидит в этой железной коробке, позабытая, ненужная и словно вычеркнутая из списка живых и мертвых. Все, что было и есть, все, что могло быть и будет, осталось за этими непроницаемыми стенами, в том мире, где Алена еще училась в институте, еще собиралась замуж за Сережу. Здесь же уже был лишь ее фантом, насмерть перепуганная, растерянная, раздавленная, безумно уставшая, опустошенная тень от личности, призрак прошлого.

Она вспомнила все молитвы, которые почерпнула в мамином молитвослове, но бог был глух к ним. Она охрипла от криков, взывая к совести ненормальных, учинивших подобный эксперимент. Она поклялась никогда не пить спиртных напитков, не убивать насекомых, исправно молиться и чистить зубы на ночь, покаялась во всех проступках, грехах и грешках, вспомнила всех умерших родственников и живущих, но эффект был тот же.

Она то засыпала, то просыпалась, то бродила по комнате, то раскачивалась, сидя на полу, и, в конце концов, абсолютно отупела от одиночества и неясности. Паника сменилась полнейшей апатией, апатия злостью, злость — растерянностью и обидой. Водопад слез иссяк, сон смешался с явью, потеряв свои четкие границы, и Алена почувствовала, что попросту сходит с ума. Это уже не страшило, глупо бояться психбольницы, если ты в ней уже находишься, но рождало глубокое сожаление о прошедших годах и навевало

философские мысли о мимолетности жизни.

В конце концов, когда из чистого упрямства она решила выжить, не сойти с ума, назло всем и вся, дабы, освободившись, как тот джин из бутылки, вспомнить своим обидчикам каждую минуту, каждый час, дни, а возможно, и недели, проведенные в этом ящике, и выставить счет, получить сполна за тяжелейший стресс, за непоправимый ущерб, нанесенный психике.

В этот момент о ней, наконец, вспомнили.

Алена дремала, сидя на полу, прислонившись спиной к стене, когда в комнате раздался шелест. Он произвел на привыкшую к полной тишине девушку эффект снежного обвала. Она резко открыла глаза и уставилась на фигуру, возникшую в полумраке комнаты.

В первую минуту помутненный рассудок, принял ее за привидение и, пока девушка соображала: пугаться ей, беспокоиться, просить о помощи или послать к черту незваного гостя, существо шагнуло внутрь и стена за его спиной закрылась со знакомым шелестом.

Это оказался не призрак, а вполне реальная особь мужского пола — тот самый голубоглазый парень, которого она видела на треклятой поляне.

Он протащил по воздуху серебристый поднос с крышкой, оставил его у лежанки, подошел к Алене и, присев на корточки рядом, заглянул в глаза.

Девушка склонила голову на бок, разглядывая парня: вполне человеческое лицо, только изможденное, с неестественным цветом кожи — желтовато-серым, без малейших признаков растительности. Ярко-голубые, большие, выразительные глаза, в которых плескалось то ли сочувствие, то ли сожаление, шурясь, внимательно изучали ее. Прямой нос, твердые, отчего-то лиловые губы, волевой подбородок, высокий лоб, и не просто астеническое, а скорей дистрофическое телосложение. Ему с таким же успехом можно было дать как 20 лет, так и 40–45. Безмерная усталость и явные неполадки со здоровьем мешали установить точный возраст и исказили черты.

— Как дела? — спросил он. Алена вздохнула, еще не веря, что слышит человеческую речь, видит нормального мужчину, который не тает, не сливается со стенами и так же, как она, дышит, говорит, чувствует.

— Ты кто? — спросила она, облизав губы. Голос показался ей слабым, надтреснутым, но не удивлял — в горле давно было сухо, как в пустыне Сахара.

— Меня зовут — Рэйс. Я принес тебе завтрак. Хочешь в душ? Давай я тебя отведу, а потом покушаешь, и мы поговорим, хорошо?

У Алены дернулось веко — голос у парня был тягучим, вкрадчивым, бесцветным... странным. Он словно говорил через силу или с трудом подбирал слова, они лились, как густая масса, нехотя и не спеша. Девушка так соскучилась по человеческой речи, общению и каким-то иным звукам, кроме собственных всхлипов, криков и хрипов, что буквально ловила каждое его слово, вслушиваясь в правильную речь, смакуя каждое словосочетание.

— Ты кто? — опять спросила она.

Парень пошарил полусонным взглядом поверх ее головы, видимо, искал терпение, и спокойно повторил:

— Я, Рэй. Пойдешь в душ?

Алена встрепенулась — душ! Боже, какое счастье! Как мало оказывается надо человеку.

— Да! — с готовностью закивала она, немного приходя в себя, и отлипла от стены. В глазах парня мелькнула улыбка, он выпрямился и подал Ворковской руку:

— Пойдем.

Алена, не раздумывая, вложила свою ладонь в его длинные, тонкие пальцы. Он помог ей подняться, подвел к стене напротив ложа и надавил всей пятерней. Она с шелестом отъехала, обдав их дымом.

Девушка настороженно шагнула внутрь: не большая, круглая комнатка, диаметром

метров пять — шесть, вмещала в себя цилиндр с матовым стеклом от пола до потолка, с двух сторон открытой стены полукругом выступали две то ли трубы, то ли колонны с ровной вертикальной бороздочкой во всю длину, и никакого душа, санузла. Алена с подозрением уставилась на парня — очередная шутка?

Тот правильно истолковал ее взгляд и начал знакомить с устройством душевой:

— Здесь чистое белье, одежда — возьмешь, — он ладонью отодвинул полукруглую створку правой ‘колонны’. — Здесь ...моющие... моющиеся... Средства по уходу за телом. Все необходимое. Это душ. — Он раздвинул матовое стекло цилиндра, и Алена увидела, что тот полый внутри и весьма вместительный. На метр от пола — серебристый обод с маленькой дырочкой сбоку. Стены однотонные, ровные и только прямо, напротив створок, три ряда плоских прямоугольных, разноцветных кнопочек с выбитыми на них то ли иероглифами, то ли опознавательными знаками. Алене эта ‘душевая’ напоминала стакан в подстаканнике, причем стакан с крышкой и вертикальным разрезом посередине, его раздвинули и предлагают ей помыться в подстаканнике, только перелезь через края.

— Кнопки — настрой и регулировка воды, — пояснил парень. — Туалет за душем. Справишься?

— А то? — повеселела девушка. Рэй выдавил улыбку и вышел, оставив Алену в гордом одиночестве. Стена вернулась на место.

Девушка не стала терять время и в первую очередь воспользовалась туалетом, потом начала жать кнопки в душе и с жадностью глотать кислую воду, хлынувшую с потолка, не заботясь об одежде. Живительная влага привела ее в чувство, вернула способность мыслить, рассуждать, соображать.

Алена покопалась в недрах импровизированных шкафов, выудила пушистое полотенце, пахнущее чем-то пряным, узкие трусики, чистые брюки, нормальные, стандартные темно-синие джинсы и светлую кофточку с длинным рукавом и круглым воротом — все по размеру. Потом скинула грязную одежду и залезла в ‘подстаканник’. Вот где ей пришлось изрядно потрудиться, прежде чем она смогла помыться. Вода никак не хотела настраиваться, она то лилась сплошным потоком с потолка, грозя утопить Алену, то капала из середины, холодная, как в горном ручье. Нимало помучившись, девушка все-таки смогла смыть с себя грязь и, выскочив, быстро начала натягивать чистую одежду, боясь, что кто-нибудь явится сюда с недобрыми целями или тот голубоглазый исчезнет так же неожиданно, как и появился, а она так и не узнает: какого черта с ней все это происходит?

В голове уже роились вопросы, один ядовитее другого, формулировались претензии и угрозы. Долгожданная месть обретала четкие очертания.

При всей очевидности, Алене не хотелось верить, что она попала в лапы инопланетян. Мало эта мысль отдавала шизофренией и фантастикой, к которой она с детства относилась не очень тепло, так еще перечеркивала всякую надежду на освобождение и превращала будущее в огромный знак вопроса. Проще думать, что это устроили бухологи, а может еще кто, мало ли ненормальных на свете? Криминал цветет и плодоносит, а докопаться можно и до столба.

Алена вытерла свои длинные волосы невесомым, пушистым, как персидский котенок, полотенцем и отметила, что оно впитало почти всю влагу с волос, но и это не убедило ее в наличии инопланетного разума. Она просто кинула его на край душевой и вышла.

Парень не ушел, вальяжно развалившись на ее ложе, смиренно сидел и ждал.

— Вы кто? — с места в карьер начала нападать Алена, подперев бока руками. — Что

вам от меня надо?! По какому праву вы меня здесь держите?!

Парень равнодушно смотрел на нее исподлобья и молчал.

— Ну, знаете ли, это не просто наглость, это экстремизм какой-то! ‘АльКайда’ чертова! Я требую, чтоб меня немедленно выпустили! Сейчас же!

— А если нет?

— Вам же хуже. Я подам на вас в суд. Засужу. Ваши действия неправомерны и носят насильственный характер, это уголовно наказуемо и чревато последствиями!

Парень с невозмутимым видом прилег, облокотившись на ложе локтем, закинул ногу на ногу, и спокойно сказал:

— Какая экспрессия. Может быть, ты сначала покушаешь, а потом будешь задавать вопросы и предъявлять претензии?

Алена, почувствовав себя ослицей, растерянно моргнула, прошествовала к висящему в воздухе подносу, села с краю ложа, благоразумно сохраняя дистанцию меж собой и странным парнем, и откинула крышечку. Несколько розеток с кашеобразной, неприглядной массой, плоская тарелка с хлебцами и высокий стакан причудливой формы с темной жидкостью — вот и все, что она увидела. Запах, конечно, приятный и есть хотелось сильно, но — нет.

Алена решительно отвернулась и уставилась в голубые глаза:

— Я объявляю голодовку!

— Что ж, ты весьма последовательна, но неразумна, — ее заявление не произвело на парня должного впечатления. И весьма позабавило. — Тебя будут кормить искусственно. Неприятная процедура. Желаете узнать подробности?.. Или оградишь себя от подобных впечатлений?

Алена зло сощурилась и зашипела, как ошпаренная кошка, сверкая синими глазами:

— Не посмеете! Когда все это кончится, я размажу того, кто это устроил, по стенке и всех, кто участвовал — тоже! И ничего во мне не дрогнет, не сомневайтесь!

— Не сомневаюсь, — прищурился в ответ парень. — И даже не удивляюсь. Ты кушай.

— Да пошел ты!

— Фи! Глупо и грубо, впрочем, для вашей расы вполне естественно. Вы всегда идете на поводу эмоций.

— Вашей, нашей... Ты кто такой? Говоришь, как эстонец, а речь чистая, без акцента... Ты Мишкин друг? Это он придумал?

— Я — Рэй Лоан. кэн. По-вашему сержант. Мишку не знаю и. нисколько о том не сожалею.

— Чудно. Рэй. Лон..Кон.. — девушка автоматически взяла с подноса хлебец и начала жевать- организм требовал свое. Гордость и уязвленное самолюбие с обидой в обнимку, могут и пододвинуться на время, им тоже силы понадобятся. — Ты не русский, что ли? Мать американка, отец — китаец? Или наоборот?

Парень сверкнул глазами и предостерегающе прищурился:

— Я бы на твоём месте не торопился оскорблять незнакомых людей.

— А что в этом оскорбительного? — пожала плечами Алена. — У меня, например, мама украинка, а отец русский, и что?

— Так. Предупредил.

— Слушай, выпусти меня, а? Мне честно все равно, кто твои родители. Я тихо уйду и даже никому не скажу, где была. И что кого-то видела. Выпусти! Ну, зачем я тебе? У меня ни

связей, ни денег.

— Не могу. Я кэн, но даже был бы эртенем ^[5], все рвано не смог бы. Это не в моей власти. Мы в пути пятый день. Еще вчера покинули пределы вашей системы. К тому же ты — тэн, и это так же не поправимо, как и наш отлет. Я и так сделал для тебя все, что мог: отделил от других, поместил сюда..

Алена похолодела: 'неужели ребята ни причем? Неужели она... у инопланетян?.. Абсурд!'

— Кто вы? — еле слышно выдохнула она и застыла, страхась услышать очевидное.

— Мы — исследовательская экспедиция. Наша миссия закончена и теперь направляемся домой, на Флэт.

— Я не знаю никакого Флета и знать не хочу. И вас не хочу знать, и вашу миссию... идите хоть куда, только меня отпустите, я домой хочу! Вы не имеете права тащить человека бог знает куда, без его ведома и согласия! Это насилие! Я требую, чтоб меня отпустили! — обозлилась девушка, старательно пряча под маску гнева естественный страх и растерянность.

— Не надо кричать, это не поможет. Успокойся, тебе ничто не угрожает, я твой друг и..

— Друг?!.. — с возмущением уставилась она на него: симпатичный, даже очень симпатичный, но что с того? Он один из тех, кто ее сюда притащил и держит, а значит, такой же друг, как удав кролику!

— Если ты перестанешь кричать и старательно отталкивать действительность, то наверняка сможешь задать вразумительные вопросы, и, следовательно, получить важные для себя ответы. Я понимаю, что в твоём положении произошли слишком резкие и, в какой-то степени, необъяснимые изменения, но тебе придется осознать эти перемены, понять и... принять. Ты смиришься.

— С чем? С тем, что скопище дегенератов решило поиграть в инопланетян? Да флаг вам в руки! Меня только оставьте в покое и отпустите! У меня мама, наверное, с ума сходит, отец, Сашка. Меня ищут, понимаешь?! Я домой хочу! Я не хочу знать про ваши дела и про вас! Мне плевать с флета вы или с корвета! Хоть с кочержки — альфа! Я хочу домой!

— Это эмоции. Они пройдут. Вы все ведете себя одинаково: сначала бьетесь в истерике, кричите, плачете, грозите, потом молитесь... и смиряетесь в итоге, привыкаете и живете.

Как же она ненавидела его в тот момент! Его невозмутимо-равнодушный вид, протяжный, словно нарочно, медлительный тон, глуховатый голос и изучающий, спокойный взгляд, который сверлил ее, словно выискивая что-то ему одному понятное.

— Да пошел ты, знаешь куда?! Подонок! Мразь! Расселся тут, философ хренов!.. Мумия египетская!

— Богатый запас. Только бесполезный и даже обременительный. Поешь и успокойся.

Алена вскочила, оттолкнула ногой поднос, с которого все тут же полетело на пол, и, развернувшись к парню, со злорадством посмотрела на него: что, мол, скажешь?

Губы кэна тронула легкая усмешка, а глаза довольно блеснули:

— Я склоняюсь к выводу, что Эллан прав. Впрочем, это было ясно с самого начала.

— Не соблаговолите ли, мессир, сообщить, кто такой Алан и в чем он прав? — ехидно спросила Алена, внутренне кипя от возмущения и искренне желая, чтоб этот пугающий ее до смерти своей невозмутимой отстраненностью парень провалился в тартарары вместе со своим Аланом.

— Эллан, — поправил ее Рэй, — наш кафир... по-вашему — врач.

— А-а-а! Тот желтоглазый садист? Внебрачный сын Шерхана и гиены? Досадная ошибка природы?

— Хочешь совет? — спросил Лоан, поглядывая на девушку через полуопущенные ресницы. Взгляд стал жестким и предостерегающим. — Забудь свой фривольный лексикон, прикуси язычок и не давай воли скверному характеру, иначе... тебя ждут большие неприятности. Ты — тэн. Запомни это крепко-накрепко.

— Я человек! А вы..!Террористы! Рецидивисты-гуманоиды!

Парень фыркнул и снисходительно улыбнулся, словно подарок сделал:

— У вас занятный язык. У меня накопилась масса ваших 'изысканных' выражений — совершенно не сочетаемые обороты, которые вы умудряетесь соединить, не вдаваясь в смысл, не задумываясь над значением связующих слов. Причем подобное случается только с вами. Может быть, именно поэтому славянская нация так ценится? Вы ведь и мыслите как разговариваете — витиевато, алогично... Импульсивные, доверчивые, легкомысленные, с атрофированным чувством самосохранения и гипертрофированной вменяемостью, но честны, отважны, горды и самолюбивы, преданы и наивны..

— Зато вы: подленькие, самоуверенные. замороженные дегенераты! Говорят, в последнее время увеличилось количество пропавших без вести. Уж не вашими ли молитвами, 'высокоразвитые' наши?

Парень молчал, спокойный, как сытый удав, ноль внимания и на уколы и на крики... Хорошенький... и вроде дружелюбен, но взгляд... Он словно следил за Аленой, как кошка за любимой игрушечной мышкой, и забавлялся. И при всей своей худосочности и нездоровом виде, жалости не внушал: веяло от него чем-то животным, устрашающим.

Ворковская в другое время и в другом месте его бы за километр обошла и не пожалела.

— Веселишься, да? А мне не до смеха! Отпусти меня, а? Ну, будь человеком, я ведь никто по сути, зачем я вам нужна? Тащить куда-то, кормить — у меня ведь ничего нет, я не представляю для вашего флота никакой ценности, — Алена присела на корточки перед парнем, с мольбой заглядывая в глаза и пытаясь выглядеть как можно жалостливее, но тот даже не пошевелился, только глаза... Его зрачки расширились, задышали, смахивая с лица равнодушие и усталость, ноздри дрогнули, кожа побледнела.

Девушка почувствовала, как ее сердце тревожно зашло к горлу, волной подкатило непонятное волнение, не страх, не отчаянье, а что-то неизвестное, глубокое и зыбкое, живущее на уровне подсознания, в плоскости интуитивного.

Секунда, другая, и Алена с трудом оторвав взгляд от голубых глаз, выпрямилась, стряхивая наваждение, а парень тихо начал вещать:

— Вы очень отстали. Ваше понимание ценностей архаично и, по сути, преступно. Вы слишком зациклены на материи. Пока материальные блага будут для вас более значимы, чем истинные ценности, вы будете уязвимы и притягательны для фишэдо... пиратов. Легкая добыча... Вас обернут до нитки, а вы и не узнаете, потому что не утруждаете собственный разум излишними познаниями, а уж сложить два и два... Квантовая физика, правда? Вас пичкают знаниями, половина из которых не представляет ценности, потому что не пригодится вам в жизни, а вторая половина более чем спорна, но это занятие отвлекает вас от собственной персоны и, как бы между делом, внедряют в подсознание основную концепцию государственного сообщества — подчинение. Долгу, нормам морали... все равно чему, лишь бы граждане не утруждали себя осознанием собственной личности. Кажется, уважать себя и любить называется у вас — эгоизм? И порицается. — Рэй насмешливо

посмотрел на девушку. — Ты не осознаешь себя личностью, не знаешь, что у тебя под ногами, не говоря уж о том, что у тебя внутри, так как ты можешь оценивать собственную рентабельность?

— Ты философ, да? Диоген-гуманоид?! Давай еще по психологии личности пройдемся? Забавная беседа получится, интересная, только вот место для нее не подходящее. Может, мы и не так высокоразвиты, как вы, зато на порядок выше вас в нравственном отношении!

— Это более чем спорное утверждение и мы вернемся к обсуждению данного вопроса позже, сейчас у меня мало времени, а я так и не сказал тебе главное. Очень важно, чтобы ты осознала свое положение и проявляла благоразумие. Если ты будешь вести себя хорошо, мы будем видеться с тобой очень часто и после посадки я смогу забрать тебя к себе. Но если ты начнешь устраивать неприятности и волнения, то получишь то же самое для себя в геометрической прогрессии. И я помочь не смогу. Усложнять жизнь экипажу тебе никто не позволит, а так как ты — тэн, церемониться с тобой не станут. Другие не спустят оскорблений и заставят замолчать. Очень грубо заставят, без всяких скидок на возраст, пол и ... прочие достоинства. Не множь свои проблемы — посиди тихо.

Рэй встал и пошел к стене.

— Подожди! Объясни...

— Позже. Отдыхай, — ответил он, прикладывая ладонь к гладкой поверхности. Стена раскрылась, и парень вышел.

Алена ринулась за ним и не успела всего лишь на секунду — стена сомкнулась перед ее носом, оставив девушку в одиночестве. Она прижалась к ней лбом и поняла, что сколько ни бегай, а ответ ясен — она вляпалась по самые уши!

Ворковская тут же разозлилась: 'Ну, уж нет! Это они вляпались!' И начала лихорадочно шлепать ладонью по стене, пытаясь попасть в то место, куда прикладывал свою красивую ручку голубоглазый сержант. Без толку. Алена не успокоилась, и шаг за шагом, сантиметр за сантиметром прощупала стену — тот же нулевой результат.

Она села на пол и задумалась: 'Тэн. Буква 'Т' на плече — рабыня. Вот сволочи! Гуманоиды фиговы! Цивилизация высокоразвитых моральных уродов! Вот тебе и разгадка исчезнувших в никуда. Порадовался бы Крез, правильно понял, гений. Вот сюжетик — Спилберг обзавидуется. Куда тупым динозаврам?!... Так, солнце мое, тебе крупно не повезло. Знать бы еще, куда мы летим и как далеко улетели от дома? Летим?.. Тьфу! Кому скажи...Представляю глаза братьев — уфологов... Что делать-то? Выбираться надо, выбираться! И никто тебе не поможет, ни Серега, ни Мишка, ни Олеся ...А что я одна сделаю? Надо найти других, этот ведь сказал, что поместил меня отдельно от остальных, значит, не я одна такая 'счастливая'. Вот и надо их найти и вместе выбираться'.

О, как она жалела, что в свое время не удосужилась проштудировать физику, химию, астрономию! Она вспомнила свою учительницу по физике — Ольгу Ивановну и со всей ясностью осознала насколько та была терпелива к ней и удивительно добра, а ведь тогда, когда она пыталась впихнуть в голову Алены знания, Ворковская со свойственным всему молодняку юношеским максимализмом, стойко отвергала любую помощь и жила по принципу- 'мало знаешь — лучше спишь'.

Как она воевала с физичкой, как доводила... Нет, чтоб открыть глаза хоть на минуту прислушаться к мнению более взрослого и опытного человека! И что теперь? Сидит на полу инопланетной тарелочки со скудными запасами знаний по астрономии и фактически нулевыми по физике и не то, что звездолет угнать, стену открыть не может! Неужели нужно

вляпываться в неприятности, чтоб понять очевидное — знания лишними не бывают. Юношеский максимализм — да гори он синим пламенем!... Да хоть бы и сторел, что толку? Все задним числом в ум входят, да 'вчера' на 'завтра' не поменяешь. Ну, и как теперь выбраться из этой консервной банки? Какая же она глупая! Надо же было пойти на истфак! Вот и сиди теперь со знаниями исторических дат и событий, очень они пригодятся! Придет Цезарь и всех замочит! Ага, жди! Ну почему она ни Сашу, ни маму с папой не послушала?

Но должен же быть какой-нибудь выход?

Алена с яростью начала ковырять пол, пытаясь найти в нем лазейку, но он оказался не менее монументален, чем стены. Сквозь узенькие отверстия решеток с трудом проходил мизинец и ни винтиков, ни креплений, одно слово: made in НЛО! Девушка только ноготь сломала и села на постель в раздумье, нервно догрызая обломок. Понимание того, что этот корабль собирался не на Тайване, не вносило спокойствия в душу, зато надежду развалить его — убивало на корню. Впору было мылить веревку и пристраивать на шею.

‘Э, нет! Не дождетесь, дриопитеки ^[6]инопланетные! Тероподы ^[7]! Чтоб вы брякнулись на своей железяке в какую-нибудь черную дыру! Чтоб у вас амортизаторы сели, роботов сглючило, вирусы все программы сожрали! Мутанты-экстремисты! Ладно, устрою я вам рабовладельческий строй! Явлю покорность, терпение и раболепие, спокойную жизнь устрою! Вы у меня попляшете, гуманисты-философы! Я вам все прелести славянского характера выкажу, обеспечу впечатлениями на всю вашу оставшуюся гуманоидову жизнь!’...

Вот только, как?

Перспектива по-глупому умереть в этой консервной банке ее не прельщала, так же, как и стать покорной рабыней в руках голубоглазого "Аристотеля". И что он о себе возомнил, интересно? На что рассчитывает? В ораторском искусстве практиковаться или социальную психологию изучать?

‘Я, девушка консервативная и морально устойчивая, со мной инопланетную “Камасутру” изучить — проблем не оберешься. Живо антенны обломаю, без “спорообразований” оставлю. Тоже мне, подруган выискался! Станный он, не понятный и. опасный... Впрочем, при его комплекции он мне не страшен. Спасибо папа, отвоевал меня у родичей и не в бальные танцы отдал, а в карате, единственное, что из приобретенного за 20 лет багажа опыта и знаний может мне действительно помочь и сослужить добрую службу. Боже! 11 классов закончила, два курса института и ничего, по сути, не умею и не знаю! Нет, прав этот... Рэй, 13 лет на бесполезные знания угрохать, чтоб потом сидеть в этой дыре, сожалеть ‘о бесцельно прожитых годах’ и сознавать собственное бессилие, непригодность... Тьфу ты! Сама виновата! Головой надо было думать!.. Кто бы знал, что я до такого дойду’...

Девушка плюхнулась на колени на пол и вновь принялась ковырять монументальные решетки с тупой одержимостью приговоренного к высшей мере наказания. Решетка не поддавалась и Алена, обозлившись, двинула по ней кулачком и тут же взвыла от боли, в панике оглядывая помещение: ‘Думай, кисейная барышня, думай! Двоечница, пустьшка! Ну, давай, глупая, соображай, пока голубоглазый кат не явился.’

Сообразить не дали. Стена с шипением разошлась и впустила в ‘кубрик’ двух знакомых однояйцовых близнецов с челюстями супермена из детских комиксов, в сопровождении незнакомого глыбообразного великана, неприятной наружности и неопределенного возраста. Его глубоко посаженные, пронзительные, голубые глазки с минуту изучали застывшую в нелепой позе фигурку девушки на полу, и та оцепенела от нехорошего предчувствия, рожденного видом троицы.

Впрочем, что хорошего можно ожидать, находясь, бог знает где, в положении рабыни? Бог знает где и в обществе бог знает кого! Взять хотя бы этого узколобого — стоит как шлагбаум на мусорке и смотрит на нее как на ‘палочку Коха’. Лицо явного дегенерата и полного олигофрена. Черный ежик волос, узкий лоб, сросшиеся на переносице густые брови, широкие скулы, маленькие глазки, острый подбородок и, совершенно не вписывающиеся в данный ‘интерфейс’, полные, словно накачанные силиконом, синеватые губы.

‘Может, его прабабушка согрешила с негром?’- подумала Алена, настороженно поглядывая на посетителя.

— Пойдем! — неожиданно тонким голоском пискнул детина и мотнул головой для верности. Нет, его прабабушка согрешила с крысой, голосок в наследство достался — блеск! Куда Витасу? Отдыхай, парнишка, здесь такой экземплярчик — тебе и не снилось! По всему видать — богатая родословная у ‘Квазимоды’- мелькнуло в голове у девушки.

— Пойдем! — гаркнул вновь узколобый, на этот раз нормальным мужским голосом.

‘У-у-у, да у него и со связками не порядок. Целый букет патологий. Тяжелый случай!’

— Куда? — только и успела спросить Алена, как ее подняли, сжав плечи с двух сторон, и без церемоний выволокли в коридор.

— Какого черта! — взбеленилась она и попыталась укунить инкубаторских ‘бультерьеров’, заодно пнув одного из них по ноге. И тут же задохнулась от боли, которая умерила ее пыл. Не то, что брыкаться и кричать, ноги переставлять стало проблематично. Этот узколобый сын крысы и негра, без лишних слов просто слегка ударил по почкам, успокоив подопечную и обеспечив себе спокойную доставку нервного и хлопотного груза до пункта назначения.

Алену, словно мешок с мукой, протащили по извилистому коридору и впихнули в уже известную комнатку, где ее ждал, восседая на табурете, еще один мутант — желтоглазый доктор ‘Скальпель’.

‘Затейливая компания’, — хмыкнула Алена и застонала, когда ее грубо водрузили на кушетку. Прикручивать, правда, не стали, милостиво разрешив сидеть.

‘Благодетели!’- невольно скривилась девушка. Это не укрылось от желтых глаз:

— Больно? — ухмыльнулся он.

— Радостно! — огрызнулась Алена. — Встреча с вами — праздник для души! Вся жизнь мечтала с парочкой дегенератов и Дракулой пообщаться!

Доктор заулыбался в ответ, словно хвалебную оду в свой адрес услышал.

‘Что ж он скалится?’ — озаботилась Алена, скорчив презрительную гримасу. Тесное общение с ‘Квазимордой’ лишило ее страха напрочь, его место заняла разнузданная дерзость отчаявшегося и уже все потерявшего человека:

— Ну, и чего так смотришь ‘желтыми брызгами’?

— Любуюсь, — усмехнулся кафир. — На ‘бис’, что-нибудь будет?

— А ты желаешь? С радостью... У меня идея: возьми меня к себе — я тебе каждый день сольские концерты устраивать стану!

— Нет уж, избави... Не по карману ты мне, ‘деточка’, да и характер у тебя препаршивейший, не каждый совладает, а я человек старый. К чему мне лишние хлопоты?

— Это — да! — согласилась Алена. — нервы беречь надо, они, говорят, не восстанавливаются. А характер у меня и, правда, скверный. Наследственность, видать, плохая: стойкое неприятие садистских методов воздействия, хамства, грубости насилия над личностью и отвращение к иезуитским приемам давления на психику!

— Тебя как зовут, дитя природы?

— Царица Савская! А тебя, внук ‘Шерхана’?

Зрачки доктора предостерегающе сузились, а лицо превратилось в застывшую маску оскорбленной невинности:

— Ты много себе позволяешь! Сними кофту, я хочу осмотреть рану.

— А больше ничего не хочешь? — скривилась девушка, уничтожающим взглядом окинув фигуру доктора.

— Мне позвать Вейтклифа? — с угрозой спросил тот.

— Не знаю такого, бог миловал, но если ты про ту туполобую гориллу, что меня сюда сопровождала, то не надо — уговорил, сама уж как-нибудь, — девушка скинула кофту с плеча и выставила его на обозрение — на, любуйся!

‘Шерхан’ укоризненно поджал губы и, взяв откуда-то, словно материализовав из воздуха, знакомый стальной инструмент со светящимся наконечником, приблизившись вплотную и, в раздумье, поглядывая на рану, покрутил им перед носом Алены.

Это произвело на девушку эффект красной тряпки на быка, словно не по почкам ей ударили, а по голове. Она и секунды не думала: резко вскочила с кушетки, схватив врача за запястье и, зайдя ему за спину, заломила руку до упора, принудив того ткнуться лицом вниз и затихнуть, дабы обезопасить свою конечность от непоправимой травмы. На всякий случай, Алена заломила и вторую руку, но на этом решимость иссякла, самостоятельность закончилась и появилась растерянность: а что, собственно, дальше?

— Сколько врачей на корабле?! — как можно угрожающе спросила она у доктора.

— Я один, — спокойно ответил тот, не делая и малейшей попытки вырваться. Он просто лежал на кушетке и словно развлекался, смакуя происходящее. Это тревожило.

— Мы сейчас пойдем на пульт управления или, как там у вас называется... В общем, только попробуй дернуться! — прошипела девушка, а врач вздохнул:

— И что потом? Ты хоть понимаешь, что делаешь? Ты всерьез решила, что сможешь пробраться до пульта управления кораблем живой и невредимой? Глупо, тебя снимут на выходе или в коридоре, но даже если на миг представить, что твоя абсурдная идея претворится в жизнь, то как, интересно, ты сможешь управлять кораблем? Повернуть его назад?

Алена прикусила губу от бессилия, принимая правильность замечания. Машину она водить умела, Сашка еще два года назад научил, но джип — не самолет и не звездолет пришельцев.

— А мы... Ты отведешь меня сначала к другим! Я знаю, что где-то еще рабы есть — ты поможешь мне их освободить!

— Ты не пройдешь и пары шагов.

— Давай попробуем! — обозлилась Алена и дернула кафира за руку. Тот поморщился:

— Мне больно, — насмешливо заметил мужчина, но девушка не обратила внимания на тон.

— Прекрасно! О-очень рада! Значит, для тебя не все потеряно! Авось, запомнишь это ощущение и впредь будешь более гуманен к своим пациентам! — Она рванула его на себя, соображая, как бы так расположиться, чтоб и этого в узде держать, и других ‘гоблинов’ контролировать, себя не подставляя?

— У тебя ничего не выйдет, — опять завел свою мелодию нравоучения доктор.

— Посмотрим! — девушка толкнула его коленом под зад, принуждая двигаться к

выходу.

Эллан прошел ровно два шага и вдруг резко поддался вперед, а потом назад, так что Алена невольно выпустила его запястья. Мужчина мгновенно развернувшись, врезал ей по челюсти и под дых. Девушка отлетела к стене и рухнула на пол, согнувшись пополам.

Врач в совершеннейшем спокойствии склонился над ней, осмотрел рану, смазал чем-то бесцветным с едким запахом, от которого у Алены немного прояснилось в голове, но запершило в горле и, удовлетворенно кивнув, открыл стену, впуская гоблинов и 'Квазиморду'.

Алена смотрела на них, кусая губы от бессилия и осознания собственной бесправности и никчемности, и слушала незнакомый, плавно льющийся язык, похожий на смесь итальянского, арабского и тарабарского.

— Гаэлли, кафир [\[8\]](#)! — буркнул Вейтклиф и, рывком подняв девушку, толкнул ее в 'теплые' объятия бультерьеров. Те потащили ее по коридору. Она шла, морщась от боли, и старалась на этот раз не выступить с акцией протеста, а запомнить дорогу, на всякий случай, чтоб знать каким путем идти за сатисфакцией, если удастся сбежать. Неудачный бунт не лишил ее решимости и веры в лучшее, только наполнил ее душу негодованием и злостью до краев и укрепил в желании разнести эту коробушку к чертовой матери.

Ненависть, как и страх, как известно, активный двигатель прогресса (или регресса — это уж кому как угодно).

Алену протащили по коридору под аккомпанемент топота ног глыбоподобного за спиной и швырнули лицом к стене, с силой вдавив в поверхность.

— Кьяро, — прошелестело над ухом, и язык флэтонца лизнул ее щеку.

'Ах, ты!..' Девушка с силой резко ударила Вейтклифа затылком, попав по носу. Мужчина взвыл, чуть отпрянув, на секунду ослабив хватку, и прикрыл лицо ладонью. Алена, вспомнив все уроки каратэ, воспользовалась замешательством нахала и, оттолкнувшись, с разворота врезала ему по коленной чашечке и вскинула кулак, желая еще разок проехать по узколобой физиономии.

И с чего она решила, что ей это удастся? Наверное, американских боевиков насмотрелась. А Вейтклиф их не смотрел и потому не знал, что одна девушка может положить взвод спецназа и покрошить в винегрет полк атлетов, спасая себя и весь мир. Ну, не местный он, дремучий и бессовестный, взял да и поймал кулак Алены на лету, безжалостно вывернув кисть, и заставил рабыню упасть на колени, а потом подхватил за шиворот и закинул в комнату, как неодушевленный предмет.

Ворковская чувствовала себя отвратительно. Голова гудела, рука ныла, но эта боль воспринималась Аленой, как победа, и доставляла почти мазохистское удовлетворение — она, маменькина дочка, избалованная кисейная барышня, все ж смогла противостоять инопланетному экстремизму!

Это, конечно, радовало, но и несказанно удивляло: как это она сподобилась, не побоялась?

Она-то? Изнеженная капризуля и трусишка, которая любую царапину воспринимала, как трагедию и смертельно опасную рану, а малейшую боль тушила в зачатке сильнейшими обезболивающими из аптечки родителей, стоило той только намекнуть о своем приближении. Может стресс сказывается? Или под давлением обстоятельств, она, подсознательно перестав воспринимать себя живой и нормальной, утратила естественное чувство самосохранения? А может, генная память шутит? Прадед- то ее у Ковпака в отряде партизанил, до Берлина дошел, из таких передраг вылезал чисто из-за своего казачьего упрямства, что и не поверишь. Алена его только на фотографиях видела, задолго до ее рождения умер прадед Василий, но мама охотно рассказывала о нем и привила детям глубокое уважение к памяти умершего родственника — героя.

‘Видать, пошла правнучка по твоим стопам ‘диду’- думала Ворковская, разглядывая квадраты потолка, и нервно усмехнулась:’ Ура! Ты против фашисткой нечисти, я — против инопланетной гадости. По коням! Шашки наголо, базуку под мышку и вперед! По империалистическим тарелочкам террористов-гуманоидов — пли! Ура!’

Жаль только, что подобное возможно лишь в воображении или в кино. Там всегда доблестные ребята встают на сторону справедливости, вовремя приходят на помощь несчастным и косят дивизии злодеев, а потом танцуют ламбаду, целуясь со спасенной. Финал — всегда хеппи-энд, а здесь? Ну, взбунтовалась и что?

Эх, Шварценеггера бы на их голову! Он бы постоял за невинную жертву, живо б финал космической эпопеи на свой фкус переписал, получили бы тогда садюги флэтонские консенсус-апокалипсис. Порадовались бы знакомству с представителями доверчивой земной цивилизацией!

Ничего, ничего, нет ‘Терминатора’ и ладно, сама разберется. В конце концов, спасение утопающих — дело рук самих утопающих — так гласит народная мудрость в лице Ильфа и Петрова.

Алена натянула на лицо улыбку победителя и вдруг всхлипнула и разрыдалась: больно, страшно, обидно, одиноко, не понятно. Как на таком зыбком материале решимости, надежде и оптимизму устоять? А силы где взять, чтоб бороться и верить в тот самый хеппи-энд?

‘Мамочка, мамуленька! Как мне плохо... Сашенька. Помогите... Мамочка моя, папочка, — всхлипывала Алена, глотая слезы и кусая губы, чтоб не завывать от отчаянья и жалости к себе, — что ж со мной будет, мамочка? Что же делать? Родные мои, страшно-то как, Саш, ты бы знал... Умру, а вы даже не узнаете, где я была, куда исчезла... Простите меня!.. Сашка, мам, пап, Сережка!’

Она представила себе, как ее ищут, сходят с ума от беспокойства все, кого она знала: овчарки шныряют по лесу, в поиске милиция; растерянные, расстроенные лица друзей, потом — траурная лента на ее фото на стенде в институте, скорбные лица однокурсников.

Поседевшие родители, завешанные зеркала в квартире, поминки, тихие разговоры соседей на лавочке, сочувствующие взгляды в спину Сашки, мамы и отца, Сережа, раздавленный, убитый горем... А в городе буйствует осень, молодняк тусуется в сквере, бегут по своим делам люди, обгоняя друг друга, задевая, отпихивая, встречаясь на минуту взглядами и разбегаясь, спешат машины- гудят, обгоняют трамваи, обливают зазевавшихся прохожих брызгами грязи из-под колес. В воздухе стоит запах выхлопов, горелой листвы и стылой сырости, предвестницы зимы... А может, уже зима... А Алены нет. Зима будет и весна будет, а Алены не будет, и все, что ее окружало, даже не заметит ее исчезновения. Погорюют друзья и знакомые да забудут. Может, только Сашка да мама с папой будут держать ее фотографию под стеклом в серванте, вспоминать по праздникам и будням такой, какой она была...

Ну, почему это должно было произойти именно с ней?! Она что — крайняя?! Почему ее выхватили из привычного круга и поместили в этот инопланетный концлагерь?! Что за бред, что за нелепость? Несправедливо, жестоко, бесчеловечно! Ей ведь всего 20 лет — она и не пожила толком, не видела ничего, по сути, думала — все впереди, успеет... и вот тебе! Жизнь дальше идет, а Алены — нет!

Обидно до слез, до скулежа, а толку?

Стена раздвинулась, впуская кэн, но Ворковская увидела его лишь, когда тот подошел вплотную к ложу и навис над ней, изучающе шурясь:

— Как ты?

— Лучше всех! — огрызнулась девушка, сердито глянув на непрошеного гостя, и поспешно вытерла влагу с лица: еще не хватало, чтоб они узнали, как ей плохо и поглумились вдосталь, ковыряясь в моральных травмах. Не дождетесь!

Парень кивнул с каменным лицом и, вытащив что-то из нагрудного кармана, протянул:

— Возьми.

— Что это? — нахмурилась Алена. В руках кэн была зеленоватая, длинная упаковка, напоминающая обычный Dablmint или Orbit морозная свежесть, и пластиночки выглядели точь в точь.

Только инопланетного ‘гудрона’ ей для полноты ощущений и не хватало!

— Положи под язык. Легче станет, — пояснил Рэй, видя ее замешательство.

— На сколько?

— Абсолютно.

— Цианистый, что ли? — не удержалась от колкости Алена и вытащила одну пластинку.

Плевать, что это, лишь бы помогло — хоть синильная кислота, хоть экстракт мухомора, хоть компакт-гильотина: мертвые, говорят, не болеют.

Она сунула прозрачную пластинку в рот и замерла, ожидая эффекта под насмешливым взглядом Рэя. Секунда, другая, и скепсиса у Алены убавилось. Инопланетный Orbit оказался приторно сладким, охлаждал язык и быстро таял, забирая с собой физический дискомфорт. Через минуту девушка с удивлением констатировала свое полное выздоровление: не было слабости, апатии, ноющей боли.

— Кудесники! — фыркнула она, стараясь вложить как можно больше презрения в тон, но получилось восхищенно, и она смущенно пряча глаза, села, забрала у Рэя всю упаковку чудо — жвачки, спрятала ее в кармане брюк. Пригодится.

— Не принимай больше пяти в сутки — для вашего организма это опасно, — заметил

парень.

‘Вашего, нашего... тоже мне ‘супермены’! — скривилась Алена и все же буркнула:

— Спасибо.

Парень посмотрел на нее исподлобья и чуть изогнул губы.

‘Улыбнулся, что ли?’ - озадачилась девушка.

— Надеюсь, желание продолжить общение с экипажем на том же уровне у тебя исчезло? Кэн вальяжно уселся рядом: облокотился плечом о стену, ногой уперся в лежанку, устроив руку на колене.

‘Ну и наглец!’ - качнула головой Алена, восхитившись подобной бесцеремонностью. Ей бы хоть четверть от нее, вот бы она их всех построила! И решила не отставать: села, как йог, брякнула подбородок на ладонь и спросила:

— Тебя как зовут, чудо внеземной цивилизации?

Парень склонил голову на бок и шурился, то ли насмешливо, то ли укоризненно:

— Повторяю третий раз: Рэй.

— Постараюсь запомнить: Рэй. Лон? Кон?

— Лоан.

— Это фамилия или приговор?

— Я так понимаю, недавнее происшествие резвости в тебе не убавило и уму — разуму не научило?

Алена фыркнула, скорчив презрительную гримасу.

— Не дождетесь!

Парень с любопытством посмотрел на нее и спросил:

— Тебя как зовут?

— Ну, Алена.

— Нуалэна?

— А-ле-на!

— Алена, — согласно кивнул парень, старательно выговорив каждую букву. — Так вот, Алэна, если ты любительница острых и неприятных ощущений, то здесь тебя обеспечат ими на всю оставшуюся жизнь. Но, если ты человек разумный, без патологических отклонений в психике и извращенных предпочтений, то сможешь мирно и без ущерба для себя пережить перелет, стоит лишь снизить свой пыл и четко выполнять приказы. Я понятно изъясняюсь?

— Ага. А теперь тоже самое своему товарищу, — девушка кивнула в сторону стены-выхода в коридор.

— Он выполнял свои обязанности, и скажи ему спасибо, что осталась жива. Он мог легко убить тебя, и был бы прав. Никто не может нарушать правила текущего режима и устраивать беспорядки.

— Здорово! — девушку подбросило от омерзения. — Значит, приставать к женщине — по правилам, а получить за это по физиономии — беспорядок?

— Ты — тэн.

— Я человек! Свободный человек! Меня не интересуют ваши правила! Я не игрушка и не девочка по вызову! — взвилась она.

Рэй внимательно посмотрел на ее побледневшее от гнева лицо и недоверчиво заметил:

— То, на что ты намекаешь, противоречит кодексу. Сделка еще не состоялась и пока ты собственность всего экипажа, никто не смеет прикасаться к тебе.

— Да что ты?! А дружок твой в курсе? — с чувством выдохнула Алена, с ненавистью

глянув на Лоан. Что толку объяснять этому странному, мумифицированному философу, что его сотоварищ думает по-другому.

Рэй задумчиво покосился на девушку и засомневался. В дальних перелетах случается всякое, и легкие нарушения сходят с рук. Алена рабыня, взяв ее до заключения сделки, Вейтклиф выплатит двойную стоимость, как компенсацию остальным претендентам, и инцидент будет исчерпан. Цена девушки растёт, еще пара, тройка эскапад с ее стороны, и многие не смогут заплатить за нее, в частности, Вейтклиф и Лоан... А эскапады будут и понять это не трудно, стоит только посмотреть ей в глаза.

— Послушай меня, если то, что ты сказала, правда, то ситуация осложняется так же, как и твоё положение, но я могу исправить ситуацию, если ты обещаешь вести себя смирно.

Алена не понимаяще посмотрела на Рэя: глухой он что ли? И отчеканила:

— Я свободный человек! Я не буду игрушкой в ваших руках!

— Алена, ты — тэн, у тебя больше нет свободы и прав. Пойми это! Я постараюсь оградить тебя от домогательств, а ты перестань вести себя столь вызывающе.

— Не могу! Я уже объясняла вашему Шерхану: у меня стойкая антипатия к нахалам, дегенератам, грубиянам, садистам, извращенцам, насильникам, психопатам... Дальше перечислять?

Рэй смотрел на нее во все глаза, не мигая и боясь вздохнуть. Теперь он знал наверняка, что девушка не лжет насчет Вейтклифа, и понимал его. Голод изъедал экипаж, уже убил троих, а впереди больше двух месяцев перелета... А эта девчонка открыто искушала, даже не осознавая того, что в ней заложено. Что это? Насмешка над ними или долгожданный подарок?

Лоан с трудом оторвал взгляд от Алены и, прикрыв глаза, оттер дрогнувшей рукой выступившую испарину со лба. Пять минут разговора, и он еле сдерживается. Он! А что говорить о Вейтклифе?

Алена видела, как побелел Рэй, и его лицо, и без того восковидное, теперь напоминало посмертную маску.

— Тебе плохо? — с беспокойством спросила она.

Тот качнул головой.

— Странные вы... На кого ни посмотришь: лица, как у мертвецов, губы фиолетовые, смотреть страшно. Прямо тень отца Гамлета. Эпидемия, да? А что, лекарства не изобрели?

Рэй тяжело посмотрел на нее и глухо заметил:

— Мы говорили о тебе, другие темы я обсуждать не намерен.

— Зря.

— Тебя не интересует твоё будущее?

— Сейчас? Хочешь погадать? Нострадамус Лоан?

Парень невольно улыбнулся:

— Ты просто невыносима.

— Это комплимент?

— Констатация факта.

— Да? А мне показалось, тебе это импонирует.

Лоан только головой качнул: а он-то считал отцовского экситиона [\[9\]](#) мастером. Куда ему! Вот она, настоящая пытка: сидеть рядом с этой землянкой, видеть, как она, словно насмехаясь, выставляет напоказ то, что имеет, что жизненно необходимо им, и игнорировать это, сдерживая себя из последних сил, да еще не обращать внимания на ее дерзости,

пытаться объяснить очевидное. Да любой бы сдался через пять минут!

— Как тебя выносили твои родные и друзья?

— С любовью и трепетным уважением! Видишь ли, меня окружали прекрасные, добрые и воспитанные люди, светлые, талантливые личности.

— Поэтому ты и бродила ночью по лесу в гордом одиночестве? Светлым личностям видимо было недосуг о тебе побеспокоиться?

— А это не твое дело! — нахмурилась Алена. — У нас свобода личности и передвижения. Демократия-с, сир! Мы, видите ли, не рабы, рабы не мы!

— Я в курсе вашего социалистического капитализма на платформе демократии, тире анархии. Ах, простите, кажется, я еще забыл равноправие полов, — с сарказмом заметил Рэй.

— Представьте себе, рабство у нас отменили еще в 19 веке!.. — вскинула подбородок девушка.

— А следом грянула революция на радость плебеям. Это для полноты ощущений или от их переизбытка?

— Да что ты можешь понимать?!

— Вот тут ты права: затейливость славянской логики и характера непостижима другими нациями. А уж понять суть поступка... примерно, как тебе принять свое новое положение за данность и вести себя разумно.

— Ну, вот, отчего ушли к тому и пришли! Я свободная личность и имею те же права, что и ты!

— Да? А зачем они тебе? Что ты с ними делать будешь? Свободная женщина, наделенная правами мужчины, кошмар для окружающих, — Рэй качнул головой. — Мало, не знает, что с ней делать, так еще и опасна для себя и других. Так что, про свободу забудь. Она не для женщин, а вот о счастливой и спокойной жизни — подумай. Ее я могу тебе обеспечить.

— Каким образом?

— Ты ведешь себя тихо и неприметно, я выкупаю тебя и забираю к себе.

— Класс! — ощетинилась девушка. — Либо узколобый мутант, либо философствующая мумия! Сволочи!

Рэй, не сдержавшись, дернулся к ней, вскинув руку, но вовремя опомнился и лишь скрипнул зубами. Ладонь зависла в воздухе и опустилась на постель. Алена притихла и затаилась.

— Ты всегда столь прямолинейна и груба? — через минуту спросил Лоан.

— Сам виноват, — тихо ответила девушка, настороженно поглядывая на него.

— Хорошо, — сверкнул глазами Рэй. — Давай заключим обоюдовыгодный договор: ты меняешь свой фривольный лексикон на более пристойный и приемлемый для слуха, ведешь себя, как пристало вести девушке и тэн, а я объясняю суть происходящего и ограждаю от дальнейших неприятностей.

— Постараюсь, — нехотя буркнула она.

— Прекрасно. Тогда слушай. Все взятые в экспедиции рабы считаются собственностью экипажа до посадки, но купить тэн можно и до нее, если претендентов мало, они согласны с ценой и покупатель выплачивает полную стоимость незамедлительно. Ты не только красива, но и обладаешь уникальными качествами для рабыни. Смелость и гордость не менее ценный товар, чем внешние данные, и поверь мне, именно это берется в расчет в первую очередь.

Своими поступками ты не только осложняешь себе жизнь, но и повышаешь цену, а вместе с ней растет и количество претендентов на приобретение. Экипаж заинтересован, все уже строят догадки и предположения, делают ставки и пристально следят за тобой. Сейчас я еще могу тебя выкупить, но еще один легкомысленный поступок — и поверь мне, тебя ожидают огромные неприятности, и я помочь не смогу.

— Вейтклиф?

— Не только. Капитан Вэрэн считает, что ты опасна, — Рэй смолк на минуту. Он прекрасно понимал, что задумал Вэрэн: объявить Алену а-тэн и взять себе без боя. Как капитан, он имел право получить трех рабов бесплатно, и он их уже получил. На остальных он мог претендовать наравне с другими желающими, а это значит, придется платить. Цена на Алену уже взметнулась и грозит подняться вновь, а это огромная сумма. Есть закон, по которому следует продать спорное имущество и поделить сумму поровну меж претендентами. Он применяется в двух случаях: цена, которую не может заплатить ни один из претендующих или большое количество претендентов на одну вещь. В этом случае тебя отправят на ... невольничий рынок, на место содержания рабов, на официальные торги. Оттуда ты можешь попасть куда угодно и к кому угодно. С Вейтклифом ты познакомилась, и не факт, что твой новый хозяин окажется более учтив и корректен. Однако, возможен и худший вариант, капитан пойдет на крайние меры: объявит тебя опасной и заклеит, — Лоан в упор посмотрел на девушку: поняла ли она, что ей угрожает?

Та была бледна и немного растеряна, но в глазах горело все то же упрямство и неверие.

— Что это значит? Поставят тавро, как на корову, и пустят на переработку? Вы каннибалы?

— Тебя отправят в лабораторию.

— Сделают подопытной мышью?

— Да. И проживешь ты ровно столько, сколько нужно им. На тебе будут ставить опыты, апробировать новые лекарства и прочие средства. Будешь сопротивляться — тебя лишат такой возможности радикальным способом, удалят лишнее — язык, конечности.

Девушка потрясенно смотрела на парня, не в силах пошевелиться. Он говорил ужасные вещи спокойным тоном в своей обычной медлительной манере и ни разу не повысил голос, ни разу не дрогнул. А глаза? Холодные, цепкие, пустые и осмысленные одновременно, и завораживающие. Одно слово — змеиные. У Алены в животе леденело от этого взгляда, а то, что он сообщил и как: просто шокировало. Никаких эмоций — автоматизм и равнодушие, словно речь шла о чем-то естественном и само собой разумеющемся.

— Вы...фашисты. Нет, хуже! Я не могу найти аналог в нашей истории, даже спартанцы со своими жестокими обычаями убивать слабых младенцев...даже...

— Надеюсь, ты сделаешь на данной основе правильный вывод и будешь вести себя, как подобает тэн, чтоб оградить свою психику от потрясений. Если, конечно, ты относишься к типу вменяемых женщин.

— А если к типу невменяемых?

— Алена, я хочу тебе помочь, — сказал Лоан и подумал: 'Упряма, смела, решительна и импульсивна. Хороший букет для мужчины, а для женщины слишком тяжелая и обременительная ноша. И для близких — постоянная головная боль.' В груди что-то кольнуло: то ли тревога, то ли волнение.

— С чего вдруг? — Алена прикрыла глаза ладонью: информация, выданная кэн, была слишком неудобоварима для нее. Она вскочила и нервно заметалась по комнатушке.

— Зачем? Зачем ты мне это говоришь? Почему хочешь помочь? Добрый самаритянин? Аболиционист? Нет? Хочешь меня напугать? Хочешь, чтоб я смирилась и стала безропотной заводной куклой в ваших руках?! И таким тоном! Боже! Как будто зачитал таблицу логарифмов! ЭВМ!.. Сухо, черство, равнодушно, а речь идет о жизни и о преступлении против нее!.. Помочь хочешь, да? Зачем?! Челюсти от похоти сводит?! Землянки в твоём гареме не хватает?! Может, ты влюбился с первого взгляда, а со второго решил, что это судьба?! Или это бескорыстный поступок?! Отпустишь меня?! Кинешь вызов рабовладельчеству?! — желчно вопрошала девушка и взмахнула руками в порыве: господи, какое зверство!! Рабы, лаборатории...и никаких эмоций! Подумаешь!.. Ты робот? Как ты можешь рассуждать о подобном с таким устрашающим спокойствием, а потом еще говорить, что искренне желаешь мне помочь?! Чем?! Поддержишь, пока мне руки отпиливать будут?!

Рэй встал и подошел к девушке:

— Алена, я мужчина. Эмоции — прерогатива женщин.

— Это значит, что пол освобождает от человечности?!

— Пол накладывает определенные обязанности и правила поведения.

— Для мужчин одни, для женщин другие?!

— Да и это естественно.

— Так же естественно, как рабство и опыты над живыми людьми?!!

— Во всяком случае, более естественно, чем равноправие полов. И правильно.

— Правильно?! О Боже! Вседозволенность одних и бесправие других, узаконенное издевательство, насилие, унижение, убийство... это правильно?!

Рэй, не сдержавшись, поддался к ней, желая схватить девушку и заставить замолчать. Ее нервное возбуждение сводило его с ума, кружило голову, забирало силы, лишало воли. Даже атмосфера в комнате стала насыщенно разряженной от ее эмоций. В воздухе стоял аромат ее энергии, сладковато-терпкий, щекочущий ноздри, разъедающий разум и оседающий во рту незнакомым, манящим привкусом чего-то особо вожделенного, живительного и жизненно необходимого, как глоток воды умирающему от жажды.

— Хватит! — рявкнул парень.

Алена испуганно смолкла и отпрянула, вжавшись в стену. Лоан покачал головой: эта девушка за пять минут измотала его больше, чем ночная вахта.

— Пойми, каждое общество живет по своим законам и они приемлемы и правильны для тех, кто в нем вырос, а для других спорны или отталкивающе аморальны, — утомленно заметил он. — Я сейчас не намерен обсуждать это, устраивать прения, доказывать целесообразность одних законов и ...

Рэй устало качнулся и, шагнув к девушке, уперся рукой в стену над ее плечом:

— Речь идет о тебе, о выборе, который придется сделать.

Алена, как зачарованная смотрела в огромные голубые глаза, которые взирали на нее не то с мольбой, не то с тревогой, и почувствовала острую жалость и сострадание к этому изможденному, щуплому пареньку, которого шатало от усталости. Он был одного роста с ней и скорей всего одного возраста, и, не смотря на то, что был мужчиной и одним из ее неприятелей, сейчас казался уязвимым, слабым и нуждающимся в поддержке и помощи, больше чем она. Девушка тут же забыла разногласия и, всерьез озаботившись состоянием Лоан, посоветовала:

— Тебе надо больше отдыхать, по-моему, ты серьезно болен.

Рэй дернулся от неожиданного и непривычного проявления сочувствия, как от

пощечины.

— Причина в этом? Я отталкиваю тебя? — спросил тихо.

— Нет, — девушка нахмурилась, прикидывая: как бы помягче объяснить ему, что она просто не желает быть рабыней, не желает принадлежать ни Лоан, ни кому-то другому. И дело тут в воспитании и принципах, а не во внешности или здоровье.

— Я не заразен, — сказал Рэй, по-своему расценив ее молчанье.

— Да не в этом дело, пойми! Я не рабыня, никогда не была и не буду. Лучше умереть, чем жить по воле какого-нибудь самодура, выполнять его прихоти. Это скотство, грязь, понимаешь? Я не смогу так жить, это не для меня. Чтоб иметь отношения, нужно иметь чувства, а по принуждению... Нет! Ты или другой, какая разница? Суть одна — сломать себя, чтоб выжить, только стоит ли после этого жить? Нет. Я не смирюсь и мне все равно, что вы придумаете в наказание ...

Парень пристально посмотрел в ее глаза и, заметив страх, плескавшийся на дне зрачков, мгновенно понял, в чем дело.

— Ты не была с мужчиной ... — и поддался вперед. Лицо дрогнуло, брови сошлись на переносице, губы из фиолетовых превратились в лиловые, а взгляд стал острым, как бритва.

Алена так и застыла, забыв закрыть рот. Она впервые увидела, как меняются люди буквально за секунду. Куда исчез усталый, незащитный мальчишка? Перед ней стоял мужчина: волевой, сильный. Она могла рассмотреть каждую клеточку на его лице, так близко оно оказалось. Светлый ежик волос, классический нос, гладкая, словно атласная кожа с мелкими красноватыми пятнышками, то ли сыпь, то ли особенность их эпидермиса, и запах исходящий от него: незнакомый, острый и волнующий. Если б от этого запаха у нее не перехватило горло, она бы не удержалась и спросила название одеколona, чтоб потом, при случае, обязательно найти такой и подарить Сереже.

Алена напрочь забыла вопрос и тему разговора: этот запах и взгляд голубых глаз парализовали разум, вынесли все мысли из головы. Она попыталась отодвинуться и стряхнуть странное оцепенение, но парень тут же выставил вторую руку, преграждая ей путь и зажимая в тиски. Сердце ухнуло в груди, словно выбросило кровь в последний раз и замерло в ожидании.

— Алэна... — прошептал Рэй и, резко поддавшись вперед, впился губами в ее губы.

В голове девушки, словно что-то взорвалось, ослепительная вспышка и приятная зыбь, и нет ни сил, ни желания сопротивляться, только бы падать все глубже... Это было настолько необычно и приятно, что напугало ее до одури, и она, яростно воспротивившись неприличному и противоестественному, по ее мнению, чувству, клацнула зубами, прикусив губу нахала до крови, со всей силой ударила его коленом в пах и оттолкнула.

Лоан сделал шаг назад и, не спуская с девушки глаз, оттер кончиками пальцев кровь с губы. Алена напряглась, приготовившись к обороне, но тот слизнул кровь со своих пальцев и, не сказав ни слова, стремительно покинул комнату.

Девушка минут пять смотрела вслед, еще не веря в благополучный исход битвы, и, наконец, обессилено сползла по стене на пол. Ее охватило предчувствие чего-то страшного и непоправимого. Она уткнулась лбом в колени и, стиснув зубы, пыталась совладать с волнением и проанализировать случившееся. Не нужно обладать высоким интеллектом, чтоб понять: она вляпалась по самую Сахасрару и далеко не в патоку!

Господи, она ударила его по самому чувствительному месту так, что колено до сих пор ноет, а он даже не поморщился! У него что там, бронежилет?

Алена поднялась, дошла до постели и легла, прикрыв глаза рукой: 'думай, Чапай, думай!' А подумать было о чем. Эта мумифицированное подобие какого-нибудь Пита Бреда или Виго Мартинсена, несомненно, ей благоволило, однако это не радовало и сильно беспокоило. Ни в его добрые намерения, ни в свое светлое будущее ей не верилось.

Ворковская считала себя девушкой прагматичной и смышленной, твердо стоящей на платформе реализма, пусть и с небольшим перекосом в романтику. Знание истории и зоркий взгляд по сторонам давали ей право утверждать, что назначение женщины, ее социальный и психологический статус не претерпели значительных изменений за многие тысячелетия. И в каменном веке, и смутные времена, в эпоху возрождения и в век технической революции, всеобщей демократизации, стандартизации и акселерации, предназначение женщин осталось величиной постоянной и неизменной. И пусть крепнет движение феминисток, и вот уже век мир трубит о равенстве полов и свободе нравов, все равно мать останется матерью, жена женой, а дочь дочерью. Мужчины будут с патетикой восклицать, что курица не птица, баба — не человек, и галопом бежать в уютное гнездышко, свитое той самой курицей, только своей, родной, а значит не такой. И пусть у нее фигура бетономешалки, характер мексиканского кактуса и умственный потенциал 0 в квадрате, знаток женской психологии будет считать ее Дженифер Лопес и Софьей Ковалевской одновременно. И все потому, что ее тефтели вкуснее, чем в ресторане 'Москва', дома чище, чем в процедурном кабинете поликлиники УВД, уютнее и спокойней, чем в теплице. Никакой занудачальник или сосед — проситель не сможет пробить стену, которую она возвела вокруг своего демиурга, и он будет жить, зная, что его поймут, простят, чтоб ни натворил, прикроют от излишних треволений и будут исправно читать его фирменный журнал 'Лапша и уши'.

Из тысячелетия в тысячелетие, из века в век, из года в год женщины мира создают крепкий тыл для своих избранников, дарят им уверенность в собственных силах, толкают к новым рубежам, поддерживая их знамена, делят род и оберегают достигнутое. 'Ищите женщину' — говорят французы, и к ним стоит прислушаться. Чтобы ни произошло в мире, если хорошо поискать, у истоков обязательно окажется женщина, которая сыграла роль либо музы, либо Мефистофеля в данном действе и, как правило, абсолютно бессознательно.

Конечно, все меняется, и менталитет личности мутировал так же, как черномыльские членистоногие. Поэтому ничего удивительного, что некоторые представительницы слабого пола, накинув на себя серые мантии, пытаются возродить матриархат, устав от мужской деспотии и инфантилизма. Но кем бы они себя ни возомнили, и как бы низко ни опустили свои сильные половины, пытаясь изменить их отношение к себе, кесарь все равно не станет Юпитером, а Юпитер — быком.

Ах, если б Алена не летала в облаках, не принимала иллюзию за действительность, не мечтала, как другие серые кардинальчики, об особой судьбе, возомнив о себе бог знает что. Если б она послушала Сашу и выкинула из головы глупые мысли о сероглазом 'принце' и наплевала на карьеру доктора исторических наук, блазнившуюся ей со школьной скамьи. Если б она не презирала 'куриц', положивших свою независимость, свободу, способности и интеллект под грубый мужской ботинок, то не сидела бы сейчас в этой консервной банке, дрожа от страха и неизвестности, а примкнула бы к их рядам, став домохозяйкой и верной супругой. Ползала бы беременным животом вперед, собирая мужние носки по квартире, и мечтала о своевременном явлении благоверного домой. Жизнь была бы унылой и серой, но спокойной. Кастрюльки, горшки, стирка, уборка, ожидание зарплаты, стандартный секс без

всякой Кама-сутры, слезы умиления от мексиканского сериала, а вместо книг по египтологии и топонимике, сопливый романчик ‘а ля Мадам Бовари’, прочитанный в перерыве меж пробежкой по магазинам и трепетными нравоучениями свекрови.

Н-да... подобная перспектива Алену в свое время не прельщала, но сейчас показалась не такой уж и скверной. Ну, и что, что бытовуха? Зато сидела бы дома, а не в этом каземате, жевала котлетки и в ус не дула: мамочка с папочкой под боком. Опять же, не какой-то гуманоид в постель тащит, а Серега, земной, знакомый, здоровый и законный, а уж, чем себя при муже занять, умная женщина всегда найдет, тем более, характер у Мальцева золотой, вменяемый. Опять же подружки рядом — где подсказать, где посоветовать, а где и на путь истинный наставить — завсегда пожалуйста..

Говорила ведь Олеся: иди за Сергея, пожалеешь потом. Куда там! Ну, как же без Ворковской Византия и Само, Ширван и гогенштауфенская династия? Положить их на алтарь мужского геноцида, а сверху светлую мечту о докторской диссертации присовокупить? Студенческое братство поменять на объятья мужа — собственника и самодура, а интереснейшие дискуссии о временах Генриха восьмого и деяниях Гуго Капета на семейные дразги кухонного масштаба? Нет уж, увольте!

Вот и уволили! Виртуальная романтическая сага о сероглазом незнакомце и ‘докторе исторических наук’ Ворковской, превратилась в реалистичный триллер по стандарту голливудских блокбастеров, вот только привычного хеппи-энда, увы, не предвидится. Чует сердце беду неминуемую...

На этой минорной ноте Алена провалилась в сон. Подорванный стрессом организм требовал восстановления.

Жизнь в безвременье весьма скучна и монотонна. День и ночь сменяются не заметно, но об этом можно лишь догадываться по каким-то косвенным признакам, а не знать точно. Признаком смены суток для Алены было появление Вейтклифа. Его злобное:

— Встать!! — ознаменовало утро нового дня.

Девушка посмотрела на него и ‘близнецов’ и встала. Связываться было неохота: тело ныло, а мысль о втором нокауте не вдохновляла на ратные подвиги. ‘Выходной’- объявила себе девушка и смиренно потащила к выходу. Вейтклиф облил ее презрительным взглядом, холодным, как воды Ледовитого океана, и грубо толкнул в спину, поторапливая.

Дорога к ‘пещере Шерхана’ была суровой и нравоучительной. Уязвленное мужское самолюбие гуманоида требовало сатисфакции, и Ворковская в полной мере вкусила прелести его ‘незлобливового’ характера. Вейтклиф шел за спиной и бил ей ботинком то по голени, то под колено. Девушка падала и вставала, потом опять падала и опять вставала. Путь показался не близким. К встрече с доктором она уже значительно хромала и пребывала в скверном настроении, а Вейтклифа ‘любила’, как родного.

Эллан встретил ее хмурым взглядом и молча кивнул на кушетку. ‘И что он ко мне с этим шрамом привязался?’ — подумала Алена, оголяя плечо. Рана, конечно, затягивалась плохо, ныла и сильно болела, но ведь сам сделал, так что ж надо-то?

— Болит? — буркнул доктор.

— Нет. Зудит и жжет, — спокойно ответила девушка. Мужчина недоверчиво посмотрел на нее:

— Что-то ты тихая сегодня. Смирилась? Или временное затишье в ожидании новых идей?

— Тайм-аут. Обеденный перерыв.

— Так и знал, — хмыкнул доктор. — Ты неисправима.

— Ага, и социально опасна. Словили вы себе головную боль, господа гуманоиды.

— Не сомневаюсь, — серьезно кивнул доктор и занялся раной.

— И зачем вы это делаете? — спросила Алена, когда Эллан уже наложил пластырь. — Заняться нечем? Сначала режете, потом латаете.

— На удивление медленно проходит процесс регенерации, — после минутного изучения ее физиономии на предмет выявления каверзы, ответил врач. — Контролер отторгается, не нравится мне это, да и осложнения не нужны. Сложности ты и без меня найдешь.

— А что такое: контролер?

— Контрольный, моноимпульсный ультрафонолокатор с расширенными функциями и программой шоковой инфродестабилизации.

— Э-э-э, а можно поподробнее? У меня с физикой проблемы, — озадачилась Алена.

— И только? — хмыкнул Эллан и, сложив руки на груди, насмешливо посмотрел на нее, — Не знаю, что ты задумала, но уверен, что очередная бредовая идея не приведет ни к чему хорошему. Поэтому я расскажу тебе о контролере. Надеюсь, эта информация пойдет тебе на пользу. Суть устройства опустим и перейдем прямо к его назначению: контроль передвижения объекта. Любые, несанкционированные действия тут же блокируются. Шаг влево, шаг вправо, и он выбрасывает импульс в нервные окончания. О-очень больно, поверь

мне. Парализация конечностей наступает через 5 секунд и длится до двух часов и более. Так что, сбежать ты не сможешь.

— Да уж куда бежать, господин хороший! Выжить бы, о том только и мыслю, — Алена хитро сощурилась. Эллан укоризненно качнул головой:

— Наплачется с тобой хозяин.

— Думаешь? — загадочно улыбнулась девушка. Это врачу не понравилось. Он подозрительно посмотрел на нее:

— Наметила жертву?

— Хочешь встать в очередь претендентов?

— Я смотрю, ты много знаешь,... Рэйсли просветил?! — занервничал Эллан. Для Алены это было, как подарок: 'Не нравится, да? Сейчас я тебе, лапочка, настроение попорчу!'

— Рэйсли это Рэйс? Красиво! И сам... мечта! Милый парнишка, галантный воспитанный... с тонкой душевной организацией. Ну, усохший малость, так это не главное, сам понимаешь. Главное, души во мне не чаёт. На все, говорит, ради вас, Алена Владимировна, готов! — залилась соловьем девушка.

— Замолчи! — рявкнул Эллан, основательно рассердившись. — Я сегодня же поговорю с ним! У тебя ничего не получится. Я не дам какой-то глупой твари портить ему жизнь! Из тебя тэн, как из меня...

— Светило медицинских наук галактического масштаба и придворный врач их императорских величеств! — съязвила девушка и с удивлением отметила перемену в лице мужчины. Оно стало бело-серым, а взгляд растерянным, будто Алена разгадала страшную тайну Эллана и продала ее злобным ворогам.

— Послушай, ты!.. — навис над ней 'Шерхан' с перекошенной физиономией. — Вэрэн совершил большую ошибку, ему нужно было либо отпустить тебя, либо убить на месте! Я сделаю все, чтоб ты закончила свое существование в ближайшие дни!

— А я, между прочим, в круиз по другим планетам не просилась, мне, что на тебя, что на остальных гуманоидов вместе с астрономией, глубоко параллельно. Я и на Земле без вас от скуки не умирала. Так что, дядя, толкни свою идейку Вэнсу или как его там? Пушай меня домой возвратит. Премного благодарна буду, и на Рэйсли даже не посмотрю, обещаю. Пусть живет себе, здоровье поправляет. Ты б, кстати, присматривал за ним получше, лекарства там какие дал, а то чахнет прямо на глазах твой подопечный. Не уследишь — сыграет в ящик парнишечка в самом расцвете лет...

Эллан наотмашь ударил ее по лицу, прервав саркастическую тираду. Алену мотнуло в сторону, а из губы брызнула кровь. Она медленно вытерла ее и исподлобья посмотрела на доктора:

— Зря, эскулап, ох зря! Вроде только начали налаживать теплые доверительные отношения, к консенсусу пришли, а ты раз, и по личику! Фи, как можно, дядя? Грубо. У вас отвратительное воспитание, Эллан Гуманоидович!

— Добавить? — сверкнул глазами тот и, схватив Алену, буквально выкинул из комнаты. Она ткнулась лбом в грудь обалдевшего Вейтклифа и, выпрямившись, широко улыбнулась ему в лицо:

— Веди Франкенштейн! — кивнула милостиво, закинула руки за спину и пошла вперед, загорланив во всю мощь голосовых связок: 'Эх, рано, встает охрана!'

Ее нагнали у первого поворота и грубо прервали 'песню' предупреждающим ударом по почкам. Продолжать сольный концерт расхотелось, и Алена, смолкнув, мирно потащила в

свой кубрик. Это видимо произвело благоприятное впечатление на соглядатаев, и они не только без членовредительства доставили ее в комнату, но и принесли поднос с едой.

Кушать хотелось сильно, но вид у предложенной пищи был столь не презентабельный, что отбил бы аппетит у любого. Пиала со студнеобразной кашцей, серого цвета, с запахом прогорклой овсянки, пара тонких темно — коричневых пластинок, слабо напоминающих хлеб, и круглый лиловый фрукт, размером с кулак. Алена сердито рассматривала пародию на обед и боролась с желанием запустить в кого-нибудь всеми его составными. Но никого не было, а кушать хотелось, и она, вздохнув, принялась впихивать в себя студень, злясь еще и на то, что есть приходилось хлебцами и руками — приборы ей не дали, как обычно.

Вообще кухня гуманоидов ее убивала. Каждый день одно и тоже с небольшими изменениями в десерте и цвете студня, но вкус... Пресный, терпкий и вяжущий, как незрелая хурма, но сытный, не отнимешь, а вот фрукты, если это были фрукты, весьма недурственны: сочные, мягкие, сладковато — кислые. Они хорошо утоляли жажду, но от тоски по привычному чаю, кофе или компоту не избавляли.

Когда еда с подноса исчезла, на пороге появился один из 'бультерьеров', в который раз подивив девушку своей расторопностью, и забрал пустую посуду.

Ворковская уселась удобнее и задумалась. 'Думу думать' стало для нее единственным и постоянным занятием в этом каземате. Если б она столь сильно напрягала свои извилины на воле, то, наверное, через месяц снискала бы славу Кузанского или Бейли. Однако дома не до того было, других забот хватало, а здесь заняться больше было нечем.

Ей не давала покоя информация о контролере. 'Горе от ума', предписанное министерством просвещения для глобального изучения по школьной программе, Аленой было проигнорировано и поэтому мысль: а не вытащить ли контролер и не выкинуть на фиг, гуманоидам назло — казалась весьма удачной. Она тщательно осмотрела рану, прикинув его местоположение, и озабоченно осмотрелась вокруг: хирургических инструментов и наркозных масок не наблюдалось. Это смущало. Ни камикадзе, ни мазохистской она не была, а к суициду относилась, как к тяжелому поражению психики и нервной системы в целом. Однако, чтоб претворить свою идею в жизнь, нужно было плотно познакомиться с каждой из ипостасей: сначала, как камикадзе, залезть к себе в рану и, стойко и радостно претерпевая боль, как истинная мазохистка, вытащить контролер, чтоб впоследствии с гордой решимостью умереть от сепсиса или кровопотери, как заправский самоубийца.

Нет, конечно, причислиться к лику адекватных личностей при всем уважении к себе любимой, Алена уже не могла. Общение с инопланетянами и длительное пребывание в безвременье накладывали свой отпечаток и на поведенческий, и на психический уровень, а уж мысль о мужественном изнасиловании собственного тела с целью извлечения треклятого приборчика отдавала явной клиникой, но вот вопрос: а есть ли у нее выбор?

Есть. Смириться и стать примерной рабыней. А если учесть манеру обхождения и взгляды, которые на нее бросают, что Лоан, что другие флэтонцы, то расширение круга обязанностей неминуемо, и станет она банальной...наложницей.

Бр-р! Алену передернуло. Выходит, она берегла себя для этих моральных уродов? Нет, эта дорога для нее однозначно закрыта, даже мысленно, иначе она не только контролер без наркоза вытащит, но и сонную себе ногтем вскрыет и не поморщится, лишь бы не досталось ее брэнное тело злобным гуманоидам.

Алена встала и нервно заходила по комнате, ежась то ли от холода, то ли от страха. Срочно требовались разумная идея, реальный план спасения, но, увы, в голове было пусто,

как в селпо села Голодранцево Захолустынстинского уезда Шаропокатихинской губернии.

‘Поскрести по сусекам’ ей не дали. Стена открылась, и в комнату ввалился бессменный Вейтклиф. Он подвигал челюстями, поиграл бровями, что-то промычал и шумно вздохнул. По всему видать, мыслительный процесс давался ему с трудом, а уж словообразовательный вообще был не доступен. Алена хмыкнула и решила помочь, авось зачтется: ‘Господь жалел и нам велел.’

— Опять к кафиру?

Вейтклиф засопел, сжал кулаки и шагнул к ней:

— Кьяро... — с трудом произнес он и смолк. На большее, видать, не хватило. Взгляд обиженного ребенка, губы надуты...

‘Сам дурак!’ - чуть не лягнула девушка, но странный взгляд и поведение стража вовремя ее остановили.

— Что такое — кьяро? — спросила она с любопытством.

— Ведьма! — выдохнул он и бросился к ней.

‘Многообещающее начало..’ — подумала Алена, уворачиваясь и отходя в сторону. Вейтклиф загреб лапищей воздух, споткнулся, сообразил и обиженно взревел.

— Что надо-то? — выгнула бровь Алена, пытаясь получить объяснение странным пируэтам и мысленно прикидывая путь отступления. На мордочке ‘гоблина’ проступала решимость японского самурая. Это всерьез тревожило.

— Что случилось?..

Зря, ох зря! Разговаривать с больными инопланетянами, что травить разъяренных орангутангов — могут покусать.

Этот не кусал. Этот пытался схватить. Алена сначала успевала избежать тесной встречи, но долго бегать по железной коробке, размером 5 на 5, наперегонки с инопланетной гориллой было проблематично, и естественно Вейтклиф ее настиг.

Ворковская мысленно простилась со всеми родными и приготовилась к долгоиграющей экзекуции, с длительным болевым ощущением. Ей и в голову не приходило, что парень пожаловал сюда не за возмещением недавнего убийства его ‘чести и достоинству’, а за физическим удовлетворением, избавлением от снедающего его голода.

Он хрипел, как раненый зверь, пытаясь впиться Алене в губы, заламывал руки, раздирая одежду, сильный, как тайфун, напористый, безумный.

Девушка и сама обезумела, запаниковала, как только поняла его намерения. Омерзение, ужас, стыд нахлынули разом, и она зашлась в крике, пытаясь ударить посильней, укусить насильника, вывернуться из его рук, но Вейтклиф был словно выкован из железа — ни один удар не достиг цели, не заставил его поморщиться, не говоря уж, отступить и опомниться. Она, захлебываясь слезами, еще сопротивлялась, рвалась, царапалась, извивалась, но сил становилось все меньше и на краю сознания замаячило отчаянье. Надежды не оставалось: Вейтклиф прижал ее к полу всем весом, одной рукой пытаясь содрать одежду, другой, вцепившись в волосы, придерживал ее, настойчиво желая завладеть ее губами и ртом.

Она ничего не понимала от охватившего ее панического ужаса, когда в комнату ворвались трое: Лоан и два робота, и оттого не заметила их. Роботы оторвали Вейтклифа от девушки и выкинули за дверь, как щенка, а Рэй попытался поднять Алenu и успокоить. Но та ничего не соображала, продолжала всхлипывать и колотить руками уже по кэн, пытаясь отползти.

— Хватит! — прикрикнул он, и девушка очнулась, затихла, непонимающе уставилась

ему в глаза, дрожащая, жалкая, раздавленная.

— Вставай, — приказал он, протягивая ей ладонь, но она смогла лишь сесть, прикрывая руками разодранную кофту на груди. Взгляд безумный, затравленный. Рэй сжал зубы: вид девушки рождал в нем незнакомое чувство жалости и обострял до физической боли естественное желание, с которым он, как и остальные члены экипажа, не мог и не желал ни бороться, ни игнорировать. Нет, Вейтклифа он не осуждал.

Лоан поднял девушку и потащил в ванную комнату. Холодный душ привел ее в чувство, но усугубил физический дискомфорт. Девушку заколотило в ознобе, зашатало, затошнило. Рэй помог ей освободить желудок, поддерживая за талию, помог умыться, переодеться, укутал полотенцем и отвел в комнату. Однако, состояние Алены не улучшалось. Она по-прежнему дрожала и всхлипывала, кутаясь в полотенце. И взгляд девушки Рэйсли не нравился.

Подобное он видел не часто, но знал, что за ним скрывается что-то очень не хорошее, безрассудное и опрометчивое. Землянки вообще существа тонкие и ранимые, требующие огромного внимания и постоянного контроля, единственные в галактике столь прихотливые и хрупкие. Ни одна из его наложниц-землянок не жила больше месяца, но раньше Рэя это не тревожило и не волновало, а вот сейчас встало перед глазами не укором — пробелом в знаниях, промахом, недочетом, который мог вылиться в огромную проблему и разрушить планы...

Лоан подошел к стенной панели справа от постели, открыл ее и, взяв стакан, вернулся к девушке.

— Пей! — приказал он. Алена непонимающе посмотрела на него, потом на замысловато изогнутый стакан с темной, дымящейся жидкостью и нехотя взяла. Жидкость пахла, как больничное лекарство, что-то среднее между настойкой календулы и камфорным спиртом. Девушку передернуло, и она решительно протянула стакан обратно. Рэй не стал церемониться и насильно влил напиток ей в рот. Алену чуть не стошнило: по вкусу жидкость напоминала доведенную до кипения смесь забродившего гранатового сока и просроченной на десять лет кока-колы подпольного разлива.

— Гадость, какая! — прошипела она, чуть отдышавшись, с возмущением глядя на кэн, и сморщилась: во рту стоял железистый привкус, неприятный и въедливый, как сама жидкость.

— Это фэй. Он хорошо помогает при стрессах и быстро восстанавливает.

Алена посмотрела на него исподлобья и тихо заметила:

— Если не ломать, восстанавливать не придется.

Рэй качнул головой, принимая справедливость высказывания, присел перед ней на корточки и решил проявить сочувствие, но так как опыта в этом вопросе не имел, не нашел ничего лучше, чем спросить:

— Испугалась?

Алена посмотрела на него, как на ненормального: шутит или издевается? Она бы ответила ему, да слов достойных не нашла

— Я думаю, тебе стоит отдохнуть, — продолжил Лоан, не дождавшись от нее ответа. — Ничего страшного не произошло, успокойсь, и сама поймешь. Я же обещаю, что Вейтклиф здесь более не появится.

Алене его увещательная речь напоминала глупейшие тексты аутотренингов по системе: 'мне тепло, мне тепло, правда, отопление выключили, но мне все равно тепло...'

Эффект и в первом, и во втором случае один: хотелось бы верить, да не верилось, и все тут! Честнейшие глаза Лоан, сочувствие, которое он вымучивал из себя, преувеличенная забота... 'Фальшь! Мастерская игра, ничего больше. Что он, что Вейтклиф — желание однс на двоих, только один его не прячет под маску этакого добрячка, рыцаря и праведника, как другой. Ненавижу! Отвяжись со своей заботой!' — подумала девушка и, старательно спрятав глаза, согласно кивнула, только бы поскорей избавиться от его общества: да, мол, 'все хорошо, прекрасная маркиза'.

Лоан без труда уловил мысли девушки, они отпечатались на ее лице, не оставляя сомнений. 'Что ж, самое время для поспешных выводов и поступков. А эмоции помогут усугубить стрессовое состояние организма. Женщины...' — укоризненно качнул головой кэн и выпрямился:

— Только не впадай в крайности. Повода нет, — заметил он и вышел.

'Действительно!' — с сарказмом заметила девушка, проводив кэн тяжелым взглядом и еле сдерживаясь, чтоб не закатить истерику. Шок от пережитого цепко держал ее в своих дланях. Не разум, эмоции руководили ее существом и диктовали свои условия бытия. Она уже знала, что будет делать, но теперь не задумывалась ни над последствиями поступка, ни над его своевременностью и необходимостью.

Алена, впервые изведав подобное унижение, ни за что не желала пройти через него вновь, но что подобное случится и, быть может, в еще худшем варианте, не сомневалась. 'Ничего страшного не произошло', — бились в голове слова кэн и красноречиво сообщали о многом: и о ее статусе, и об отношении членов экипажа, и о моральном кодексе 'братьев по разуму', и о будущем, которое ее ждет: не Вейтклиф, так другой.

Нет, она была готова на любое безумие, лишь бы оградить себя от повторного ужаса, и не думая, вытащила чудо-пластинку, презентованную Рэем, и положила в рот. Подождала пока та растает, и оголила свое плечо.

Т-образная ранка, освобожденная от пластыря, вызывала щемящую жалость к самой себе, но Алена запретила себе даже думать на эту тему, чтоб не потерять решимости. Она глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду и, зажмурившись, на ощупь, начала вскрывать рубец обломанным ногтем. Пальцы дрожали, как у эпилептика, на лбу выступила испарина, и, хотя боль была терпимой, приглушенно далекой, чувство омерзения, отвращения и нервозности замещали ее в полном объеме.

Девушка стиснула зубы и посмотрела на плечо. Крови было столько, что впору бы упасть в обморок, она и не думала, что ее может быть так много. Темные струйки вытекали из раны, как вода из-под крана, вились по плечу, пропитывали одежду, заливали ложе, пол и не желали останавливаться. Пальцы скользили по плоти, влажные, липкие, непослушные и никак не могли нащупать контролер.

Девушка, мысленно ужасаясь своим действиям и количеству теряемой крови, все же продолжала разрывать мышцы и шарить в ране, из последних сил противостоя дурноте, головокружению и ...достовам рассудка. Наконец, когда она уже была готова содрать все мясо с плеча, приборчик отыскался. Однако вытащить его оказалось не так просто. Он выскальзывал и словно был впаян в волокна. Алена, основательно разозлившись на все и вся, рванула его, не желая сдаваться, и закричала от дикой боли. Ее мгновенно скрутило в жгут, и она рухнула на лежанку, поскуливая и кусая губы. Минута, другая и боль отступила. Вместо нее на девушку напал истерический смех, а приборчик, зажатый в окровавленной ладони, добавлял приятных ощущений, наполнял ее существо чувством глубокого удовлетворения и

злорадством: ‘Вот вам, уродцы инопланетные! Получите!’

Ворковская с сардонической усмешкой попыталась раздавить контролер, предвкушая полную победу над гуманоидовым экстремизмом, но тот не поддавался, а лишь скользил в липких пальцах. ‘Ладно! Посмотрим! Сейчас я вам устрою!..’

Девушка, пошатываясь от слабости, прошла в ванную комнату, оглядела помещение в поисках чего-нибудь увесистого и пригодного к употреблению в качестве молотка или пресса, и, не обнаружив ничего более подходящего, открыла дверцу шкафа, засунула ‘пуговку’ в разъем и с силой захлопнула.

Это произвело эффект взрыва противотанковой гранаты. Маленький, размером с подушечку указательного пальца приборчик, лопнул с оглушительным звуком и фейерверком из ослепительных искр. Алену откинуло и впечатало в стену, как наклейку ‘Радио Шансон’ на лобовое стекло.

Спроси ее: зачем она это сделала? Что и кому хотела доказать? И что дальше? Она бы привела массу доводов в пользу своих действий, с достоинством ‘униженного и оскорбленного’ легко ответила на первый и второй вопрос и забуксовала бы на третьем. Увы, имеющийся план был теоретическим и не имел не малейшего шанса на практическое применение. Но поняла она это только сейчас, отдавая сознание обморочной пустоте.

Лоан, шатаясь и придерживаясь за стену, шел к Эллану. Последние часы окончательно его обессилили.

Рэй поставил капитана Вэрэна в известность о происшествии с тэн и тот, пожалв плечами, собрал ее потенциальных покупателей и под возмущенные крики Вейтклифа отстранил его от обязанностей на три дня. На его место больше всех претендовал Гзан, но обдумав и всё взвесив, капитан все же назначил Лоан. Решению Вэрэна, внимательно оглядев кэн, противились лишь двое, да и то сдались через пять минут, услышав, что цена тэн поднялась на 50 %. Это уже превышало все допустимые нормы, но все понимали, что это не предел и притихли. Тэн стала не по карману трем претендентам, но Рэй, как и другие, был уверен, что уже к вечеру на их место заявят права другие члены экипажа, как только узнают подробности.

Рабыня интересовала всех, за ней следили, как за призовым рысаком, идущим к финишу, делали ставки, заключали пари. Подобного за 75 лет службы Вэрэн не помнил, впрочем, и подобных тэн ему еще ни разу не счастливо получать на свой корабль, так близко сталкиваться с ними, наблюдать. Он слышал о подобных и даже видел нечто схожее на Кургосских торгах, куда доставлял свой товар, но все же сомневался в неисчерпаемом и-цы, приписывая его видимость хорошему обращению торговцев со своими рабами.

Эта девчонка стоила уже больше половины его гоффита ^[10] и он был уверен — это не предел. Поэтому, естественно, желал сохранить ее в целости до посадки, а это было не легко. В кодексе не обговаривались нюансы действий по отношению к особым тэн, таким, как эта, и Вэрэн был вынужден импровизировать. Гзан решительно не подходил на место Вейтклифа. Этот мальчишка только неделю назад использовал одну из рабынь и сейчас буквально цвел от переполнявших его сил. Он был достаточно обеспечен и на данный момент здоров, чтоб без труда взять тэн в обход других, не дожидаясь официального заключения сделки и предоставив в качестве обычной, в таком случае компенсации претендентам — двойную стоимость товара.

Впрочем, на подобное без раздумий и с превеликой радостью решился бы любой из экипажа, лишь бы позволил размер гуэдо, но не каждый бы смог ее взять, многие ослабели настолько, что даже вахту несли лишь по 6 часов, не выдерживая нагрузок. Не хватка и-цы и переполнение организма у-фу ^[11] катастрофически сказывалась на экипаже. Флэтонцы умирали. 12 раз был запущен сброс-отсек, а впереди ожидалось еще большие потери. Если из дальних экспедиций домой возвращалось две трети ушедших в рейс, это считалось удачей, но случалось подобное редко. Как правило, потери составляли половину экипажа... особенно на гоффитах старого образца.

Положение вещей понимали и претенденты, собравшиеся в каюте капитана. И поэтому они настороженно поглядывали друг на друга, выбирая самого, по их мнению, слабого, того, кому и-цы тэн уже не сможет помочь, того, кто в ближайшее время будет помещен в сброс-отсек. По мнению большинства, это был Рэйсли Лоан, но Гзан, Акоши и Вэрэн сомневались. Первые два — из-за врожденного недоверия к кому бы то ни было или во что бы то ни было вообще, а капитан оттого, что знал больше других.

Сейти Рейсли Лоан мог бы стать сегюр, но если ему было отказано в первом, то и второе становилось не более, чем пустым звуком. Вэрэн знал, что его лишили всего и

отправили в дальнюю экспедицию, буквально навязав неуправляемого сейти экипажу. Настала пора перемен, и Рэйсли в них не было места, как впрочем, никогда не было и в родительском сердце.

Лоан выглядел очень плохо, но даже если б Вэрэну сказали, что тот умрет завтра, он бы засомневался. Рэйсли, по всем прогнозам, с самого рождения был не жилец, но все ж продержался до сего дня, и кто знает этого упряма, сколько еще будет цепляться за жизнь, вопреки законам природы и воле богов?

И все же, он был лучшей кандидатурой. Сейчас Рэй был еще в состоянии оплатить ту стоимость, что требовалась за рабыню, но больше у него ничего не было, и уже сегодня он не может заплатить компенсации, решившись взять рабыню, а завтра, чуть поднимись цена, тем более будет вынужден отказаться от притязаний на тэн. К тому же, он действительно слаб настолько, что, видимо, не протянет и пары суток. Смерть уже исказила его черты, проступив красными пятнами на коже — признак необратимых изменений в организме, симптом последней стадии распада органов, предвестник агонии. Похоже, на этот раз ни Эллан, ни Модраш, ни тем более тэн, ему не помогут. Но он — сейти, что бы там ни было, и первый в списке покупателей, а капитан обязан учитывать все обстоятельства.

Вэрэн поднял ладонь и постановил: передать полномочия стража тэн кэн Лоан на трое суток...

Рэй усмехнулся: 'Хитрец Вэрэн. Понимает старый фишэдо, что Алена и дня спокойно прожить не сможет, вот и решил потянуть время, сохранив 'лицо'. За три дня многое может произойти: цена взметнется, ...я умру...' Он уперся лбом в стену, радуясь, что никто не видит его в таком состоянии, и посмотрел на свою руку: тонкие костистые пальцы обтягивала желтая кожа, синие лунки ногтей и маленькое красное пятнышко ближе к запястью. Смерть... 32 года постоянного ожидания, бег по кругу и вот, когда появилась надежда, она решила, что с него хватит. Еще один сет? Если б не эти пятна...

Рэй, разозлившись, резко оттолкнулся от стены и впечатал в нее кулак: Нет! Он не будет раскисать! Нет, смерти придется убраться восвояси голодной. Он не достался ей раньше и не достанется сейчас!

Эллан был на месте и, увидев Рэя, помрачнел:

— Ты ужасно выглядишь.

— Знаю, — кивнул Лоан и, выдвинув сиденье из стены, сел. — У меня закончился ику.

Эллан вытащил пачку из нагрудного кармана, протянул Лоан и пока тот ждал эффекта от принятого лекарства наложил датчики на запястья кэн, включил стенной дисплей у него за спиной, и сосредоточился на изучении параметров жизнеобеспечения и функционирования органов и организма в целом.

— Плохо? — спросил Рэй минут через пять.

— Нет. Отвратительно. Ику можешь выбросить. Завтра к вечеру они тебе уже не помогут.

Лоан кивнул: понятно.

— Сколько мне осталось?

Эллан задумался:

— Процесс распада идет очень быстро. У-фу превышает допустимые пределы в 15 раз, каналы истончены, засорены и не функционируют, и-цы отсутствует. Органы начнут отказывать через сутки, еще сутки на агонию... учитывая твоё Ка [\[12\]](#)- трое. Итого — четыре дня.

— Выход?

— Сэн- сэш ^[13]! — бросил Эллан. Рэй улыбнулся, как всегда, когда он разозлен или недоволен: уголки губ чуть приподняты, а в глазах холод и пустота, и кафира бросило в дрожь: даже перед смертью Лоан верен себе!

— Это конец, Рэй! Все! Пойми. Я больше ничем не смогу помочь, и никто не сможет.

— Ты уверен? — прищурился кэн.

Эллан настороженно посмотрел на парня и потрясенно мотнул головой, догадавшись:

— Тэн?! Это бесполезно! Твои каналы не подлежат восстановлению, ее и-цы даст тебе пару суток отсрочки, но ничего не решит. И потом, Рэй, тебе не дожить до оформления сделки.

Лоан со значением посмотрел на кафира, и тот укоризненно качнул головой:

— Это безрассудство. Бессмыслица! Девчонка своенравна, дерзка, глупа и неуправляема, через сутки она будет стоять, как эта старая посуда! Где ты возьмешь гуэдо, чтоб оплатить еще и компенсацию?

— Попрошу у Иллана.

— Попросишь?! Ты?! — беспредельно удивился мужчина и потрясенно уставился на Лоан — Ты готов оставить после себя долги из-за тэн?! Просить... у брата?! Чем она тебя так привлекла? И-цы? Это иллюзия, Рэй, ты выпьешь его за сутки, как у других ... у них были те же показатели, и что менялось? Ты получал облегчение на пару недель. В этом случае было бы тоже самое, но у тебя последняя стадия распада, и времени не осталось. Ты выиграешь от силы день...

Рэйсли встал:

— Сколько ты мне отмерил? Четверо суток? Поговорим через четыре дня, — бросил он и вышел.

Лоан прошел к себе и, не раздеваясь, лег спать.

Ему казалось, он только заснул, как его разбудили: у постели сидел низкорослый крепыш Гзан и, ухмыляясь, смотрел на него, брякая гуэдо, широким браслетом из плоских топазов.

Рэй сел:

— У меня день посещений?

— Ты проспал свою подопечную Лоан, — засмеялся он.

— Что на этот раз?

— Она извлекла контролер. Сама. Извлекла и ликвидировала, — парень широко улыбнулся. — Ты выбываешь Рэй.

— Это ты решил?

— Гуэдо, кэн. Цена увеличилась вдвое.

— Понятно, — Лоан встал, лицо безмятежное, взгляд насмешливый. — А ты, значит, остаешься?

— Да, я заложил Шивраки имущество, — Гзан довольно ухмыльнулся. — Я теперь первый!

— Не думаю, — покачал головой кэн и прищурился, поддавшись к парню. — Я остаюсь, Гзан.

Парень посерьезнел, подумал и кивнул:

— Если сможешь, заплатишь — твое право.

— Смогу, не сомневайся, — презрительно сморщился Рэй и пошел в ванную комнату. — Расскажи: что было?

Гзан, немного огорченный, но спокойный, пошел следом. Он привалился плечом к стене и, поглядывая то на свое гуэдо, то на кэна, приводившего себя в порядок, тихо заговорил:

— Данные с ее контролера перестали поступать на экран. Внимание на это обратили не сразу. В общем, капитан сам пошел к ней. ‘Порадовался’. Контролер уничтожен, вживление в ближайшие дни невозможно — раневая поверхность и кровопотеря не позволяют. Он зол, как килпатрик [\[14\]](#), думаю, решил поставить клеймо... Ты бы поговорил с ним? Такой товар и сленгирам [\[15\]](#)? Глупо.

Лоан вытер лицо насухо, откинул полотенце и повернулся к парню:

— Передай капитану, что эксцессов больше не будет. Девчонка станет тиха и послушна, — Рэй вытащил из своего алмазного гуэдо все платиновые пластины и вложил их в ладонь Гзан. — Здесь 8, остальное позже.

— Это, чтобы он поверил? — подозрительно прищурился парень.

— Ты передай, он поймет. А сейчас мне пора. Вахта, — Лоан тяжело посмотрел на товарища и вышел.

Парень пожевал миниатюрными челюстями, задумчиво поглядывая на внушительную сумму на своей ладони, и, решив, что это лишь откуп, немного успокоился. Сумма не покрывает и сегодняшнюю стоимость тэн, тем более компенсацию, а кэн не настолько глуп, чтоб подвергать себя агрэсту [\[16\]](#). Гзан подкинул пластинки на ладони и улыбнулся: три дня, и у него появится шанс.

Рэйсли сидел на ложе девушки и всматривался в ее бледное лицо. Она крепко спала и выглядела покладистой и умиротворенной.

Лоан прикоснулся пальцами к ее коже и почувствовал волнение. Жар ее ауры пронизывал теплом и будил животное желание. Пальцы парня, дрогнув, заскользили к ее губам, желая дотронуться до и-цы, необычного, ярко фиолетового, окутанного оранжевым светом.

Рэй, как всякий флэтонец, видел энергию любого существа, мог с легкостью определить ее запас, вкус, качество, степень ее защиты. 32 года он питался кислым, зеленым и-цы бельфорк, скудным и тяжело доступным; малиново-оранжевым степцерок, терпким, хорошо защищенным, но оказывающим пролонгированное воздействие на организм, дающим ясность мыслей, силу и бодрость на месяц, а то и больше; темно-синим девушек с Юккси, с пятью уровнями защиты, густой, но безвкусный и быстро перерабатывающийся организмом, дающий кратковременное облегчение и расслабление мышц. И-цы серебристое, радужное, яркое и бесцветное, обильное и скудное, живительное и просто питающее, притупляющее голод, застойное и густое, истонченное и разряженное, горько-соленое и приторно — сладкое...

Разные женщины складывали свое и-цы в цепочку его жизни, продлевая дни существования, кто на день, кто на месяц, и умирали: одни сразу, еще при передаче, другие восстанавливались несколько раз, но в итоге все равно уходили, истаивали, и ничего не менялось, смерть неотступно следовала за Лоан, напоминая о себе почти ежедневно...

Он помнит рассказы Поттана в прохладном сумраке къета Модраш. Они врезались ему в память и вели по жизни, заставляя вставать, когда нет сил и желания, заставляя надеяться, когда вера почти иссякла, бороться с собственным телом, подводящим его с рождения, изводящим болью и слабостью изо дня в день.

‘Придет время и Модраш одарит тебя за верность ...’ — шептали губы старого жреца, рука гладила мокрую от пота голову маленького Рэйсли. Он лежал без сил, раздавленный болезнью, дрожащий и смотрел в глубь каменного свода над головой, туда, где виднелся огромный алмаз — глаз Модраш. Он хотел, чтоб бог увидел его, пожалел и излечил, дал возможность бегать, скакать, резвиться...

‘... Он не оставляет своих крестников. Он мудр и всемогущ и он выбрал тебя. Придет время и Модраш одарит тебя, как любимого сына. Ты встанешь у истоков нового мира, будешь, силен и здоров. Ты положишь начало новой жизни и получишь ранг сегюр. Ты получишь то, что не имеет никто: вечность и бесконечность...’ Восьмилетний Рэйсли пытался осознать смысл слов Поттана и не мог, взор туманился и каменные стены уплывали в сторону, а тихий голос усыплял разум, утомлял ослабевшее тело. Бесконечность казалась мрачным сырым коридором в пустоту, населенным болью и муками, по которому Рэйсли придется бродить вечность...

— Как он мне поможет? — хрипло вопрошал четырнадцатилетний Рэйсли, щуря слезящиеся от воспаления глаза на алмаз над головой и дрожал от обиды: ‘Почему я

крестник Модраш, живу 'в долг'? Почему я, а не Иллан?' Ему хотелось тех же радостей, что достались его брату: здоровья, силы, свободы, отцовской любви, восхищения.

‘Есть источники, из которых бьет неисчерпаемая энергия, и сколько бы ты ее ни брал, она не иссякнет, а лишь увеличится. Она сытна и живительна, она способна возродить любого, прикоснувшегося к ней. Она ключ к вечной жизни.’...

— ...Это невозможно, — шурился шестнадцатилетний Рэйсли, сидя на каменных плитах напротив жреца, и придерживал ладонью горящую от боли грудь.

— Это бесценное сокровище существует, но может достаться лишь достойному...

— Я хочу убедиться...

— Неверие не может дать ценные всходы. Оно рождает пустоту, и лишь вера наполняет нас смыслом...

— Я верю, но я хочу знать, где искать. Я хочу стать достойным и подготовиться...

— Жди и верь. Мысли складываются в дни, и время бежит незаметно. Ты только заложил камни в основание своей дороги, но не выбрал ландшафт и сомневаешься в спутниках. Сюжет твоей жизни, тебе не ясен. Ты наполнил его зыбкими силуэтами и очертаниями, а они должны стать четкими. Ты должен не просто верить, ты должен знать...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— ... О, Модраш! Освети мой разум своей мудростью и яви свою волю! Укажи цель и путь! Я клянусь исполнить предначертание и быть достойным твоей заботы! — шептали фиолетовые губы восемнадцатилетнего Рэйсли. Он стоял на коленях перед статуей грозного Модраш и с надеждой взирал на каменный лик. Жертвенная чаша у его ног дымилась от свежей крови, и ее сладковатый запах, смешиваясь с ароматом благовоний, кружил голову. По залу эхом катился приглушенный голос Поттана, читающего заклинательные молитвы за спиной Лоан. Эксилисты ^[17]убирали зал, счищали с каменных плит сгустки крови. Четыре эстиба ^[18]готовили для ритуала хуган ^[19], стелили на него расшитое золотом покрывало с заклинательной вязью.

Ладонь Поттана легла на голое плечо сейти:

— Пора.

Эстибы помогли лечь и, закрепив тело юноши на хугане, подняли плиту на 35 градусов. Лицо Модраш грозно взирало на Лоан и словно сомневалось...

Фэйра сжала ладонями щеки парня и, поцеловав в лоб, положила ему под язык шарик цо-о ^[20]:

— В добрый путь... — женщина скользнула в арку и исчезла.

Поттан зашептал заклинания, налагая знаки на обнаженный торс парня жертвенной кровью. Все закружилось перед глазами Лоан, зашумело в ушах, секунда — и шепот жреца стал подобен раскату грома, а зрение обострилось настолько, что ритуальный зал, погруженный в полумрак, воспринимался как залитая ярким солнечным светом комната.

Жрец ушел. В зале остались лишь эстибы, расположившиеся на полу с четырех сторон хугана. Они будут охранять покой тела до возвращения Рэйсли.

Грудь парня еще вздымалась какое-то время и вот замерла, широко распахнутые глаза застыли, взирая на лик божества, и только вертикальные зрачки говорили о том, что хозяин тела жив и просто ушел по своим делам.

Рэй вышел, как никогда легко и не плутая, оказался перед огромным, необъятным и величественным столбом ярко-красного света. Не имеющая аналогов по мощи энергия с

гулом спускалась по нему вниз, исторгаясь из зева Модраш, и обдавала жаром, окутывая столб клубами оранжевого дыма.

Рэй всматривался внутрь света и вот полетел, сначала медленно, потом быстрее.

Перед глазами замелькали картинки: каньоны, диковинные животные, бредущие в одиночку и стадами, огромный водный простор, озера, реки, вершины, покрытые снегом, густые заросли лесов, скопище странных архитектурных сооружений. Все мелькало перед глазами, кружилось — и вот замедлилось.

Перед Рэйсли предстал изумительный, ирреальный пейзаж: серые здания на фоне темно-синего неба, укрытые, как и земля вокруг, пушистым искрящимся снегом. Снег! Рэй не мог поверить своим глазам: с неба падал снег! Его было так много, что можно было купаться!..

Его охватил восторг, но никто не разделял его, словно не понимал чудо происходящего. Странные существа кутались в странную одежду, спешили куда-то, не замечая ничего вокруг, топтали лежащий под ноги снег, как слепцы. Их и-цы было неправдоподобно доступным и открыто лежало на губах. Воздух был насыщен ароматом всевозможных энергий и пьянил. Рэй разозлился на этих глупцов, заметался в поисках хоть одного здравомыслящего и зрячего и увидел... детей! Самых настоящих, живых, из естественной крови и плоти, с маленьким, только затеплившимся, но чистым, как родник, и-цы! Они были смешно одеты, укутаны с ног до головы и напоминали колобков. Их было много! Очень, очень много!

Рэй оглянулся, присматриваясь внимательней к этому странному миру, и понял, что он наполнен детьми: маленькими, лежащими в странных приспособлениях, постарше и подростки... Это потрясло его до основания, и он вернулся к толпе тех детей, которые копошились за странной сетчатой преградой вокруг больших комков из снега. Один ребенок вдруг отделился от остальных и, пробежав пару метров, вскинул голову к небу и закружился, разведя ручки в сторону. Темно-синие глаза с наивным восторгом взирали в синеющую небесную даль, а нежное, розовое личико украшала беззаботная улыбка. От ребенка исходил изысканный аромат чего-то необычайно вкусного и удивительно приятного. Тонкое благоухание и-цы кружил голову и околдовывал, а цвет, насыщенно фиолетовый, смешанный с ярко оранжевым — волновал и очаровывал. И все это богатство открыто лежало на губах ребенка, не ведая об опасности...

Рэй вернулся потрясенным и растерянным. Где же искать тот мир, где живут так безоглядно открыто?

— ... Это Земля, — пояснил потом Поттан. — Времена года на Земле сменяются, как время суток. Земляне не организованны, теплолюбивы, не образованны. У них нет проблем с водой, но их тела более хрупки, чем наши. На Кургосских торгах выставляют тэн с Земли, ты сможешь узнать все, что необходимо...

— ...это девочка, — улыбнулась Фэйра. — Вот что приготовил для тебя Модраш.

— Ей не больше шести...

— А тебе 18. Когда она вырастет и будет готова, ты будешь в самом начале пути...

— Ты хочешь сказать — умру? — прищурился Рэй, и Фэйра побледнела:

— Нет, сынок, нет! Верь!

— Никто не доживает до 30...

— А большинство умирает к шести годам.

— Да, их я пережил, — горько усмехнулся парень.

— И переживешь других! Ты крестник Модраш! Тебя ждет великое будущее, не смей

сомневаться!

— Фэйра, и-цы поддерживает, но не спасает...

— Это зависит от качества энергии...

— Ты встречала тех, кому она помогла?

— Да, но это были лишь самые достойные!....

Он оказался достойным. Он прошел этот путь, выдержал, дожил.

Алена...Почему он не понял сразу, не распознал тот аромат?

Синие глаза и золото волос, в руках алое полотнище, как знак, как крик — я пришла!

Модраш... его цвета, его воля, его дар. А он дважды чуть не потерял Алену, отказывался, медлил...

Глупец! Долой сомнения. Он не выпустит ее из своих рук, а чтоб задобрить Модраш и доказать, что он лишь замешкался, но не терял веры, Рэй будет терпелив и мягок с землянкой.

‘А если это действительно она?’ — похолодел Лоан и замер на минуту, вглядываясь в лицо девушки — ‘Модраш может наказать за промедление, приняв его за пренебрежение, и забрать ее...Я,...возьму ее в жены...’ Рэй качнул головой: безумие! И все же ...’Если это она?’

Лоан взял себя в руки: ‘Значит, так тому и быть! Я возьму ответственность на себя и докажу, что достоин! Она станет моей женой.... Если она ...та. И ждать я больше не стану. Хватит, все очевидно’.

Алена открыла глаза и с удивлением воззрилась на Рэя: что он здесь делает? И подумала: 'Наверное, опять будет нотации читать, 'отец родной'! Или экскурс в философию устроит.' Девушка вздохнула и приподнялась, желая сесть удобнее. Это удалось с трудом: голова отчего-то кружилась, а тело было непослушным и тяжелым. 'Ах, да!' — вспомнилось ей недавнее происшествие, и слабость уже не удивляла.

Рэй устроился на освободившемся пространстве: уперся спиной в стену, а ногой в край постели, и, сложив руки на коленях, молча уставился в стену напротив.

'Между прочим, я здесь сплю!' — хотела сделать замечание Алена, но взгляд наткнулся на кисть Лоан, и мысли поплыли в другом направлении. 'Ничего себе! Вот это нейл-арт! Ему бы графу Дракулу без грима играть, Стокер бы обрыдался, до того б реалистичный вампир получился!'

Рэй проследил за ее взглядом и вопросительно посмотрел на девушку.

— Так, — пожалала она плечами. — Маникюрчиком люблюсь — веселенький.

Очень ей порезвиться хотелось, 'покусать' чудика инопланетного. Душа праздника требовала — гордость ее переполняла, оттого что уела она злобных гуманоидов, а те и знать не знают! Молчит кэн, значит не в курсе, иначе б сетованием замучил, нудил бы, как комар над ухом, страшилки рассказывал, а не изображал роденовского мыслителя в извращенном варианте.

Нет, какая она все-таки умница, красавица, 'комсомолка, спортсменка' и сплошь героическая личность! Вот вам, гремлины флетонские, и простая российская студентка! И Вейтклифа — садюгу уела, и 'Шерхана' достала, и, главное, контролер нейтрализовала! Так и хотелось кэна подразнить: рожицу скорчить, ручками покрутить и язык показать: а приборчик — то ваш, тью-тью!

— Эйфория? — покосился Лоан на ее довольную улыбку. — Это от кровопотери, пройдет.

— В смысле? — не поняла Алена и застыла. Дошло. Улыбка мгновенно слетела с лица, взгляд стал растерянным. Мысли расплзлись, как насекомые по газону, и Алена, всерьез озаботившись своим умственным потенциалом, поняла, что ее диагноз не утешителен.

Она поморщилась, мотнула головой, закусила с досады губу и увидела, наконец, что сидит в лифчике и джинсах. Кофта отсутствовала. На плече красовался здоровый бугор, накрытый пластырем, величиной с ладонь. 'Замечательно!' — сникла девушка, устыдившись, и покосилась на парня. Тот по-прежнему разглядывал стену, изображая статую пофигиста. Это немного успокаивало и внушало уважение к такту флетонских сержантов.

'Умница, так и сиди', - мысленно посоветовала ему девушка и начала осторожно сползать с постели, желая как можно скорее и незаметнее перетечь в ванную комнату и одеться. Она уже спустила ноги на пол, как Лоан опустил свою ладонь ей на колено и придавил взглядом:

— Куда?

Голос был тихий, тон убийственно-спокойный и Алену мгновенно приморозило к ложу. Нехорошее предчувствие быстренько заселилось в душу, и по коже поползли мурашки.

— Мне ... надо...в ванную... — просипела она.

— Сиди. Порезвилась и хватит, — лениво заметил кэн, спустил ноги на пол и внимательно посмотрел ей в глаза. — Твой скудный умок в состоянии оценить и запомнить смысл слова — благоразумие?

Алена нахмурилась, не зная, что делать: то ли бежать куда подальше от греха, то ли послушать, изобразив буйную тягу к знаниям. Бежать было некуда, и ей остался второй вариант, а чтоб беседа была душевной, но не закосила в сторону ‘сэкси-трах’, девушка сложила руки на груди, прикрыв, как смогла, неглиже и постаралась придать лицу глубокомысленное выражение:

— Э-э-э... в смысле? — ответила невпопад, забыв вопрос.

Рэй кивнул с пониманием и начал снимать с руки браслет. Алена с любопытством рассматривала красивую безделушку: широкие, небесно-голубые, сверкающие квадратные пластины, вправленные в странный металл: то ли платина, то ли еще какой драгметалл из инопланетной системы периодических элементов. Дивная вещица. На новенький Мерседес потянула, а то и два, если б такие огромные, голубые алмазы существовали в природе.

Рэйс стянул его с запястья и сунул в карман.

— Бить будешь? — поддела его девушка.

— Не буду. Пока, — спокойно ответил он и расстегнул рукава, от запястья до локтя.

— А почему пока? И что будешь сейчас? Нотации читать станешь? А если не проникнусь, то и физическое воздействие в ход пойдет? Шпицрутены на изготовку, розги в соль?

Кэн насмешливо глянул на нее:

— Нравоученья читать я тебе не буду, — и стянул один ботинок, литой, тяжелый по виду. — Во-первых — бесполезно, во-вторых, — второй ботинок рухнул на пол, — поздно.

Девушка насторожилась. Не нравился ей этот стриптиз, беспокоил, и не сказать, чтоб слегка.

— Что-то я не понимаю...

— Это не новость.

— Может, объяснишь: что все это значит? — нахмурилась Алена, оскорбившись и растерявшись одновременно.

— А ты сможешь понять? Осмыслить? — Рэй лениво встал и начал расстегивать пояс на комбинезоне, поглядывая на девушку, как сфинкс. Алена медленно, но верно начала впадать в панику: в животе похолодело, тело парализовало.

— Я просил тебя, твоим родным языком, вести себя тихо? Ты услышала? Уразумела? Извини, изучал я его, конечно, не по словарю молодежных алогизмов и потому, наверное, не особо впечатлил, — пояс полетел на пол, и пришла пора комбинезона. — И все бы ничего, милая, но твои действия привели в бешенство капитана, и не сегодня-завтра, он с радостью поставит тавро на твою нежную кожу, и лабораторные крысы порадуются новому товарищу. А это не входит в мои планы, — он стянул верх комбинезона. — Видишь ли, я не меняю своих решений и не терплю помех в достижении цели...

— Что ты делаешь? — брякнула Алена, разглядывая обнаженный торс кэна, худой, гладкий, скорее пригодный для изучения анатомии начинающего культуриста в период полового созревания, при дистрофии первой степени, чем для демонстрации с целью обольщения, и чувствовала себя ржавым тормозом.

— Раздеваюсь. И тебе советую, — Лоан откинул комбинезон и предстал пред девушкой во всей красе. Алена скривилась, окинув его оценивающим взглядом, и постаралась не

выдать своей тревоги и страха, которые, как змеи расползались по телу и разуму. Парень был поджарым и ладным, но слишком уж худосочным, чтоб всерьез его опасаться.

‘Лоан не Вейтклиф, с ним легко справиться’, — решила девушка, успокаивая себя, но тревога не отпускала.

— Ты решил меня изнасиловать? — нервно хохотнула она. Под ложечкой неприятно засосало. — Подрасти сначала.

Кэн насмешливо посмотрел на нее и сделал пару шагов, приближаясь.

Алена решила не ждать развязки и, откинувшись на ложе, сгруппировалась и резко выпрямила ноги, целясь ‘стриптизеру’ в живот.

Парень, не глядя, чуть качнулся, огибая взметнувшиеся ступни и с неожиданной силой и ловкостью подхватил Алену за талию, кинул обратно на ложе, перехватил летящие на него кулачки, сжал запястья и, заведя их за голову девушки, прижал к постели. Что-то щелкнуло, стискивая руки, и Ворковская запаниковала. Широкие браслеты наручников, выросшие казалось прямо из пластины, заменяющей ложе, крепко держали ее, не вырвешься.

— Ублюдок!! Извращенец!! Эксибиционист!! Мразь!! Отпусти меня сейчас же!! — взъярилась девушка, пытаясь пнуть кэн ногой.

Тот механически перехватил ее, прижал к постели без видимого усилия и, придавив ей колени своей ногой, спокойно расстегнул джинсы и рывком стянул их вместе с плавками. Еще полминуты, и щиколотки Алены, разведенные широко в стороны, были, как и запястья, крепко зажаты оковами, лифчик, сорванный одним движением, полетел на пол.

Она оказалась совершенно голой, распятой и абсолютно беззащитной перед похотливым инопланетянином, и, осознав это, девушка в отчаянье забилась изо всех сил, закричала, срывая голос. Страх, ярость и масса самых ‘положительных’ эмоции накрыли ее разум, и она билась, как безумная, выкрикивая проклятья и ругательства.

Рэй лег рядом, удобно устроившись, облокотился на локоть, подперев ладонью щеку и со скучающим любопытством, молча смотрел на ее конвульсии, в тщетной попытке вырваться, и слушал ее проклятья, словно услаждающую слух рапсодию.

Алена, наконец, смолкла, обессилев, и с ужасом и мольбой уставилась на кэна.

— Все? — тихо спросил он, с видом заботливого родителя, — Можешь продолжить, если себя не жалко. Времени у нас не меряно, я подожду, — с самым серьезным видом кивнул он. — Стены звуконепроницаемы, отсек изолирован, ближайшее посещение планируется часов через восемь...

Алена сглотнула вязкую слюну и задрожала: реальность происходящего не желала укладываться в голове.

— Рэй, ты не можешь... Ты не такой... Ты умный, добрый, ты ... ты очень хороший ... ты ведь не станешь... — срывающимся голосом молила девушка. Господи, да она готова была наградить всеми известными достоинствами человечества в целом, с легкостью впихнув их в тщедушное тело парня, лишь бы он внял ее мольбам.

— Стану, — кивнул тот серьезно. — Это решено, а решений я не меняю.

— Нет... нет... зачем?... так нельзя...

— Ты не оставила мне выбора, — пожал он плечами и поддался к ней, положил ладонь на грудь, пальцы начали ласкать кожу, — ты не бойся, я хорошо подготовился к встрече с тобой и обещаю быть терпеливым, нежным и осторожным. Боль, конечно, будет, но лишь сегодня, а завтра ...

— Завтра?! — о чем он?

— Завтра... боли уже не будет. Я изучил вашу анатомию — она бывает лишь в первый раз, — ладонь Лоан накрыла щеку Алены, и его большой палец погладил губы. Лицо парня дрогнуло, ноздри затрепетали и глаза стали, как у ящера: бездушные, изучающие. с вертикальными зрачками.

— Дьявол... — похолодев, выдохнула девушка. Его взгляд буквально вдавил ее в ложе, лишив воли и сил. Внутри все кричало от ужаса, но на поверхность вырвался лишь всхлип.

— Дьявол, милая, — хрипло заметил парень, нависая над ней и склоняясь все ниже, к лицу. — Это тело, в котором спрятан бог — душа. Оно подводит тебя постоянно, сначала искушая, а потом предавая. Скоро ты сама в этом убедишься.

Алена оцепенела от страха и омерзения: это лицо с впалыми щеками, восковидной кожей, под которой тлели красные пятна, оказалось перед ней буквально в сантиметре, не мигающий, хищный взгляд вертикальных зрачков и фиолетовые, как у мертвеца, губы почти касались ее. Еще секунда и Рэй впился ей в губы, не в силах больше сдерживаться.

Алена закричала, забилась с новой силой и чуть не задохнулась: язык парня бесстыдно проник ей в рот, заполняя его без остатка. Она попыталась сжать зубы, вытолкнуть наглеца, но его язык был, словно из железа, в челюсти точно расширители вставили, не сомкнуть, а парень и не замечал ее попыток воспротивиться, ужасая ее своей силой и огромными размерами языка. Он настойчиво проникал все глубже, словно желал попасть в желудок, и высосать его содержимое, жадный, настырный, бесстыдный. Глаза кэн помутнели, и он застонал, сжав ладонью грудь девушки.

Ворковская не знала, что подобный ужас существует в природе. Ее тело словно парализовало. Она, не в силах противостоять насилию, лишь мычала, дрожа, мечтая умереть, как можно скорее, лишь бы не чувствовать на своем теле чужие руки, избавиться от жадного, наглого языка, терзающего ее рот, не видеть эту жуткую физиономию, то ли человека, то ли ожившей мумии с глазами сатаны. Слезы лились непрерывным потоком, но ее палач не обращал на это внимание и, не оставляя ее рот в покое, продолжал исследовать ее тело настойчиво, непристойно, властно.

Лоан чувствовал себя человеком, 32 года живущим на 'голодном пайке', притупляющим, но не утоляющим его изо дня в день, и вот дорвавшись до обильного стола с сытными, изысканными блюдами. И-цы девушки лилось непрерывным потоком, легко переходя к Рэю, и тут же аккумулятировалось, пронизывало живительными токами каждую клеточку его изголодавшегося, изможденного организма, возрождая и наполняя Лоан неведомыми доселе ощущениями: безграничной силой, бодростью, восторгом и упоением.

Он не мог оторваться, не желал прерывать нирвану, пока не заберет все, пока не насытится, и пил, пил, чувствуя приятное покалывание в мышцах, теплые волны жизненной мощи, окатывающие его с ног до головы. И он еще сомневался, ждал? Глупец, глупец!

Алена уже ничего не чувствовала, кроме апатии: губы давно онемели, тело горело от бесстыдных ласк, и этот безумный, бесконечный, голодный поцелуй, казалось, будет длиться до ее смерти. Ее она и ждала. Уже не сопротивляясь, не веря, что будет иначе и не желая другой участи для себя.

Но смерть ей не полагалась.

Пальцы Рэя проникли внутрь, и Алена, стряхнув оцепенение, возмущенно забилась, замычала, пытаясь освободиться, избавиться и от жадного языка, и от наглых, бесстыжих рук. Ее затошнило от омерзения и унижения, в ушах зашумело, и она вновь разрыдалась от бессилия, обиды и ужаса. Ненавидные глаза вперились в нее и вдруг что — то твердое и

большое вверглось в нее, разрывая внутренности, ослепляя неожиданной болью. Она пыталась вывернуться, но руки насильника крепко сжали ее ягодицы, ломая сопротивление, и тело Лоан вдавило ее в ложе, насаживая на себя. Ее обезумевший крик на секунду возбудил в Рэйсли странное чувство — жалости, но он даже не успел удивиться самому себе и тем более этому ненужному, глупому, по сути, чувству, как оно утонуло в огромном мощном выплеске и-цы девушки, и Рэй выпил все до дна, не желая упустить и капли.

Алена почувствовала, как боль словно толкнула ее в пропасть, и она, кружа, начала падать. Секунда, другая, и весь кошмар, участницей которого она стала поневоле, поблек, растворился и исчез, а вместе с ним и боль, и страшные глаза, и чувства, и мысли.

Лоан нехотя оторвался от губ девушки, слизнул оставшуюся каплю энергии и замер, настороженно вглядываясь в обескровленное лицо.

Сколько ей понадобится на восстановление? Час? Сутки? Трое? Месяц? Он не удержался и выпил все, другие после этого редко восстанавливались. Они так и умирали, кто сразу, кто в следующую встречу с ним, и ни разу ни одна не одарила его подобными чувствами: сытостью, бодростью и удовлетворением. Он никогда еще не ощущал себя таким сильным, здоровым, как сейчас. Сознание было ясным, зрение и слух обострились, исчезли слабость, нудящая боль внутри. Он чувствовал себя рожденным заново, обновленным, с безграничной потенцией и возможностями. Но не пройдет ли это через день? Девушка умрет, как и предсказывал Эллан, оказавшись одной из многих, и Рэй, только вкусив пьянящей энергии, только пригубив радости обновления, потеряет все, останется ‘смертником’, продлившим свою агонию на пару дней?

Нет! — шелохнулся страх в душе и Лоан с силой прижал безвольное тело рабыни к себе, словно желал удержать в нем жизнь. Время точно замерло, сердце гулко отсчитывало секунды, минуты и вдруг ... Лоан прищурился, еще не веря, и улыбнулся, сначала чуть, потом шире и вот раскатисто засмеялся, переполненный счастьем: она! Модраш не забыл его!

На губах девушки появилась дымка, ее и-цы на глазах буквально за секунды образовало сгусток, знак избытка и переполненности, причем более яркий, мощный и насыщенный, чем тот, что Рэй забрал. Несколько минут, всего несколько минут, и девушка полностью восстановилась!

Кэн с восторгом смотрел на свою рабыню: теперь она принадлежит навеки, безраздельно! Это прекрасное, податливое тело, вмещающее его фаллос, эти чудесные длинные волосы, мечта любого флетонца, эти глаза, руки, запах, ее голос, мысли, а еще и ее бесконечная, удивительно мощная, чудодейственная энергия — все это его! Он первый и единственный ее владелец! Никогда еще он не чувствовал себя столь значительным, влиятельным, богатым и сильным.

Алена очнулась и тут же пожалела об этом. Ее чудовищный кошмар продолжался. Глаза Рэя смотрели на нее с насмешливым прищуром. Блекло-фиолетовые губы изгибались в довольной улыбке, в устрашающей близости от ее опухших, истерзанных губ. Руки по-хозяйски шарили по телу, не упуская ни одну клеточку, а внутри нее росло и пульсировало, расширяясь и чуть не разрывая ее то, что называлось бы детородным органом, если б не имело столь странные особенности строения и функционирования.

Девушка не знала, сколько уже находится во власти чудовища, ей казалось — вечность, и, судя по тому, что происходило — эта пытка затянется до бесконечности.

— Отпусти меня, пожалуйста, отпусти... — прошептала жалобно, с мольбой взирая на

своего палача.

— Рано, мы не можем так быстро, как ваши мужчины, мы другие, — прошептал тот в ответ с дьявольской усмешкой на устах и начал осыпать девушку поцелуями. И каждое прикосновение его губ было для Алены подобно укусу змеи. Ее передергивало от отвращения, страха, стыда и брезгливости, слезы вновь ринулись из глаз, как признание собственного бессилия, унижения и чужой власти над ее телом. И некуда было деться от похотливых бесстыдных ласк, от острого запаха имбиря и корицы, исходящего от Лоан:

— Ненавижу! — захрипела она, заметавшись.

Его ладони крепко сжали ее лицо, лишая возможности пошевелиться:

— Это не имеет значения, милая. Твои чувства, мысли, тело ... ты вся, изнутри и снаружи, отныне принадлежишь только мне, и станешь думать, делать, говорить, что я пожелаю, что я посчитаю нужным. Ты дождалась меня, сохранила чистоту, чтоб подарить ее мне, и за это, я буду ласков и терпелив с тобой. Я всегда буду рядом ...у нас впереди вечность...

Это звучало неправдоподобно самоуверенно, властно и безапелляционно, как смертный приговор.

— Бессрочная путевка в ад?! Чтоб ты сгорел в нем, подонок! — выплюнула Алена. Рэй раскатисто рассмеялся, словно услышал удачную шутку.

— Ты очаровательна в своей экспрессивности, ... бесценна, неповторима и ... забавна. Ты нравишься мне все больше и больше. Мы не будем скучать вместе.

— Чтоб ты сдох! — взъярилась девушка.

— Это вряд ли, милая, — рассмеялся Рэй и, с любопытством заглядывая ей в глаза, принялся ласкать соски, сначала нежно и осторожно, потом все сильнее и смелее. Алена задохнулась от возмущения, забилась, пытаясь высвободиться от жестоких рук, Рэй лишь улыбнулся, сильнее сдавив их, и исторг из горла девушки безумный крик. Это ему, видимо, понравилось, и он, довольно улыбнувшись, продолжил терзать соски более грубо и настойчиво, то с силой сжимая их, то чуть отпуская, а когда Алена кричала, впивался губами в шею, добавляя боли и страдания.

Он вел себя, как ненасытное животное. Впрочем, зверь, наверное, был бы нежней. Тело девушки превратилось в одну сплошную рану и горело огнем под непрекращающимися иезуитскими ласками, губы опухли и потеряли чувствительность, рот онемел и не закрывался, а внутренности, не оставляя ни на минуту, разрывала монотонная, пульсирующая боль. У Алены уже и мысли не было противиться, а смерть казалась не наказаньем — наградой.

Она совершенно отупела от происходящего и лишь обреченно стонала, когда твердые губы впивались в ее измученные, и язык Рэйсли начинал новую попытку бесконечным поцелуем.

Она словно странствовала по кругам ада: теряла сознание, приходила в себя, чтоб вновь изведать безумные ласки, боль, распирающий внутренности фаллос, язык, насилующий рот и снова потерять сознание. Наконец, то, что было внутри нее, достигло ужасающих размеров и словно лопнуло вместе с внутренностями. Алена дико закричала, забилась и потеряла сознание.

Когда она очнулась, Лоан стоял над ней, затягивая эластичные ремни на ее теле. Она дернулась и поняла, что крепко прикручена, как буйно помешанный в психбольнице. Рэй проверил крепления, внимательно посмотрел на нее, холодно улыбнулся и поцеловал:

— Умница. Я очень доволен тобой.

Алену передернуло и захотелось сказать все, что она думает о нем, но язык не слушался. Лоан же спокойно накрыл ее невесть откуда взявшимся тонким одеялом в серебристый ромбик, изголовье ложа приподнял, заботливо поправив волосы, присел рядом улыбающийся, удовлетворенный и начал прилаживать браслет на запястье:

— Я уйду ненадолго, а ты поспи пока. Приду, пообедаем.

— Я... я хочу, в ванную... — еле слышно прошептала Алена, с трудом шевеля языком, но он ее услышал и отрицательно мотнул головой, даже не взглянув:

— Исключено. Вернись, тогда. Потерпишь.

— Нет...

Кэн заинтересованно посмотрел на нее, усмехнулся и погладил по лицу:

— Ты упряма. Модраш знал, что мне подарить...

— Пошел ты, со своим....

Рэй отвесил ей звонкую пощечину и нахмурился, угрожающе выставив палец:

— Не смей!

Алена с ужасом смотрела на него, боясь пошевелиться, щека горела, а желания просить что-либо уже не было. Лоан удовлетворенно кивнул:

— Хорошо. А теперь запомни: я не привык повторять дважды, а за непослушание буду наказывать. Теперь ты моя и как я скажу, так и будет! Я твой хозяин и не потерплю фривольностей, в любом проявлении, а в случае непослушания, буду очень строго взыскивать.

Рэйсли, видимо, хотел добавить что-то еще, но стена открылась и на пороге появился Эллан. Алена посмотрела на него с надеждой: может быть, он поможет ей?

Нет, 'Шерхан' даже не глянул на нее, он во все глаза смотрел на кэн, а тот вскинул ладонь в знак приветствия, и ничуть не смущаясь своей наготы, встал, поднял комбинезон и начал не спеша одеваться.

— Я так и знал! — недовольно скривился доктор, кинув плоский чемоданчик. Алена поморщилась, предчувствуя грохот, но ничего не случилось — чемоданчик просто завис в воздухе напротив ложа.

— Ты не рано? — спросил кэн, застегивая амуницию.

— Скорее поздно.

— Ты мог бы помешать? — насмешливо глянул на него Лоан.

— Я смотрю, ты ее пожалел.

— Эллан, ты не выпался? Говоришь невпопад и странные вещи. С тэн слишком тесно пообщался? Или просто не в настроении?

— Она жива, — тоном обвинителя заметил доктор.

— Она — дар Модраш, — Рэй со значением посмотрел на Эллана. Тот перевел недоверчивый взгляд с сейти на тэн, словно выискивал подвох, но ничего не нашел и воззрился на кэн:

— Зайди потом ко мне.

— Непременно, — Лоан кивнул на девушку, — Приведи ее в порядок.

И вышел.

'Шерхан' навис над Аленой и с циничным любопытством разглядывал ее минут пять. В тот момент, когда он появился на пороге, девушка допустила мысль, что он ей поможет, но сейчас, глядя в его холодные глаза хищника, поняла, что глубоко ошиблась, и все же

взмолилась:

— Развяжи меня, пожалуйста! Ты ведь не хочешь, чтоб он здесь появлялся, так отпусти меня. Я сама все сделаю... Помоги.

Кафир презрительно поморщился: ни жалкий вид тэн, ни ее призыв к милосердию его не тронули. ‘Глупая девчонка даже не понимает, что Рэй ее уже никуда, никогда не отпустит. Как они отстали: пытаться разжалобить безутешно напуганным личиком, просить о свободе, чтоб лишиться себя жизни. Себя — собственность Лоан, его долгожданную добычу! Просить его, кафира двора сегюр!’

Доктор иезуитски улыбнулся и присел рядом: ‘Все-таки приятно видеть, как присмирела строптивница’.

— А как на счет дерзостей? Закончились? Что так?

Губы Алены дрогнули, она вздохнула и зажмурилась, пытаясь сдержать слезы бессилия и обреченности: ‘К кому я обратилась? К садисту, такому же хищнику, дьяволу, как и Лоан. Да, для него просто праздник души видеть меня поверженной, раздавленной и униженной!’

— Чудовища!

— Я смотрю, ты по-прежнему остра и невоздержанна на язык? Ничего, это ненадолго. Хочешь, я расскажу все, что тебя ждет? По пунктам? — злорадствовал доктор, с притворным участием заглядывая ей в глаза и отрывая пластырь с плеча.

Алена настороженно косилась на него, понимая, что не услышит ничего хорошего, но ее мнения он все равно не слушает.

— Рэйсли очень темпераментный мужчина. Впрочем, ты наверняка это заметила. Видишь ли, флэтонцы значительно отличаются по анатомическому строению и физиологическим данным от землян. Женщины нам необходимы каждый день, иначе наступает интоксикация. Резко наваливаются усталость, апатия, сон увеличивается до 6–8 часов, а бывает и до 10, опять же появляется раздражительность, снижается процесс регуляции, ухудшается память, реакция, в общем возникают весьма неприятные последствия, которых бы с радостью избежал любой на этом корабле... Мы в рейсе пять месяцев, представь, как голоден Лоан? Он не выпустит тебя, а если учесть, что половой акт флэтонца длится в среднем от 2 до 4 часов, а на восстановление уходит не больше часа, реже двух... проблем с потенцией мы не имеем вообще... то нетрудно догадаться, что тебя ждут долгие, долгие дни и ночи, полные страсти и покорности. Иначе он убьет тебя. Рэй — человек решительный и жесткий, он не имеет слабостей, а ваши земные понятия о морали для него пустой звук. Он страшный собственник, прибавь к этому высокое самолюбие, недоверчивость, непримиримость, мстительность, властность и склонность к агрессии, и ты поймешь, что скучать тебе не придется. Поверь мне, я знаю Рэйсли с рождения. Он своеобразная и непредсказуемая личность. Он виртуозно владеет мэ-гоцо, ритуальным ножом и вскрывает артерии и трахею одним движением, четко, чисто, красиво, — доктор закончил перевязку и похлопал Алену по щеке:

— Ничего, ты получишь истинное удовольствие от общения с ним и славно проведешь дни полета. Тебе крупно повезло, ты выжила, а не умерла, как другие, сразу. Не знаю, почему у него такое пристрастие именно к земным тэн? Вы ведь так хрупки, ... умираете при первом же половом акте с флэтонцем, влагалище слишком узкое, и мышцы у вас мало эластичны... Ты мне одну из его наложниц напоминаешь, тоже землянка, между прочим... была. Хорошенькая, молоденькая, может, и моложе тебя, полненькая, смешливая, волосы длинные и ямочка на щеке... Она тоже выжила... месяц Рэй с ней забавлялся, прямо

удивительно наблюдать было. Обычно и недели не проходило, и женщины нет. Вообще, возомнила та тэн о себе, не весть что. Рэй ее сам убил, чисто — вены вскрыл. Два часа всего и мучилась, а относился бы плохо или непослушной была, он бы не пощадил, дольше бы мучилась, много, много дней. Потом он и тебя принесет в жертву Модраш, когда наскучишь, и ты получишь шанс родиться вновь, свободной.

Алена в бессильном ужасе слушала вкрадчивый голос доктора и поняла лишь одно — она попала в руки психопатов:

— Цивилизация похотливых шизоидов!

Эллан прищурился:

— Скоро ты забудешь подобные выражения. Рэй учит быстро. Думаю, часа через два он вспомнит о своей наложнице и подарит тебе незабываемые уроки общения.

Доктор встал и поспешно покинул комнату. Тэн его раздражала.

Алена посмотрела на закрывшуюся стену и задержалась, пытаясь высвободиться из пут, но ремни лишь крепче врезались в тело и не поддавались. Девушка заплакала, кусая губы. Мысль, что хладнокровный убийца, бездушный садист Лоан вернется и все начнется заново, бросала ее в нервную дрожь и хотелось завывать от страха и пережитого унижения. Она не вынесет, нет. Нет! Нет!!

Кэн кинул сапфировый браслет в кучку платиновых гуэдо, лежащих на столе между ним и капитаном.

— Все вместе это лишь стоимость тэн на сегодняшний день, а как насчет компенсации? Насколько я понял, ты взял ее, значит должен возместить нам ущерб... или продать себя. Так гласит закон, — вкрадчиво заметил Вэрэн.

— В полтора раза больше, будет переведено завтра, на твое имя, в первой половине дня. Разница в сумме причитается лично тебе. Награда за дальновидность и мудрость.

Вэрэн с достоинством кивнул, но брать гуэдо и признавать сделку не спешил, раздумывал. Уважение к методам действий и манерам сейти смешивалось с досадой на себя и сомнениями в 'завтра'. Он взял сапфировый браслет, неторопливо вытащил пластины, а заодно проверил знаки его владельца: Эллан Кхэ. Вот это уже говорило о многом. Проньра кафир, клевет Фейры, наушник Гвидэра, льстец и подхалим, лицемер и карьерист отдал свое гуэдо опальному сейти, без пяти минут труп? Значит Лоан не такой уж и труп, и, по всему виду, возможны перемены.

Вэрэн оценивающе покосился на кэн: на умирающего тот похож не был. Сытый, удовлетворенный, уверенный, и пятна на лице поблекли, и губы посветлели. А ведь еще вчера он был на краю. Ах, да тэн, жаль, что для сына ее не приберег... А впрочем, если она продержится еще немного и поставит сейти на ноги, то в клане Лоан могут произойти большие перемены и Вэрэн окажется, как и кафир, в списке своих, а это очень выгодно: и гуэдо, и связи, и рабыни сынку, и новейший гоффит, а не эта развалина.

У Рэйсли лучше в доброжелателях числиться, чем в недругах. Ничего от него не ускользает, а по счетам всегда сторицей платит, что тем, что другим. Длинная у парня память и терпение безграничное, а воля и чутье, не чета Иллану. Таким не покрутишь, да и поперек встать поостережешься. Н-да, такого бы в сегюр...но это уж точно невозможно.

Вэрэн вернул пустой браслет и кивнул:

— Хорошо, претендентов я оповещу. Завтра, как только нужная сумма окажется у меня. Тогда и сделку оформим. Будет тэн твоей. Хороша хоть? — подмигнул капитан, улыбнувшись.

— Она уже моя, — предостерегающе прищурился кэн.

— Если компенсация поступит. Речь-то не обо мне, сам понимаешь, уверенья претендентам без надобности. Они и так будут недовольны.

— Завтра в три, — Рэй встал и, кивнув, вышел.

Девчонка спала. Лоан остановил поднос с обедом у ложа и начал не спеша раздеваться. Через 7 часов у него вахта, они успеют.

Он снял браслет и пояс, расстегнул рукава и, не удержавшись, погладил волосы девушки. Она тут же открыла глаза.

— Соскучилась? — спросил он, улыбнувшись. Алену передернуло, и в глазах появилась гремучая смесь ненависти и ужаса. Это насторожило кэн.

— Почему ты на меня так смотришь?

Тишина.

— Алена, я не привык спрашивать дважды, — жестко заметил он. Зрачки девушки стали

огромными от страха, и Рэй решил чуть смягчить тон.

— Ты боишься? Почему? — нагнулся он к ней, ласково погладил по щеке. Она дернулась, как от удара, и задрожала:

— Не...не смей ме... меня трогать! Извращенец! Какие же вы подонки!

— Что? — его рука застыла на секунду в воздухе и тут же опустилась девушке на шею: пальцы сдавили скулы, а запястье уперлось в трахею так, что чуть надави и конец, — кто здесь был? — прищурился он зло. Алена боялась пошевелиться и лишь беззвучно открывала рот, пытаясь вспомнить слова и издать членораздельные звуки.

— Я спросил, — зловеще процедил он. Ярость нахлынула на него безудержной волной, готовая затопить разум и продиктовать свои условия действий. Девушка в ужасе замотала головой: никого не было!

Рэйсли обвел взглядом комнату, подозрительно щурясь и раздувая ноздри, подумал, взвесил и, нехотя убрав руку с горла, продолжил раздеваться. Алена косилась на него, не веря, что осталась жива, и прикусила губу, чтоб не раскричаться во все горло в предчувствии неизбежного и не спровоцировать сумасшедшего на приступ бешенства.

Кэн, хмурясь, стягивал ботинки, обдумывая ее слова и причину странного поведения и, наконец, решил для себя, что дело в страхе перед болью. Земляне вообще боятся боли и смерти, а Алена к тому же была девственницей... Наверное, произошедшее немного потрясло ее и она еще не оправилась, не свыклась со своим новым статусом. Жаль, он не может знать это наверняка, девственницы ему попадались редко и после ничего рассказать не могли. Никому. Кроме своих богов.

Он почти успокоился, стянув комбинезон, начал расстегивать крепления ремней, освобождая девушку:

— Ты зря боишься, Алена, боли больше не будет.

— Ты убьешь меня быстро? — вырвалось у нее, и Рэй замер, медленно повернулся к ней лицом и заинтересованно посмотрел:

— Значит, говоришь, никого не было?

Взгляд не предвещал ничего хорошего: холодный и пустой, как вечная мерзлота. Девушка напряглась, ожидая чего угодно, и кивнула: никого. Кэн качнул подбородком, улыбнулся, как гремучая змея, если б та умела улыбаться, убрал ремни и посадил тэн, рванув на себя за руки. Его глаза оказались в нескольких сантиметрах от Алениных:

— Тогда почему ты решила, что я тебя убью? — тихо спросил он.

— Ты...ты убийца... — неуверенно ответила она.

— У тебя есть факты, милая? — насмешливо прищурился кэн. Девушка растерялась и неуверенно пожала плечами.

— Хорошо, давай разберемся, — он сел удобнее, пододвинув Алёну к себе и зажав ногами. Его орган уперся девушке в бедро, а руки по-хозяйски расположились на спине и животе. Она заволновалась, пытаясь отодвинуться, но тело еще не слушалось, онемевшее от долгого бездействия, и бунт не удался.

— Сиди спокойно, — предупредил кэн и обнял ее, прижимая к себе сильнее и совершенно лишая свободы. — Так что там, на счет убийств? Кто тебе это сказал?

— Никто, — выдохнула Алёна. Она чувствовала себя вещью, марионеткой: безвольной, отупевшей, сломленной.

— Тогда откуда в твоей головке появилась эта мысль?

— Ты садист!

— Да? — неподдельно удивился парень и хмыкнул. — Милая, ты разницу между убийцей и садистом улавливаешь?

— Монопенисуально, — брякнула она.

Рэй даже отпрянул на секунду и брезгливо поморщился, глядя на девушку, как на нечто, в высшей степени неприличное:

— Я смотрю, ты в совершенстве изучила словарь изысканных ругательств. С таким бы рвением к знаниям. Ты сокровище мое, будь так любезна, не сочти за труд впредь не засорять мой слух словесной грязью. Забудь свой земной жаргон, здесь он тебе более не пригодится. Я к своему здоровью отношусь трепетно. Да и за твоим теперь обязан последить, а если твой лексикон не изменится, мне придется стать очень строгим и суровым. А порой резким. В зависимости от степени твоей вменяемости. Ты меня поняла? Пока доступно? Или еще раз, но медленнее?

Рэй разозлился, и Алена это не только видела по его глазам, но и чувствовала: его руки превратились в железные тиски и доставляли боль.

— Поняла! — поспешно ответила она, и хватка чуть ослабла.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул кэн. — Вернемся к начальной теме разговора. К твоему сведению, милая, садизм — психическая патология, при которой человек получает удовлетворение, наслаждаясь страданиями и муками другого. Данное отклонение в нашей психике не имеет даже почвы для развития, а соответственно и места. Убийство же имеет более многоплановую формулировку и неоднозначную суть. Это целое искусство. И мы все, если хочешь, вольно или невольно убиваем, кто словом, а кто делом.

— Ты насильник! — с ненавистью посмотрела на него Алена, мысленно присовокупив к утверждению с десятков красочных эпитетов к портрету Лоан.

— Еще одно словечко из твоего безразмерного словарного запаса? — укоризненно качнул головой кэн. — Меня всегда 'умиляла' ваша система воспитания и образования. Нечто среднее между дрессировкой и программированием. Всех в один ряд, в одни рамки. 'Гениально'. Мальчики и девочки, юные, неокрепшие души и сознания, с рождения находятся в одинаковом положении, словно у них одно предназначение! И чему удивляться в итоге? Деградации, разращению, мужскому инфантилизму и женской экспансии? Количеству физических инвалидов? Они лишь отображают количество взлелеянных вами моральных калек. В этом вы преуспели, как никто в галактике. Ты достойный продукт данной системы.

— Что ты можешь знать о нас?! — дернулась Алена, оскорбившись: а себя он, интересно, кем считает?

— Все. Я с 18 лет готовился к встрече с тобой. Тщательно. Я, конечно, не мог учесть все нюансы, но постарался ничего не упускать. Особенно хорошо я изучил славянскую нацию. А теперь закончим тему. Первое: в твоей головке слишком много ненужного хлама. Он негативно сказывается на поведенческой и мотивационной структуре твоего сознания. Я займусь этим вопросом. Второе: в связи с чем ты решила, что я насильник?

— С чего?! — задохнулась от возмущения Алена. — Ты изнасиловал меня!!! И сейчас готов...

— Нет, я просто опустил обременительный период ухаживания. У нас все проще, и я не собираюсь менять свои манеры из-за ваших глупых условностей, тем более потакать женским капризам. И потом, милая, ты была моей изначально, я просто взял свое, никакого насилия.

— Я не вещь! Я человек, понял?! Я сама по себе и в праве...

— Ты не можешь жить сама по себе, ты женщина, и от рождения предназначена мужчине. Все претензии по этому вопросу к богам, — усмехнулся кэн.

— Мужской шовинист!

— Отнюдь. Я просто знаю свои обязанности и назначение. И твое. Забудь земной образ жизни, больше он тебе не пригодится. Теперь ты будешь жить, как посчитаю нужным я, твой мужчина. Первый и единственный, на всю оставшуюся жизнь, поняла? Ты больше не землянка, ты моя женщина. Моя! Это твой основной статус. И запомни: я не дам тебе воли, я флэтонец, и не собираюсь выпускать 'джина из бутылки'. Дай вам независимость и свободу, и в пять минут вы устроите хаос по всему миру из самых лучших побуждений и с чисто женской непосредственностью, а потом будете сетовать на других, обвиняя их в содеянном. Что, в принципе, и происходит в вашем мире. У нас подобного нет и не будет. Женщина должна знать свое место.

— Быть игрушкой, подстилкой, рабыней?!

— Женщиной! Матерью, женой.

— Это одно и то же!

Терпение кэн иссякло. Эта девчонка была забита ветхими догмами от пяток до макушки, и он не желал сейчас тратить время на вытряхивание пыли и мусора из ее мышления.

— Теперь я понимаю, почему ваши женщины позволяют себе называть мужчин... травоядными, а мужчины в ответ, лишь награждают их званием ...ведьмы.

— А ты и есть козел!...

Звонкая оплеуха заставила Алену смолкнуть. Было не больно — обидно до слез.

— У меня складывается впечатление, что ты спутала некоторые понятия, — Рэй в упор посмотрел на нее. — Это не я садист, а ты мазохистка. Впрочем, в данном случае я позволяю тебе сделать выбор самостоятельно, но предупреждаю: мой спектр методов воздействия широк и не имеет ограничений, поэтому можешь продолжать в том же духе и получать неприятности.

Рэй резко стряхнул ее с колен и потащил в ванную комнату. Он не на минуту не оставил ее одну: сидел на краю ванны и смотрел, как она моется. У Алены мурашки бежали по коже от этих взглядов и хотелось запустить в психопата каким-нибудь особо тяжелым предметом, асфальтовым катком, например. Блаженство от долгожданной водной процедуры было безнадежно изгажено, настроение испорчено, но выходить желания не было, и она тянула время, как могла, старательно рассматривала стены, чтоб только не встретиться с голубыми глазами, и усиленно терла плечи в двадцатый раз.

Терпения кэн хватило ненадолго. Он залез в ванну, подхватил девушку и, впившись губами в ее губы, насадил на себя, с легкостью ломая сопротивление. Его рука крепко придерживала ее запястья, заведенные за спину, а вторая прижимала за талию. Действия кэн были настолько быстры и отточены, что девушка не успела по сути ничего сообразить, как оказалась в его власти: ненавистный, наглый язык заполнил ее рот, а внутри пульсировал огромный фаллос. Для Алены начался второй раунд бесконечной пытки, а для Рэя всего лишь мгновения нирваны.

Дни заскользили мимо Алены бесконечной чередой безумных, бесстыдных, бесконечных соитий и жадных, дурманящих разум, лишаящих силу и волю, поцелуев. Был ли день или ночь, для Алены это ничего не меняло и ничего не значило, и имело одно общее название — Рэй.

Он заполнил ее жизнь, как лава Везувия Помпеи, погребая под своим давлением ее прошлое, топча душу и тело цинично издеваясь и игнорируя все нормы человеческой морали и принципы существования, заложенные в ее голову с рождения. Его ненасытные и неизменные притязания на ее тело, стали обязательными и самыми главными пунктами в режиме дня. Он был безумен, абсолютно невменяем и патологически похотлив. Он был шедевром, мечтой любого психиатра. Его взгляды на жизнь, характер, манеры, все, из чего состояла его личность, представляло огромный научный интерес и являлось основой для защиты несколько десятков диссертаций на различные темы. Он бы составил счастье любого научного сотрудника. На изучении его психики можно было запросто стать академиком и заработать массу регалий и премий. Но, к сожалению, подобное ‘счастье’ выпало лишь на долю Алены.

Она ненавидела его до коликов, до зубовного скрежета, презирала и... панически боялась. Его реакция и сила поражали, а самоуверенность, бесстыдство и наглость обескураживали. Он стал для нее живым воплощением дьявола, не мифическим и весьма спорным персонажем из библии, а настоящим, из крови и плоти. Каждый день она сталкивалась с его ‘прекрасным ликом’: полным аморальности, тирании, беспринципности, устрашающего равнодушия с абсолютным отрицанием самых обычных, естественных человеческих ценностей.

А лик ее действительно стал прекрасен. Алена и не заметила, в какой момент это произошло, когда и как? Она не знала и в принципе не задумывалась о причине, просто однажды увидела, что он сильно изменился.

Худой, изможденный парень исчез в неизвестном направлении, уступив место гладиатору. Его волосы отросли и падали на лоб непослушной челкой трех цветов, словно он сбегал в элитный салон-парикмахерскую и сделал меллирование. Лицо при этом стало удивительно привлекательным, оно оформилось, округлилось, стало четким, волевым и красивым. Гладкая кожа, не знакомая с бритвой, напоминала кожу младенца: атласную, нежную, ровную. Никаких пятен, желтизны больше не наблюдалось. И тело окрепло, налилось силой и привлекало своим мощным рельефом, нежной кожей, лишенной признаков растительности. Рэй стал выше Алены на голову, раздался в плечах, мышцы забугрились, затвердели, превратив его в волнующего взгляд манекенщика с идеальной фигурой и изысканными манерами самоуверенного самца. От него исходила почти осязаемая волна силы, довольства и вседозволенности. Голубые глаза взирали на Алену с усмешкой и превосходством, а губы, с ровными краями, приятной формы и естественного для человека цвета, с ошеломляющей силой впивались в ее, круша сопротивление.

Впрочем, Алена уже не могла сопротивляться. Любые ее попытки пресекались в зачатке. Он изолировал ее совершенно, поработил, задавил, превратив в игрушку, безвольную тряпку, использующуюся по мере надобности. Он лишил ее одежды, уходя, блокировал стену ванной комнаты, и она сидела, укутавшись в одеяло, и ждала его

возвращения, чтоб вновь оказаться под градом бесконечных ласк, доступная и сломленная.

Девушка испробовала все способы противостояния своему тирану: кидала в него чашки с едой, кусалась, царапалась, била и оскорбляла, пыталась порвать одеяло, чтоб повеситься, но все было тщетно. За оскорбления она получала неизменные плюхи, чашки не успевали вскинуться в воздух, как оказывались в целости и сохранности в его ладонях одеяло оказалось, крепче листовой стали. Все остальное игнорировалось с обидным для нее равнодушием: парень, улыбаясь, смотрел, как колотят по его широкой груди кулачки девушки, словно забавляясь, потом легким и незаметным для ее глаза движением перехватывал их и без труда удерживал, пока Алена не ослабевала под действием изнуряюще долгого поцелуя.

Он был хладнокровным, жестоким и бездушным, как робот, сильным, напористым и внезапным, как тайфун. Он был беспринципнее и извращеннее дьявола и с циничной ухмылкой дарил Алене ад.

Она бы с радостью поменяла этот мир на тот мифический Тартар, в котором люди имели хотя бы шанс искупить свои грехи и поменять место жительства. Рэй отобрал у нее даже это. Кипящая смола и сковороды для жарки грешников были для девушки привлекательней жестких губ, наглых рук и огромного фаллоса, каждый раз грозящего разорвать ее на части.

Она лежала в его объятьях, крепко спеленатая руками и ногами, не пошевелиться, смотрела в стену перед собой, кусая губы, и из последних сил сдерживая слезы отчаянья. Ее палач, утомившись, наконец, казалось, спал: дышал ровно, не шевелился. Алена косилась за спину, пытаясь убедиться в своем предположении, но угол зрения человека всего 135 градусов и, чтоб увидеть, что за спиной, увы, его не хватало.

Она всхлипнула, обидевшись за это отчего-то на Лоан, и расплакалась, прикусив губу и пытаясь не вздрагивать и не всхлипывать, чтоб не разбудить кэн. Но тот услышал, резко развернул ее к себе и навис, с любопытством рассматривая заплаканное лицо. ‘Так, наверное, академик Павлов на своих подопытных собачек смотрел’,- подумала Алена и разозлилась.

— Почему ты плачешь?

— Ты же спал? — дернулась девушка, шмыгнув носом.

— Мне нужен час на восстановление. Я спал прошлой ночью. А почему ты не спишь, а плачешь?

Ну, и как ему объяснить этому роботу, что у нее, как у любого человека, есть душа, которая может болеть, и есть чувства, которые могут переполнять?

— Ты все равно не поймешь.

— Отчего же?

‘Потому, что ты не человек!’

— Я жду, Алена.

— Господи! Когда ты оставишь меня в покое? Неужели я тебе еще не надоела?

Рэй сомкнул замком свою ладонь с ее и спросил:

— Тебе надоела твоя рука?

— Нет, — насторожилась девушка: кто его знает, что у него в голове? А по лицу так сразу не определишь: то ли сердит, то ли наоборот.

— Может надоест?

— Нет.

— Вот и мне не может. Ты часть меня, — Лоан облокотился на локоть и вытер Алене слезы.

— Но ведь когда-нибудь это должно закончиться?! — с пафосом воскликнула девушка.

— Что именно?

— Все! Ты, ваш гребанный корабль, гадкая пища, эта конура! — Алена села, уперлась спиной в стену, старательно прикрыв грудь одеялом, и уставилась на кэна горящими глазами. — Господи, как я ненавижу тебя! С какой бы радостью я вонзила в тебя кинжал! Ты не человек — чудовище, монстр! Я больше не могу! Я не хочу тебя видеть, знать! Меня тошнит от твоих лап, от твоего запаха, от твоего вида! Ты извращенец, мразь! Ты убиваешь меня одним своим существованием! Твои манеры: эдакий царек, божество непризнанное, твой взгляд, твоя рожа! Сфинкс! Змея особо ядовитая! Ты непробиваемый каменный голем, артефакт, нонсенс! Выродок, моральный урод!

Лоан с легкой улыбкой на устах слушал Алёну, и в глазах прыгали лукавые огоньки, а ноздри раздувались и трепетали. Как она была хороша! А аромат? Дивный, неповторимый упоительный! А сколько страсти, экспрессии? Месяц тэн Рэя, наложница, с легкостью отдающая и принимающая, и все же не смирившаяся. Горда, непримирима, смела. Приятно быть хозяином такой рабыни, приручать, как лауга [\[21\]](#), быть все время начеку и не знать, что она натворит в следующую минуту. Модраш знал, чем его одарить!

Вот уже месяц он проводит в ее обществе каждый день, и она не только не наскучила ему, но стала еще более желанна и по-прежнему волнует и кровь, и разум, манит, пьянит. Он никак не может насытиться ее и-цы, насладиться телом. Ни одна женщина не вызывала в нем столько приятных ощущений, не дарила таких сладких чувств, не привязывала так сильно, не давала столь полного удовлетворения и чувства сытости.

За этот месяц он радикально изменился не только физически, но и окреп морально. Он чувствовал себя вновь рожденным, полноценным, всемогущим, значительным. 32 года боли слабости и унижения остались позади, оставив лишь зыбкую память о своем существовании изживающими себя привычками — прислушиваться по утрам к своему телу. Теперь в этом не было надобности, он был абсолютно здоров, и мысль о том, что в любой момент он может взять сколько угодно и-цы, утолив жажду или полакомиться, пригубить, поиграть, избавиться от у-фу, излив его в живое, податливое тело, созданное для него, когда вздумается: эта мысль волновала, возбуждала, переполняла восторгом.

Он не сразу осознал свою власть над девушкой в полной мере, слишком долго прожил в 'долг', а теперь... теперь, он чувствовал себя богачейшим человеком вселенной, самым удачливым и всемогущим. Он был хозяином бесконечности, которая дарила ему вечность! И он единоличный, первый и последний обладатель этого бесценного дара. Дара, рожденного, созданного для него и отданного в вечное пользование! Нет, он принесет в жертву Модраш всех своих наложниц, в знак безграничной благодарности, как только вернется домой.

Алена бессильно ткнулась затылком в стену: кому и что она объясняет? Лучше со стенкой пообщаться — эффект тот же, но для себя безопасней.

Лоан сел, притянул девушку к себе, усадил на колени так, что ее ноги свешивались на пол, а лобок прижимался к фаллосу, и крепко обнял за спину, буквально вдавив ее в свою грудь. Алёна обреченно вздохнула, скорчила скорбную гримасу, но не сопротивлялась, зная — мало бесполезно, так еще и хуже будет. Ему ударить и боль причинить, что стакан воды выпить.

— Все равно когда-нибудь это закончится, — прошептала она для себя, скорее

поддерживая слабую надежду, чем убеждая.

— Никогда, — ‘успокоил’ ее кэн, услышав, а девушка, в который раз, подивилась его слуху.

— Обломись ‘милый’, — скорчила презрительную гримасу Алена.

— Перевести на внятный язык сможешь?

— Может ты и кощей бессмертный, только я не из отряда призраков, подкласса привидений. И умру рано или поздно... Хотелось бы позже тебя!

— Мы умрем вместе, — невозмутимо заметил Рэй.

— Да? — озадачилась девушка. — ‘В один день’, как сказал Грин? Вы сколько живете?

— От трехсот до четырехсот лет.

Девушка нахмурилась: шутит? Вот ведь сфинксообразный, и не поймешь по лицу!

— Спешу огорчить, мы 70–80. Так что придется тебе взойти на костер лет на 200–300 раньше, как верная индийская жена, дабы исполнить свое обещание.

— Нет, — усмехнулся Лоан, — это тебе придется повременить с уходом.

— А это не в твоей власти. Или ты бог?

— Есть масса способов продлить жизнь человека, и будь спокойна, я это сделаю. Ты будешь жить, пока живу я.

Это было сказано так категорично и совершенно спокойно, что Алена поверила и ужаснулась:

— Господи! Вот ‘радость-то’! Да зачем я тебе нужна?

— Ты? — глаза Рэя затуманились, ноздри затрепетали, а пальцы начали ласкать ягодицы. Девушка дернулась и застонала от бессилия, понимая, что не сможет избежать нескромных ласк, если кэн в голову ударило. А тот смотрел на нее в упор, следя за реакцией, и принюхивался, как собака. Псих!

Лоан в упоении вдыхал аромат девушки и блаженствовал, осознавая ее беспомощность и собственную власть над ней:

— Ты очаровательна, — прошептал он, обнюхивая ее и чуть изгибая губы, словно улыбаясь, — бесценна, и ты моя. Ты стоишь целую жизнь, и этим сокровищем владею я. Я! Ты понятия не имеешь, как великолепно это чувство- чувство безграничной власти, осознание собственного величия и избранности... Я слишком долго ждал тебя, чтоб пренебречь. Нет, даже если ты не дашь мне большего... я реалист... все иметь невозможно.. — Рэй зажмурился на секунду, — Все равно я не отпущу тебя, а если ты посмеешь когда-нибудь ...если я увижу твой интерес к другому, если хоть взгляд... я буду убивать тебя медленно и очень долго.

Алена поежилась от страха, пронизывающего все ее существо. Этот вкрадчивый, ленивый голос проникал буквально в каждый уголок сознания и превращал ее в марионетку.

— Мне... хо-холодно, — еле слышно прошептала она, желая прервать изливания безумца.

— Здесь тепло, — подозрительно прищурился кэн.

— Если вы греетесь в холодильнике, это не значит, что он обогреватель!

Рэй улыбнулся и покосился в сторону входной стены. Алена проследила взглядом и покраснела. В комнате появился незнакомый мужчина. Он подошел к ним и начал что-то говорить Лоан. Девушка в смятении спешно попыталась слезть с колен, но кэн не дал: осадил взглядом, зажал одной рукой, а другой начал яростно ласкать ее, исторгая невольные стоны из горла, и при этом, как ни в чем не бывало, разговаривал с посетителем.

Алену переворачивало от стыда, бессилия и ярости. Она только и смогла уткнуться кэн в грудь, спрятав лицо, и прикусить губу, чтоб сдержать рвущиеся наружу слезы унижения и стоны.

— Бесстыдное, бессердечное животное! — выдохнула девушка, как только незванный посетитель ушел. — Ненавижу! Как ты можешь?!

— Что? — искренне удивился Лоан

— Неужели тебе не стыдно? Ты... ты специально, да? Всем нужно узнать, что ты меня имеешь? Показать, как ты обращаешься с тэн? Тебе нравится унижать? — она готова была расплакаться от пережитого стыда.

— Мне нравится ласкать тебя...злить! — заулыбался кэн. — Какая разница, кто при этом присутствует? Почему я должен сдерживать себя?

— Беспринципный извращенец! Хоть бы постыдился своей наготы! Эксгибиционист! Почему я это должна терпеть?! Ты меня еще перед всем экипажем нагу выстави!

— И выставлю, если будешь плохо себя вести, — с самым серьезным видом заявил Рэй, мысленно умиляясь наивности и закомплексованности девушки. — Ты моя наложница. Я властен делать с тобой, что пожелаю. И это прекрасно.

— Ты зверь! Без стыда, без...

— Совести. Что там еще по списку? Ах, да — скромность, справедливость, — съязвил парень. — Все это, милая, архаизмы, не имеющие у нас значения. Почему я должен стыдиться собственного тела, тем более, если оно в прекрасной форме? Почему бы мне не показать свою тэн, которая божественно красива? И что ужасного в том, что тебя увидели нагой? В объятиях мужчины, твоего господина?

— Между прочим, это...неприлично, — растерялась девушка. — Совесть и справедливость не архаизмы и... это разные понятия.

— Я в курсе, милая. Только исток один и суть одна, как и определение на весь спектр — комплексы. Гирьки такие, на твоей очаровательной шейке. Очень нужные кому-то оковы, облаченные в пиитические наряды, но бессмысленные и пустые. Не многовато их у вас?

— В самый раз. И это не комплексы, а моральные устои! Интересно, если все это, по-твоему, недостаток, то, что достоинство? Черствость? Жестокость?

— Черствость? С этим понятием я не знаком и потому судить не буду, а вот жестокость... Разумная жестокость, как и человек, способный проявить ее — достойны уважения.

— Значит, мальчишка, мучающий котенка, достоин уважения?! — поразились девушка.

— И много у вас таких? — в ответ удивился кэн.

— Каких?

— Юных садистов с отягощенной наследственностью и явными признаками вырождения?

— Можно подумать, у вас их нет.

— Представь — нет. У нас и в голову никому не придет мучить животное, — пожал он плечами. — Зачем? Доставить себе удовольствие? Это извращение и отклонение в психике. Бессмыслица. Значит, в период молекулярной закладки эмбриона произошел сбой, в цепь хромосом прокралась некачественная реципиентная клетка. Это либо исправляется на первой стадии развития плода, либо ДНК уничтожается полностью.

Алена с любопытством посмотрела на парня: интересный подход к деторождению. Галактические спартанцы?

— А больных вы тоже убиваете? Детей?

Лицо кэна в момент окаменело, взгляд стал жестким, непримиримым, пугающим. Алена пожалела, что не прикусила язык, хотя, если разобраться, что она такого сказала?

Рэйсли молча пересадил девушку с колен на постель и начал одеваться, и только, когда осталось надеть пояс и браслет, повернулся к ней и прокурорским тоном выдал:

— Пока ваша медицина будет практиковать детоубийство, а взрослые будут заботиться о себе больше, чем о будущем своих детей, вы будете вымирать. От болезней, катаклизмов, случайностей, суицидов ...вымирать ветками, династиями. У вас 'прекрасное' будущее!

Это звучало, как обвинение, но Алена не поняла: причем тут она?

Рэй, видимо, тоже это сообразил и, смягчившись, кивнул:

— Одевайся. Пойдешь со мной.

Ворковскую мигом сдуло в ванную комнату, и не важно было куда ее поведут? Главное, она могла одеться и пройтись. Трусики, джинсы и кофточка с длинным рукавом показались ей самыми лучшими изобретениями человечества. Она поморщилась, натягивая кофту на грудь, та неприятно болела, видимо, после общения с кэном, и выскочила, боясь, что Рэй передумает и уйдет без нее.

Он не передумал. Толкнул ее на кровать, схватил за лодыжку, защелкнул на ней серебристый мигающий обруч и потащил из комнаты. Обруч показался Алене тяжелей отцовской кувалды и вдавливал голую ступню в решетчатый пол. Это было больно и замедляло шаг, а кэн неся по коридору, словно опаздывал на званый вечер.

— Мне больно! — на первом же повороте заявила Алена, дернув руку. — Ты в ботинках, а я с голыми ногами, мне решетка в ступню впивается! Я, между прочим, не Зена и не Геракл и не могу устраивать спринт с арматурой на лодыжке!

Парень даже не повернулся, но внял и пошел помедленнее, а через пару минут остановился и нажал пятерней на стену.

Они оказались в просторном помещении с огромным, во всю стену иллюминатором, за которым плыл космос: темно-синее, почти черное пространство и масса точек, одни поярче, другие еле заметны, а вдали, слева, небольшая сфера, наполовину скрытая тенью. Алена открыла рот от восхищения, похлопала ресницами пару минут и с довольной улыбкой обвела взглядом помещение: а ничего 'коморка'!

Внизу иллюминатора шла серебристо-голубоватая панель с массой каких-то экранчиков, кнопочек, шариков, висящих над ней, и прочими непонятными техническими приспособлениями. У панели, в креслах с высокими спинками и подголовниками, висящими в воздухе, сидели два мужчины. Они развернулись лицом к Лоан и о чем-то заговорили с ним.

Один пожилой, лысый, с усталым, недовольным лицом и колючим взглядом глубоко посаженных, серых глаз, другой значительно моложе с темным ежиком волос, орлиным носом, наглым взглядом и восковой, неприятной кожей, как, впрочем, и у первого. Он держал в руках кружку, на которой для полноты сходства с привычными для Алены чашками явно не хватало надписи 'Козерог' или 'Nescafe', и хищно поглядывал то на девушку, то на сотоварищей.

Слева от колоритной троицы была стена с аркой и множеством мелких мигающих значков, меняющихся со скоростью звука; справа стена была сплошь забита плоскими экранами разных размеров. Одни из них мигали, с приглушенным клацаньем выдавая на электронную бегущую ленту под ними какие-то иероглифы. Другие показывали объемные

предметы, вспыхивали и жужжали, высыпая массу цифр в вертикальном порядке. А в паре метров от входа стоял странный предмет — круглый, черный, диаметром с метр не меньше, то ли подставка, то ли что другое. Рядом с ним находилось кресло с типичной компьютерной клавиатурой типа Microsoft Internet hot keys, привинченной прямо к подлокотнику.

Рей кивнул товарищам и подошел к черной штуке, что-то нажал и прямо над ней, резко взметнувшись сгустком света, появилось объемное изображение разных предметов, геометрических фигур, крутящихся в разных направлениях и плавно перетекающих одна из другой между трассирующими линиями. Все это было настолько реально, красочно и необычно, что Алена протянула пальцы, желая потрогать висящие в воздухе над подставкой предметы. Рэй хлопнул ей по руке и кивнул на кресло:

— Садись на пол.

— Не поняла, — нахмурилась девушка.

Лоан молча усадил ее прямо на решетчатый пол, а сам сел в кресло. Алена кинула на него злобный взгляд:

— Ничего не забыл? Ошейник и поводок, например?

— Тэн сидят только на полу, рядом с хозяином, — кинул он и начал сосредоточенно отбивать дробь на клавиатуре, не обращая больше внимания на Алenu.

— Здорово! А есть можно из мисок на полу по команде: Фас?! Варвары! — процедила она, исподлобья посматривая на кэн.

Как бы она хотела убить его взглядом, но, увы, тот даже не вздрогнул, и девушка загрустила, не зная, чем себя занять. Немало времени ушло на изучение окружающей среды, наблюдения за изображением, висящим в воздухе, и на думы о своем 'радужном' настоящем и 'светлом' будущем. Наконец, ее потянуло в сон, и она, прислонившись головой к креслу, уже вознамерилась поспать, как ладонь кэн погладила ее волосы, и он тихо сказал:

— Скоро Гуэл сменится и я отведу тебя в другую комнату. Фильм посмотришь.

— Кино? Хорошо бы, а то от скуки умереть можно.

Рэй улыбнулся и опять начал стучать на клавиатуре.

Минут через пять стена раздвинулась, и в комнату вошел молодой, невысокий мужчина. У Алены дух захватило, до того он был хорош: светлые волосы чуть прикрывали лоб, лицо утонченно-изысканное, с матовой гладкой кожей, огромные, лучащиеся доброжелательством фиолетовые глаза в обрамлении длинных черных ресниц и ровно — очерченные нежные губы. Сказочный принц! Херувим! И бог с ним, с ростом гномика!

Ворковская, забыв про все на свете, во все глаза рассматривала 'сказочного' персонажа, жалея, что не может проверить наличие крылышек на его спине.

Он тоже заметил девушку. Улыбнулся ей, как Ромео Джульетте, и застыл, с восхищением разглядывая Алenu.

Правда, не долго. Лоан 'проснулся' и заклацал челюстями, как голодный гриф, изрыгая на флэтонском что-то резкое. Парнишка нехотя оторвал взгляд от девушки, кивнул кэн и залопотал мягким, бархатным голоском.

Ох, как она пожалела, что не знает их языка! Как бы ей хотелось знать, о чем они с Рэем разговаривают, тем более тот покинул кресло и встал в свою любимую позу 'сержант ВВС США по команде вольно': руки за спину, ноги на ширину плеч, брови насуслены. Внушительно, особенно если учесть его комплекцию и рост 'херувима', а если еще и нрав кэн присовокупить, то по всему видать, полемика спешно двигалась в агрессивное русло.

Это беспокоило. Из-за парнишки. Жалко было. Интерфейс. Так и бросилась бы на помощь, упредила: зело грозен ‘гвардии сержант’, покусать может.

А между тем разговор начался вполне мирно:

— Привет. Что она здесь делает? — спросил Гзан.

— Я обязан перед тобой отчитываться?

— Нет, — покачал тот головой, хитро щурясь и не стирая улыбки с лица. — Говорят, сделка не оформлена.

Рэй лениво поднялся, подошел к парню и встал напротив, изучая добродушное лицо.

— Я не к тому, — пожал плечами Гзан, пошарив глазами вокруг. — Просто... У меня есть предложение. Говорят, ты теперь без гуэдо остался? Так я помочь могу — оплачу полную стоимость вместе с компенсацией, а ты оформишь ее на меня... — парень посмотрел на кэн, и повел плечами. — Я заберу ее, как только она тебе наскучит, не раньше. Через неделю? Две? Хорошо, к концу полета. Все по-честному. Ты только приобретаешь и ничего не теряешь.

— Ты за этим пришел?

— Нет, — рассмеялся парень, тряхнув челкой. — Я меняю Гуэла. Мэйферс, увы, не сможет, заболел,... у него такой наложницы нет.

— Зато у тебя есть.

— Нет, умерла, — качнул головой парень, выказывая сожаление, и посмотрел на Алену со значеньем. — Хороша... Сколько уже? Месяц? А словно ты ее и не трогал.

Рэй схватил парня за грудки и, встряхнув, выдохнул в лицо с милейшей улыбкой:

— Она моя. Сделка оформлена, и в гуэдо я не нуждаюсь.

Парень посверлил его недоверчивым взглядом, нехотя кивнул и развел руками: понял, вопрос исчерпан. Лоан отпустил Гзан и застыл над ним: что-нибудь еще? Тот повел плечами, с сожалением посмотрел на девушку и пошел к товарищам, развернувшимся к ним, и с интересом наблюдающих пикировку. Рэй проводил его настороженным взглядом.

— Не надо. Веди себя нормально, — попросила Алена, положив ладонь ему на руку, думая, что он сейчас кинется на парня. — Он хороший...

Лоан резко повернулся к ней и, нависнув, уставился, как удав на кролика:

— Кто? Гзан?

— Да.

— Ты его знаешь?

— Нет.

— Тогда почему ты решила, что он ‘хороший’?

— Просто...

— Просто все лишь в твоей голове.

— Он обаятелен, приятен и вполне адекватен...

— Понравился?

— Да... очень красивый и обходительный па...

Лоан наотмашь ударил ее по лицу, и если б не придержал за руку, Алена бы рухнула, до того неожиданным и сильным оказался удар. Щека вспыхнула, во рту появился привкус крови, а в голове зашумело. Она потрогала щеку, глядя на кэн, как на врага народа, но промолчала, глаза того смотрели на нее, как айсберг на ‘Титаник’. Вторую щеку подставлять не хотелось.

— Еще раз увижу, что ты смотришь на другого... — Рэй прищурился, раздувая ноздри и

рванув девушку на себя, процедил в лицо. — Будет намного больнее.

— Псих! — зло кинула та в ответ, и плевать, что последует!

Кэн укоризненно качнул головой:

— Чтоб делать выводы, нужно знать суть, а твой умок слишком короток для этого, поэтому впредь держи свои фантазии при себе и не выдавай за действительность. Мне твое мнение не интересно.

Лоан потащил ее к проему в стене и толкнул на пол у огромного, во всю стену, белого дивана причудливой формы. Алена одарила его самым 'изысканно-доброжелательным' взглядом, но промолчала. В комнате находился посторонний мужчина — сидел на диване и что-то ел. Устраивать концерты при незнакомце не хотелось, воспитание подводило.

Рэй вскинул ладонь в знак приветствия, что-то сказал мужчине и вышел. Алена поерзала, устраиваясь удобнее, искоса посмотрела на флэтонца и огляделась.

Комнатка была меньше, чем предыдущая. Диван у иллюминатора, круглая черная плоская штука, две треугольных столешницы, висящих в воздухе, небольшой октаэдр, вправленный в стену напротив, который с легкостью можно было принять за часы, если б не цифры, высвечивающиеся на нем: 26, 67, и две арки — выходы 'трамвайчиком'. Вот и весь интерьер.

Мужчина пересел к ней поближе и с любопытством посматривал, чуть склонив голову набок. Глаза у него были добрыми, красивого, бирюзового цвета, но с вертикальными зрачками, как бывают у Рэя, а это беспокоило. Алена смущенно потупилась и обняла колени, усердно изучая решетки пола. Флэтонец наклонился к ней и протянул маленькую тарелочку с вогнутыми краями, из которой ел:

— Угощайся.

— Что это? — с опаской посмотрела Алена на разноцветные мутные горошины на блюде.

— Леденцы, — улыбнулся мужчина, и зрачки стали обычными. Улыбка у флэтонца была замечательная и лицо, хоть, как и у большинства, кого она видела, болезненное, с сухой желтой кожей, но открытое и приятное, а зрачки? Ну, что ж, может, это у них у всех, как и болезненный внешний вид, особенность анатомии или последствие болезни? Девушка немного расслабилась и взяла зеленый шарик.

— Меня зовут Дэйксклиф. Можно Дэйкс. Рэйсли попросил поставить тебе какой-нибудь фильм...

— Это было бы не плохо. Простите, я не представилась...

— Тебя Алэна зовут, я знаю.

— Алена, — поправила девушка.

— Да, конечно, Алена. Так какие фильмы будем смотреть? Жанр?

— Мне все равно, — пожала она плечами, посасывая конфету и щурясь от удовольствия. Инопланетный леденец образовывал приятный фруктовый сок и таять не спешил.

— Приключения, кьяро устроят?

— Что такое — кьяро? — озаботилась девушка. — Называют и не объясняют. Это не ругательство, случайно?

— Нет, это ...комплимент если хочешь.

— Да, и что означает сие слово?

— На вашем языке оно имеет много значений. Жрица, волшебница, дарительница, избранная богами, хранительница гармонии, красавица, очаровательное создание.

— Красиво, но, увы, ко мне отношения не имеет. Была бы я волшебницей, не сидела бы здесь и не была бы рабыней! — она бы еще присовокупила парочку идей на сей счет, но мужчина был слишком доброжелателен и явно расположен к ней, чтоб портить впечатление

излишней резкостью. Пришлось оставить мысли, как и эмоции, при себе.

— Одно другому не мешает и, по сути, ты тэн не больше, чем я.

— Как это?

— В тебе живет слишком свобододлюбивый и гордый дух, и твой хозяин это понимает, оттого и бережет.

— Я заметила, — помрачнела Алена. Слово-хозяин резануло ухо, и настроение резко упало.

— Ты не знаешь, как обращаются с тэн, и, может быть, не стоит узнавать? Подумай.

— Рэй ваш друг, да? — с подозрением посмотрела на него Алена.

— Нет. У Лоан нет друзей, только доверенные лица... но не здесь и очень мало.

Это было сказано с явным уважением, словно являлось добродетелью.

— Это достоинство? — скорчила ехидную гримасу девушка.

— Бесспорно. Это отличает людей самодостаточных, сильных и независимых.

— Может быть, но мне этого все равно не понять. Я, конечно, слабо представляю Рэя другом и имеющего друзей... при его характере? Нет, лучше сразу застрелиться, чем в друзья к нему записаться. И все же, иметь друзей — это счастье.

— Это глупость и недальновидность. Ты еще молода, но с годами поймешь, что друзей нет, есть знакомые: нужные, и не нужные, нуждающиеся или использующие... взаимовыгода и привычка, а если выгода исчезает, заканчивается и дружба. А если тебе нечего предложить, ее и не будет.

— Как-то печально это звучит, как обречение на вечные муки. Нет, и с годами я не приму вашу формулировку. Дружба — не выгода, друг — плечо, близкий человек, которому ты все и он тебе. Человек, который не предаст, не откажет, на которого можно положиться, и он на тебя, естественно.

— Полагаться и просить о чем-то другого, значит, признать себя неполноценным, неспособным, бессильным, а это слабость. А слабость, это даже не порок, это клеймо, знак того, что ты не состоявшаяся личность, по сути — раб, твой ранг ниже моллюсков. Для флэтонца страх и слабость — худшее из качеств, если хочешь, проклятье, крест на будущем, на себе. Таких презирают, обходят... А доверять, кьяро, я советую тебе, только Рэйсли. У нас не как у вас, здесь многое по-другому.

— Я заметила. Это, наверное, ад?

— Ад и рай вот здесь, — улыбнулся Дэйкс и прикоснулся пальцем Алене ко лбу, у переносицы.

— Понятно. Сила мысли и 'никакого мошенничества'. Только ерунда все это! Когда ты по уши в...фекалиях, аутотренинг не поможет. Нет, можно, конечно, представлять, что вокруг супер, сказка просто, 'das ist fantastisch'! Только толк от этого пока глаза закрыты, а в ушах бируши.

— Ты просто не образованна в этом вопросе и еще не привыкла к новому положению,...

— Действительно! 'Не привыкла'! И не привыкну! — прошипела Алена. — Вь говорите, как Рэй, учите, как он... Нет, кого ни тронь- все всё знают! Прямо цивилизация философствующих эгоистов! Теперь я понимаю, почему большинство из вас выглядит так паршиво... извините! Потому, что живете каждый для себя и сам по себе! Взаимовыручка, милосердие, сострадание у вас не в чести, это архаизмы! Вот и бродят одни, как 'тень отца Гамлета', а другие вон 'цветут и пахнут'!

— Ты делаешь поспешные выводы и на весьма зыбком материале.

— Да? Не буду спорить, куда мне, 'отсталой' рабыне, с какой-то Земли, понять высокую идейную философию Флета! Нравится так жить — живите! Ходите, как мумии ...Рэй вон тоже таким был, и ничего, сейчас порхает, как мотылек. Не хотите так же?

— Хочу, — кивнул Дэйкс с насмешкой в глазах.

— Тогда почему бы вам не спросить у него лекарство? Не взять? Не даст? Или это у вас не принято — слабость, да?

— Он не даст мне его и будет прав, — мужчина покосился на нее с загадочной улыбкой и чуть поддался, прошептал, как сообщнице, огромный секрет. — Я бы тоже не дал.

— Класс! — обалдела девушка и посмотрела на него, как на идиота. — Болеть нравиться, да?

— Нет.

— Ах, простите,... менталитет не позволяет?

Дэйкс хохотнул:

— Ты забавная...Значит, говоришь, надо попросить Рэйсли дать ...лекарство? — мужчина опять засмеялся, покачал головой, словно услышал что-то в высшей степени смешное. — Может, сама и попросишь?

— Вам неудобно? Я ...не знаю, послушает ли он меня, — Алена виновато посмотрела на него. — Но я попрошу у него или...там еще один, симпатичный такой... он тоже на вид вполне здоров. Может, у него?

— У него ничего нет, — посерьезнел мужчина, даже голос стал резковатым. — Он и сам бы...Ладно, вернемся к фильмам, — он вытащил из-под столешницы плоскую коробку, напоминающую китайский тетрис, и нажал кнопку. По маленькому экранчику списком побежали иероглифы, что-то среднее между арабской вязью и руническими письменами. — По-флэтонски понимаешь?

— Нет, — покачала головой Алена и подумала: 'Странно, а они по-русски не только понимают, но и прекрасно изъясняются.'

— Тогда выберу на свой вкус, — он нажал еще одну кнопку и из черного круга взметнулся столб света, распался и...

— А-а-а, — вскрикнула девушка от неожиданности: прямо на нее шел огромный корвет, грозя протаранить носом, над головой кричали птицы, в ушах стоял вой ветра, пахло морем и стало очень холодно, под ногами был океан, плавали диковинные рыбы, какие-то чудища.

Алена как закричала, так и осталась с открытым ртом, не в силах пошевелиться, пораженная, растерянная.

Ее словно вытащили из одной реальности и сунули в другую: каюта корабля исчезла без следа, вместе со всем содержимым, здесь теперь шли бои, гудели шпангоуты, громыхали орудия, звякала сталь, лилась кровь, бежали люди, в странной одежде грозя свалить девушку, бились прямо бок о бок с ней. Казалось, протяни руку и дотронешься до того реально было происходящее: и звуки, и запахи, и детали. Картинки менялись с удивительной быстротой, но она не замечала этого, всерьез воспринимая происходящее, не различая явь и ирреальность, до того острыми и естественными были ощущения.

Она убегала с колотящимся от страха сердцем по каменной мостовой, от нагоняющего ее парня с саблей, врезаясь в толпу, отталкивала людей, искала место, где спрятаться.

Она прижималась к земле и вскрикивала, когда с диким клацаньем мимо пролетала страшная птица с огромными крыльями и острозубой пастью; морщилась от запаха гнили, шагая по болотистой местности, и всерьез мечтала не упасть и не разбиться, перепрыгивая с

одного огромного валуна на другой.

Она закричала, зажала уши руками, сгруппировалась и задержала дыхание, падая с высокого обрыва водопада, и телом ощущала удар о воду, слышала приглушенный звук бульканья, чувствовала, как вода обдает холодом, поглощает ее, проникает в уши и нос...

Алена зажмурилась, заткнула уши и уткнулась лбом в колени, не в силах больше переносить напряжение. Ее замутило, голова закружилась и, казалось, она с минуты на минуту хлопнется в обморок. Инопланетное интерактивное телевидение было явно не для ее неокрепшего сознания.

Дейкс встряхнул ее и девушка, подняв голову, с минуту соображала: как он здесь оказался, если секунду назад она утонула?

— Тебе плохо? — спросил он, хмурясь. Выглядела тэн хуже некуда: серо-зеленая, губы белые, глаза огромные, темные.

— Мне...где ванна? — вскинулась Алена, чувствуя, что ее стошнит прямо сейчас и здесь. Дэйкс понял, провел в просторную сан комнату, за стеной, и встал у входа, поглядывая, как ее выворачивает.

‘Надо сказать Рэйсли, что подобный вид воспроизведения плохо влияет на организм девчонки’, — подумал он и покачал головой. Странная она, ох, и странная. Кто бы ему сказал, что такое возможно..., а ведь он, как и другие, не верил, решил, что расслабился сейти, привязался к тэн и бережет. Правда, перемены в Лоан произошли разительные, и все равно не верилось: дико как-то, удивительно и необычно. Уникальная тэн? Дэйксклифу 178, а таких не встречал, впрочем, и время — то прошло всего ничего, сильная молодая, держится.

Так он думал еще час назад, а сейчас, глядя на потоки девушки, ощутив ее энергетику, понял, что Лоан вытащил один счастливый лепесток из миллиарда...

Алене стало легче. Она вытерлась салфеткой и посмотрела на себя в зеркало: ‘Ну, и фейс у вас, мадам! Краше в гроб кладут’.

— Пойдем, — кивнул Дэйкс. Девушка нехотя вернулась в комнату, мечтая только об одном — никаких фильмов! Хватит с нее гуманоидовых наворотов, сыта по горло!

Мужчина что-то нажал, и стена напротив дивана разошлась, открыв большой экран. Секунда, и он, вспыхнув, заполнил комнату приглушенной музыкой, замелькал вполне нормальными земными образами.

‘Слава тебе Господи!’ — облегченно вздохнула Алена, а в голове еще шумело море и звякала сталь.

Минут через десять в комнате появилось трое парней. Они, переговариваясь меж собой и Дэйксом, вытащили из стенной панели прозрачные цилиндры с разноцветной жидкостью, расселись с краю дивана, похохатывая, и косясь на Алену. Еще через пару минут в проеме возник знакомый херувимчик и, широко улыбнувшись, плюхнулся между Дэйксом и девушкой, задев ее коленом. Он покивал присутствующим, получил банку с зеленой жидкостью, открыл ее и склонился к тэн, предлагая:

— Будешь?

— Спасибо, не хочу, — приветливо улыбнулась Алена.

— Зря. Это,...как, по-вашему? Газировка. Попробуй, — и сунул ей банку. Девушка поморщилась, но взяла. — Что за ерунду смотрите?

— Конкурс, — бросил Дейкс.

— Ага, — кивнул Гзан и покосился на тэн, наклонился к ней. — Нравится?

— Ничего, — пожалала она плечами и неволью улыбнулась. Глаза у парня были

замечательные, сказочно красивые и добрые. Так бы и смотрела в них целыми днями.

— Красивая ты, — тихо сказал он бархатным голоском. — Такой нельзя быть рабыней, неправильно это. Плохо тебе с Рэем?

Алена отвернулась, дрогнув, на душе стало пасмурно.

— Тебе бы домой, — проникновенно заметил Гзан.

— С радостью бы, — кивнула Алена.

— Жаль, что я не успел тебя от Рэя спасти, — состряпал скорбную сочувствующую мину парень. — Я бы тебя отпустил, а этот... Не выпустит.

Девушка совсем расстроилась, сжала банку, на херувима жалобно посмотрела.

— Не знаю...

— Я знаю. Хорошая ты, жалко, пропадешь. Он вон подзаработает на тебе и убьет.

— Подзаработает? — насторожилась Алена, холодея от нехорошего предчувствия.

— Экеми лэ фэту [\[22\]](#), — кинул Дейкс.

— Экси [\[23\]](#).

— Рэйли фу контодо [\[24\]](#).

Гзан ухмыльнулся:

— Лаэ тэн, лу пуэртого [\[25\]](#)?

Дейкс промолчал. Законы были на стороне Гзан, а противопоставлять себя коллективу из-за рабыни? Нет. Пускай с хозяином разбираются.

— Что происходит? — нахмурилась Алена.

— Дейкс не хотел, чтоб я тебе рассказывал, — доверительным шепотом поведал парень. — Рэй его друг, сама понимаешь, это обязывает. Но я не приемлю методы Лоан, он очень плохо поступает. Это не по-человечески.

— А что он сделал? — забеспокоилась девушка.

Гзан заговорчески подмигнул и, приглашая, похлопал по дивану:

— Садись ближе.

Алена настороженно села. Парень приобнял ее и зашептал на ухо:

— Он поклонник культа Модраш. Для него нет ничего святого. Я его знаю — он, как зверь, способен на любую жестокость.

Этот шепот, проникая в душу девушки, всколыхнул самые жуткие воспоминания, наваял страх и отчаянье. Она сжалась, не зная, что ее еще ждет и что теперь делать?

— Он отдал за тебя все, теперь ему нужно гуэдо. Он отдаст тебя другому и получит хорошую сумму, а потом еще одному... и так, пока не наберет, сколько ему нужно. Он и мне предлагал.

Алена вздрогнула, похолодев, и уставилась в фиолетовые глаза, не желая верить, но, понимая, что такое вполне в духе Лоан, а значит, возможно.

— Нет, — прошептала она с ужасом.

— Мне жаль, — вздохнул сочувственно Гзан. — С такой умной, красивой девочкой не должно было это случиться. Ты попала в плохие руки. Рэй ведет себя недостойно, он ... расхваливает твои достоинства, рассказывает подробности ваших соитий...

Алена окаменела, глядя перед собой и представляя Лоан, его надменное, непроницаемое лицо, презрительный взгляд, властные манеры, циничные высказывания... 'Мамочка моя, куда я попала?! Помогите мне Господи, помогите! Помогите!!'

Гзан вдыхал аромат энергии тэн, прижимаясь к ней все сильнее, гладил, перебирал

волосы и мысленно уже представлял, как она забирает его у-фу, как ее и-цы перетекает в его тело, обновляя его и наполняя силой на долгие годы. Ах, как просто их провести этих недалеких, доверчивых землян

— Что же делать? — выдохнула в отчаянье побелевшая от страха Алена, даже не обратив внимания на действия парня.

— Я мог бы помочь, если ты хочешь,... я выкуплю тебя у Рэя, а потом отпущу. Ты, наверное, сильно скучаешь?

Алена посмотрела на парня: как он добр, сострадателен, чуток. И среди гуманоидов, оказывается, есть люди...

— Правда? — с надеждой спросила она.

— Конечно, с радостью, но,...ты же понимаешь, что... — парень спрятал глаза, и Алена подумала, что он смущен.

— Понимаю, я буду вам что-то должна? Это нормально, я непременно оплачу...как смогу, любую разумную сумму. Мне брат поможет,...мы выплатим.

— Нет, речь не о том.

— А ...что тогда?

— Просто будь со мной пооткровеннее.

— 'По', что? — озадачилась Алена, вскинула на него взгляд и увидела вертикальные зрачки и язык со странными складками по краям, выглядывающий из открытого рта. В душе тут же зашевелились сомнения и подозрения. 'Ай, да херувимчик. А я- то, дурочка, уши развесила!'

Гзан мгновенно понял, что сказал не то — девчонка насторожилась. Парень попытался ее поцеловать, попробовать хоть каплю дурманящей и-цы, пока она не ускользнула от него. Но губы лишь скользнули по щеке, как лицо залила боль.

Алена со всей силы и от всей души впечатала банку с инопланетным пойлом прямо в ангельское личико, вымещая на этом гномике свою искреннюю расположенность к флэтонской расе вообще. Банка треснула с такой легкостью, словно соприкоснулась с бетонной стеной и впилась осколками в ладонь девушки и в лицо парня, распарывая кожу и мышцы. Секунда, и тот, взревев, ударом откинул тэн на пол.

Они бы, наверное, убили друг друга. Алена ослепшая от праведного гнева, кинулась на обидчика, как разъяренная фурия, а тот, в ярости за причиненное увечье, за оскорбление, унижение, за ее непростительное пренебрежение, рванул навстречу, желая убить низкую тварь, вещь, посмевшую противиться ему, ударить на глазах у всех.

Их перехватили. Гзана держали трое парней, а Алenu — Дэйкс. Комната наполнилась невообразимым шумом. Все заговорили разом, видимо, взывая к разуму безумцев, но Алена мало не понимала их речи, но еще была и взбешена до крайности и не желала просто так отступить и прощать ящеру его насмешку над ней, подлость, низость, фривольность. Она ничего не слышала и не видела, кроме расцарапанной рожи, залитой кровью, фиолетовых глаз полных той же безумной яростью, и все рвалась им навстречу, вопреки доводам рассудка, вырываясь из наглых рук, посмевших ее удерживать, и шипела, как ошпаренная кошка.

В комнату на крик сбегался народ. Мужчины влетали и застывали, глядя на колоритную парочку: беснующуюся, худенькую тэн, ужом вьющуюся в руках Дэйксклифа, и злого, как тысяча килпатриков, окровавленного Гзана, пытающегося стряхнуть с себя трех парней. Рэй рванул в комнату, услышав вопли Алены, и, мигом оценив обстановку, крикнул:

— Экси!!!

Гзан дернулся, стряхнул товарищей и, замер, тяжело дыша, вытирая кровь, уставился на Рэйсли.

— Я требую ее смерти!

— Это его право! — кинул неизвестно кто из толпы, но остальные молчали. Кто-то не желал связываться с кэн, зная его характер, кто-то из восхищения перед гордым духом тэн, кто-то из-за нелюбви к Гзан.

Рэй обвел забияк тяжелым взглядом. Он бы с удовольствием убил обоих, вот только не знал, кого первым: Гзан, посмевшегося прикоснуться к его рабыне, или рабыню, посмевавшую так себя вести.

Он хотел, чтоб Алена немного развеялась. Она стала слишком грустна в последнее время. Камеры тэн вентилировались намного хуже других помещений, да и сидеть взаперти, с утра до вечера, любому настроения не прибавит, а еще и пища, похоже, не шла девушке на пользу. Ее стало часто тошнить, она бледнела с каждым днем все больше, и словно таяла, а это тревожило Лоан. Правда, и-цы девушки стало вдвое обильнее, гуще и сытнее, это и удивляло, и настораживало одновременно. Плохое самочувствие и повышение уровня и качества энергии не вязались меж собой и ставили кэн в тупик.

Н-да, развлеклась она от души. Во всю мощь своего менталитета. Теперь бы разгрести...

— Почему у тебя кровь на губе? — спросил он у Алены, уже зная ответ.

Ему нужно было время на обдумывание ситуации. То, что девчонке придется ответить за содеянное, было ясно, но терять ее, чтобы она ни натворила на этом корабле, он не желал, хоть расстреляй она всю команду. И это ему не нравилось. Оказывается, землянка заняла слишком много места в его разуме и, самое не приятное, в сердце. Это открытие разозлило его донельзя, и он процедил, нависая над ней, как злой джин над глупым кладоискателем. — Ты хоть понимаешь, что натворила?

— Пошел ты! — с чувством глубокого удовлетворения заявила Алена и обвела взглядом героя-смертника окружающую толпу. — И все вы! Цивилизация вырожденков!

— Вэрэн предупреждал, что она опасна, — заметил один из парней.

‘Для себя в первую очередь’, — кивнул Лоан, рассматривая лицо наложницы.

Что ж, она сама желала этого. Он был слишком мягок с ней, пора Алене преподать урок социального положения. Пусть узнает, как обращаются с тэн, может, тогда присмирееет и научится послушанию и покорности, поймет, как легко потерять жизнь и насколько глупо подвергать ее опасности? Правда, верилось ему в это с трудом — девчонка была горда и независима, как и он, но выхода не было. За содеянное тэн убивали на месте, и счастье строптивицы в том, что он успел вовремя, да и ее отвага не могла не вызывать восхищения и уважения среди состава. За гордость, смелость и мужество прощалось многое, и ранг в этом случае не имел значения.

— Тэн, поднявший руку на свободного человека, достоин смерти, а тэн посмевавшийся пустить кровь ... — напомнил Гзан и смолк, увидев поднятую руку Лоан:

— Я знаю законы, но она моя тэн, и прежде чем вынести приговор, я хочу знать, что произошло, чтоб оценить степень ее вины. — Рэй с подозрением уставился на Гзан, специально громко высказывая свое мнение. — Ты претендовал на нее и мог специально спровоцировать наивную землянку на агрессию, зная ее характер.

— С каких пор характер тэн имеет значение? — вскинул подбородок парень.

— Ты ударил ее.

— После того, как она изранила мне лицо! У меня есть свидетели!

— Ты пытался взять ее и-цы, — тихо, но внятно заметил Дэйкс.

Рэй дернулся в его сторону, глянул, желая удостовериться в том, что он говорит правду, и, убедившись, медленно повернул голову к Гзан. Скулы кэн побелели от ярости, а в его взгляде читался приговор.

— Ложь! — заявил парень.

— Зачем мне лгать? — удивился Дэйсклиф.

— Ты друг Лоан.

Кто-то хохотнул, и губы кэн изогнула неприятная усмешка:

— Ты сам понял, что сказал?

Гзан обвел взглядом товарищей и прочел в глазах недоумение, насмешку, а в некоторых и презрение. Он второй раз стал предметом унижения из-за рабыни! Этого его самолюбие, вынести не могло. Товарищи явно вставали на сторону Лоан и стали потихоньку выходить из комнаты, теряя интерес к происходящему, им стало все ясно. У Гзан остался один шанс поправить свое положение, вернуть уважение товарищей и расквитаться с рабыней, а заодно, и с кэн.

— Кровь требует отмщения, — заметил парень, показывая Рэю распоротую щеку. — Но я, в знак уважения к гордому Ка твоей тэн, готов удовлетвориться... 20 ударов. Хотто [\[26\]](#). Это мое последнее слово. Спорим, девка закричит на третьем ударе? И... умрет на десятом?

Это был уже вызов хозяину, и, проигнорировав его, Лоан поменялся бы местами с Гзан. Перед кэн встал трудный выбор: не принять условия — доказать, что ты слаб и дорожишь вещью, или твоя вещь не так сильна, как кажется, а значит, не достойна хозяина и не имеет права на существование. Принять — позволить убить Алену медленно и болезненно, осудить себя на позор, предоставив экипажу доказательства ничтожности тэн, а значит и свою ничтожность.

Хорошо придумал Гзан: мало кто выживал после такой пытки, а сознание теряли, как правило, на пятом, десятом ударе все. Но если отказать, дело дойдет до капитана и решение будет очевидно и безапелляционно — смерть.

’Что ж, в любом случае, Гзан больше не жить’.

Рэй медленно кивнул и, изогнув губы в своей фирменной улыбочке, тихо прошептал:

— Ты — мой!

Парень понял, что кэн его приговорил, но факт того, что он унизит сейти перед всеми, доказав слабость рабыни, а потом еще и убьет ее, удовлетворив свою гордость и самолюбие, внушал ему такую радость, что угроза Лоан не имела значения.

— Но сначала она станет ничьей, — злорадно оскалился он.

Мужчины потягались взглядами, а Дэйкс тем временем, ткнув пальцем в двух парней, недавно державших Гзан, и пожилого темноволосого флэтонца, назначил их свидетелями хотто во главе себя.

Алена не понимала, о чем они толкуют, да и плевать ей было на все происходящее вообще. Ярость сменилась полнейшей апатией, и хотелось только одного: в ванную и спать, причем в гордом одиночестве. Мысль о том, что ее могут убить за то, что она настучала по морде нахала, ей и в голову не приходила. Поэтому, когда Рэй с каменным лицом схватил ее за руку и потащил куда-то, она смиренно поплелась за ним, не пытаясь вырваться, только губу прикусила, чтоб не наорать на садиста: кисть и ступни было больно.

Ее втолкнули в абсолютно пустую комнату, чуть больше родного каземата, и подвели к

стене. Алена недоуменно покосилась на сопровождение в количестве Дэйкса, Гзан и еще троих ‘мумий’ и вопросительно уставилась на Рэя. Тот ответил ей странным взглядом: вполне человеческим, но каким-то обреченно-потерянным, словно он попрощался с ней и хотел многое сказать, но откусил язык. Девушка презрительно скривилась и вскрикнула — Лоан рывком сдернул с нее кофту, обнажив торс и развернув к стене лицом, резко развел ее руки в стороны и вверх, и на запястьях тут же захлопнулись наручники. Он поправил ей волосы, убрал со спины на грудь, и отошел.

— Совсем озверел, придурок? — взъярилась она и смолкла, увидев краем глаза, как ‘херувим’ нажимает какую-то рукоятку, похожую на банальный фонарик, и из нее появляется пять длинных тонких красных проволочек.

Алена похолодела и подумала, что это конец. Эта мысль отчего-то не возбудила в ней ни страха, ни отчаянья, а лишь слабое сожаление, что она слишком мало пожила. Видимо, психика, длительное время находящаяся в состоянии стресса и напряжения, решила расслабиться и послать все эмоции к чертям собачьим.

Девушка смерила Гзан презрительно уничтожающим взглядом, присовокупила к нему угрюмую ненависть и ‘одарила’ этой смесью Рэя:

— Чао, мразь!

Тот прищурился, ноздри дрогнули, а в глазах появилось сожаление.

— Приступим? — поддался вперед Дэйкс.

Рэй встал у стены между Гзан и Аленой и кивнул. Воздух рассек резкий свист, и на спину девушки словно упал кухонный набор отточенных ножей в количестве пяти штук. Она дико закричала от невыносимой жуткой боли и уткнулась лбом в стену. В голове воцарился хаос, и стена перед глазами показалась ей единственно человеческой на фоне остальных присутствующих.

Гзан со злорадством посмотрел на окаменевшее лицо кэн:

— Она закричала на первом!

— Продолжим, — осадил его Дэйкс и хотт [\[27\]](#) вновь взметнулся в воздух.

Алена больше не кричала и не потому, что не хотелось или что-то поняла из речей своих палачей, а из чистого упрямства и ненависти к флэтонцам: не хотелось доставлять им удовольствия и все! Она лишь старалась дышать, как можно глубже, чтоб успокоить взбунтовавшийся не вовремя желудок, вздрагивала, закусив до крови губу, когда плеть обрушивалась на спину и тупо разглядывала серебристую поверхность перед глазами, пытаясь, то ли почерпнуть из нее сил, то ли зацепиться сознанием за ее шершавую поверхность.

— Мэло,... эви,...локси,... тэ [\[28\]](#)...

Мерно раздавалось за спиной и, боль охватывала ее все злее, уже и не жаля, а похозяйски расположившись в теле, не отпуская ни на минуту, и увеличивая свое влияние на весь организм. Сознание плавало, как в тумане, стена перед глазами то исчезала, то появлялась, звуки за спиной то пропадали, то становились невыносимо громкими.

Рэйсли с каменным лицом смотрел на окровавленную спину Алены и чувствовал невыносимую боль в груди, словно не по ее спине, а по его сердцу пролегли кровавые полосы хотов. Это было ново для него и злило. Он страдал из-за тэн! Он готов был сорваться из-за глупой, непослушной девчонки, которая не могла и час прожить без неприятностей на свою голову!..

— Элли,... тойо... мо [\[29\]](#)... — отсчитывал Дейкс, щурясь и поглядывая то на товарищей,

то на рабыню.

Девушка сползла по стене, обвиснув на оковах. А Рэйсли до боли сжал кулаки за спиной, из последних сил сдерживая ярость.

— Подождем? — кивнул Дейкс на тэн.

Лоан отрицательно качнул головой, нажал панель внизу стены и вытащил шланг.

Алена резко вынырнула из темноты, почувствовав холодную влагу на теле и лице и хватая ртом воздух, прислонилась щекой к стене. Перед глазами мелькали вспышки, а ноги словно забыли, как стоять.

— Еще 8, — тихо сказал ей Рэй, убирая прилипшую к щеке прядку.

— А не пойти бы тебе, гер-р Торквемада... за дровами на Эверест? — хриплым шепотом спросила она.

Лоан поморщился, не понимая:

— Что?

— Читай по губам: бессрочную путевку тебе в эротические и комфортные места для секс меньшинств и домик с видом на корни черемухи!

Рэй отпрянул, прищурился, постоял с минуту в раздумьях и отошел.

Все началось заново, только теперь девушка теряла сознание после каждого второго удара. Дейкс хмурился, флэтонцы застыли в напряженном молчании, Гзан злился.

Кэн в очередной раз обмыл спину девушки и понял в чем дело.

— Все, — тихо сказал он, обведя жестким взглядом товарищей, и кивнул Дэйксклифу.

— Посмотри.

На спине девушки зияли глубокие раны, сквозь которые проглядывали кости. Их было пять. Остальные были поверхностными и лишь кровоточили. Мужчина со значением посмотрел на Рэя и кивнул:

— Хотто закончено.

— Почему? Еще два удара, — воспротивился Гзан. Дейкс посмотрел на него с пренебрежением и, подозвав свидетелей, указал им на характер ран.

Рэйсли встал напротив парня и, глядя мимо него, ровным и устрашающе спокойным голосом сказал:

— Ты хотел повредить ей позвоночник, знаешь, что у землян он слишком хрупок. Ты намеренно усиливал ее боль и ослаблял разум, злясь на то, что она не кричит, не просит пощады и не сдается. Рабыня оказалась достойней звания эгита ^[30]. Ты опозорил себя. Теперь ты мой. Жди.

— Но сначала мы должны закончить, — исподлобья посмотрел на него парень.

— Один такой удар считается за два, — напомнил ему Дэйкс.

— Это случайность, а не намеренность. Я требую удовлетворения! — упрямылся Гзан.

Флэтонцы переглянулись меж собой, прекрасно понимая, что парень сделает тэн калеккой, как минимум, или просто добьет за эти два удара.

— Я сделаю это сам, — спокойно заметил Рэйсли, взглядом дав сопротивление Гзан.

— Это твое право, — кивнул Дэйкс.

Алена очнулась и, с трудом вернувшись в вертикальное положение, покосилась за спину: что они тянут? Добивали бы быстрее. На нее хмуро смотрел Рэйсли, держа плеть в своей руке. Девушка скривила искусанные губы: не удивил!

Лоан посмотрел на спину тэн, удобнее зажал рукоять и быстро нанес два удара кряду. Полосы легли ровно вдоль основных, лишь оцарапав кожу, но не повредив мышцы.

— Все, — он кинул хотт, недовольному Гзан. Тот поймал, кивнул, покосился на рабыню и вышел.

Ворковская тупо косилась на мужчин, прислонившись виском к стене, и пыталась понять: будет продолжение или нет? Ее качало и мутило, перед глазами плясали звездочки, а в ушах шумело, как в стареньком радиоприемнике, и всплывали фразы, вклиниваясь в разум, как занозы: 'Когда дошло до нас, что смысл суров, Серега врезал им про меж рогов...' И тебя вылечат, и меня вылечат...' 'Над шестую частью света гордо реет марс заморский, застревая меж зубами толстым слоем шоколада. Боли, будет много боли!' Алена заулыбалась...

Олсаф, самый молодой из флэтонцев с благоговейным уважением посмотрел на израненную, но улыбающуюся девушку и низко склонил голову перед Лоан приложив ладонь лодочкой к груди, как это делают поклонники Модраш:

— Эт витто Модраш эн фиэлло [\[31\]](#)! — с почтение произнес он. Рэйсли внимательно посмотрел на парня и с достоинством склонил голову в ответном поклоне. Нет большей чести для модрашистов [\[32\]](#), чем получить это пожелание, и нет большей чести, чем одарить им с чистым сердцем. Древнее заклинание высших жрецов, мантра грозного бога, редко появлялось на устах в последнее столетие, ее не спешили подарить и, если уж самый молодой из экипажа ее произнес — это означало многое.

— Эт витто Модраш эн фиэлло, сейти! — склонился пожилой, приложив ладонь к груди.

— Эт витто Модраш ээ фиэлло! — произнес третий.

'Эт витто Модраш эн фиэлло',- зашептала искусанными губами Алена, улыбаясь: 'До чего они забавны.' Эт витто Модраш эн фиэлло, эт витто Модраш...

Флэтонцы, как по команде, повернули головы к тэн и потрясенно воззрились на нее. Рэйсли вздрогнул и во все глаза уставился на еле стоящую на ногах окровавленную девушку, которая глядела на него безумными, бездонно-синими глазами и... с улыбкой на устах благословляла ребенком!

Это было выше его понимания, и, хотя он осознавал, что тэн не в себе, все равно почувствовал религиозный трепет и благоговение перед этим хрупким, но благородным и сильным созданием.

Флэтонцы почувствовали тоже самое, с уважением поклонились девушке, потом кэн и молча вышли.

Алена открыла глаза и увидела серые, знакомые квадратики: она лежала на одеяле. А следом пришла и боль: кто-то лил ей на спину расплавленный воск. Она покосилась и встретила взглядом с ненавистными голубыми глазами:

— А-а, иезуит. И как тусовочка? Удалась? ...Ты в экстазе? — прохрипела она.

— Ты молодец, кьяро. Я обработал раны. Нам эта мазь хорошо помогает, думаю, и тебе поможет. Пару дней и все заживет, — тихо заметил Лоан, заглядывая ей в лицо.

Алена поморщилась, для нее это означало продолжение пытки. Жаль, что она не умерла, ох, жаль! Но, может быть, в следующий раз она огорчит своего палача и порадует свою душу — смоемся от него на небеса?

— Идти сможешь? — спросил кэн.

— Ага, запросто!...Шнурки только поглажу и вперед, до финишного каземата! Ах да, еще 'крыша' моя где-то, в нижних отсеках, похоже, затерялась. Вами любуется, нарадоваться

не может, ты пошукай...

Рэйсли покачал головой:

— Ты не исправима, Алена.

— Продолжим экзекуцию, на эту тему? — девушка попыталась подняться, но тут же рухнула обратно. В голове зашумело, желудок взбунтовался и рассказал присутствующим все, что о них думает. Лоан впечатлило, и нянюшка Арина Родионовна оказалась дилетантом в своей области деятельности, по сравнению с кэн. Это девушка, поняла точно, разглядывая плывущие над головой мерцающие квадраты потолка. Красивая картинка, да вот голова Рэя иногда вносила в нее сюрреалистические изменения, некстати появляясь на горизонте. Потом все исчезло, словно лопнуло, и ничего не осталось: ни Рэя, ни потолка, ни самой Алены.

Лоан аккуратно уложил девушку на ее постель, смазал спину жирной мазью еще на раз, обеспокоено заглянул в лицо и, не усмотрев ничего, по его мнению, опасного, вышел. Его ждала вахта. Через 6 часов он сменится, немного отдохнет, заглянет к Эллану и вернется сюда. Алена к тому времени немного придет в себя.

Ворковская открыла глаза, стуча зубами от холода. В комнате всегда было прохладно, но сейчас казалось, сюда заглянула развеселая, сибирская зима со всеми своими прелестями. Алена пошарила рукой в поисках Рэя. С ним ей было тепло, раньше. Кэн не было.

‘Издевательство!’ - решила она и попыталась натянуть на себя одеяло, но жуткая боль, пронзив, лишила ее и сил и возможности это сделать. На спину, словно раскаленное железо положили, перед глазами все поплыло, раскружилось размытыми силуэтами.

— Мама... — прошептала Алена, протягивая руку, но та, не заметив ее, прошла мимо.

Сашка... братик курил на балконе и, смеясь, поглядывал на сестру, рядом Марьянка в жутком, изумрудном топике, готовым треснуть на ее необъятных телесах. Как она его надевала? С мылом, что ли?

Пончик, их декан, маленький полненький с залысиной на лбу. ‘Умственные импотенты!’ — орет. Опять его студенты взвели...

Папа? Откуда? Ты же на сутках? Он сидит на кухне и пьет чай по уши в ‘Известиях’. Ну что там, скажите, могут интересного написать?

Саш, а Саш? Пусти в Интернет...ах, ты жабка, жалко, да? Родной сестре...

Больно, Саш...очень больно...ты только маме не говори, не так страшно, правда? Это просто ангина..

О-о-о, а вот этого не надо! Нет! Я не хочу! Не пускай его, скажи — умерла. Да, да, холера, чума, сибирская язва, что угодно. Подкосили в расцвете...Я не смогу ему объяснить, Саша...Сережа? Сережа...Зачем, Саш? Нет, я сама виновата!...Нет, это он виноват! Его уфологии! Он, он!.....

— Ты абсолютно здоров, — констатировал Эллан. — Теперь просто поддерживай форму. Тэн можно убрать.

— Нет, — спокойно сказал Лоан и потянулся до хруста, с удовольствием.

— Что — нет? — насторожился кафир.

— Я не расстанусь с ней.

— Сделаешь, как отец Фэйру, старшей наложницей?

— Я подумаю, — кивнул Рэй.

— Вряд ли Гвидэру это придет по вкусу.

— Мне все равно. Не думаю, что он будет сильно противиться, увидев меня.

— Рэй, он, конечно, будет очень рад...

— Да? — Лоан насмешливо посмотрел на Эллана. — Скорее неприятно удивлен. Я выжил. Думаешь, это сильно его расстроит?

— Скорее изумит.

— Ну, еще бы! Иллану придется потесниться...и другим обо мне вспомнить, — Рэй холодно улыбнулся, разглядывая напряженное лицо доктора. — Не бойся, ты у меня не первый по списку.

— А кто первый? — насторожился мужчина, мстительность сейти была известна всем. Он ничего и никогда не забывал и годами мог ждать удобного случая.

— Гзан, — кивнул Рэй.

— Понятно. Слышал. Экипаж с утра только хотто и обсуждает.

— Алена вела себя достойно.

— И в благодарность ты решил ее оставить?

Кэн поморщился и встал:

— Занимайся своими делами, Эллан, прикуси язык и помни: Алена моя и она мне нужна. Узнаю, что ты опять что-то наговорил ей... или пытался навредить... — лениво протянул кэн, со значением поглядев на доктора, и вышел не попрощавшись.

Эллан озабоченно посмотрел ему вслед: будущее тревожило. Грешков за кафиром водилось немало, а память у сейти длинная, а теперь, возможно, и руки...

Рэйсли зашел в свою каюту, вошел в ванную, разделся и встал под душ. Струи воды омывали тело, а кэн смотрел перед собой, упираясь руками в стену, и думал о семье. 20 дней до посадки: не пора ли связаться с отцом? Или не стоит?

Гвидэр растеряется и изумится, в этом сейти был уверен. Его отправили умирать под предлогом наказания — с глаз долой, вон из семьи, чтоб и духу не было.

‘Охладись, мол, сынок, твои эскапады вызывают резонанс в общественной жизни’. Вздор! А причина резонанса — банальное жертвоприношение, 300 тэн. Кого это удивляет? Модраш приносят жертву первый раз? Да, это больше, чем всегда, чем в прошлом году, но меньше, чем в позапрошлом, а тогда его не выгоняли! Нет, все просто и ясно: отцу нужен повод избавиться от младшего сына, чтоб подготовить старшего на свое место. Антоэсто [\[33\]](#) подоспел вовремя, ерунда, что праздновали по всей планете, ерунда, что сам Гвидэр сделал младшего сына крестником Модраш, мелочь, что кьет бога стоит на территории туглоса сегюр почти тысячу лет, и вся династия Лоан прошла через его своды, принося жертвы. Главное, что Рэйсли был окэсто и должен был исчезнуть много лет назад, как его собратья, а не цепляться за жизнь, мешая и отцу, и брату...

Иллан! Братец родной, вечный соперник, вечный укор. Фиэлло фэсто [\[34\]](#), не то, что он. Гордость отца, его надежда, опора, будущее ...Сильный, уравновешенный, умный и абсолютно здоровый. Ему не надо было столько и-цы, как Рэю. Ему вообще ничего не было нужно так, как младшему брату, у него было все с самого рождения, как с рождения ничего не было у Рэйсли. А разница-то всего в три года...три!

Гвидэру подарили мать его будущих сыновей, когда тому было далеко за 200, он уже и не надеялся на появление потомства. Она была землянкой, тэн. Гвидэр берег ее, возлагая огромные надежды, но не уберег. Рэйсли так и не узнал: отчего умерла его мать? Его эмбриону было два месяца, когда его спешно пересадили в Фэйру из чрева умершей тэн. Она и заменила ему мать. Гвидэр отдал ей Рэя в полное распоряжение, когда тому исполнилось три года, и кафиры подтвердили, что он окэсто. Это был приговор.

Рэйсли помнит каждый день своей жизни, ощущения, запахи, эмоции, желания... Мокрая от пота постель, дрожащие тонкие руки, обтянутые желтой кожей, и тошнота от слабости, и слезы, наворачивающиеся на глаза от боли, и желание встать, когда нет сил, и запах благовоний, тихий звон у-того [\[35\]](#) у выхода на террасу... Там была жизнь, там были ветер и солнце, там стоял аромат природной и-цы, там жили отец и брат.

Гвидэр обнимает Иллана: ‘Как прошел день, сынок?’

Тот улыбается, подкидывая в руке мяч, рассказывает не спеша, с достоинством, и отец расцветает, взгляд ласковый, любящий, заботливый... Рэйсли стоит за колонной и исподлобья смотрит на них, не нужный, не замеченный, давно погребенный в их мыслях.

Иллану можно было все: гулять с друзьями, устраивать вечеринки и состязания,

присутствовать на официальных приемах, заниматься борьбой и спортом, выбирать наложниц, отдавать распоряжения... У него было все, что бы он ни захотел. На него возлагали надежды, им гордились, его ценили, его любили...

Младшему сейти можно было лишь умереть. Его не любили, его презирали, им гнушались, им пренебрегали. Рэй читал это в каждом взгляде окружающих, даже в глазах тэн. Худой больной ребенок, страшный и странный, с горящими от ярости глазами и иссохшей кожей, дерзкий, костлявый, нескладный мальчишка, смеющийся жить...

Рэйсли наскакивал на Иллана, дразнил, грубил, пытаясь вывести из себя, а тот смеялся глядя на беснующегося мальчишку, и без особого усилия придерживал рукой на расстоянии, чтоб удары братика не достигли цели. Потом приходила Фэйра и уводила сорванца, или отец... он смотрел на младшего сына, как на недоразумение, брезгливо кривя губы, и жестом отправлял вон.

Как он ненавидел брата! До дрожи, до судорог, до слепящей разум ярости... и столь же сильно он хотел, чтоб отец хоть раз посмотрел на него тепло, погладил его по голове, спросил: как прошел день? Он хотел быть нужным, он хотел тепла и любви, но он был 'смертником', укором Гвидэру, досадной ошибкой, недоразумением, которого не должно было быть. И жить он не должен был, а жил...

Фэйра и Поттан были единственным его окружением, то ли слуги, то ли няньки, то ли родные, то ли тени из болезненного бреда. Фэйра выхаживала его изо дня в день, Поттан учил, открывал тайны и давал надежду. Рэйсли подрастал и осознавал все больше, знания увлекли его, давая силу и веру, спасая от унижающего недуга и обиды на окружающих.

В 13, Рэйсли приручил лауга и у него появился друг. Экзиз понимал его, как никто другой, словно их внутренний мир боги сотворили из одного вещества, но снаружи они казались странной и весьма колоритной парой — хилый, обессиленный сейти и могучий, независимый, громадный хищник. Он подарил ребенку желание жить, показал, что воля и энергия способны творить чудеса, он научил его принимать мир таким, каков он есть, помог избавиться от сомнений и духовной слабости. Ка Рэйсли словно слилось с Ка Экзиза, и это перевернуло весь внутренний мирок мальчика.

Лауг ушел, когда пришел срок, просто посмотрел на сейти зелеными глазами, зевнул лениво, тряхнул шерстью и, не спеша, с грацией и достоинством исчез в вечернем тумане. Больше Рэйсли его не видел.

Скучал ли он по нему? Скорей грустил по совместно проведенным дням. Он понимал, что лауг не может и не желает жить рядом с человеческим детенышем вечно, он был слишком гордым, свободолюбивым, независимым и мудрым. У каждого из них была своя дорога, они пересеклись на время, по воле богов, чтоб одарить друг друга необходимым и разойтись.

Общение с диким лаугом пошло на пользу мальчику. Он сильно изменился, превратившись в зрелую и самостоятельную личность. Его больше не трогало пренебрежение слуг и отца, не злил брат. Бури в душе стихли, осели и больше не тревожили понапрасну. Эмоции нашли свое место в его натуре и научились подчиняться хозяину. Теперь он знал, что хочет и каким будет. Он повзрослел. Он научился отделять желания от действительности, держать себя в руках, пользоваться Ка, укрепляя его, а не ослабляя ненужными чувствами и поступками. Он научился видеть дальше, чем другие, научился слышать и осознавать значение воспринятого, он научился не упускать мелочи, научился складывать события, как мозаику, и получать ответ: направление, будущее.

В 14 Фэйра привела ему первую наложницу, и Рэйсли, выпив тэн до дна, впервые ощутил влияние чужого и-цы на собственное тело. Ему вновь пришлось учиться: руководить своими желаниями, телом, энергетическими потоками и властвовать над чужой жизнью.

Конечно, он так и остался для всех окэсто, но он был жив и носил звание сейти, как бы это ни игнорировалось. Ни разу за 32 года он не чувствовал им себя на деле, и вот сегодня после хотто, после того, как изменения в образе сейти уже нельзя было воспринимать, как временные и случайные, весь экипаж стал смотреть на своего сотоварища по другому — ни насмешки, ни презрения, ни злорадства, лишь благоговение, почтение и хорошо спрятанная зависть, как у Гзан, сквозили в этих взглядах.

Лоан признали фишэдо, а этих галактических бродяг не так просто заставить верить или уважать, но он смог, значит и отца сможет заставить признать его сыном, как и Иллана. У Гвидэра два сейти, пора ему об этом напомнить.

Рэйсли выключил воду и, нажав кнопку вэсс [\[36\]](#), через пару секунд натянул на сухое тело свежий комбинезон. Спать не хотелось, время было ближе к обеду и Рэй решил заглянуть к тэн, чтоб проверить ее состояние и покормить. Девчонка наверняка уже проснулась и проголодалась.

Кэн зашел в комнату Алены, остановил поднос с пищей у ложа и настороженно прищурился: что-то было не так. В воздухе стоял запах болезни: раздражающе — острый, густой и жаркий. Девушка была укрыта одеялом с головой, только тонкая рука выглядывала из-под него, свешивалась до пола безвольной плетью. Рэй замер на минуту и отдернул одеяло.

Зрачки девушки были огромными и пустыми, пунцовое лицо, слипшиеся от влаги волосы, сухие, потрескавшиеся губы, приоткрытые, вздрагивающие, и спина, превратившаяся за это время в одну сплошную рану: отечные красные края разрезов, с бело-желтоватыми вкраплениями внутри. Рэй остолбенел. Страх, давно забытый, и, казалось, неведомый ему, мгновенно проник в душу: Модраш! Крестный наказывал его за пренебрежение и сомнения, он не забыл, что крестник дважды проигнорировал его дар и чуть не потерял, и вот напомнил, проявил свою волю, наказывал недостойного мальчишку, забирая девушку.

Алена горела, ее энергия скапливалась внизу, не желая подниматься. Рэйсли знал, что в подобных случаях умирают быстро, буквально сгорая за сутки. Для флэтонцев, повышение температуры тела означало смерть. И не важно, что девушка землянка, сейчас кэн об этом и не вспомнил, он пытался сообразить, что нужно и можно сделать.

Кэн осторожно поднял девушку на руки и понес к кафиру.

Эллан отпрянул, увидев лицо сейти, держащего на руках тэн.

— Ты вылечишь ее! — безапелляционно заявил тот, укладывая безвольное тело на кушетку.

— Я?... — зрачки мужчины расширились от растерянности и страха. Состояние девушки не вызывало у него сомнений, — не могу, Рэй, ...это...конец.

— Ты поднимешь ее! — рывкнул кэн с перекошенным лицом и зажмурился, беря себя в руки. — Ты сделаешь все, что сможешь, ты сделаешь больше, чем можешь, и ты поднимешь ее,...если хочешь жить.

Голос парня звучал глухо и угрожающе жестко, а взгляд не оставлял выбора.

— Я помню все Эллан: твою предвзятость, совет о трансплантации органов... Пять лет назад отец решил, что с него хватит терпеть мое присутствие, и ты с радостью решил ему помочь, да просчитался. Я знал статистику выживших после таких операций...ноль! А кто просвещал его о моем состоянии? О количестве погибших наложниц? Ты предал Фэйру, убедил отца, что я окэсто! Ты присягнул Иллану перед отлетом, чтоб сохранить свой ранг и должность, ты встал на сторону отца, пообещав, что он больше не увидит меня ...

— Но я дал тебе свой гуэдо! — закричал Эллан, не желая слышать список обвинений. Одного пункта хватает для смерти, и именно этот приговор он читал в глазах сейти.

— Если бы ты это не сделал, я бы все равно нашел, у кого взять, а ты бы признал себя... предателем, — тихо заметил Рэй, с презрением глядя на поникшего доктора. — Ты можешь обманывать Фэйру, но не меня.

Мужчины замерли, в упор глядя друг на друга. Эллан опустил взгляд первым.

— Я не твой бог, Рэй, — тоном обреченного заметил он.

— А ты постарайся, — холодно заметил Лоан, и чуть поддавшись к нему, вкрадчиво спросил. — Эхита и ты, кажется, решили обзавестись окэсто? Похвально...мальчик?

— Нет, Рэй, — похолодел кафир.

— Да. Я лишу твоего окэсто возможности питаться. Без отца ему трудно придется. Сколько он сможет прожить? Три года, как все, шесть? Подумай об этом.

Кэн развернулся и вышел.

Эллан пошатнулся и, опершись руками на края кушетки, навис над бесчувственным телом тэн. Его жизнь и, как и жизнь его близких, теперь зависела от этой рабыни.

— Ты все равно умрешь, — прошипел он девушке и тряхнул головой, осознав, что, по сути, она тут ни при чем. Эллан виноват сам, не приняв во внимание стойкость сейти и силу его Ка. Он сделал ставку не на того, он поторопился, и теперь, только вытащив эту девчонку, он сможет исправить упущения. Рэйсли, бесспорно, быстро войдет в силу и завоюет много голосов в свою пользу, история его спасения слишком чудесна, и потому привлечет массу поклонников в конфессию Модраш. Гвидэру придется признать младшего сына и отдать сегюр ни одному, а двум сейти.

Лоан остановился посреди коридора и с размаху впечатал кулак в стену. Его душила бессильная ярость: почему его тэн должна умереть? Потому, что он не смог ее уберечь? Она выполнила свое предназначение? Пусть так, но он не желает ее терять, ...

Взгляд упал на бриллиантовый браслет, последнее, что у него осталось в память о своем происхождении, о доме, ... Нет, не последнее.

И в ту же секунду парень понял, что будет делать.

В корабельном святилище было прохладно и мрачно. Большое помещение с рядами разных идолов вдоль стен было наполнено ароматом благовоний. Веселый добряк Имхей, бог справедливости Куэнго, изящная, резная статуя красавицы Оби, богини долголетия и семейного благополучия, и с десятков других изваяний, включая хрустальный шар и голограмму Анториса, бога мудрости, с недоумением взирали на странного посетителя, сидевшего на коленях перед огромным каменным монстром — Модраш.

Рэйсли взирал на клыкастый лик крестного и пытался предугадать: внимлет ли тот его просьбе? Золотая жертвенная чаша стояла у ног парня — ждала свое время, как и молоденький черноволосый раб, ткнувшийся лбом в поверхность пола слева от кэн. Он был оголен по пояс, как и хозяин, и дрожал от холода и страха.

Лоан нахмурился, недовольно покосившись на тэн: совсем никчемный, слабый и трусливый. Жаль, что за свой браслет Рэй смог взять только такого, остальные стоили дороже, но и были не в пример этому.

Кэн брезгливо поморщился, глядя, как трясется мальчишка, вытащил из инкрустированных камнями коротких ножен на груди кинжал с огромным голубым бриллиантом на рукоятке и взял раба за волосы. Золотистый клинок, испещренный иероглифами, загадочно блеснул и скользнул по горлу жертвы, с легкостью вспарывая сонную артерию и трахею. Парень задергался в смертельной агонии, изрыгая кровь в жертвенную чашу, и затих. Миг, и бездыханное, обескровленное тело лежало у ног гневного Модраш, но душа, так и не успев ничего понять, еще топталась рядом. Рэй подождал, стяхнул последние капли в чашу, отпустил тело и надрезал себе запястье. Скучная струйка стекла в дымящийся от крови жертвенник и остановилась. Парень стер пальцами ее остатки и следы влаги с лезвия и вложил кинжал в ножны. Еще пара минут, и рана на его запястье превратилась в тонкую, красноватую полоску. К вечеру не будет и ее.

Рэйсли поднял конусовидную чашу на вытянутых руках, поддерживая за низ, и протянул крестному, внимательно вглядываясь в его лицо. Тот, казалось, насмешливо ухмылялся.

‘Прошу тебя, оставь свой дар мне. Я клянусь, что буду зорко следить за ней, беречь как себя. Клянусь не допускать ошибок и не пренебрегать ею’.

Модраш ехидно скалился.

‘Я ...совершил всего лишь оплошность, растерялся и не понял вовремя. Это не повторится, клянусь. Прошу тебя, оставь ее мне. Я оценил ее по достоинству и смогу приручить ее. Твой дар велик и бесценен, я благодарен тебе и клянусь служить тебе верно и впредь, ...оставь Алёну мне’.

Модраш презрительно сморщил клыкастую рожицу. Рэй растеряно нахмурился и выплеснул содержимое чаши в углубление у ног бога. Минута, вторая, третья...Кровь стояла на месте. Модраш не принимал жертву.

‘Что же ты хочешь? Что я еще должен сказать? В чем поклясться?’ — кэн всматривался в сердитый лик, пытаюсь понять: ‘Я слишком медлил? Усомнился? Ты считаешь — она мне больше не нужна? Да я абсолютно здоров и благодарен тебе, но. я не могу расстаться с ней, она мне еще нужна.’

‘Зачем?’ — усмехнулся бог.

‘Не знаю’,- качнул головой кэн, чувствуя, что совсем запутывается. Что-то важное скользило в голове и не давалось, не желая облекаться в разумную мысль. А крестному до этого не было дела — он ждал четких аргументов, внятных объяснений.

‘Я не желаю расставаться с твоим даром. Я достоин его и могу доказать тебе это... делом’.

Модраш настороженно прищурился, и Рэй все понял.

‘Так вот в чем дело: я обещал взять ее в жены, получив доказательства ее избранности, но до сих пор не исполнил обещанье’.

В груди Лоан похолодело. Заключить союз с тэн? Взять ответственность за нее на всю оставшуюся жизнь? Ему мало забот предстоит, чтоб еще брат на себя сумасбродку? Отец будет в ярости. Совет возмущен. Общество скандализировано. А если еще и характер Алёны учесть?.. Его ждут беспокойные времена и множество проблем.

Но ведь он может. Он достаточно силен, чтоб нести ответственность за двоих. Отец? Прекрасно! Это даже замечательно — позлить родственничков, навязав им своенравную девчонку в качестве претендентки на сегюрет, если с ним что-то случится. О, это было бы интересно и поучительно.

Ах, как взъярится Гвидэр! Иллан ведь уже правит и вдруг...ему придется пододвинуться. Рэй не только жив, но еще и вступил в союз, и теперь у Гвидэра не будет выбора, его просто не поймут, если он проигнорирует младшего сына и не поделит трон между обоими! Рэй получит все и сразу. О, какая горькая пилюля для родителя и брата! Надо же так просчитаться — сбросить сынка, вычеркнуть и вздохнуть спокойно, а он возьми да появись...и не один, с женой! Это уже не двоевластие, это бесспорное главенство Рэйсли, законное главенство, потому что он будет женат, а, следовательно, иметь другой статус, выше, чем у Иллана. И в случае смерти за ним останется жена, а за братом никого. Потом женатый человек — это состоявшийся мужчина, возложивший на себя бремя ответственности за другого. Это уважение и авторитет общества, и ...укрепление культа Модраш. Он теперь сможет все! Прислушиваться-то будут в первую очередь к нему.

Вот что задумал крестный!

Модраш лукаво ухмыльнулся. А Рэйсли обдумывал. Он испытывал радость и облегчение от мысли, что Алёна станет его навечно, официально. Она будет защищена и обеспечена.

Этот союз выгоден и ему, и ей, и в тоже время кэн осознавал, насколько тяжело ему придется. Зная отца, зная Иллана, зная ситуацию, сложившуюся на Флэте. Давление будет сильным, а так как наиболее уязвима в данном случае именно девушка, воздействовать будут на нее. Она наивна, доверчива, забита глупыми предрассудками, непослушна, горда и импульсивна. Ее будет легко потерять и трудно уберечь.

Рэй тряхнул головой: и все же он будет рад взять ее на свое попечение. Ему приятна мысль, что она будет рядом с ним, как равная, как достойная. Она ведь похожа в чем-то на него. И потом, иметь 'лауга' под боком на постоянной основе, руководить им и умирять — разве это не интересно? Разве это не достойное его занятие? Этот 'Экзиз' уже никуда и никогда не уйдет.

Рэйсли улыбнулся крестному: 'Мы поняли друг друга. Я заключу с ней союз, как только она выздоровеет. Безотлагательно'.

Кровь в углублении зашипела и ушла. Крестный принял жертву. Договор подписан. Теперь Алена будет жить, а Рэй подготовиться к церемонии...а в качестве подарка новобрачной убьет Гзан. Теперь этому уже никто не воспротивится, а потому и ждать не надо.

Эллан уже ничему не удивлялся и не противился. Прошедшие три дня стали для него настоящим испытанием и грозили вылиться в масштабные и резкие перемены по всему Флэту.

Кафир словно закаменел, боясь сказать лишнее или сделать что-то не так. Его нервировало собственное положение — неустойчивое и весьма щекотливое. Он понимал, что сейти исполнит задуманное, парень никогда не менял своих решений, но всегда взвешивал поступки и их последствия, а здесь... Эллан глубоко сомневался, что Рэй не понимает что творит, наоборот, парень скорее специально устраивает скандал во всем сегюрете, который выльется, бог знает во что. Раскол в обществе будет неминуем, как и двоевластие. Иллан анторист, как и Гвидэр, и он фэсто. Но теперь мало окэсто, и модрашист станет равновластен с ним, так еще и навяжет обществу 'дар' своего бога. По всей империи поднимутся окэсто, и культ Модраш, приобретет огромную значимость. Это значит — раскол, война, и не только в семье Гвидэра, но и по всей планете. Это ужасало Эллана.

Иллан не может иметь детей, несмотря на то, что он фэсто, а его окэсто не будет иметь тех прав, что отец, он будет вне законов,...если выживет. Значит, останется Рэйсли, и его девчонка будет замещать мужа во время отсутствия оного. Бред! Хаос!

Эллан готов был расплакаться, глядя на кугу-эцы, которые ему передал сейти. Одарить отсталую, тупую землянку вечной молодостью?! Что он делает? Хочет, чтоб она жила столько же, сколько и он? Но даже фэсто живут 300 лет от силы, намного меньше окэсто, если те выживают после мутационных приступов в пограничные годы. Зачем она ему? Привязался? Рэйсли?! Нет, тут что-то не так...А если?...Нет, его окэсто не будет иметь прав, как и другие, он не станет изменять вековые законы, это откровенный вызов, война. Больше половины населения сегюрет — фэсто, они не дадут ему ломать их устои, их жизнь.

И все же Эллан должен учесть все, чтоб выжить и удержаться на плаву, не потерять, но приобрести. Как бы там ни было, но именно он дал Рэю гуэдо, хоть и наравне с Илланом, но не тому, а ему это будет вменяться в вину Гвидэром, значит остается одна дорога — держать сторону младшего сейти и ...делать, что он велел.

Мужчина глубоко вздохнул и начал готовить кугу-эцы к церемонии, в тайне надеясь, что

девчонка умрет при их внедрении, что случается сплошь и рядом. У него мелькнула мысль убить тэн и заслужить признание сегюр, но тут же погасла: Рэйсли безжалостен, умен и зорко следит за своим сокровищем. Он поймет, в чем дело и это точно будет концом для всей ветви Кхэ. И потом, если она выжила и почти поправилась за три дня, то не рука ли Модраш приложилась к ее челу? Нет уж, не будет он связываться, не станет рисковать жизнями своих близких и своей, пусть этим займутся другие. Все равно девчонке не выжить. Сейти не сможет ее уберечь, какие бы усилия он к этому ни прилагал.

Так зачем подставлять себя? Пусть этим занимаются профессионалы.

Вэрэну понадобилось всего пара минут, чтоб принять решение, и еще минута, чтоб вытащить браслет сейти и брачный, женский обруч:

— Свадебный подарок от меня, — пояснил он, широко улыбнувшись и положив богатство на стол перед кэн. Рядом легла шикарная витая цепь, достойная самого сегюр.

— А это от меня, — с достоинством поклонился Дэйкс и покосился на капитана. Они поняли друг друга. Просьба парня не столько поразила и изумила их, сколько порадовала: сейти еще не вернулся, а уже взялся за дело. Хватка у него отличная, значит, и итог будет соответственный.

И ветераны сделали ставку на Лоан: им нечего было терять, а приобрести они могли многое.

Алена открыла глаза и улыбнулась. Состояние было замечательное: легкость, ясность и бодрость. Она лежала на чем-то мягком и пушистом в бело-голубой комнате. ‘Наверное, это рай’,- решила она и уже приподняла голову, желая рассмотреть помещение лучше, как увидела Лоан и, досадливо скривившись, улеглась на место.

Рейсли сидел, закинув ногу на ногу, в высоком кресле, у стены, наискосок от девушки, и пристально, с самым озабоченным видом изучал свои ногти.

— Проснулась? — спросил он в своей любимой манере: лениво растягивая слова, и даже не посмотрел на нее.

‘Тьфу, ты!’ - скривилась Алена:

— А я-то надеялась, что умерла и попала в рай,...а там ты сидишь! Значит — ад... Нигде от тебя покоя нет!

Рэйсли фыркнул:

— Ад и рай, милая, очень занятные понятия. И оперировать ими, не зная сути,...вполне в твоём духе.

— Слушай, ходячий свод философских и религиозных течений, может, ты хоть эту тему не будешь муссировать? Или для тебя ничего святого, в принципе, нет?

— Ад и рай не святое, а обыденное и крайне относительное понятие, а граница меж ними весьма призрачна. Ты пытаешься наделить их императивностью, но при твоём уровне знаний это выглядит более, чем смешно.

— Слушай, оставь меня в покое, а? У меня от тебя все мозги завяли, и настроение в минуса ушло. Дай ты бедной девушке без напыщенной патетики ласты загнуть, по-простому, с веночком и белыми тапочками.

Рэй рассмеялся и покачал головой:

— Ты неподражаема! Хочу заметить — смерть тебе не грозит, но мешать не стану... должна же ты о чем-то мечтать? Правда, на твоём месте я мечтал бы о чем-нибудь более доступном.

— Например? — насторожилась Алена.

— О смене статуса тэн на статус свободного человека. Кстати, могу поспособствовать: вела ты себя достойно и заслужила награду.

Девушка села, запахнула простынь и заинтересованно уставилась на кэн, еще не веря в его искренность, подвох выискивала. Да куда там Алене, с ее-то умственной потенцией, значительно подорванной общением с этим отпрыском ‘сфинксообразных’, если столько ученых, сотни лет бьются над разгадкой его прародителя, воздвигнутого в Египте, и хоть бы на йоту продвинулись! Вообще, ничего она, понятно, не нашла, но озадачилась и даже надежду обрела, слабенькую, правда, но о большем и мечтать не приходилось, учитывая гаденький характер Лоан.

— В смысле... ты меня отпустишь? — прищурилась она.

— Да, освобожу от звания тэн, но при одном условии — ты должна вести себя приемлемо: не задавать глупых вопросов и выполнять мои... просьбы. Не порти впечатление о себе, хорошо?

Парень выглядел совершенно серьезным, и Алена позволила себе поверить.

— Хорошо, буду вести себя, как Герасим: послушно, тихо ...и молча. И когда

намечается столь радостное для меня событие? — с долей подхалимства спросила она, чуть поддавшись к нему.

— Часа через два, — поднялся Рэй. — Да и насчет молчания... Очень хорошая мысль. Надеюсь, до конца церемонии ты сможешь выдержать роль немой?

— Церемонии? — скорчила недоверчивую гримасу Алена.

— Мы можем обойтись. Я в принципе не горю желанием тебя отпускать...

— Нет, нет! — поспешно замахала руками девушка. — Согласная я, барин, хоть немой скажусь, хоть на голову скорбной, только не оставь меня, убогую, милостью своею, благодетельствуй уж, век тебя помнить буду, соколик! — А сама подумала: 'канюк, ты мой, галактический!' И склонилась в дурашливом поклоне, всем видом выказывая раболепие.

Рэй фыркнул и вышел.

Ровно через два часа, к облегчению и радости изнывающей от нетерпения девушки, на пороге комнаты появились три человека: Вэрэн, Дейксклиф и естественно Лоан. Он похозяйски положил ладонь на плечо девушки, встав рядом с серьезной физиономией, двое других встали напротив с торжественными лицами. Алена искренне порадовалась, что успела до их прихода обернуть себя простынею, на манер индийского сари, и не сидит в неглиже, опошляя праздничность момента, скорчила сосредоточенно серьезную мину, прикусив, на всякий случай, язык. И не зря — 'чесался' он сильно, так и норovil пару острот отвесить.

Следом появился Эллан, осторожно поставил на кушетку, рядом с Аленой, хрустальную шкатулку, в которой что-то переливалось всеми цветами радуги, покосился недовольно на девушку и замер.

Капитан оглядел присутствующих и, уткнувшись глазами в маленькую, черную папочку, начал зачитывать что-то сильно смахивающее на манифест, если судить по тону. Декламировал он на флэтонском, отчего Алена не поняла ни слова, но прониклась и вела себя достойно: язык держала за зубами, улыбочку прятала, глазками не стреляла. Заунывно торжественная часть подошла к концу, когда девушке уже надоело рассматривать ботинки присутствующих.

— Лэ! — произнес Лоан над ее ухом, и Алена встрепенулась: ура, да здравствует свобода и равенство меж гуманоидами и землянами!

Увы, это было далеко не финал, а лишь кульминация данной интермедии. Дэйкс открыл темную коробочку, которую держал в руках, и капитан, отложив папку, достал из нее изумительный обруч с огромным ромбовидным камнем посередине, прозрачным, как стекло и сверкающим, как бриллиант. Это чудо было торжественно вручено Лоан, а он в свою очередь, водрузил его на голову обалдевшей Алены.

— Что это? — прошептала она, боясь пошевелиться и уронить такую прелесть.

— Мой подарок, — нехотя ответил Рэй и взял протянутую Дэйксом плоскую штучку непонятной геометрической формы.

Секунда, и обруч плотно обхватил лоб девушки так, что камень острием, уперся в переносицу. Что-то щелкнуло, словно его закрыли на замок, и Рэй выставил ту штучку на всеобщее обозрение.

Алена ехидно поморщилась, но промолчала, боясь спугнуть интересное представление. Вэрэн забрал плоский предмет, выудил из ларчика короткую, золотую цепь, с палец толщиной, и, нацепив его на нее, надел на шею Лоан, потом закрыл и отдал парню тонкий, как шпилька, ключ, тоже из золота. Тот с самым серьезным видом показал его всем и

сломал, небрежно раскинув обломки в разные стороны. Это впечатлило: лица вытянулись, в глазах появились недоумение и настороженность.

Дальше, к удивлению девушки, Лоан кивнул кафиру и тот, открыв свою шкатулку, вытащил золотую палочку с палец толщиной и шариками на концах и протянул ее Алене.

— Зачем? — отпрянула та.

— Нужно закрыть шрам на плече, иначе тебя так и будут считать тэн. Это больно, но кричать нельзя. Терпи. Сожми это зубами, — Рэй хмуро глянул на нее и сунул в рот палочку.

‘Ладно, на что только не пойдешь ради обретения свободы и независимости от инопланетного разума!’ — решила про себя Алена, настороженно поглядывая на эскулапа. Тот вытащил скальпель, и ей это не понравилось, но ладонь кэн не дала сообщить об этом во всеуслышанье — предостерегающе стиснув плечо.

Эллан надрезал рубец, а потом заключил его в круг. Получилась кровавая татуировка довольно приличных размеров. Алена морщилась, подозрительно косилась на внимательно следящих за происходящим мужчин и чувствовала себя не в своей тарелке. Настораживало происходящее, слишком уж много усилий прикладывалось для банального освобождения, мудрили что-то флэтонцы, чуть ли не церемонию вручения какого-нибудь памятного приза устроили или ритуал посвящения ... в ослицу, например. А лица-то? Приподнято-строгие, ожидающие — настороженные, словно кафир из ее плеча сейчас вытащит янтарную комнату, не меньше.

Нет, не вытащили, а засунули, и не янтарную, а бог знает какую.

Эллан достал зажимом из прозрачной жидкости, в отделении шкатулки, тонкую иголочку со сверкающим на кончике шариком и воткнул ее прямо в разрез. У Алены чуть глаза от боли не выпали и не побежали по коридору прочь. Плечо обожгло, как из огнемета, пронизывая болью до кости. Она бы, наверное, не то что закричала, а еще и в обморок упала, да Лоан не дал: сжал сильнее плечо, придерживая девушку, и сказал:

— Потерпи, не так больно.

Алена глянула на него, моментально разозлившись, и уже пару фраз приготовила, да Эллан еще иголку ввернул, и девушка автоматически стиснула зубами палочку, сдерживая крик. И так раз пять. Наконец, боль немного отпустила и лишь пульсировала где-то в глубине, ближе к кости, сходя постепенно на нет. Эллан захлопнул свою шкатулку и тяжело вздохнул:

— Все!

Рэй самодовольно улыбнулся и кивнул Алене:

— Посмотри.

Она покосилась, еще слабо ориентируясь, переводя дыхание, усиленно моргая, чтоб стряхнуть оцепенение, и открыла рот от изумления: палочка брякнулась на ладонь Лоан.

‘Боже мой!’ На плече красовалась причудливая вязь изумительно ярких цветов: фиолетового, синего, голубого, оранжевого и алого. Аляписто и вызывающе, но сказочно великолепно. Куда там навороченным татушным салонам! Эта татуировка била все рекорды по фантастичности, колоритности, исполнению и мудрености рисунка. На плечо словно прикрепили овальный щит из драгоценных камней. Они выступали над поверхностью кожи и, сверкая, сливались, плавно переходя от одного цвета к другому. Если б она знала флэтонский, то без труда бы прочла надпись: священная собственность Рэйсли Лоан. Жена. Союз заключен по воле Модраш. Но она лишь различила коготь в середине круга и удивилась, что пресловутую букву ‘Т’ под рисунком не видно совершенно, словно ее и не

было. Алена хотела потрогать плечо, но Рэй шлепнул ей по руке и строго сказал:

— Нельзя. Повредишь. Потерпи пару часов.

Девушка спорить не стала: рука отнималась, а плечо болело еще довольно ощутимо, так что желания усугублять боль не было. Да тут еще и Вэрэн начал ораторствовать, вспомнив про свою папку, и экзекуция его торжественной патетикой грозила затянуться до бесконечности и навевала скуку. Все это Алене надоело до чертиков, поэтому, когда капитан закончил практиковаться в словесности и сунул папку сначала Лоан, потом ей, она последовала примеру кэн и безропотно подписалась под инопланетными загогулинами на электронном табло и присовокупила отпечаток большого пальца, оставив его рядом с отпечатком Рэйсли.

— Все?

Лоан загадочно улыбнулся, кивнул, подхватил ее на руки и с видом победителя вышел из комнаты, не попрощавшись с товарищами.

Алена уже хотела запротестовать, испугавшись, что все начинается заново, но, увидев, что парень несет ее в другом направлении от ее бывших апартаментов, немного успокоилась. Ее распирала гордость и радость, словно она выиграла свой 'последний и решительный бой'. Свобода! Теперь она не рабыня, теперь она может вернуться домой!

В эти минуты, она почти обожала Лоан, простив ему разом все прегрешения. Он казался ей очаровательным красавцем — рыцарем, чем-то средним между героем романтических баллад, суперменом и древнерусским витязем. Глаза ящера, лицо сфинкса и улыбка змеи были позабыты, как и аморальные поступки. Бог с ним, она девушка гордая, но справедливая и не злопамятная: что было, то было, грустно, печально, но она жива и свободна! А это, кому хочешь, голову вскружит, и любой тиран, совершивший подобный акт милосердия и человеколюбия, ангелом покажется.

Рэй остановился около стены, отпустил девушку на пол и, открыв вход, подтолкнул ее внутрь. Алена оказалась в довольно просторном помещении с аскетическим интерьером. Прямо по курсу — огромный иллюминатор, пара кресел, накрытых голубым мехом, висящих в воздухе, вокруг столешницы — октагона из темно-синего стекла; слева экран на полстены, справа то ли диван, то ли софа у большого аквариума, вмонтированного прямо в стену, и проход в другую комнату.

Девушка несмело прошла и заглянула во второе помещение: просторная, овальная кровать, два кресла у иллюминатора поменьше, чем первый, длинные светящиеся цилиндрики по стене, зеркало. У входа, справа, плоская панель с маленьким экраном и сенсорными кнопками, сверху еще один, прямоугольный, с зеленой цифрой 16, со стороны так называемой гостиной и 17. 58. со стороны спальни.

— Что это? — спросила Алена.

— Часы, — Рэй развалился в кресле, насмешливо разглядывая девушку.

— Э-э-э, с той стороны, а с этой?

— Таймер.

— И что он отчитывает?

— Время, оставшееся до посадки.

— 16 дней?

Лоан кивнул, губы изгибала довольная улыбка, его переполняли самые положительные эмоции, а мысль, что эта длинноволосая кьяро теперь его жена, была еще не привычна и неосознанна до конца, но весьма и весьма привлекательна. Он абсолютно не сожалел о

содеянном, наоборот, был в восторге. Конечно, чтоб обладать девушкой, необязательно было заключать союз, она и так принадлежала ему, но здесь. Дома Иллан, мог забрать ее по праву старшинства и под предлогом долга, что и случилось бы, учитывая сладострастие брата и его слабость к красивым тэн, с обильным и плохо защищенным и-цы. Отец же, взамен, наверняка бы, навязал Рэю выгодную невесту. Выгодную им, не ему, и женил в интересах династии...лет через десять, чтоб не омрачать правление Иллана претензиями младшего сейти. А, может, запретили бы жениться вообще.

Алена покружила по комнате, рассматривая интерьер, и уселась напротив кэн, на сверкающий, шелковистый мех в кресле.

— Настоящий? — спросила она, довольная и счастливая, поглаживая мех.

— Голубой лауг, — рассмеялся Рэй: 'Твой родич, милая.'

— Класс! Мне нравится, — с царственным видом кивнула девушка и, стащив с головы обруч, повертела в руках и посмотрела на парня. — Это очень дорогая штука?

— Есть и дороже.

— Может быть. Я в другом смысле. Это ведь теперь мое, так?

— Да.

— Значит, я могу сделать с ним, что захочу?

— И что ты желаешь с ним сделать? — подозрительно прищурился кэн.

— Продать. Чтоб на обратную дорогу хватило. В смысле, денег.

— А-а. Не хватит.

— И много не хватит? — посерьезнела девушка.

— Много. Очень.

Алена приуныв, брякнула обруч на столешницу и нахмурилась, соображая: как же ей теперь выбраться?

— А можно как-то заработать?

Рэй заулыбался и, склонив голову, насмешливо уставился на нее, поглаживая пальцем свои губы. Намек был слишком прозрачен и, щеки девушки запылали. Алена занервничала, осуждающе глянула на парня и, поправила простынь на груди:

— Я не такой способ имела в виду.

— Чем этот плох? — выгнул бровь кэн.

— Я больше не рабыня и не собираюсь терпеть твои намеки и сальные шуточки! — обозлилась девушка. — И вообще, что это ты тут расселся, как у себя дома? Иди-ка ты к себе, я здесь и без тебя как-нибудь разберусь.

— Это и есть твоя благодарность? Я тебя отпустил, потерял, знаешь ли, немалую сумму, а ты гонишь. Ох, и воспитание, — качнул головой Рэй. — Я думал, мы вместе поужинаем. Отметим твое ...освобождение.

Девушка смутилась и занервничала еще больше. Тон парня ей не нравился, насмехался тот, не скрывая. Алена мысленно прикинула местоположение ванны, чтоб переодеться, от греха. Мало ли, что у этого озабоченного на уме?

— А где здесь ванная?

— Зачем тебе?

— Догадайся! Одеться хочу..., чтоб поужинать в приличествующем случаю виде.

— Не думаю, что это хорошая мысль. Раны еще не все закрылись, подожди до завтра.

— Ну, вот завтра тогда и приходи, поужинаем.

— Ужинать мы будем и сегодня, и завтра, — парень взял со столика продолговатый

предмет, сильно смахивающий на пульт ДУ, и нажал кнопку. Под стенным экраном открылась панель, и к ним, по воздуху, подплыл поднос с крышкой. Алена вздохнула, смиряясь, только спросила:

— Слушай, а как это у вас все предметы в воздухе висят?

— Физика, милая, — ответил кэн, расставляя на столе миниатюрные тарелочки с ароматными яствами.

— Да? Вот новость-то! Мы тоже физику изучаем, но у нас в воздухе ничего не висит.

Рэй фыркнул:

— Однозарядные предметы отталкивают друг друга, ты в курсе? Так вот на этом все и основано. А чтоб к потолку не взлетали, верх имеет один заряд с потолком, а низ с полом. Рассчитывается масса тел, устанавливается соответствующее давление... Это, если в трех словах. Элементарно.

—..Ватсон!

— Что?

— Так. Поняла я, что ничего не пойму, поэтому и пытаться не буду.

Рэй качнул головой то ли насмешливо, то ли укоризненно и развел руками:

— Тогда приступим к трапезе?

Алена оглядела стол: янтарные шарики, похожие на икру, студнеобразная масса двух цветов, хлебцы, горка лохматых, зеленых ягод, размером с виноградину каждая, фиолетовые ворсистые 'яблоки', длинные сморщенные палочки коричневого цвета, похожие на сушеные бананы, рулет с розовой мясистой серединой и темной корочкой. Обильный эрзац. И все же намного лучше, чем всегда. Она решительно принялась за ужин, кушать хотелось очень, а эмоции да разговоры могут и подождать.

Рэй исподлобья смотрел, с каким аппетитом она ест все подряд, и несколько растерялся. Алена, не обращая на него внимания, опустошила мисочки и принялась с завидной скоростью щипать 'виноград'. Парень усмехнулся и пододвинул ей свою тарелку:

— Я еще не прикасался. Прошу.

— Спасибо, — кивнула Ворковская и, поколебавшись немного, съела и его порцию.

— Фэй? — махнул Рэй в сторону высоких стаканов. Девушка скорчила зверскую рожицу:

— Увольте от вашего пойла, мессир, я как-нибудь фруктами обойдусь, — и взяла 'яблоко'. — Так, значит до посадки 16 дней?

Лоан сложил ладони лодочкой на груди, упираясь локтями в подлокотники, и лениво кивнув, склонил голову, наблюдая за девушкой.

— И сколько мы, в общей сложности, провели в полете?

— Чуть больше двух месяцев.

— 60 дней?

— Примерно.

— Два месяца.

— Больше. В нашем месяце 28 дней, в сутках 28 часов, а в году 14 месяцев.

— Забавное времяисчисление, ну да, это ваше дело, — Алена сыто улыбнулась. — Вот и поужинали. Теперь, как говорится, пора бы вам, монсеньер, и честь знать. Устала я, знаешь ли, поспать хочу, так что извини, аудиенция подошла к концу. Благодарствуйте за все и ... идите к себе.

— А я у себя, — прищурился кэн, в упор глядя на девушку. Та воззрилась на него с

непониманием, посверлила подозрительным взглядом и нахмурилась:

— Шуточки у вас, однако.

— Я абсолютно серьезен.

Алена замерла, насторожившись, в груди нехорошо заняло в предчувствии продолжения сексуально-насильственной эпопеи.

— Тогда зачем ты привел меня сюда?

— Ты хочешь вернуться к себе? — насмешливо выгнул бровь кэн. — Увы, это уже невозможно, она занята другими тэн. Конечно, ты можешь жить в коридоре,...в простыне, если мое общество так претит твоей психике.

Алена была готова расплакаться: как он смеет так себя вести? Что за глупые шутки?

— Послушай, я не желаю участвовать в твоём юмористическом шоу. Мне не смешно! Я не желаю находиться с тобой в одной каюте! Не желаю тебя знать! Найди себе другое место, в конце концов, тебе проще это сделать, чем мне! И будь так любезен, перестань надо мной изгаляться, я не подопытный кролик и уже не рабыня!

Она вдруг смолкла, заметив иронию в глазах кэн, и похолодела: неужели над ней посмеялись, устроили целое представление, заставили поверить, что ее отпускают на волю?! Идиотка! Неужели она попалась, как последний лох, на старую, как мир аферу?

Когда-то, во времена окончания 'веселого' застоя и начала 'феерической' перестройки, замученные, неустроенные женщины совдепии рванули на Запад в поисках лучшей жизни и спешно создавали семьи с иноземными мужчинами капиталистической ориентации. О брачном контракте в те времена бесшабашные и доверчивые *gerl sovietiko* не имели и малейшего представления, а язык знали в скорбных пределах школьной программы и потому попадались, как карпятка на электроудочку, подписывая документы, не вникая в их суть. Дезориентированные, с нулевыми знаниями законов, они с готовностью глотали наживку. Когда же осознавали, что, по сути, являются не женами, а бесплатными домохозяйками, и пытались что-то изменить, оказывалось, что они не имеют никаких прав ни на что, даже на собственных детей. Им указывали на подпись в брачном контракте и махали ручкой: 'Ариведерчи, сеньорита!' Уж не подобие ли такой истории произошла и с Ворковской?

— Я... по-прежнему рабыня? — напрямую спросила Алена, вглядываясь в лицо мужчины.

— Нет, — серьезно ответил тот, но взгляд девушку не успокоил. Было в нем что-то настораживающее, загадочное. Впрочем, для него подобный взгляд, что визитная карточка, *crazy* он везде — *crazy*, что на Земле, что на Флэте.

— Что в том документе? Почему мне его не отдали?

'Не поздновато ли ты озаботилась, милая? Халатная наивность и не посвященность в элементарные вещи, вкупе с доверчивостью...интересно, как бы она выжила без меня?'

— Это твое официальное освобождение. Тебе зачитать? — Рэй лениво поднялся, подошел к стенной панели, вытащил из нее точь в точь такую же папку, как была у Вэрэна, и с ироничным пафосом зачитал:

'Я, Алена, жительница планеты Земля, при свидетелях, по собственной воле и с глубоким почтением вверяю свою собственность в руки Рэйсли Лоан, которого отныне и до скончания лет обязуюсь почитать своим мужем и господином. Клянусь везде и во всем подчиняться его воле и его желаниям, быть ему верной и послушной спутницей. Отрекаюсь от прошлой жизни и препоручаю свое будущее в руки моего господина, отдаю под его ответственность и в полное пользование свое духовное, энергетическое и физическое

имущество, включая любое приобретенное впоследствии. В знак безграничного доверия, искренности и неизблемости своего решения принимаю имя его предков и даю разрешение на безотчетное использование моей собственности на его усмотрение. Отныне: Алена Лоан' ...по — флэтонски.

Девушка, конечно же, ничего не поняла, а услышанные слова — Алена и Лоан, не успокоили. Вставить их можно было куда угодно и в любом качестве.

— И что я должна понять? — недовольно взглянула на парня Ворковская.

— Не знаю. Ты просила — я прочитал, а что документ составлен на флэтонском, может удивить только тебя. Согласись, было бы очень странно, если б он был оглашен на русском, да еще и на чисто молодежном сленге?

— А почему бы тебе его не перевести?

— Ты не просила.

— Да?...А... Почему документ у тебя? — Алена чуюла подвох и никак не могла его отыскать, понять, где он спрятан.

— Возьми, — Рэй с невозмутимым видом положил папку на стол и подвинул девушке. Та схватила ее, попыталась разобрать хоть слово в нагромождении знаков, закорючек и прочей абракадабры, напрягая мозговой потенциал, но то ли он не был силен в разгадках ребусов, то ли его не было вообще, ни одно слово разобрать она так и не смогла.

— Не мучай себя, поспи. Отдохнешь, глядишь, что-то и прояснится, — заметил парень, отсалютовав ей стаканом фэй.

— А ты рядомстроишься? Нет уж, избавь меня от своего общества! Я не верю тебе, и ты мне категорически противен!

— Ой, ли? — прищурился кэн, и Алену бросило в жар. Она так и не научилась выдерживать его откровенные взгляды, достойно парировать уколы и насмешки. Он просто обезоруживал ее своей наглостью и самоуверенностью.

— Ты... ты больше не тронешь меня! — прошипела она.

Лоан согласно развел руками, кивнул и улыбнулся со свойственным ему очарованием, как голодная акула после сытного ужина.

— Я предупредила — сунешься, убью! — ткнула в него пальцем Алена, грозно сдвинув брови и встав, ушла в спальню. Рэй проводил ее ехидным взглядом и включил экран.

Девушка укуталась одеялом и, кипя от сонма самых противоречивых чувств: от ненависти до плотского желания, зорко следила за кэн и пыталась разложить произошедшее за день на составные, чтоб выявить каверзу, но звуки музыки, доносящиеся из комнаты напротив, сбивали с мысли и дурманили. Глаза стали постепенно слипаться. В итоге она заснула.

Пробуждение было ужасным. Ее мутило, и она, еще не проснувшись до конца, рванула в ванную комнату, путаясь в простыне и зажимая рот рукой. Когда желудок немного успокоился, и Алена окончательно проснулась, она заметила, что в проеме, прислонившись плечом к стене, стоит Лоан и, застегивая браслет на запястье, смотрит на нее в упор, причем, весьма подозрительно.

— Ну, что уставился? Приятно? На бис повторить?

— Тебя постоянно тошнит в последнее время, — спокойно заметил он.

— Я заметила! — девушка бросила на него неприязненный взгляд и включила холодную воду, желая умыться и избавиться от последствий желудочного бунта.

— Я тоже.

— И что? У вас отвратительная кухня, я себе желудок испортила, — девушка посмотрела на себя в зеркало: 'Боже! На кого я похожа? Чучело!' — Это все ты со своим фэй! Пресное — острое, пресное, острое... мне теперь до конца жизни на таблетки работать и есть кашку через трубочку! Тоже мне, высокоразвитая цивилизация! А питание, как ... тьфу!

Рэй посверлил ее взглядом и парировал:

— Желудок можно испортить только вашей пищей. Как насчет горячего и свежего? Наш рацион намного отличается от столов тэн. Можем пойти в... — 'как же у них это называется?' — поморщился парень, припоминая — кафе?... пищеблок?

Алена воззрилась на него с надеждой: самое странное, что аппетит у нее в последнее время стал зверским, и есть хотелось не то, что ежечасно, но порой и ежеминутно, несмотря на удручающую тошноту.

— А меня пустят?

Лоан закатил глаза и, развернувшись, вышел, бросив через плечо:

— Одевайся!

Девушке дважды повторять не надо было. Она быстренько залезла в шкаф, выудила брюки, кофту, увы, с глубоким вырезом и без рукавов, носки, и через пару минут уже шагала рядом с кэн по коридору.

— Рэй, а там постоянное меню или можно на заказ?

— На заказ.

— Здорово! А можно, что угодно?

Парень покосился на нее в недоумении:

— Алена, что ты хочешь?

— Кашу! Манную! С майонезом!

— Что это? — поморщился кэн, с любопытством посмотрев на девушку.

— Элементарно: манка, молоко, сахар соль, масло.

— Не уверен. Не знаю, что такое манка и не думаю, что Фэлгорф в курсе.

— У-у-у, какие вы дремучие! — разочарованно протянула девушка. — Ерунду всякую жуете, а что такое манка и майонез не знаете. Ладно, тогда я возьму курочку — гриль, селедочку, килограмм соленых огурцов и салатик, ...по фигу какой, хоть оливье, хоть 'мимоза'!

Лоан озадаченно покосился на нее:

— Странные у вас вкусы, девушка, я бы сказал, извращенные. Правда, большую половину из перечисленного я не пробовал, но с 'гриль' и селедка, знаком и обновить впечатления не спешу.

Тут из-за поворота вылетел флэтонец и буквально сшиб девушку с ног. Она врезалась в стену и вскрикнула. Бровь обожгло, и тонкая струйка крови ринулась из ранки. Еще секунда, и парень оказался на полу, сбитый с ног Лоан. В следующее мгновение крепкие руки кэн уже прижимали несчастного к стене рядом с девушкой. Рэйсли, пальцем обтерев кровь с его губ, мазнул им по губам землянки.

— Сумасшедший! — передернуло растерявшуюся Алену, и она поспешно начала отплевываться, пытаясь избавиться от чужой крови, но Рэй не дал. Вновь провел по губам парня и, кивнув ему: убирайся, сунул окровавленный палец в рот девушки, вдавив ее в стену всем телом, впился ей в губы, проталкивая внутрь чужую кровь и заставляя ее проглотить.

Ворковская замычала, забилась, передергиваясь от безгливости и омерзения, но Лоан, был неумолим.

Парень давно испарился, его кровь благополучно прошла в желудок, а кэн все терзал рот девушки. Алена уже не сопротивлялась: в голове шумело, перед глазами плыли вертикальные зрачки, тело стало невесомым и непослушным. Наконец, Рэй отпустил ее губы и прижал к себе. Она уткнулась лбом ему в плечо и закрыла глаза. Минута, другая — слабость начала исчезать, мир обрел привычные очертания, и на Алену нахлынул праведный гнев:

— Извращенец! Каннибал! — зашипела она, отталкивая парня. — Никуда я с тобой не пойду! Все! Накормил! Досыта! Спасибо! Если тебе чужая кровь по-кайфу — ты ее и пей!

— Мне нужно было его убить? Тебя бы это больше устроило? — спокойно спросил кэн, поглядывая на девушку сверху вниз.

— Ты беспросветный, законченный псих! За что его убивать?! Совсем спятил?! И это называется — отсутствие насилия и садизма?

— Алена, он нанес тебе рану. У нас кровь смывается только кровью. Если б ты не приняла ее, мне пришлось бы его убить.

— Да он же не специально!!

— Это не имеет значения, ты дар Модраш, и твоя кровь священна, — Лоан с самым невозмутимым видом сообщал ей эту чушь и тащил по коридору.

— Да кто такой ваш Модраш и кому он, интересно, меня подарил?

— Модраш, самый могущественный и грозный бог. Я его крестник, а это обязывает. У нас своя вера, свои традиции. Ты под моей защитой, а значит под защитой бога. Со временем ты все поймешь. Наше вероисповедание отличается от вашего, но оно не хуже.

К религии Алена относилась сдержанно, если не сказать — прохладно, однако с уважением и некоторой опаской. Братья Иеговы, в свое время, замучили весь подъезд, наставляя на путь истинный, и ломались к Алене чуть ли не каждый день. С тех пор она старалась избегать тесного общения с представителями сект и прочих направлений.

— Я не имею ничего против вашего бога, но зачем так? Это же варварство!

— Алена ты кто по вероисповеданию?

— Христианка.

— И какие традиции у христианства? Обряды? В чем суть этого течения?

— Ну, ... соблюдать посты, молиться, ни убий там ...

— Шикарно, — усмехнулся парень. — Тебе не кажется это варварством?

— Нет.

— Правильно. Потому что ты воспитана в этой вере. А я — в другой. То, что дико для тебя, естественно для меня, и наоборот. Но это не значит, что твоя вера лучше или моя.

— Я абсолютно не в претензии, но...согласись, заставляя пить кровь?!

— Кровь сильнее любой другой субстанции, в ней сконцентрированы жизненные силы и, принимая ее, ты фиктивно компенсируешь нанесенный урон. Все естественно. И не надо утрировать и преувеличивать — пить кровь я тебя не заставлял.

— Да? А что ты тогда делал?

Ответа Алена не получила. Рэй втащил ее в просторное помещение с множеством восьмиугольных столиков и сменным голографическим изображением во всю стену.

Народа было немного, но девушке, отвыкшей от людского общества, показалось, что целая демонстрация, к тому же на нее смотрели и чуть ли не тыкали пальцем, а это нервировало и смущало. Она поспешно уселась за свободный столик и старалась не смотреть по сторонам, пока Рэй размахивал ладонью, приветствуя товарищей: ‘Все-таки быстро они меня ‘построили’ со своими рабовладельчеством и варварскими методами воздействия!’

Флэтонцы загудели, шум нарастал, и девушка, с любопытством начала осторожно посматривать вокруг. Мужчины окружили кэн, что-то говорили ему, чуть не хлопая по плечу. Кто-то улыбался, кто был серьезен, кто качал головой, но все с почтением и даже благоговением обращались к Лоан, а тот, как всегда, был невозмутимо холоден и спокоен, как удав. ‘Интересно, что они раскаркались? Обсуждают мое освобождение?’- подумала Алена, уловив пару заинтересованных взглядов, брошенных на нее.

— Все же вы не люди или весьма странные люди, — заметила она, когда Рэй соизволил вспомнить о ней и сел за столик.

— Так люди или нет? — посверлил ее взглядом парень и, вглядываясь в край столешницы, отбарабанил по ней пальцами. — Спешу огорчить, манной каши нет, как и всего остального из ваших любимых блюд.

— А мне уже все равно, закажи что хочешь, — махнула рукой Алена, косясь на флэтонцев. Те осматривали ее, что-то гортанно бросали кэн, кланялись ему, то, прикладывая ладонь с сомкнутыми пальцами к груди, то просто взмахивая, и выходили. Минут за пять столовая потеряла большую часть посетителей.

— Кто ты такой? — с подозрением уставилась на Рэя Ворковская, озадаченная поведением мужчин.

— Флэтонец.

К столику подплыло два подноса с пищей.

Алена посмотрела на дымящиеся гарниры, странное приспособление: две чайные ложечки для кукол Барби, прикрученные друг к другу, на манер ножниц, и совсем растерялась.

Рэй начал есть, поглядывая на девушку, а та смотрела, как он это делает, пытаясь понять систему работы ложкой, и, наконец, тоже приступила к трапезе. Минут пять прошло в молчании.

— И все-таки, кто ты такой? На кэн ты не тянешь. Сержант, которому кланяются...это что-то слишком уж ‘чудесатое’.

Парень молчал, только посмотрел на нее, как обычно — не поймешь как.

— ‘Монна Лиза Дель Джоконда’! — фыркнула Алена. — У тебя отец не китаец, у тебя отец — сфинкс.

И добавила мысленно — ‘А мамаша- гарпия!’ Парень молчал, только предостерегающе прищурился.

— Стоп, я поняла! Ты ящер, идолопоклонник, воспитанный в стиле каннибализма, дикий и...

— Алена, я такой же ‘ящер’, как и ты, но более разумный и вменяемый. Я просил тебя много раз следить за речью, я просил не по-русски?

— Все, гран-пардон и пять расшаркиваний за досадную эпентезу! — развела руками девушка.

— Сублиматический перформанс, — спокойно кинул парень, орудуя своей ложечкой.

— Что?

— Так. Будем кушать или развивать данную тему?

— Развивать. Я хочу знать, с кем меня свела судьба. Скоро ты испаришься из моей жизни, вот мне и не терпится понять вашу личность, мессир.

Рэйсли насмешливо глянул на нее и отложил прибор:

— Хочешь знать, что я из себя представляю? По пунктам?

— Списком, пожалуйста!

— Хорошо. Я самодостаточная и весьма перспективная личность с высоким интеллектом, огромным физическим и духовным потенциалом. Я лабилен, вменяем, уравновешен, внимателен, ответственен, энергичен, смел, бесстрашен, дальновиден, терпелив и бесстрастен, решителен, обладаю устойчивой психикой и рациональным складом мышления. Также надежен и верен, имею разносторонние интересы и знания.

— Ага? — скорчила ехидную рожицу девушка: ‘Я бы еще добавила: грубиян, хам, садист, психопат, дикарь, сластолюбец; невменяем, властен, вспыльчив, агрессивен, бестактен, бессердечен, лицемерен и самолюбив. Перечислять можно до бесконечности’. — Не человек, а брильянтовый набор для новобрачной, мечта любой домохозяйки. А отрицательных качеств мы не имеем? Их в момент закладки ДНК стерилизовали, ага?

— Отчего? Я человек и имею отрицательные качества, как любой другой. Правда, у меня их немного и я не могу отнести их к разделу именно отрицательных качеств, скорее, к досадным нюансам характера.

— Кто бы сомневался? А можно конкретней?

— Я гипертрофированный собственник, Алена, и властолюбец.

— И все?

Парень подумал и развел руками:

— Да.

— ‘Идеал’! Вам бы белый катафалк..., пардон — кадиллак и в Голливуд, супергероев играть! — желчно заметила девушка. — Что ж, ты такой весь положительный и умный, в язычество веришь?

— Одно другому не мешает. Видишь ли, тут не имеет значения, во что веришь, важны цель и итог. Религия... Боги — это эгрегоры, которые накапливают резерв огромной энергии, чтоб вернуть сторицей нуждающимся. Это, по сути, банковская система. Чтоб банк выжил и поднялся, ему нужны вкладчики. Так же и здесь: чем больше вкладываешь, тем больше получаешь, а с тобой и твой бог. Кровь намного ускоряет данный процесс и поддерживает эгрегор тысячами, даже после того, как богов забывают. И потом, — Рэй прищурился. — С теми богами, что стоят на крови, не пошутишь, как с вашим Христом.

— В смысле? — нахмурилась Алена.

— В прямом. Ваш Христос милосерден. Он человеколюбец, страдал за вас, а вы его предаете, ... чтоб он снова вас простил, а вы снова предали. И так до бесконечности. Вы не чтите его заповеди и можете легко нарушить определенные каноны этой веры, потом покаяться, и вы чисты и безгрешны. Человек так устроен: просит любви, пользуется и предает. Кто его любит, того он бьет. А теперь давай посмотрим на ...Кали. Индийская богиня, которой приносят жертвы. И человеческие тоже. Ее не предадут. Побоятся. Потому, что она прощать не умеет, а вот наказывает за каждую оплошность. Там еретиков нет. Даже, если ты верен Будде, Кали ты оскорбить и потревожить не посмеешь. И никто, заметь, из ее сподвижников даже мысли не допустит богохульствовать на эту тему или нарушить ее волю. Страх у вас рождает уважение.

— А у вас нет?

— Мы не знаем страха. Мы стремимся к цели. И если проще ее достигнуть, идя через кьет, значит, так тому и быть.

— Цель оправдывает средства? Так? Интересно, какая цель у тебя? Ради чего ты готов лизать кровь?

— Я уже все получил.

— Можно узнать поконкретней: что? Пиитет?

— Я получил тебя.

Алена непонимающе уставилась на него: ее начал раздражать разговор, как и невозмутимость кэн.

— Хочу заметить, что через 15 дней, к моей несказанной радости, мы друг друга больше не увидим. Вопрос: стоило ли пить кровь, чтоб трахнуть в полете земную девчонку?!

Рэйсли рассмеялся.

— До чего же ты наивна, — качнул он головой и поддался к ней, навалившись локтями на столешницу. — Я не пил кровь и пить не собираюсь.

— Тогда, что же ты делал? Смотрел, как пьют другие?

— Мы не пьем кровь.

— Но ты же... твой Модраш стоит на крови? Значит, вы приносите жертвы? — дошло до Алены, и она похолодела, всматриваясь в симпатичное лицо кэн.

— Да, — с абсолютным спокойствием заявил он.

— И много? — осторожно спросила она, еще на что-то надеясь. Тот просто пожал плечами.

— Это сколько? Тысяча? Миллион? Два? — ей вспомнился разговор с Элланом, и к горлу подступила тошнота. — Боже мой! Ты ...приносил жертвы, убивал! Ты убийца!

Рэй со скучающим видом смотрел на нее и словно не слышал обвинений:

— Ты покушала? Пойдем?

— Да, сыта! — поднялась Алена, и наклонилась к нему, прищурившись со значением. — А ты?

— Тоже, — поднялся парень, словно и не заметил подтекста. Этого она понять не могла и не хотела и, выставив палец, категорически заявила, глядя на него, как на нациста, жертвУ Бабьего Яра:

— Больше никогда не подходи ко мне, даже близко, понял?!!

— Ты кричишь, — спокойно заметил он.

— Да!! Я не хочу тебя больше знать!!

Лоан равнодушно кивнул, подошел к ней, обхватил за плечи и впился в губы.

Он не желал ей сейчас ничего доказывать, придет время, все поймет. Жизнь все расставит на свои места, заставит стряхнуть лишнее, открыть глаза и увидеть истину, а он... он должен закончить начатое и до конца полета предоставить доказательства состоявшегося брака, чтоб ни Алена, ни его родня не смогли помешать ему. Девушка, по недомыслию, может порадовать Иллана и Гвидэра, заявив им, что союз был заключен без ее воли, и те помогут его расторгнуть. А если Рэй успеет, ее заявлению не поверят, и уже никто, никогда не встанет меж ними.

Алена смотрела в потолок не в силах даже пошевелиться. Рядом валялось с десяток маленьких подушек, смятые простыни, пропитанные, как и сам воздух спальни, как ее тело, острым запахом имбиря и корицы, а хозяин этого неистребимого аромата что-то искал в другой комнате, и его нагое тело мелькало в проеме, устроясь своей мощью и восхищая красотой. Она же уже не испытывала ничего: ни страха, ни желания, а лишь пыталась понять, осмыслить происходящее, чтоб почувствовать себя прежней, нормальной, чтоб избавиться от брезгливости и презрения к себе самой.

Все, что окружало ее 20 лет, словно смыло из памяти за эти 2 месяца, оставив лишь дымку, смутные, размытые образы, никому не нужные, бессмысленные пристрастия. Где-то, на краю сознания, она понимала, что ее попросту сломали, как заводную машинку: разделили на составные и разрушили без права на восстановление. Все, из чего состояла Алена Ворковская, как личность, девушка, человек, превратилось в пыль. Ее внутренний мирок треснул и распался, как и тот, что был снаружи. Она попала в эту консервную банку, как в мясорубку, и все ее взгляды, мнения, устои, привычное мироощущение, психика, тело, попав под нож, перемешали свои директории и отказались помогать и подчиняться, они больше не принадлежали ей.

8 дней назад, в столовой, Лоан заглушил ее крики поцелуем, принес сюда и бросил на кровать, чтоб не выпускать из своих рук и терзать ее тело. Он был ненасытен и требователен, он, словно с цепи сорвался, и час за часом, день за днем истязал ее своими ласками, выпуская лишь на минуту. Он не разговаривал и пристально следил за ней даже в ванне.

8 дней, а для нее будто десятилетие, начавшееся с пыток и закончившееся сладкой истомой. Ее тело подвело ее, сдалось на милость победителя вопреки всем доводам рассудка, игнорируя сопротивление хозяйки. Этот маньяк, убийца, наглец и тиран, заставил трепетать ее от одного только взгляда. Любое прикосновение вызывало приятную, теплую волну желания и обостряло восприятие, доводя тело до иступления. Она еще сопротивлялась, закусывая губу, чтоб не закричать: 'Возьми меня!' Но и этот барьер кэн с легкостью сломал сегодня. Ее тело подчинилось ему, а потом подчинило себе хозяйку.

Алена не могла понять, как это могло произойти? В какой момент, под давлением чего?

Скромная, застенчивая девчонка, отрицающая сексуальную революцию, порицающая развращенность и разнузданность в половых отношениях, не приемлющая гражданские браки и легкомысленность, как последняя шлюха, билась в руках галактического насильника, язычника и безумца, постанывая от наслаждения, и молила, чтоб он ее взял!

Алена скрипнула зубами и зажмурилась, чтоб не расплакаться от презрения и чувства гадливости к себе — похотливой твари! Как она могла просить его об этом? Что с ней произошло? Разве может тело жить по одним законам, а разум по другим, и каждое — по отдельности? Как едкая ненависть к Лоан может испаряться в момент насильственной близости? Или уже ... не насильственной?

Да кто он такой, черт возьми?! Реинкарнация Калигулы, Нерона, и Гитлера в одном лице? Очаровательнейший антураж: прекрасное, сильное тело, красивое мужественное лицо, и ...манеры хищника, беспринципность и черная душа, а вернее, ее полное отсутствие! Изумительная человеческая обличовка и дьявольское нутро.

Странно, боже, как все странно. Вот он ужас, вот она истинная опасность! Не какой-

нибудь отмороженный на всю голову Бен Ладан, не закомплексованный Буш, не свихнутый моджахед со своей базукой, не сдуревшая от отсутствия идеалов и разнузданной демократической анархии молодежь со свастикой, не секты и не распад ядерного реактора, а таинственный, облизанный и отшлифованный прессой со всех сторон, полумифический инопланетянин! Виртуально изученный и исследованный всеми уфологами мира, такой ранимый, утонченный, не понятый и не принятый, вызывающий сострадание и умильную растерянность, маленький человечек, с грустными глазами на поллица и subtilным тельцем. И так хочется пожалеть этого бедного энцефала, приласкать и обогреть, что сил нет. ‘Горюшко-то’: один в незнакомом месте, на чужой планете!

А какого, простите, рожна он сюда приперся?! И кто из тех, что проверял его subtilность и благонравие, может рассказать об этом? Много ли выжило пожалевших? А любопытных или просто ‘счастливых’, по обычаю закона подлости, оказавшихся не в том месте и не в тот час? Где они теперь? Чистят уборную на какой-нибудь Зета-пси № какому-нибудь гуманоиду и слушают пространные сентенции о высшем разуме и месте других народов галактики на арене высокоразвитой цивилизации. А те самые огромноглазые худышки, преобразовавшись, подобно Лоан, в обычного человека, бродят неприметные среди не ведающих об опасности граждан, смотрят на них, как на тараканов, ухмыляясь, слушают байки о себе и творят свое черное дело. Жестокие, бесцеремонные, черствые, прагматичные, с компьютером, вместо разума и сердца. Они вторгаются в чужой мир и ломают чужие жизни, без малейшего угрызения совести, с абсолютным наплевательством на все и вся, спокойно и тихо, руководствуясь лишь собственной прихотью, вооружившись высокими знаниями и используя доверчивость обывателей.

Что там Уэллс со своей марсианской экспансией?! Так, убогая фантазия дезориентированной личности, испугавшейся в детстве тени от дерева, что росло под окном. Все намного страшнее, и любой мэтр фантастики вряд ли зайдет так далеко в своих измышлениях, что б во всей красе представить на суд читателей действительность. Самую настоящую реальность, которая страшнее любого кошмара, любого навороченного триллера, ледящего кровь мистического экшена.

Только представить себе, что ты живешь, как насекомое в свое спичечной коробочке, бегаешь по делам, заботишься о потомстве, любишь, ненавидишь, веришь или надеешься на что-то и вдруг какой-то урод прошел мимо и раздавил и тебя, и твой дом, и твоих родственников, причем, даже не заметив их под ногой, и не специально, а *просто так!*

Все ‘доктора — лекторы’, ‘Джеки-потрошители’, серийные маньяки — убийцы, полная ерунда, ничто, по сравнению с таким вот инопланетянином! Знали бы ученые, изучая мозг такого ‘шизика’ и других безнадежных ‘дуриков’ Наполеон & Чикатило, что держат в руках ключ к вселенскому разуму, имеют радость лицезреть перед собой не патологию в извилинах, а мини-атлас-путеводитель по лабиринтам психических заворотов того самого мифического гуманоида.

Алена почувствовала тошноту и села. В проеме тут же появился Лоан.

— Опять тошнит? — прищурился он, нависая над ней.

Алена нехотя кивнула, старательно пряча глаза: вид его нагого тела смущал и будил пикантные воспоминания, а вместе с ними рождал стыд и...желание. Рэй довольно улыбнулся, сунул ей стакан с остывшим фэй и улегся рядом, по-хозяйски положив ладонь ей на бедро. Девушка поспешно проглотила жуткую жидкость и, отдав стакан, попыталась скинуть руку.

Стекло жалобно звякнуло об пол, небрежно кинутое кэн, а девушка, освобожденная от простыни, оказалась подмятой под разгоряченное тело парня. Его глаза, щурясь, с насмешливым превосходством изучали ее, губы чуть изгибала ироническая усмешка, тело прижималось, согревая и дурманя, а пальцы нежно гладили кожу. Девушку мгновенно пронзило желание, и она забыла все, о чем думала минуту назад. Ее губы раскрылись, до дрожи желая соприкосновения с его губами, а глаза уже молили.

— Нет, попроси, — тихо приказал кэн, и девушка вздрогнула, как от удара. Она хотела воспротивиться унижению, но не могла и взгляда отвести от вождельных губ. В голове зашумело, отторгая сомнения, погребая их в сладкой трясине.

— Проси...

Алена выгнулась, устремляясь к нему, как зачарованная змея к дудочке факира, и застонала от разочарования, готовая расплакаться, как маленькая девочка, у которой отобрали любимую игрушку: кэн чуть отвернулся, избегая соприкосновения:

— Не так, милая...

— Рэ. Рэй...по. поцелуй меня...

Лоан улыбнулся и впился в ее губы. Алена вскрикнула от радости и прижалась к нему всем телом, ее пальцы начали гладить упругие мышцы, словно желая запомнить это приятное ощущение, когда кожа соприкасается с теплым атласом. Язык Рэя проникал все глубже и дарил невесомость телу, по позвоночнику пробежала волна, покалывая, дезориентируя разум и растворяя сознание. Голубые глаза стали терять четкие очертания, поплыли и начали покрываться туманом. Еще минута, и Алена потеряла связь с миром.

Рэй уложил голову девушки на подушки и сыто хохотнул, проведя ладонью по обнаженному телу:

— Вот и все, милая.

— Что все? — тихо спросила она. Голос был слабым, язык непослушным, в голове еще только начало проясняться, и она ничего не могла сообразить.

Лоан загадочно улыбнулся. Алена резко села и, прикрыв простынею грудь, посмотрела на него с мольбой:

— Почему ты так поступаешь со мной? Я больше не могу, Рэй. Я... ничего не понимаю. Ты ведь отпустил меня, так будь же человеком. Я не верю, что ты не понимаешь, что творишь. Неужели тебе нравится издеваться? Унижать? В кого ты меня превратил?

Рэй заинтересованно уставился на нее, сел и привлек к себе:

— Ты готова расплакаться? Почему? Я удовлетворен и очень доволен тобой. Ты прекрасно вела себя, нет причины для слез.

— Неужели ты не понимаешь? Я хочу больше быть твоей игрушкой. Я...

— Алена, я в совершенстве изучил ваш язык, но абсолютно не понимаю тебя. Ты очень темпераментная женщина. Мне нравится твой пыл, твое тело, я получаю истинное наслаждение, властвуя над тобой, и ты тоже. Ты жаждешь меня не меньше, чем я тебя. Так в чем дело? Что не так? Неужели нельзя просто довериться мне и блаженствовать, не вдаваясь в подробности? Тебе даже межполовые отношения нужно разложить по полочкам и определить степень их пристойности и нравственности? Тебе 20 лет, милая, откуда столько догматов и комплексов?

— Господи, да как же объяснить тебе? Через неделю все изменится, я вернусь домой... у меня там мама, отец, брат, жених. Я..надеюсь, что Сережа все поймет..

— Сережа — это жених?

— Да, мы поженимся...

— Что ж раньше не поженились? Только познакомились?

— Нет, мы вместе два года.

— Да, что ты? — хохотнул парень. — Что ж он так долго ждал? Или ты?

— Я просто не торопилась...

— Понятно. Ты думала, а он благодушно позволял. Хороший жених.

— Да, хороший! Ты ничего не знаешь...

— Зато понимаю больше. Два года позволять женщине 'думать', потакать ее капризам, предоставить решение ей! Вот это мужчина! — Лоан открыто глумился, его губы презрительно изгибались, а в глазах плескались холод и раздражение. — К такому и спешить, по-моему, не стоит. Ты ничего не потеряла.

— Я потеряла все! Свой мир, родных, будущее, себя!

— Я твоя семья. Я заменю тебе и отца, и брата, буду мужем, другом, твоим настоящим и будущим, — успокоил ее кэн.

— Это безумие! — покачала головой Алена. — Ты никто и останешься никем! Кошмарный экскурс по инопланетной кунсткамере, произведение генетической фантазии, бред, виртуальный монстрик! Через семь дней ты растаешь, и я начну новую жизнь: вернусь домой, сотру из памяти все, что произошло, до тла сожгу, искореню!

— Нет, милая.

— Да! Да! Ты освободил меня! Я больше не твоя. Ты не смеешь превращать меня в свою наложницу. Купи себе другую рабыню!

— Куда мне еще? — выгнул бровь парень. — У меня дома их очень много. Я принесу их в жертву Модраш, отблагодарю за тебя. Я так решил.

— У тебя паранойя! Ты абсолютно ненормален! Господи, дай мне пережить эти семь дней! — с патетикой воскликнула девушка.

— И всю последующую жизнь, — сухо добавил Рэй.

— Ну, уж, нет! Семь дней, и твоя власть надо мной закончится!

— Не-ет, — глаза Лоан сузились и, как два отточенных лезвия, вонзились в девушку, а пальцы легли на ее подбородок. — Через семь дней ничего не изменится. И через год, и через два и через десятилетие. Ты моя! Твое тело признало мою власть, а следом сдался и разум. Все! Теперь никто, никогда не встанет меж нами, — голос парня стал тише, но угрожающе жестче. — Если ты еще раз вспомнишь про того парня,...я буду неводержанно резок.

— Пошел ты знаешь куда?! — зашипела обозленная Алена и рванулась из его рук. — Я не твоя рабыня, забыл?!

— Отчего же, помню, — Рэй оттолкнул ее на постель и встал. В душе разбуженным вулканом заклокотала ярость, и причиной ее, был какой-то землянин.

— Вот и помни и не смей ко мне больше прикасаться, псих! — Алена укуталась в простыню и встала с другой стороны кровати. — И не твое дело, кто, где и как! Я люблю Сережку, и мы поженимся! Ты — пыль, мираж, монстр, а он — человек! Ласковый, добрый умный не чета такому ...

Лоан в один прыжок оказался рядом и, схватив девушку за горло, прижал к стене. Перекошенное от гнева лицо, по сравнению с которым Медуза Горгона — дружеский, безобидный шарж, нависло над Аленой. Она с ответной ненавистью уставилась на него, желая испепелить взглядом, и не чувствовала ни страха, ни боли, только безмерную злость и

некоторое любопытство: для полноты картинки в стиле Vallejo не хватало острых клыков, кровавой пены изо рта и красных горящих, как фары, глаз.

— Монстр!

— Нет. Я окэсто, милая, опальный сейти и. твой муж!

Ворковская опешила, захлопала ресницами, насупила брови, посверлила припадочного фантазера взглядом, как черный квадрат Малевича, выискивая смысл там, где его нет, и скривившись, спросила:

— Муж? Ты? Базара нет, мужик. Приятно познакомиться: Княжна Тараканова внебрачная дочь Сары Бернар и принца Монако.

Рэй отпрянул, в глазах появилось недоумение. ‘Да ты, ходячее клиническое пособие по психиатрии, парнишка! Как ‘повезло’ родителям!’- умиляясь, подумала Алена, насмешливо косясь на потенциального пациента Кащенко.

— Ты лжешь.

— Что вы, мусью! Как можно! Мы ж всегда с искренним расположением и почтением к вашей персоне, все — таки тесто...или как вас там по батюшке?

Лоан нахмурился и словно обиделся: лицо стало замкнутым и отрешенным. Он посмотрел на Алену, как раненный волчонок, и ни слова не сказав, развернулся и пошел одеваться. Девушка тоже не пожелала отставать и начала натягивать брюки, когда у Рэйсли прорезался голос, и он, не глядя на нее, стал вещать, как диктор: четко и равнодушно — отстраненно:

— Я окэсто. Опальный сейти. Сын сегюр. Флэтонцы делятся на две общности — фэсто, обычные жители, естественно зачатые и рожденные, и окэсто, те которые родились не без помощи вмешательства сотрудников генетических лабораторий. И не важно, произошло вмешательство в момент зачатия или позже, искусственно созданный зародыш, клон или сохраненный эмбрион... Окэсто такие же люди, но лишённые многих прав. Мы проходим за 30 лет то, что проходят за всю жизнь фэсто. Мы созданы ими, мы их полное отображение, только на основе симбиоза ненатуральных и натуральных клеток. У фэсто пять сословий: приближенный к императорской семье, самые лучшие в определенных областях — фагосто, руководители — энготты, созидатели- эгиты, гуманитарии и творческие личности — паттеро. Все остальные исполнители — монторро. Окэсто редко получают ранг эгита и паттеро и не могут получить сословие фагосто и энготта. Это довольно тяжело и фактически невозможно. Законы оговаривают условия вступления в должность, но эти условия удаётся соблюсти и выполнить единицам. Поэтому, если ты окэсто, а твой отец фэсто и фагосто, ты не получишь его должность после его смерти и будешь пробивать себе дорогу сам. Ты просто начнешь с нуля, если выживешь. Окажешься между двумя полюсами: кастой жрецов и отбросами — тэн. Будешь вне закона так же, как они, но если первые — неприкасаемые, то вторые — сырье, вещь.

Рэй повернулся к девушке, внимательно посмотрел на нее и сел в кресло, чтобы одеть ботинки и продолжить:

— Союз меж фэсто и окэсто — большая удача, но он не только не приветствуется, но и порицается. Как правило, такие браки расторгают под давлением, в течение года. У нас не принято мешать сословия, общности. Каждый живет сам по себе и занимает свое место. Если ты тэн, тебя ждет либо лаборатория, либо торги и сеприш [\[37\]](#) господина. Конечно, тебя могут освободить, но тогда ты все равно продашь себя, потому что тебе не найдется места в обществе: никто не даст жилья, работы, кроме разве самой низкооплачиваемой и грязной.

Ты станешь изгоем, а так как бродяжничество у нас запрещено, тебя отловят и вновь продадут, правда, тому, кого выберешь сама, но и это формальность.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Алена одела кофту и смотрела на парня во все глаза, застыв у стены. Рэй приладил браслет на запястье и в упор посмотрел на нее:

— Я спас тебя. Ты моя жена, и тебе не придется страдать.

— Я не собираюсь бродяжничать. Я собираюсь улететь домой.

— Это исключено. Ты никто. Иноземка — канно, а это то же, что и тэн, если ты не защищена дипломатическим статусом. Не защищена? — ехидно прищурился кэн.

Алена растерянно тряхнула волосами.

— Я так и думал. Значит, тема исчерпана.

— Нет, Рэй, я не верю тебе.

— Это твое право.

— Я хочу домой. Все просто. Я найду способ добраться до дома. У меня есть твой обруч, остальное заработаю...

— Да? — усмехнулся парень. — Тогда еще одна информация к размышлению. Ты моя жена. Наш брак расторгим, и ты сама отдала себя мне, подписав документы. Теперь без моего ведома ты не сделаешь и шагу. Тебя не возьмут на корабль и тем более на работу. Тебя найдут и отправят ко мне, а я накажу. Что бы ты ни попыталась сделать, тебе не позволят, тебя не будут слушать, вокруг тебя образуется вакуум, потому что на все, понимаешь, на все моя воля, а не твоя. Я муж. А ты жена. Наши жены подчиняются мужьям, а мужья несут ответственность за жен. Ты женщина, а значит существо недалекое, импульсивное и ранимое. Твое место в доме, а я уж позабочусь и о твоей психике, и твоих желаниях, и будущем. Все действительно просто, милая, ты живешь *за мужем*, слушаешь меня и не имеешь забот и хлопот.

Рэйсли сложил пальцы замком, и чуть склонив голову набок, одарил девушку своим фирменным взглядом. Алена и верила, и не верила ему:

— Что было в том документе?

— Договор о союзе. Ты передала мне себя. Видишь ли, нам мало наложить на голову женщины свадебный обруч и забрать ключ, у нас союз считается действительным и долговременным только в том случае, если женщина полностью подчинится мужчине в трех планах, и муж сможет доказать свою власть над ней в любой момент. У многих на это уходят годы. Ты же подчинилась мне за 8 дней. Энергия, душа; разум и тело. С первым не возникло проблем вообще, а второе и третье сдались час назад. Все, теперь ты можешь сорвать горло, доказывая, что брак не состоялся, но никто тебе не поверит.

— Я...Я не знала, что подписываю. Ты...обманул меня! — девушка шагнула к кэн, не зная еще, чего больше хочет: выцарапать ему глаза, ослабить или раздавить, как комара.

— Это послужит тебе хорошим уроком на будущее. Доверять никому нельзя. Отныне ты будешь верить только мне.

Алену затошнило. То, что он говорил, укладывалось в голове лишь частично и весьма избирательно, а хотелось бы понять все скопом и найти выход. Она неуверенно сказала:

— Я подам на тебя в суд за обман и докажу, что ты ...аферист. И вообще это бред! Да, какое мне дело до того, кем ты и другие меня считают?! Ты мне никто, понял! Мысленно хоть гением себя считай, фантазируй на любую тему, мне все равно! Через семь дней я лечу домой!

— Ты меня не слышала, милая? Ты никуда не летишь и никуда не идешь без меня. Попробуй, выйди в коридор, и тебя тут же вернут обратно, бережно, но твердо. Теперь на все твои передвижения нужно будет мое разрешение... одна вещичка, которой у тебя нет.

— Ты псих, — покачала головой Алена. — Впрочем, чему я удивляюсь? Вы ведь у нас продукт генной инженерии, мутант!

Секунда, и Лоан был перед ней. Голова Алены мотнулась, и из губы ринулась кровь. Девушка не нашла ничего лучше, чем ответить тем же, и как ни странно, на этот раз смогла достать парня. На его щеке появились две кровавые полосы от ногтей. Рэй медленно оттер кровь, посмотрел на пальцы, лизнул их и, оскалившись, отправил девушку к стене. Удар был внушительным и слегка оглушил. Она мотнула головой, пытаясь стряхнуть вялость и дурноту, поднялась, опираясь на стену, и ... рухнула, как подкошенная.

Ворковская очнулась, но открывать глаза не спешила. Два знакомых голоса лопотали по флэтонски. Рэй и 'Шерхан' — безошибочно определила она. Первый был холоден и зол, второй непримирим и устал.

Девушка села и хмуро огляделась: знакомая медицинская каюта, над головой плоский экран с рядом зеленых кривых и чисел, знакомая кушетка, а рядом Эллан и кэн. Те смолкли и уставились на девушку.

— О чем речь, господа гуманоиды?

Рэйсли подошел к ней и заглянул в глаза, словно что-то выискивая.

— И как? Не выбил глаз? Жалко? Ничего, у тебя еще неделя, не огорчайся, — сухо заметила она и встала. К горлу тут же подступила тошнота, и девушка, помня, где здесь расположена ванная, ринулась туда.

Лоан хмуро смотрел, как выворачивает Алену, и мрачнел. Он не привык беспокоиться о ком-то и считал это унижением и слабостью, а о ней не на шутку тревожился. Ему не нравилось ни то, ни другое и нервировало. Правда, первое быстро нашло оправдание: Алена его жена и вполне закономерно и естественно беспокоиться о ней, но ее постоянная дурнота уже не находила оправданий. Он сложил руки на груди и повернулся к мужчине с видом обвинителя.

— Она абсолютно здорова, — в сотый раз заявил тот. — Более того, энергетический потенциал вырос почти втрое.

Рэй прищурился: тогда почему?

— Не знаю! Я не изучал анатомию и физиологию землян столь досконально! Я кафир сегюр, а не тэн!

— Она моя жена. И я подумаю: нужен ли ты сегюр с посредственными знаниями, — угрожающе заметил парень.

Эллан раздраженно развел руками:

— Я не могу так быстро их пополнить!... Может, она что-то съела, бывает.

— И так, больше месяца? — ехидно выгнул бровь кэн.

— Продолжаем прения? Можно узнать тему? — спросила девушка, встав у проема.

— Тебе легче? — покосился на нее Лоан.

— Это и есть тема разговора? Тогда могли бы разговаривать и на русском. Я-то думала у вас секреты, — фыркнула Алена, скорчив презрительную мордочку. Настроение у нее было отвратительное, так и хотелось кого-нибудь 'покусать', причем до смерти.

— Тебя часто тошнит.

— Это от тебя! — бросила она, одарив парня взглядом голодной пираньи.

— Хорошая версия, — кивнул тот. — Тогда проявления интоксикации будут сопровождать тебя всю жизнь.

— Пошел ты! Плевать я хотела на весь тот бред, что ты нес! — зашипела Алена, приближаясь. — Выродок! Чучело генетическое!

Рэй одним движением вернул ее на место, прижал к стене, чуть сдавив горло. Взгляд киллера не предвещал ничего хорошего.

— Ну, давай! Сдави посильней! Слабо?! Ты только ножом или топором?! Слышь, 'Шерхан', презентуй ему скальпель, прояви милосердие, видишь, парнишке допинг требуется! Красненький!

— Энто кэнтолла ^[38]! — качнул головой кафир, старательно отворачиваясь.

— Ты раздражаешь меня своей инвективностью, — угрожающе процедил Рэй. В ответ Алена пнула его коленом в пах, но тот и не поморщился, лишь головой укоризненно качнул да прищурился:

— Колено не больно? Я флэтонец, милая. У нас пах не является болевой точкой. Можешь продолжить, если свою конечность не жалко.

— Пошел ты! Пошел ты!! Пошел ты!! — взбеленилась девушка, заколотив по кэн руками и ногами. Тот отпустил ее, но не ушел и не пытался остановить, видел, у жены истерика, и просто ждал, когда она пройдет, спокойно воспринимая град ударов. Боли он не чувствовал. Его обновленный организм потерял это ощущение и мгновенно самовосстанавливался.

Алена, наконец, выдохлась, прислонилась к стене спиной и разочарованно посмотрела сначала на парня, потом на свои покрасневшие от натуги кулаки:

— Бесчувственный болван!

— Со вторым не согласен, а на счет первого, рад, что ты смогла это заметить. Теперь все? — с участием спросил он.

Девушка тяжело вздохнула и понуро поплелась к выходу.

— Ты куда?

— В столовую! Проголодалась...после спарринга.

Рэй непонимающе нахмурился и последовал за ней. Они молча дошли до столовой, молча сели за свободный столик, получили подносы с пищей, и кэн спросил:

— Почему ты так ведешь себя?

— Как?

— Вызывающе, истерично, неприязненно.

Алена лениво поковыряла ложкой неприглядную массу, борясь с желанием запустить ею в хамскую физиономию Лоан, и сморщив презрительно-брезгливую гримасу, выдохнула:

— Потому, что ты мне отвратителен! Потому, что ты надоел мне до чертиков, до нервного припадка. Ты, как белая горячка: внезапен и неистребим! Я тебя видеть не могу, понимаешь? Ты сломал мне жизнь! Подставил, как последнюю дурочку, изнасиловал, сделал своей игрушкой, а теперь еще и талдычишь о том, что ты мой муж! Ты б хоть намекнул мне заранее, я б сама застрелилась! — девушка швырнула ложку в пищу и в упор посмотрела на своего мучителя. — За что мне такая 'честь'?

— Ты мне подходишь, — пожал плечами Рэй.

— А-а-а! А можно узнать: по каким параметрам? Рост, вес, объем талии и груди?

Парень смотрел на нее, как на пустое место, и молчал. Алена вздохнула и потеряла ладонями глаза: 'Боже, как я устала!'

— Я хочу к маме. Ты знаешь, что такое — мама? — сказала она и грустно посмотрела

на кэн, тот пил фэй и рассматривал стену за ее спиной с каменным лицом. Алена вздохнула. — Понятно. Ничего ты не знаешь и не чувствуешь. Мне жаль тебя... Мама — это самый близкий, самый нужный и дорогой человек. Она всегда поймет тебя, простит, поможет. Она любит тебя и будет любить, что бы ни случилось... Наверное, она сходит с ума, думает, я... умерла. И Сашка, и папа... друзья. Я очень скучаю по всем, очень сильно. Я бы пешком пошла домой, и не важно, сколько бы это заняло времени. Там осень, ветер, мокрые листья под ногами и запах... приближающейся зимы. Снег. Сначала он будет таять, а потом укутает все дома и улицы, будет кружить в небе... и наступит Новый Год. Мишура, елка, суета, запах мандарин, хвои и шоколада, шампанское в снег и огромный торт, с орехами. Мама его выставляет на балкон, чтоб застыл. Музыка, бенгальские огни, мороз... — Алена поежилась от горечи воспоминаний. Повторится ли это? — Я не могу быть твоей женой, Рэй, и не важно, что ты вбил себе в голову. Я убегу... умру, но не останусь. Ты сделал огромную глупость, если то, что ты говоришь, правда. Смешанные браки — это безрассудство, они обречены на развал. Мы никогда не пойдем друг друга. У тебя свои взгляды на жизнь, свои традиции, привычки, у меня свои. Ни тебе, ни мне их не поменять. И потом, я не люблю тебя, и ты не любишь меня. Через семь дней все закончится, ты вернешься в привычный круг и пожалеешь о своем легкомыслии. Просто ты слишком долго жил в замкнутом пространстве, это тяжело, вот тебя и заносит.

— У тебя все остыло. Заказать другое? — спокойно спросил Рэй. Алена непонимающе посмотрела на него:

— Ты меня не слышал?

— У меня абсолютный слух и память. Я могу слово в слово повторить все сказанное, но есть ли в этом смысл? У тебя депрессия. С вами это случается, пройдет. Ностальгия? Об этом я подумаю, а все остальное... Я зрелый мужчина, милая, и решений своих не меняю, а так как всегда думаю, прежде чем делаю, поэтому и никогда не сожалею о содеянном. Насчет чувств... это важно лишь для вас, у мужчин все проще. Вы алогичны и в мыслях, и в поступках, живете ощущениями, и оттого вас легко провести. Что бы ни испытывал мужчина к женщине, что бы ни говорил и ни делал, она все равно будет слышать, видеть и думать, что хочет в данный момент, и в зависимости от настроения, а потом с легкостью, 'переобучается в воздухе' и забудет обо всем через минуту. Так что, не стоит утруждать себя бессмысленными излияниями, но если ты хочешь, если тебе от этого станет легче, считай, что я женился на тебе по великой и чистой любви, светлой, негасимой и безразмерной.

— 'Зорька' ты моя ясноглазая'... му-у-у! — скривилась девушка, стараясь не выдать обиды в голосе.

— Примерно, — усмехнулся кэн.

— Мог бы, и соврать, — все-таки не сдержалась она.

— Зачем? Хочется романтики, сантиментов, душещипательного нытья и возможности пройтись по голове? Уволь, милая. Все эти земные привычки не для меня, но помечтать ты можешь. Сколько угодно. А вот в жизнь претворять не спеши. Первое: на Флэте подобное встречается в единичном экземпляре, и поверь мне, шокирует не меньше, чем ваши сексменьшинства. Второе: тебе с этим уже не столкнуться. Ты теперь замужняя дама, и будь любезна соответствовать. Пора твоего девичества отлетела, как та ваша листва по осени, и более не вернется. Я буду с тобой терпелив, но очень строг и взыскателен. Никаких взбалмошных эскапад, флирта и непослушания не потерплю. Свое земное воспитание и архаичную мораль можешь смело списать со счетов и выбросить за ненадобностью. Дома

они тебе лишь повредят.

Алена покачала головой. Ни сил, не желания спорить, что-то доказывать и злиться уже не было, да и толку? Как объяснить белому медведю вкус банана, если он его сроду не ел, да и слов человеческих не понимает? В общем, как говорила Марьяна: 'Ты текилу, он коньяк, и вам не встретиться никак'.

Ладно. 'Умные герои, всегда идут в обход'. Она сделает вид, что приняла его измышление за реальность, прониклась и смирилась, семь дней поживет тихо, как мышка, наберется сил и рванет после посадки от всех флэтонцев, вместе взятых, куда подальше.

Девушка пододвинула поднос и начала есть. Рэй все прекрасно понял, подождал, пока она управится с обедом, насмешливо поглядывая на серьезное личико, и вкрадчиво позвал:

— Алена.

Она вскинула голову, посмотрела него и, увидев вертикальные зрачки, вздрогнула и выронила ложку. В голове зашумело, в животе образовался комок тепла и начал, увеличиваясь, подступать к горлу. Это было похоже на колдовство, какое-то зомбирование. Она ничего уже не видела, кроме его лица, жестких губ, не осознавала ни где находится, ни кем является. Ей было все равно, что происходит вокруг, она видела только его и желала одного — поцелуя.

— Подойди, — раскрылись его губы. Алена задрожала и, не в силах оторвать взгляда, встала и подошла. Рэй поднялся и, глядя на нее сверху вниз, приказал:

— Расстегни комбинезон.

Она и не думала послушаться, дрожа в предвкушении, с радостью, как одаренная великим благом, выполнила просьбу и потянулась к его губам, за наградой, лаская кожу на груди кэн.

— Нет. Сними кофту.

Она поспешно сняла и прижалась к нему, обив руками за шею, задрожала от острого желания и начала неумело целовать его губы, пытаясь проникнуть внутрь. Ей казалось, что она просто умрет, если он ее не поцелует.

— Попроси.

— Поцелуй меня, ...пожалуйста, ...пожалуйста, Рэй!

И он снизошел. Взрыв, вскрик и тепло, разлившееся по телу, бесконечная нега и блаженство, уносящие куда-то в даль все ее существо.

Первое, что Алена услышала — гортанные звуки над ухом. Она открыла глаза и поняла, что крепко обнимает шею Лоан, а тот держит ее навесу, обхватив за талию и спину. Голую спину.

Девушка испуганно и смущенно покосилась на говорящего: Вэрэн. Он заговорщически улыбнулся кэн, кивнул и вышел. Она обвела взглядом столовую и увидела не меньше десятка пар глаз, с интересом устремленных на нее. Лицо тут же запылало от стыда: что с ней случилось?

— Ты колдун и отвратительное животное. Зачем ты это сделал? — тихо прошептала она Лоан, готовая расплакаться от растерянности, обиды и позора.

— Теперь у меня 17 свидетелей, что наш союз состоялся, — на ухо шепнул тот. — Вэрэн сегодня же отправит уведомление об этом, и твои данные в течение часа будут занесены во все списки ...под моей фамилией. Ты не сможешь ничего изменить: ни расторгнуть, ни сбежать, ни доказать. Все, милая. Шаг в сторону без моего ведома, и тебя тут же возьмут.

Алена ничего не поняла, кроме одного: она в лапах маньяка, вырваться из которых будет не менее сложно, чем понять, зачем она в принципе ему нужна?

Она отпрянула, натянула кофту и хотела выбежать из комнаты, но у прохода встали двое флэтонцев, преграждая путь, и косились на нее в недоумении и с явным осуждением.

— Пропустите! — зашипела она.

— Обращайся к мужу, — пожал плечами один.

Девушка повернулась к кэн. Тот отсалютовал ей стаканом фэй и приглашающе кивнул на место. Алену затошнило. Что-то ей это напоминало... Да, укрощение строптивой. Вот только сюжетик, взятый у Шекспира, малость переписали на современный лад, с чисто голливудским уклоном: гуманоиды, море крови и постельных сцен, давление и непредсказуемый финал.

Все, поняла девушка, с нее хватит. Она больше не может выдерживать подобные нагрузки. Она ничего больше не хочет. Ни-че-го! Ее закачало...

Рэй успел подхватить падающее тело жены. Подобная реакция была неожиданна и непонятна для него, и сильно встревожила. Он отнес Алену в каюту и решил срочно искать врача. Ждать до посадки он не будет. Девушке все хуже. Если Эллан ничего не смыслит и не может помочь, он сам найдет выход. На корабле 48 земных тэн. Среди них, наверняка, есть врач.

Лоан удобно уложил девушку на кровать и, на всякий случай, пристегнул запястья браслетами. Она неадекватна и может совершить, что угодно.

Рабы размещались по 12 человек, две женские каюты, две мужские. Рэй в сопровождении двух роботов вошел в первую и обвел притихших, испуганных тэн грозным взглядом:

— Мне нужен врач!

Мужчины даже не пошевелились, только в глазах появилось недоумение и упрямство.

— Среди вас есть врачи?

Тот же эффект.

— Хорошо, — угрожающе прищурился парень. — В соседней каюте заболел ваш товарищ. Мы можем дать ему умереть. Наш кафир не может ему помочь из-за отсутствия знаний в области земного патогенеза. Выбор за вами.

С минуту стояла тишина, наконец, один, высокий, худой мужчина с рыжими, включенными волосами, несмело поднялся:

— Я врач. Правда... нефропатолог, но...это не имеет значения... наверное.

Рэй окинул его взглядом и кивнул роботам. Те вывели мужчину из каюты.

Через десять минут, обойдя все каюты, кэн хмуро рассматривал свой улов: застывших, как истуканы, земных врачей, двух. Тот самый мужчина и невысокая, полненькая, черноволосая женщина, лет 40. Мужчина Рэю не нравился: нервный, со слабым Ка и заискивающим взглядом карих глаз. Женщина же, хоть и нервничала не меньше, была сильнее, но не факт, что умней и опытней. Лоан был недоволен. Был бы у него выбор, не взял бы ни одного из них, но других специалистов не наблюдалось.

— Что такое нефропатолог? — спросил он у мужчины.

— Э-э-э, специалист по болезням почек.

‘Вряд ли у Алены проблемы с почками. Это бы Эллан выявил’, — прищурился кэн и тяжело посмотрел на женщину. Та, побледнев, метнулась, желая, видимо, спрятаться за спиной мужчины, но тот отпрянул в сторону, и женщина застыла, покосилась на сердитого незнакомца, как собачка в ожидании: то ли пнут ее, то ли погладят.

— Кто ты?

— Те...Терапевт. Специалист по внутренним болезням.

— А есть еще наружные, — кивнул Рэй с сарказмом: ‘До чего отстали! Представляю, на каком уровне у них находится медицина, и буду очень удивлен, если они смогут чем-то помочь Алене.’ Женщина хотела что-то сказать, но он осадил ее взглядом и посмотрел на мужчину. — Я хочу знать причину болезни, лечение и дальнейший прогноз.

— О какой болезни идет речь?

— Вот я тебя об этом и спрашиваю!

— Но... — пожал плечами тэн. — Мне нужно знать хотя бы клинические проявления...

— Тошнота.

Рабы переглянулись.

— Что-нибудь еще?

— Все.

— А лабораторные исследования, анализы? — влезла женщина. Рэй тяжело посмотрел на нее, раздражаясь, прищурился, вытащил плоский хранитель информации из кармана, включил его и показал:

— Устраивает?

Цифры, иероглифы, синусоиды, кривые ... женщина смутилась:

— Простите, я ...

— Тогда зачем спрашиваете?

— Вы сами просите поставить диагноз и назначить лечение! — возмутилась она. — Указанный вами симптом может сопровождать, как минимум, сотню болезней: от ОРЗ, гастродуоденита до цирроза печени и лейкемии! Как, простите, дифференцировать заболевание и помочь, основываясь на ...пустой звук? Мне лично нужно, как минимум, осмотреть больного, собрать анамнез.

Рэй посмотрел на мужчину: что ты скажешь? Тот поморгал, потер подбородок:

— Я...согласен с коллегой...Э-э-э, нужна,...более полная картина ...понимаете, то, что вы назвали, ...сопровождает, как правило, большее количество заболеваний...и тут важно...

Лоан недовольно поморщился и кивнул роботам: Уберите его. Столько слов и ни грамма смысла, женщина так не мямлит, говорит четко и ясно. У нее есть логика, это плюс, и потом, женщина лучше мужчины сможет понять психологию и мотивы поступков другой женщины, следовательно, объяснить сейти. Лоан выбрал эту тэн. Навис над ней, посверлил изучающим взглядом, нашел ее достаточно приемлемой по внешнему виду и состоянию и-цы и спросил:

— Как тебя зовут?

— Наталья Генадье...

— Наталья, — отрезал кэн. Та поджала губы и согласно кивнула, с опаской косясь на парня: 'Бог с ним, с отчеством. По имени называет и то ладно'.

Не нравился он ей: скользкий, жесткий, властный и, сразу видно, безжалостный. Один взгляд чего стоит. Не человек, а машина для эвтаназии. Да, вляпалась, Наташа! И какого черта она потащилась в это Хабурино? Все Танька, со своими мозговыми заворотами, уломала дурочку. Вот и попались...Таньки-то давно нет. Два с половиной месяца. Вывели вот так же, и привет. Посмотришь на одного такого, и много ума не надо, чтоб понять, что с ней стало.

— Чем ты можешь быть полезна в данной ситуации? — спросил парень, а женщина поняла: ставка — жизнь, шевелись, работай извилинами.

— Я, заведующая терапевтическим отделением. У меня высшая категория, стаж 24 года. Я могу помочь на начальных этапах, в принципе, любому. Во всяком случае, с постановкой диагноза, если вы мне поможете с объяснением данных лабораторных исследований, проблем не будет. А лечение уже напрямую зависит от диагноза.

— Что нужно объяснить конкретно?

— Лучше бы, конечно, встретиться с больным. В любом случае, мне нужно обязательно его осмотреть.

Рэй помолчал, обдумывая ее слова, и нашел требования приемлемыми и рациональными.

Наталья же пережила пару неприятных минут и поняла смысл выражения: 'висеть на волоске'.

— Ее, — разжал губы кэн.

— Что — ее? — не поняла женщина.

— Осматривать. Ее.

— В смысле, больна женщина, — кивнула Наталья и подумала: 'Не Татьяну ли?'

— Гениально, — придавил ее взглядом парень и кивнул, приглашая за собой. Женщина старалась не отставать, но и не приближаться к нему близко, из осторожности, поэтому шагала почти в ногу с роботами и косилась по сторонам.

Наталья Геннадьевна Силина прожила на свете 44 года и мечтала пожить еще. Было ради кого. Сын, Виктор, красавец, умница, студент третьего курса юридического университета. Одна она его поднимала, намаялась, наплакалась и все ж выдюжила, подняла. Теперь бы вроде можно было бы и о себе подумать, личную жизнь устроить, а тут — здравствуйте, мы инопланетяне! Кто б сказал, не поверила. И хватило ж у нее ума с Танькой поехать! За грибами! На ее машине! В Тмутаракань, за 20 километров! Ой, дура! Ей-то зачем грибы понадобились? Она ж их сроду не признавала, разве что, как яд. ‘Мухоморчиков, — говорит подружка, — наберешь, посушишь, свекровушке бывшей пошлешь, порадуешь.’ Сейчас она Танюху порадует, без мухоморов, расскажет, где стартер, а где тормоз, и про бензин напомнит.

Парень остановился и повернулся к Наташе:

— Каков бы ни был диагноз, скажешь об этом только мне. Понятно? Она ничего не должна знать.

‘Почему?’ — взглядом спросила тэн.

— Вы слишком впечатлительны. Половина ваших заболеваний — творение вашей психики. Мне не нужны фантазии и неприятности от них, мне нужны факты.

Наталья с минуту подумала и согласно кивнула, что правда, то правда: сколько раз сталкивалась с несуществующими, надуманными болезнями? А сколько на ее памяти, чудесно излечивались от неизлечимых болезней? Не меньше, чем умирало от придуманных.

Рэй открыл стену, зашел внутрь, подтолкнул доктора и провел ее в спальню.

‘Господи! Странно, что ее только тошнит. Сотрясение мозга, как минимум’, — подумала женщина, с жалостью разглядывая молоденькую девушку, прикованную к кровати. На бледном лице, на скуле слева, красовался внушительный кровоподтек, губы разбиты в кровь, а из темно-синих глаз, казалось, сейчас брызнут слезы.

Рэй открыл наручники, помог Алене сесть и приобнял ее, на всякий случай, чтоб не вздумала противиться осмотру. Девушка съежилась под его руками, и затравленно уставилась на незнакомку.

Да, девочке Наталья не завидовала. Парень вел себя по-хозяйски бесцеремонно и грубо по отношению к ней. Это производило удручающее впечатление. Ей стало по — настоящему страшно за себя и за этого, по сути, еще ребенка, затравленного, растерянного и явно хлебнувшего лиха, оказавшегося во власти чудовища, которое, по всему виду, выпускать ее из своих лап не собиралось. И зачем она ему нужна, тоже было понятно — шикарная фигурка, красивое личико и цыплячьи силенки, по сравнению с этим упырем. Наверняка, уже надругался, ишь, как сграбастал, точно Кощей свое золото... Ох, и сволочь!

Наталья прикидывала, как бы помочь девушке, но не подставить себя, и выходило: никак, а это расстраивало.

— Приступай, — милостиво кивнул Лоан.

— Мне бы поговорить с ней...

— Говори.

— Она понимает по-русски?

Девушка встрепенулась, посмотрела на женщину с надеждой и радостью:

— Вы русская? Вы откуда? Как вас зовут? Меня Алена. Я из...

— Не важно! — обрезал Рэй. — Воспоминаниями поделитесь потом. Может быть.

— Да, конечно, — поспешно согласилась Наталья и, улыбаясь, как можно ласковее, обратилась к девушке. — Я, Наташа, врач. Этот господин сказал, что тебя тошнит?

— Ага, от него! Очень! — девушка дернулась, стряхивая руки кэн. Тот нехотя отпустил, прилег рядом на постель, опираясь на локоть, и стал зорко следить за происходящим, с холодным прищуром поглядывая на женщин.

— Я серьезно, — уточнила врач.

— Я тоже. Только его вижу, сразу бунт в организме. Аллергия у меня на флэтонских... парнишек, — 'психопатов' — хотела сказать, да Рэй под боком шурился, предостерегающе.

— Что-нибудь еще беспокоит? Болит?

— Болит — душа, беспокоит...он и свое будущее, впрочем, как и вас, свое.

— Хватит, говори по делу, — осадил болтовню жены кэн.

Девочка оказалась не такой уж затравленной, как показалось сначала. На ее месте, Наталья была бы более воздержанной и вела себя тише, чтоб не усугублять положение, но разве такой юной и неопытной докажешь, что она зря провоцирует своего сожителя? Они в этом возрасте все вундеркинды: непризнанные гении, реформаторы, мудрецы и философы, знающие больше, чем другие.

Женщина вздохнула:

— Давай серьезно: что-то болит?

Алена думала секунду и отрицательно мотнула головой. У нее болела грудь, скула и щека...спасибо кэн. В общем, куда ни кинься, диагноз один: Рэйсли Лоан. Доктор тут помочь не сможет.

— Тогда давай разберемся с интоксикацией. Как часто тебя тошнит? Как давно? Было ли подобное раньше?

— Раньше не было. Дома, а здесь...очень давно. Сначала немного подташнивало, потом все сильнее.

— Последняя менструация?

Алена побледнела, только сейчас сообразив, что за то время, что она здесь, их ни разу не было, и тут же успокоила себя: стресс, бывает.

— В сентябре. 24.

Наталья нахмурилась. А диагноз-то наклеывается нешуточный. Бедная девочка, похоже, и сама не понимает, что с ней.

— Половая жизнь?

Девушка дернулась и зло брякнула:

— На постоянной основе!

— Я, в смысле: с какого возраста? — немного растерялась врач. Положение девочки и так было понятно, но осознавать, что этот ребенок — предмет постоянных насильственных притязаний, и она ничем не может помочь, было невыносимо для материнского сердца.

— С 20, — резким тоном сказал Рэй, категорически не понимая смысл вопроса и считая его неуместным. У Алены дрогнули губы, и она выразительно посмотрела на женщину, сжавшись в комок.

— Сколько же тебе лет?

— 20. В середине сентября исполнилось. 21.

'Боже мой!' — ужаснулась Наталья, сообразив, и покачала головой: 'Какой скот!'

Всяких видала, но от такого бог миловал. Господи, бедный ребенок!’

— Мне бы осмотреть тебя. Ты ляг, кофточку сними, пояс у брюк расстегни.

Девушка послушно кивнула, а кэн освободил ей место.

‘Ну, и какой здесь еще может быть диагноз?’ — мысленно всплеснула руками женщина, разглядывая грудь и живот девушки, и поморщилась: ‘Неужели сама не понимает? 20 лет. Они вон с 12 сейчас все знают, а здесь...надо же. А если она специально? От этого скрывает? Ладно, тут я тебе помогу, парень-то совсем в этом вопросе профан, не каждый день, видать, от него беременеют. Хотя... может, не от него, вот девочка и молчит. Может и к лучшему, еще неизвестно, что этот изверг утворит, если узнает. Мужики все подлецы, а этот, видать, подлец в квадрате’.

Наталья, для отвода глаз, развила кипучую деятельность: посмотрела зев, прощупала лимфоузлы, помяла живот, пощупала пульс, и все с самым сосредоточенным, внушительным видом. Заодно и плод посмотрела: однако крупный будет ребеночек, да и срок-то больше, чем с ее слов, выходит...

— Сама, что думаешь? — спросила она у девушки и заговорчески прищурилась.

— Гастрит. Кухня здесь жуткая. Любой загнетса, — и насторожилась. — А вы как считаете?

— Так же, — серьезно кивнула Наташа и, не удержавшись, вздохнула и похлопала девочку по руке: держись, милая.

— Все? — спросил кэн

— Да, — кивнула женщина и со значением посмотрела на Алену: не выдам. Та непонимающе нахмурилась, а парень жестом указал врачу на выход.

— Мне тебя вновь в наручники или сможешь пять минут пожить без приключений? — спросил он, наклонившись к девушке.

— Смогу, — буркнула та, озадаченная поведением женщины.

Рэй посверлил ее недоверчивым взглядом и вышел из комнаты следом за тэн.

‘Странно все это. На что, интересно, она намекала? На беременность?’ — нахмурилась Алена и фыркнула, успокаиваясь: ‘Бред! От тираннозавра и ежика кактусы не рождаются!’

Рэй вывел Наталью в коридор и встал напротив, сложив руки за спину:

— Ваш диагноз?

— Гастрит, — с готовностью закивала та. Рэй прищурился: ‘Поиграть значит решили? Гастрит. Ерунда. Отговорка.’ И резко впечатал кулак в стену, над ухом женщины, нависнув над ней с видом голодного хищника:

— Со мной не играют.

Тон утешал, вид заставлял вспомнить отходную молитву, а манеры помогли понять: ‘чьи в лесу шишки?’ Наталья мгновенно уразумела, что не Мата Хари, и, мысленно попросив прощения у девочки, проблеяла:

— Она ждет ребенка. Это токсикоз.

Рэй зло прищурился: неужели он плохо объяснил? И уже хотел объяснить доходчивей, вскинул руку и замер.

Наталья сжалась и зажмурилась, миг вспомнив всех святых и Витю, почему-то маленького, на велосипеде. Она так и стояла, с минуту, ожидая удара и не дождавшись, с опаской приоткрыла один глаз... перед ней было лицо из коллекции мадам Тюссо. Женщина смело открыла второй глаз: ох, уж, эти мужики!

Рэй минут пять пытался воспроизвести членораздельные звуки. Он моргал, кривился, щурился, выскивал что-то на стене перед собой, потом начал искать на потолке, на полу и, наконец, вновь посмотрел на тэн. Глаза у него были, как у больного со зрением +15 на один и — 10 на другой.

— Повтори... — голос, кстати, тоже подсел и значительно: Наталье пришлось догадаться о просьбе по жестикуляции губ.

— Ребенка она ждет. Плод крупный. Я бы смело поставила недель 16–18, но по срокам выходит меньше — около двух месяцев.

— Не понимаю, — качнул головой парень, во взгляде мелькнуло что-то человеческое, незащитное, как у младенца.

— Сегодня 8 декабря. Я точно знаю, мы отмечаем. Если посчитать с 24 сентября... — женщина задумалась. — Да, получается 9 -10 недель, но тогда... странно, плод большой, ни сегодня, завтра шевелиться начнет.

— Шевелиться? Внутри? — в глазах парня появился страх.

Наташа пожалала плечами: ну и субчик!

Рэй тряхнул головой:

— Почему такой срок?

— Не знаю.

Лоан ничего не соображал. Пытался и не мог. В голове была каша. Впервые за последние 20 лет он не мог сложить два и два.

Он, окэсто. Он не может иметь детей в принципе, только таких же окэсто. Ни один из его братьев не производил на свет фэсто. Это нонсенс. И потом — забеременеть так быстро, получается — в первый же день?...Нет. Это невозможно. Значит,... Алена обманула его? С кем? Кто?...Срок больше...значит, тот парень? Сережа?

Рэй отпрянул от тэн, и лицо стало страшным, от гнева. Он готов был убить и эту женщину, и Алену, но...в его жене жил ребенок. Лоан застонал и в бессильной ярости обрушил кулаки в стену.

‘Ой, мамоньки!’ — сжалась Наталья, глядя, как парень, озверев, колотит по стене напротив нее и, боялась пошевелиться.

‘Кто?! Кого?! Кого?!’ — спрашивал кэн у стены и вдруг замер, уткнулся лбом в многострадальную поверхность и зажмурился: ‘Идиот!’ Он резко развернулся к женщине:

— Сколько длится беременность у земных женщин?

— Де. де-девять месяцев...со-сорок недель

Рэй кивнул, свесил голову на грудь, вздрогнул, еще...

‘Господи, помоги мне и этой девочке!’ — взмолилась Наташа, глядя на сумасшедшего инопланетянина и совершенно уверенная, что тот плачет.

Лоан смеялся. Сначала тихо, потом громче. Посмотрел на обалдевшую женщину, отошел к стене, сел на пол, сложил руки на коленях и, блаженно улыбаясь, не мигая, уставился перед собой.

‘Вот и все! Прости меня Модраш! Твой крестник поглупел. Прости. Так просто...У них 9 месяцев, у нас 7. Алена была девственницей...Не было никого...я...я отец ребенка. Настоящего, живого, без всякого вмешательства, искусственных допингов...У меня будет ребенок. У меня, окэсто, будет фэсто! У единственного! У меня! Я буду отцом. Алена...Ай, да сокровище! О, Модраш!’

Текли минуты, а парень все сидел и разговаривал с собой: губы изгибались в улыбке,

шевелились, ладони взлетали в воздух... Наталья замучилась стоять и с удовольствием бы присела, как и этот чокнутый, да в коридоре появился мужчина, встал у стены, привалившись плечом, и наблюдал то за Лоан, то за ней. Пришлось вести себя, как можно тише и неприметней. Один такой концерт устроил, что и не верится, что жива осталась, а вдвоем-то они ее точно до инсульта доведут.

Рэй, наконец, обратил внимание на Дэйкса и вопросительно просмотрел на него:

— Капитана искал... Смотрю, ты вроде... расстроен.

Парень загадочно улыбнулся в ответ:

— Поздравь меня.

— Поздравляю. Ребята уже сказали. Подтвердил союз? Вэрэн уже передал данные, так что, жди связи с родственниками. Наверняка, напомнить о себе захотят.

Рэй покачал головой: ерунда.

— Что-то ты ...новости какие узнал? — озадачился Дэйкс. Таким сейти он еще не видел: перед ним был абсолютно счастливый человек, которому больше не о чем беспокоиться и нечего желать.

— Поздравь меня, Дэйсклиф. Я буду отцом.

Дэйкс кивнул, не веря: прекрасно.

Лоан рассмеялся и поднялся:

— Не веришь?

Тот неопределенно пожал плечами, взгляд растерянный. Кэн мотнул головой и хитро прищурился:

— Я тоже не мог поверить,...Алена беременна. Через пять месяцев у меня будет ребенок. Настоящий. Мой, — кэн развел руками, желая еще много что сказать, но не смог. Слов не было. Только беспредельная радость и ощущение, что он перешагнул за грань, и стал, как минимум, богом.

Дэйкс застыл, потом нахмурился, потер затылок...

— Это невозможно, — голос сел.

— Да. Было невозможно...но моя жена...она смогла. У нас будет дитя, — Рэй, улыбаясь, смотрел перед собой и уже видел маленькое существо, лежащее у него на руках, пухленькое, дрыгающее ножками и ручками, с крохотными пальчиками, похожее на него и на Алену, с чистым, только рожденным и-цы, настоящее, здоровенькое...

Дэйкс закрыл лицо ладонью, пытаясь поверить в услышанное, осознать...

Больше 2 000 лет назад Флэтонцы возомнили себя богами. Им не к чему было стремиться, они достигли пика в своем развитии. Высочайшие технологии, стабильность во всех сферах жизнедеятельности, авторитет на галактической арене. Исчезли болезни, войны, конфликты носили только межличностный характер, отпала необходимость заботиться о хлебе насущном.

Они покорили духовные вершины, сорвали покрывала со всех тайн, разгадали все секреты, в совершенстве научились пользоваться энергетическими структурами. Они уподобились всемогущим богам и в галактике не было им равных.

Появились клоны. Искусственно созданные дети, модные в то время. С ними не было хлопот, в отличие от обычных детей. Их психо-физические данные отшлифовывали и доводили до совершенства еще на эмбриональном уровне. Они не болели, не капризничали, были такими, какими их хотели видеть родители, какими запланировали: от пола до

особенностей характера. Учитывалось все. Они были идеальны: сплошь талантливы и гениальны, непривередливы, выносливы, не восприимчивы к болезням, стрессам и перегрузкам, высокоорганизованны на энергетическом и духовном уровне. Их носили 7 месяцев, легко, рожали быстро или просто выращивали искусственно в генетических лабораториях и получали на руки, по истечении срока. Кто как хотел. Ни хлопот, ни забот. И все довольны. А женщины просто счастливы. Идеальные дети, идеальные взрослые, идеальные потомки. Гениальная раса. Сверхлюди.

С годами все перемешалось. Естественно зачатые и рожденные вступали в союзы с искусственно созданными, у них рождались новые дети, у тех — новые. Поколения сменялись, и никто уже не помнил о том, кто из них кто.

Все было настолько прекрасно, что лучше просто не бывает. Флэт цвел и множил свое влияние. К ним обращались, к ним прислушивались, перед ними заискивали, их боялись и ценили...

Все рухнуло в одночасье. Боги напомнили о себе. В район Ливапии упал небольшой метеорит. Его пропустили. Это было проще и дешевле, чем устраивать отлов. Диаметр два мигона [\[39\]](#). Всего. Разрушений не было. Он тихо — спокойно наполовину развалился в атмосфере и упал в карьер. Это событие отметили в специальном реестре и забыли.

А через год на планете разразилась странная эпидемия, причину которой не могли ни найти, ни вразумительно объяснить. И началась она в Виллотау, эфриш [\[40\]](#), на краю того самого каньона. В первую очередь умирали клоны, особенно дети. Они сгорали за пол-сутки, остальные за полтора. За год болезнь обошла каждый дом и каждую семью, пронеслась вихрем по планете и скосила треть населения, и никто не мог помочь. На других планетах происходило тоже самое, и в не менее катастрофических масштабах.

Эпидемия закончилась так же внезапно, как и началась. Все вздохнули спокойно и благополучно успокоились, стали забывать о том, что случилось. По улицам уже ходили новые клонированные чада, когда один из ученых обнаружил изменения в атмосфере планеты.

Никто еще не знал и не предполагал, что тот метеорит принес собой смертельный вирус, который и породил эпидемию, а та, в свою очередь, снабдила его необходимой пищей для размножения, близко познакомилась с новой средой обитания и помогла ее завоевать. Вирус мутировал, и через год был естественным составным элементом воздуха, как родной слившись с другими. Его еще не вычислили, не нашли, а он уже влиял на энергетическую структуру всей планеты, видоизменял будущее населения, природного ландшафта, и флору, и фауну. Если б они вовремя поняли, может быть, тогда и можно было предотвратить катастрофу, но этого не случилось.

Через десять лет оказалось, что большинство флэтонцев утратили возможность иметь детей естественных путем. Женщины и мужчины мутировали, как мутировали и их дети. Изменились анатомия и физиология, появилась потребность в энергетической подпитке, а искусственные дети не доживали до 4 лет. Начались исследования, спешно искали выход из положения. И нашли.

Во всем обвинили потомков первых искусственных детей.

Оказалось, что именно те, в крови которых есть частица первых клонов или зачатые и рожденные на основе хотя бы одной искусственной клетки, носят в себе неистребимый, пронырливый вирус, который видоизменяет все ненатуральные клетки в организме под один шаблон — сжатую версию натуральных клеток. Новые клоны оказывались абсолютно

стерильны, им для выживания, как воздух, нужна была энергетическая подпитка и в намного больших дозах, чем естественно рожденным.

Окрон, или вирус-мутант, как его называли, заселил атмосферу Флэта и мгновенно внедрялся в любой эмбрион. Борьба с ним было бесполезно. Он был устойчив и вездесущ и лишь ослаблял свое влияние при достаточном энергетическом допинге и сбросе излишков, а жил 30–32 года. Большинство клонов умирало вместе с ним.

Мир поделился на фэсто и окэсто. Одни права у первых, другие у вторых. Две расы. Одна, созданная другой, зеркальное отображение первой по всем параметрам, но признанная получеловеческой. И те, и другие с каждым годом становились все прихотливее, быстро мутировали и уже не могли обеспечить себя сами. Требовался энергетический донор. Появились рабы. И круг замкнулся.

Истинные фэсто — мужчины стали стерильны, женщины утрачивали способность к оплодотворению. Приходилось заводить окэсто, но тем, как и им, требовались энергетические доноры, чтоб выжить, только в намного большем количестве и на постоянной основе. Возможность же забирать необходимое у ребенка формировалась к 12 годам не раньше, вместе с возможностью сбрасывать у-фу и освобождать организм от опасных продуктов переработки чужой и-цы и своих шлаков. Окрон каждые три года поднимал голову и сотрясал неокрепший организм, разрушая его, иссушая и разлагая клетки. Выживали немногие. К 12 годам из ста рожденных окэсто оставалось в живых 25–30. К 32 годам — пятеро. И хоть эти пять стоили того, ни один из них не мог дать потомства. Окрон стерилизовал их на первом году жизни. Флэт постепенно вымирал.

Рэй...не только выжил, но и зачал ребенка, фэсто, естественным путем...

Дэйксклиф почувствовал религиозный трепет и благоговение. Рэйсли стал живым воплощением бога, он получил разом все то, к чему стремится каждый флэтонец. Его будут превозносить. Он станет легендой, за ним пойдут все. Он станет кумиром окэсто. Модраш получит много новых поклонников. Теперь мир изменится, если только...

— Рэй, я очень рад за тебя. Очень, — Дэйкс подошел к парню и остановился не зная, как сказать, как предупредить, чтоб тот не оскорбился. — Но ты же понимаешь...Твой отец и брат...они не позволят. Представь последствия данного факта — это коснется всех. Если понадобится помощь, любая — я с радостью. Ты всегда можешь рассчитывать на меня.

Он хотел упредить сейти, что Алену теперь нужно будет беречь, как зеницу ока, что, наверняка, ее попытаются убрать, чтоб ослабить влияние Рэйсли на братьев, не допустить ни к власти, ни к трону. Но он не стал — парень не глуп и сам понимает, какую кашу заварил, да и стоила она того. Ребенок, настоящий, родной ребенок ...Дэйкс все бы за это отдал. ...Да никто это 'все' не брал.

Лоан уже пришел в себя, отлично все осмыслил и взвесил, поэтому лишь кивнул Дэйксу:

— Знаю. И пожалуй ...буду не против, если ты окажешься поблизости.

Дэйкс широко улыбнулся.

— С радостью, сейти. Я и так хотел пойти в кьет Модраш после посадки и больше не ходить в экспедиции,...если буду полезен — все, что угодно. Клянусь!

— Я понял. Посмотрим, — со значением кивнул Лоан: 'Вот и первый сподвижник.' — Для начала найди Вэрэна и передай ему, что эта тэн нужна мне. Пусть оставит. Расплачусь после посадки. Не обижу.

Мужчина замялся:

— Она зачем тебе? Извини, я к тому, что уже две недели, как договорился насчет нее... для себя. Но если ты..

— Она земной врач, — Рэй думал пару секунд. — Давай так: ты оформляешь ее на себя и отпускаешь. Я выплачиваю гуэдо за нее тебе, и мы оформляем ее, как вольнонаемную канно с местом жительства на твоей территории.

— Идет, — кивнул Дэйкс. — Тогда я смогу взять ее уже сегодня.

— Ты? — ухмыльнулся кэн.

— Да. Она мне подходит. И-цы мне много не надо, я же фэсто, — Дэйкс помолчал, с улыбкой рассматривая женщину, и вдруг выдал, хитро прищурившись. — Она еще молода и кто знает...не одарит ли и меня твой крестный счастьем? Думаю, тэн из этой партии будут нарасхват.

— Вэрэн сможет ощутимо пополнить свой счет, — согласился Рэй. — Да, держи ее в отдельной каюте. Я вечером зайду выяснить нюансы. И Эллана подошлю, пусть поучатся друг у друга.

— Хорошо.

Рэй открыл стену и вошел в комнату.

Алена стояла у иллюминатора и смотрела на Флэт. Коричневато-красная планета лежала на боку и имела два спутника, один совсем маленький, как шарик для пинг-понга, другой, намного больше.

Интересно, когда посадка? Они вообще собираются садиться или будут рейдировать до бесконечности? Единица, казалось, навеки застыла на комнатном табло. Девушке не терпелось определить свою судьбу и сбежать. Она считала дни, часы, предвкушая свое исчезновение, возвращение домой. Мысленно она уже была в дороге и очень переживала, что реально до сих пор сидит в этой консервной банке в обществе 'флэтонского робота' - три винта, два шурупа.

А тот, словно мысли ее читал, вцепился, как клещ энцефалитный, и не выпускал из лап все эти дни, даже в столовую не водил, здесь обедали. Правда, вел себя на удивление галантно, в смысле ручонками не размахивал и на мелкие укусы не реагировал. Даже и не интересно стало его раздражать, да и грустно отчего-то. Привыкла она к нему что ли? Синдром жертвы?

Рэйсли вышел из ванны и начал снова за спиной девушки. Алена вздохнула и повернулась. Кэн с сосредоточенным видом скидывал вещички в маленький кейс, размером с подарочное издание 'Народной медицины', и был одет, как поп-звезда. Ворковская, открыв рот от изумления, пару минут внимательно изучала вычурный наряд, соображая, в каком бутике так над парнем посмеялись? И не выдержала, рассмеялась: 'Элвис отдыхает!'

На кэн была прозрачная рубашка, облигающая тело, как вторая кожа, с высоким стоячим воротником, усыпанным стразами. Она не имела ни одного видимого глазу шва, была покрыта рисунком из золотой тесьмы, свитой в косичку. От плеч к запястью шли овальные прорехи, показывая ровную кожу и накачанные мышцы рук. От воротника до широкого ремня пролегал треугольный вырез, выставляющий напоказ гладкую, литую грудь парня с очень красивыми маленькими ножнами, инкрустированными более помпезно, чем царская корона, висевшими на толстой цепи с мелкими звеньями. На шее еще одна цепочка, короткая, но толстая, та самая, что ему Вэрэн нацепил. Брюки кэн одел кожаные, светло-кремовые и, видать с мылом, не иначе. Облегали они его достоинства и конечности сильнее рубашки, да при этом еще и поблескивали матово, а вот швов, гульфика и т. д. так же не наблюдалось. На ногах что-то замысловатое, узорчатое, сильно смахивающее на мокасины.

Алена, ехидно ухмыляясь, смотрела на это чудо и радовалась своим стандартным джинсам и клетчатой рубашке с длинным рукавом. С обувью, конечно, никак, тут бы и мокасины сгодились, но она не гордая, и босиком уйдет.

Лоан оббежал все комнаты, захлопнул кейс, сунул его в стенную панель, что-то отстукал по ней пальцами и, взяв Алену за руку, вывел в коридор. 'Ура! Наконец-то' - возликовала та, улыбка сама наползла на лицо и примерзла намертво. Рэй только головой качнул: 'Все мысли на лице открыты'.

Он привел девушку к прозрачному лифту, о существовании которого она и не подозревала, и втолкнул внутрь. Количество 'Элвисов' увеличивалось с каждым пролетом, заставляя девушку прикусить губу, чтоб не рассмеяться. Даже Дэйкс и то вырядился, правда, расцветка была скромней — в серо-голубых тонах.

Наконец, лифт остановился и выпустил на волю человек 15. Флэтонцы, посмеиваясь и

переговариваясь, пошли по коридору, чрезвычайно довольные, радостные. Сразу видно, домой прилетели. Алене даже по душе их приподнятое настроение царапнуло, завистью, причем черной.

Метров через десять флэтонцы разошлись в пяти направлениях. Дэйкс, Рэй и, естественно, Алена свернули направо и оказались в круглом помещении, в середине которого на небольшой возвышенности красовался стол, позаимствованный, видимо, у клуба 'Что? Где? Когда?', с плоскими дисплеями, сливающимися один в другой, образуя многогранник. Вокруг стола висели кресла с высокими спинками, подголовниками и полукруглыми подлокотниками, и большая половина из них была уже занята.

Рэй провел ее к свободному креслу, усадил, что-то нажал, и выскочившие из краев широкие ремни прижали девушку к спинке сиденья, перехлестнувшись крест накрест на груди. Сам сел в кресло рядом и, покачивая своим мокасином, заговорил с парнем напротив.

‘Хам!’ — вздохнула Алена и замерла, с нетерпением ожидая продолжения ‘банкета’.

Минут через пять в единственное свободное кресло уселся капитан, покивал присутствующим, что-то сказал, все пристегнулись, и тесный кружок с шипением и щелканьем, словно обернули фольгой — все, что было ниже возвышенности с присутствующими, исчезло, скрытое темным стеклом. В ту же секунду вспыхнули дисплеи, в них отображался, какой-то весьма колоритный пейзаж, в стиле объемной, компьютерной графики.

Алена почувствовала себя пилотом виртуального корабля: в глазах мелькало, в ушах шумело, на грудь давило и в тоже время чуть подбрасывало вместе с креслом. Пальцы сами вцепились в подлокотники, а голова улеглась на подголовник.

Висевший над дисплеями кубик быстро отсчитывал время, доходил до 70 и начинал сначала. Так раз 20, не меньше. Алену уже дурнота одолела, как шум, наконец, стих, давление прекратилось, с экранов исчез пейзаж, и появилась футуристическая заставка. Все начали отстегиваться.

Капитан взял в руки плоскую штучку, что-то среднее между рацией и мобильным телефоном, забубнил в нее, выдвинул из-под крышки стола сенсорную клавиатуру, отбил ‘патетическую симфонию’ и замер в ожидании. Вскоре на экранах появился бланк с множеством цифр, крючков, значков, иероглифов. Алена озадачилась, а флэтонцы дружно повытаскивали свои клавиатуры и заработали пальчиками. Девушка покосилась на Лоан. Тот, не спеша, заполнил свой документ, насмешливо глянул на нее и, вытащив клавиатуру жены, развернул к себе, набил за секунду нужное и вернул на место. ‘Техника на грани фантастики’, — презрительно скривилась Алена. На душе было тревожно. Что ж она делать будет, если ноль в этой пиктографии?

Потянулись минуты ожидания. Флэтонцы переговаривались, посмеивались, ерзали на своих местах. Рэй отстегнул девушку, взял за руку, подтащил к себе и усадил на колени. ‘У-у-у, маньяк!’ — нахмурилась она, но противиться не стала: скоро разбегутся навсегда, пускай порадует перед разлукой.

Не пришлось ему радоваться, что-то щелкнуло, экраны погасли, и темная стена вокруг начала опускаться вниз. Они были в круглом помещении с коричневой стеной, по низу и по верху которой вились белые сферы-фонарики.

Флэтонцы встали, пошли к выходу — темной арке. Рэй стряхнул девушку, взял ее за руку и повел следом за остальными. Мужчины исчезали в темноте проема, как в зеве дракона, тихо, мгновенно и бесследно. Алену это немного напугало, и когда парень втащил

ее внутрь, она на секунду зажмурилась.

Никуда мужчины не исчезли, все здесь были. Выстроились цепочкой и ехали по горизонтальному эскалатору, в глубь длинного тоннеля с красноватым, трассирующим освещением на своде. От тонированных стеклянных стен то и дело выделялся белесый пар и обдавал с ног до головы, вспыхивал сноп света, высвечивая фигуры, пробегали тонкие, красные лучи лазера.

— Стерилизация и идентификация, да? — спросила девушка у кэн. Тот кивнул.

На горизонте появилась еще одна темная арка, в которую так же проваливались входящие. Теперь Алена не боялась и не жмурилась, а смело шагнула вперед и подумала: 'Кажется все'. Длинный светлый коридор, покато шел вниз, и делился надвое. Слева — ползущая лента с кейсом, справа толпа вновь прибывших.

Флэтонцы расхватывали свои чемоданчики, вскидывали ладони, смеялись, переговаривались, искренне радуясь возвращению на Родину. Дэйксклиф, шедший впереди, взял кейс и, подняв вверх, показал его Рэю, что-то сказал. Тот рассмеялся, выпустил руку девушки и обогнал товарищей, приближаясь к мужчине. Алена грустно посмотрела ему вслед, мысленно помахала белым платочком и, злорадно улыбнувшись, тихо пробасила: 'Я тебя никогда не увижу! И уже никогда не услышу!' Ее даже подбросило от радости и захотелось крикнуть вдогонку: 'Чао, Лох!'

Мужчины выходили в еще одну арку. В ней скрылись и Рэй с Дэйксом. Алена минут пять постояла, пропуская остальных — пускай подальше уйдут, и несмело выглянула.

Огромный зал был наполнен снующим народом. Вернее, разными существами, половина из которых могла смело бронировать для себя местечко в зоопарке доктора Селезнева [\[41\]](#). Такого Алена не видела да и представить не могла.

Гигантское полутемное помещение, то ли икосаэдр, то ли икосаэдр в кубе, не имело ни окон, ни дверей, только множество арок, по краю которых светились цепью сферы. Из них то и дело появлялись люди и прочие существа: страшные и смешные, звероподобные и точь в точь, как те большеглазые энцефалы, что показывали по ТВ на Земле. Кто рычал, кто свистел противно, как-будто по стеклу ножом. Замысловатые одежды, разнообразная публика...

Алена то и дело поворачивалась, провожая взглядом то японовидную даму с сердитым размалеванным лицом, в переливающейся просторной одежде, то щуплую хвостатую фигуру, обтянутую в зеленоватый, чешуйчатый комбинезон, то низкого, крепкого, мохнатого гномика с серебристым бидоном в руке, то колоритную парочку: высоченного атлета с косичкой на затылке и лысиной впереди и худую, высокую, как и ее спутник, девушку в белых трусиках из кожи, таком же топике и полусапожках, как минимум, из хрусталя с тонким, как спица, каблуком сантиметров 15 и размера 45, не меньше. Выглядела она жутко: костлявая и словно резиновая, ни колен, ни локтей, не разберешь, где, что сгибается и как координирует движения. Ежик темных волос, крючковатый нос, тонкие губы и глаза навывкате, изумрудного цвета, взирающие на снующих под ногами существ, как на мушек-дрозофилл, посмевших облепить ее царственное чело.

Они проплыли мимо ошеломленной Алены и скрылись в одном из множества ярко-голубых цилиндров, натканных посреди зала в четыре группы по пять штук.

Девушка прикинула их назначение и проследила взглядом за высотой. Цилиндры уходили вверх, в необозримую даль, и через каждые четыре-пять метров выбрасывали мостики к стеклянным перилам этажей. Алена вздохнула и вспомнила поговорку Миши

Сокола: 'Тяжело в деревне без нагана'. Действительно. А без знаний еще хуже.

Она растерянно покрутила головой, соображая, куда бы стопы направить, и увидела в метре от себя странного парнишку: ростом под два метра, с фиолетовой татуировкой на правом плече, в фиолетовых очках, в плоских стеклах которых что-то мелькало, как на экране. И одет он был необычно: черный, безрукавый комбинезон, застегнутый под горло, широкий пояс, на котором висела масса весьма настораживающих предметов — кольца, как те, что ей Рэй на ногу нацеплял, цепочки, пейджер, фонарик — хотто и множество других непонятных 'прибамбасов'. На шее у парня красовались серебристые наушники, а запястья были обтянуты широченными браслетами из не понятно чего-то ли кожи, то ли металла. Парнишка сильно смахивал на качка, передозировавшего анаболики, и прошедшего пару горячих точек: лицо, как из камня вытесали, тяжелый подбородок, светлый ежик волос, выправка военного, кулаки с кувалду, взгляд патологоанатома.

Он подошел к ней и начал что-то говорить низким, но вполне приятным голосом. Алена пожала плечами, развела руками, изображая смесь лояльного гражданина и инвалида детства по умственному заболеванию. Того, видать, проняло — улыбнулся. Правда, лучше б и не старался. Улыбочка у него была не лучше, чем у Рэя, и внушала опасения. Девушка натянуто улыбнулась в ответ и начала медленно отступать. Парень остался на месте и даже не шевельнулся, но это отчего-то и настораживало.

'Где-то я это видела' — подумала девушка и наткнулась спиной на что-то твердое. 'И проходила!' За спиной стоял близнец того, что стоял перед ней.

Парни мило поклонились, шаркнули 'ластами' 50 размера и, подхватив девушку под локотки, бережно, но твердо потащили мимо лифтов — цилиндров.

'О, Господи!' — застонала Алена и чуть не расплакалась от досады, увидев, куда ее тащат. За лифтами вдоль стены тянулась длинная стойка с рядом аккуратных, высоких табуретов на тоненьких, как спички, ножках, по одной на сиденье. У стойки никого не было, кроме двух знакомых мужчин, восседавших на табуретках, мирно беседующих меж собой и грызущих какие-то длинные коричневые палочки: Рэйсли и Дэйксклиф.

Алену поставили рядом с Лоан и что-то ему сказали. Тот милостиво кивнул и насмешливо посмотрел на девушку. Дэйкс открыто улыбался.

— И, как прогулялась, милая? — выгнул бровь кэн. Алена тяжело вздохнула и одарила его оскорблено — раздраженным взглядом, презрительно скривив губы. Получилось, по-видимому скверно, потому что впечатление не произвело.

— Посиди, скоро пойдем, — спокойно сказал парень, кивнув на соседние табуретки и повернувшись к ней спиной, и заговорил с товарищем.

Подобное пренебрежение и наглая уверенность Лоан довели девушку до бешенства. Она сгребла три оставшиеся палочки с овальной тарелочки, опередив руку кэн и уловив его недоуменный взгляд, с клацаньем сомкнула резцы на всех трех сразу: 'Не съем, так закусаю!'. Парень хмыкнул, а Дэйкс расхохотался. Алена отошла на приличное расстояние от них, пристроилась на табуретку и с удовольствием догрызла хрустящие палочки, со вкусом орехов в шоколаде, посматривая вокруг.

Мужчины на нее внимания не обращали, а до лифтов было рукой подать. Она и пару секунд не думала, покосилась на флэтонцев и решительно рванула к ближайшему цилиндру, завернула за него и вот тут-то и задумалась. Никаких кнопок, обозначений, на гладкой по виду, поверхности не наблюдалось, как впрочем, и инструкции пользования данным приспособлением на русском языке. Девушка слегка опечалилась и хотела опереться

ладонью о поверхность, чтоб обдумать положение, как ладонь провалилась внутрь.

Она прошла сквозь голубую поверхность, как-будто ее и не было. Это несказанно удивляло и наводило на размышления о высотах технического прогресса данной цивилизации. Правда, развивать эту тему она не стала, оставив ее 'на потом', сейчас же нужно было испариться отсюда подальше, пока Рэй ее хватился.

Девушка засунула внутрь ногу, нащупала твердую поверхность и шагнула, затаив дыхание. Ее тут же медленно начало поднимать, как струей воздуха, вверх. Изнутри стекло кабины было абсолютно прозрачным и звуконепроницаемым. Она все видела, но не слышала. Где-то на уровне первого этажа, прямо перед глазами Алены, в воздухе появилась полупрозрачная линейка с цифрами. Девушка с минуту зачарованно рассматривала чудо виртуальной фантазии и, в качестве эксперимента, ткнула пальцем в семерку. Секунда, как она оказалась на этаже № 7. Во всяком случае, сомнений в этом не было, хоть подняться с первого на седьмой, не моргнув глазом, для нее было чересчур ирреально, но за стеклом кабины, прямо по курсу, горела цифра семь, а внизу, под ногами, веером разбежались стеклянные дорожки, одна под другой.

Алена несмело ступила на прозрачную, хрупкую с виду, поверхность, желая, как можно скорей перебраться в более безопасное место. На балкон, в паре метров от нее, например, где пол был из дымчатого мрамора, хотя утверждать это, наверняка, девушка бы не взялась.

Она перебежала по дорожке и огляделась. Здесь, видимо, был зал ожидания. Полукруглые диваны, на которых расположились группами и по одному разные существа: от гориллоподобных до лысых человекообразных. Стойка, как внизу, две квадратные колонны с небольшими дисплеями, возле одного из которых, крутились подростки в количестве трех штук. Слева, прямо по курсу, метров в 20, две арки с огромным экраном между ними и проходом на другую сторону балкона. На экране шла какая-то феерическая передача, а сверху плыли зеленые цифры, закорючки и значки.

Алена пошла в сторону арок, желая перейти на другую сторону балкона, и... развернувшись, спешно юркнула за колонны. Из арки вышли два охранника чуть мельче, чем те, что доставили ее к Рэю пять минут назад, но в знакомой форме и очках. Желания встретиться с ними у девушки, естественно, не было, и она застыла за колонной, косясь на прыщавых подростков, споривших у экрана в полуметре от нее, подождала минут пять и осторожно выглянула. Никого. Это порадовало. Алена сделала пару шагов и оказалась нос к носу с теми, от кого бегала. Парни удовлетворенно кивнули, повторили 'менуэт' предшественников и, подхватив девушку под локотки, сопроводили к кэн.

Алена уже не злилась, а расстроилась до слез.

— Я что, фейсом не вышла? — спросила она у Рэя. Тот оторвался от разговора с Дэйксом и недоуменно посмотрел на нее.

— Почему меня к тебе тащат? Никого больше не трогают, только меня, — пояснила она.

— Я предупредал. Ты не запомнила? Желаете еще прогуляться?

— Я хочу понять!

— У тебя печать, Алэна, ее мгновенно опознают и сверяют с поступившими данными, — улыбнулся Дэйкс.

— Какая печать? Тавро идиотки на лбу? Издеваетесь, да?

Дэйкс хмыкнул и отвернулся, а кэн поднялся, махнул тому ладонью, и, подхватив девушку за талию, повел в арку, слева от стойки.

— Ненавижу тебя! — прошипела Алена, пытаясь вырваться. Рэй прижал ее крепче и

кивнул, не глядя: слышу. — Я домой хочу! Слышишь, ты, железяка чертова! Домой, к маме!

— Если ты перестанешь вырываться, то мы будем дома через 7 минут.

— Это для тебя — дом, а для меня тюрьма! — она еще много бы сказала да забыла мысль, увидев инопланетную улицу. В воздухе висела розовая дымка, вокруг скользили странные покатые приспособления вытянутой, эллипсоидной, формы из светлого и темного материала, поблескивающего и однородного. Они висели в воздухе, плыли над коричневой землей, взмывали в небо, скрываясь меж высоких зданий- свечек.

Рэй подтолкнул Алену к одной из таких то ли авто, то ли самолетов, стоящую напротив, что-то нажал, и эта 'избушка' без окон, дверей, колес и крыльев, вскинула вверх свой матовый бок. Внутри был просторный салон с овальным диваном, а напротив окно. Все. Девушка плюхнулась на сиденье, совершенно упав духом. Кэн молча уселся рядом, выдвинул боковую панель, достал пульт, нажал пару кнопок, подождал, пока начнется движение, и вернул его на место. 'Машина' плавно и беззвучно тронулась с места, взмыла вверх и рванула со скоростью реактивного самолета, только розовые клубы замелькали.

Рэй пододвинул расстроенную девушку к себе:

— Нас ждут. Отец. Я хочу, чтоб ты вела себя хорошо. Не огорчай меня. Я специально предоставил тебе возможность побегать, чтоб ты поняла — это бесполезно. Для всех — ты моя жена. Не важно, что ты думаешь на эту тему, не важно, что хочешь и что говоришь. Наш союз признан действительным. У тебя на плече печать. Знаешь, что на ней написано?

Алена не знала и знать не хотела. Она лишь чувствовала, что ее загнали в угол, и понятия не имела, как и где искать выход.

— Священная собственность Рэйсли Лоан. Жена. Союз заключен по воле Модраш, — проникновенно прошептал парень. Это заявление девушку не удивило, только убедило в собственной наивности.

— Ты насильно взял меня...и в жены тоже. Плевать, что ты там со своим эскулапом нацарапал. Я знать ничего не знала. Это я твоему отцу и скажу, порадую старичка сыном дегенератом, — прошипела она.

— Порадуй, — улыбнулся парень, представив, как посмотрит на нее Гвидэр после того, как увидит печать. Он будет в бешенстве. Алене не понравится, и она начнет дерзить, выводя того из себя еще больше, но ничего не сможет сделать — Рэй предоставит ему доказательства состоявшегося союза и сообщит сногшибательную новость. У отца будет шок. Ему придется пододвинуть любимого сыночка ради ненавистного и отвергнутого, лелеять дерзкую, своенравную канно... Приятно разворошить родной дом, изменить устои, продиктовать свои условия, проигнорировав столетиями сложившийся уклад. Кэн рассмеялся, представив вытянутые лица отца и брата.

— Я не шучу. Я сразу заявлю, что ты мне никто! — угрожающе сказала девушка, приняв его смех на свой счет.

— Пожалуйста, — загадочно улыбнулся парень и зашептал ей в ухо. — Последнюю такую печать ставили полтора столетия назад. Знаешь, почему? Опасно. Чуть мелькнула мысль сомнения, и женщина мертва. Кугу-эцы — живая субстанция, тонко реагирующая на любые негативные импульсы. Она мгновенно проникает в ткани и сживается с ними, выбрасывая на поверхность споры. Они будут крепнуть и увеличиваться день ото дня, фосфоризировать в темноте, становиться ярче. Постепенно она завоюет весь твой организм и законсервирует его на долгие годы. На ногтях появится слюдянистые отложения, а рисунок будет меняться в зависимости от твоего настроения. Но подобное возможно лишь в том

случае, если человек при их внедрении не испытывал ни малейшего сомнения, ни спугнул микросущества своими негативными импульсами. У тебя ровный рисунок, споры четкие и яркие — это говорит о том, что ты не сопротивлялась и не сомневалась. Никто не поверит, что ты ничего не знала. Всем известно, как это больно и опасно, но возможно лишь с согласия, иначе кугу-эцы отторгнется и убьет... А ты жива.

— Я вырву ее!

— Увы, милая, поздно. Теперь проще поменять тело. Кугу-эцы заполняет организм в течение двух часов. Теперь ты, его дом и он будет охранять его и беречь, как любое живое существо, свою жизнь. Тебя ждет долгая жизнь...рядом со мной. Я же говорил тебе, что позабочусь обо всем. Научись слышать, милая, и...слушаться.

Алену словно каменной плитой придавили: она больше не увидит Землю, свой дом, родных? Почему? Неужели она до конца жизни привязана к этому бездушному маньяку? За что ей такое 'счастье'? В это мгновение, осознав безвыходность положения, девушка почувствовала шок, оглушающий страх и отчаянье. Ее насильно, против воли, лишили всего и привязали к пародии на человека, к персонажу из страшилок. Впрочем, светская вечеринка с Фредди Крюгером в данный момент была для Алены, что бесплатная путевка на Канары, во всяком случае, значительно привлекательней, чем мысль провести остаток жизни в обществе хитрого, жестокого дьявола — Рэя Лоан.

Неужели ей придется подчиниться прихоти психопата? Она представила, что будет отныне и до окончания своего века жить под гнетом морального уродца, его постоянным контролем, да еще на этой совершенно ирреальной планете, в мире, населенном странными существами, не имеющими понятия о человеческих чувствах и нормах морали, живущих по законам себя любимых, и впала в длительный ступор, в коем и находилась до прибытия в дом кэн.

Вотчина Лоан встретила землянку неласково. Промозглый холод и сырость наполняли воздух. Вокруг стояла угнетающая кладбищенская тишина, и не было ни души вокруг.

Площадка, на которую они приземлились, ровно покрытая зеленой растительностью — чем-то средним между мхом и травой, простиралась от поля с высокими листьями и леса за ним до невысокой каменной лестницы, ведущей на идентичную площадку, обнесенную низким каменным коричнево-розовым бордюром. Дальше, на возвышенности, метрах в ста виднелось высокое здание с вычурной архитектурой: смесь готики и постмодернизма, из темного камня, наполовину скрытое дымкой. Окна бойницы с витражами и тонированными стеклами, огромные, как витрины супермаркета, чередовались от этажа к этажу.

Рэй крепко обнял Алену и повел по лестнице, на верхнюю площадку, и она увидела огромные, испещренные квадратные колонны слева и прямо, образующие арки-проходы. Слева была еще одна лестница, с витыми перилами и тонкими прутьями, увитыми красновато-синей листвой, которые поддерживали навес. На лестнице девушка заметила фигуру высокой, худой женщины с черными короткими волосами, и чем выше они поднимались, тем четче она становилось видна.

Женщина Алене не понравилась. Странная и страшная. Огромные, черные глаза на белом треугольном лице, синеватые губы, черные волосы до ушей и диспропорциональная фигура: короткие ножки и удлиненный торс, талия получалась на уровне середины бедер у нормального человека. Женщина стояла, не двигаясь, как замороженная, и внимательно следила за их приближением, сверля Алену сердито-брезгливым взглядом, лицо каменное, надменно-отрешенное.

‘Вот и мамочка — горгона. Я не ошиблась, теперь бы еще на папочку — китайца глянуть, чтоб исток генетических отклонений выявить’, — подумала девушка и увидела. Правда, на китайца он не смахивал даже в 52 поколении.

Высокий, грузный мужчина в темно-зеленом френче стоял перед ними, закинув руки за спину, и сверлил жестким недовольным взглядом голубых глаз. Надменный, здоровый и холодный, как айсберг, с крупными чертами лица и светлыми редкими волосами, достающими до плеч. Девушке он понравился не больше, чем женщина, зато стало понятно, почему та не спускается и стоит вдалеке. Ворковская тоже бы от них, от всех, как можно дальше держалась.

Алену передернуло, и она злорадно ухмыльнулась: ‘Ничего себе родители! Занятный террариум, однако. Не удивили. От гюрзы и питона только такой ящер, как Рэй, родиться и мог’.

Гвидэр окинул оценивающим взглядом невестку, презрительно поморщился и воззрился на сына. В двухметровом гиганте с властным, красивым лицом было трудно узнать щуплого желтокожего парня, отправленного с глаз долой полгода назад. Если б не взгляд. Он у Рэйсли остался прежним: жестким, холодным и отрешенным. Этот взгляд давил, бросал в дрожь, как и прежде.

Непредсказуемый, коварный полукровка, несносный, не вмняемый мальчишка, вечный укор отцу. Напоминание о несбывшихся мечтах, о бренности жизни, о каре богов — вот кем он был для Гвидэра.

Сегюр, как любой флэтонец, желал продлить свой род и порвать порочный круг и смог.

Иллан был первенцем — его опорой и гордостью. Ладный, крепкий, здоровый, умный — фэсто. Долгожданный, взлелеянный, выстраданный. А потом... С чего Гвидэр решил, что боги помиловали его? Из-за Иллана? Или оттого, что человеку всегда мало того, что он имеет? Хочется больше, еще и еще...

Рэй был в утробе матери, когда та неожиданно умерла. Никто не мог объяснить ему почему? Она просто не проснулась и все, а малыш... Он приказал спасти его и пересадить в чрево любимой наложницы, в надежде что тот родится, как и старший — фэсто, но эмбрион был слишком слаб. Его пришлось восстанавливать и поддерживать, в итоге Рэй родился окэсто. Три года Гвидэр боролся за сына, не веря приговору кафилов, и даже взял ему в крестные Модраш, поступаясь своей верой, в надежде на помощь бога, помогавшего не одному поколению Лоан, но все было напрасно. Мальчик был слаб, и чах на глазах. Боги словно заставляли платить могущественного сегюр за рождение фэсто. И он вынужден был наблюдать, как растет тщедушный клон-смертник на одной территории с ним и его здоровым, сильным сыном. Судьба посмеялась над ним, одарив двумя детьми, из которых один был его гордостью, а другой укором, один давал надежду на будущее, другой ее отбирал, один был как награда за веру и терпение, другой как напоминание — ты такой же, как все, боги превыше тебя, и твое могущество на Флэте лишь тлен.

Гвидэр отвернулся от Рэя. Он вынужден был терпеть его выходки, но не мог заставить себя воспринимать его, как сына, понять, полюбить. Да и как можно любить, привязаться, возлагать надежды на того, кто умрет в любой момент и погребет тебя под массой отрицательных эмоций, придавит горем, разобьет сердце? Зачем он будет растить в себе бесплодные мечты? Что еще может дать хилый окэсто, накачанный новейшими лекарствами, и только потому живущий? У него не могло быть потомства, он сухая ветка, посмевавшая бросить вызов могуществу Гвидэра, поставить под вопрос его власть, авторитет и возможности. Нет. Сегюр сделал ставку на здорового, крепкого отпрыска, заставил себя забыть, что у него двое сыновей и посвятил себя будущему династии Лоан и всего сегюрет — Иллану.

Но Рэй был с этим не согласен и напоминал о себе постоянно. Он словно специально игнорировал указы, третировал отца и брата, будоражил общественность, а главное, он смел жить вопреки прогнозам кафилов, с достоинством и твердостью закаленного воина, переживая приступы убийственной лихорадки и боли. Это мужество, воля и жизнестойкость маленького мальчика не могли не возбудить уважения в отцовском сердце и подарили надежду, что младший сын со временем станет хорошей опорой старшему. Поэтому Гвидэр закрывал глаза на его дерзости, обеспечивал необходимым и не противился увлечению окэсто культом Модраш. Он смотрел со стороны и ждал. Он видел, как высоко влияние Поттана и Фэйры на маленького сейти, но не вмешивался.

С годами Рэй заматерел и приобрел массу достоинств, которыми Гвидэр мог смело гордиться, но ни обильные жертвоприношения, ни огромное количество тэн, поставляемых ему, ни на грамм не улучшили физическое состояние окэсто, и стало ясно, что чуда не будет — парень умрет. Пора было решать.

Вердикт врачей был однозначен — сейти осталось полгода, и решение сегюр было мгновенным: вон с глаз. Все устроилось, как нельзя лучше. Рэйсли отправили в экспедицию в знак опалы за дерзость и неповиновение, а Иллан вступил в права сегюр. Гвидэр вздохнул спокойно. Полгода тихой жизни, наставляя старшего и выкинув из мыслей младшего, который, казалось, навсегда покинул вотчину, и вдруг...

Гвидэр и сам не знал, рад ли возвращению сына?

Рэйсли часто ставил его в тупик, обескураживал и настораживал. Непредсказуемый, замкнутый, но владеющий собой, решительный, мстительный и терпеливый, самолюбивый и хитрый, умный и осторожный — он мог устроить что угодно в любую минуту, совершенно неожиданно, без объяснений, с равнодушным видом, проигнорировать законы и пройти по голове окружающих, с одной ему понятной целью. И в тоже время он всегда знал, чего хочет, его острый взгляд и ум мгновенно улавливали, и правильно оценивали то, что скрывалось от глаз Гвидэра и Иллана, и ничего не делал по настроению, взвешивал каждый шаг и каждое слово.

Он был бы хорошим сегюром, но стал опасным противником. Гвидэр, прекрасно зная характер Рэя, понимал, что тот вернулся не как сын, а как сейти, предъявив право на звание императора, посягая на власть и требуя свое на основании чудесного исцеления и смены статуса. Он бросал вызов, выставляя себя и свою жену — глупую девчонку с дерзким взглядом. Он хотел расколоть страну на законном основании. Двоевластие — вот что означало его появление. А это конец покоя, интриги и внутренняя борьба, попытка переворота, расшатывание древних устоев, передел, междоусобица.

Он станет главой окэсто, и властью своей расширит возможности клонов, уравнивает их с фэсто, провернет всю планету и возвеличит культ Модраш, поставив его превыше других течений. Его авторитет уже сейчас достаточно велик, люди уверились в чудодейственном исцелении, и, как змеи, ползли опасные слухи. Народ волновался и ждал его появления и прихода к власти. Окэсто и модрашисты надеялись на большие перемены...и не зря.

У отставного сегюра не было выбора: если подтвердится исцеление Рэйсли и союз признается действительным, сейти автоматически станет совластителем. Правда, вторым, не имеющим прав на решения без согласования совета и старшего брата, с ограниченными возможностями и минимальными обязанностями. Он будет временным сегюром, пока не женится Иллан, а потом станет фиктивным, но до тех пор он сможет многое сделать.

Да, сегюры ждут тяжелые времена. Если бы Гвидэр мог предположить подобный поворот событий, он бы успел подыскать жену Иллану. Однако, он не предполагал, что Рэй выживет, вернется, да еще и возьмет на себя ответственность за свою же тэн, превратив ее в союзницу и жену. Если б Иллан знал, что дает гуэдо брату, чтоб тот смог пошатнуть его положение, урезать его власть и поставить на одну планку с тэн и окэсто! Интересно, где был Кхэ? Почему не предупредил? Не помешал?

Гвидэр читал в глазах сына приговор. Они понимали друг друга, но пока сын был в более выгодном положении, чем отец, и оттого не спешил высказываться, ждал, высокомерно и насмешливо рассматривая старика.

Алена совсем замерзла, стоя, как истукан, и косилась то на парня, то на мужчину, пребывая в недоумении: ничего себе теплая родственная встреча. Конечно, Лоан трудно терпеть, куда уж любить, но если и родня с таким трепетом к сыночку — это уже диагноз. Правда, по глубокому убеждению девушки, повезло здесь обеим сторонам: что сыночек, что родители — подарок судьбы. Сардоническая гримаса фортуны.

Старик ей категорически не нравился: манерный, жесткий, как просроченная галета, и такой же бесчувственный хам, как его сынок. Выставился — грудь колесом, подбородок вперед, и давай сверлить глазами, оценивая и взвешивая. Не взгляд любящего родителя, а табло калькулятора — холодное и беспристрастное. Нет, Алена к Рэю тоже особо хорошим расположением похвастаться не могла, но то она, а это все-таки отец. Каким бы сын ни был,

а будь любезен, соответствовать — что посеял, то перед тобой и стоит! Кто виноват, что от грифа не родился орел? К жене претензии — дура была, с орлом не согрешила, на тебя позарилась!

В общем, терпела девушка, терпела, лицезрея мимическую пантомиму на две темы — что делать? и кто виноват? И понимая, что поиск ответа на столь глобальные вопросы может затянуться до ее пенсии, выдала, не столько сочувствуя Рэю, сколько жалея себя — босые ноги уже пристыли ко мху и грозили наградить ее шикарной простудой:

— Господа флэтонцы, ваши ‘трепетные’ родственные отношения оставили неизгладимый след в моей душе. Я даже готова прослезиться от умиления и восхищения отцовской ‘любовью’ и искроенной ‘радостью’ от лицезрения родного чада, вернувшегося в родные пенаты, но только в ...теплом помещении. Ага?

Гвидэр посмотрел на нее, как ботинок на таракана, и тяжело уставился на сына:

— Я не привык выслушивать дерзости тэн.

— Она моя жена, придется, — усмехнулся Рэй, забавляясь.

— Она не приемлема. Думаю, этот вопрос мы сможем пересмотреть в ближайшее время.

Рэйсли предостерегающе сверкнул глазами:

— Не советую. Если с ее головы упадет хоть волос ...Ты меня знаешь, отец.

Гвидэр прищурился, поджал губы, чуть заметно кивнул, приглашая, развернулся и пошагал к зданию.

Алена ничего не поняла, но прониклась к старику еще большим расположением.

Рэй из-подлобья посмотрел в спину родителя: что ж, прием холодноват, как, впрочем, и ожидалось, а вот и первый ход. Ладно.

Сейти привлек жену к себе и повел ее за стариком.

Девушка с любопытством посматривала вокруг и не переставала удивляться: все-таки затейливый народ — флэтонцы. Взять хотя бы архитектуру — снаружи кошмар в стиле самого крутого абстракционизма, внутри — Версаль. Огромные залы, залитые светом, были либо абсолютно пусты, либо обставлены изящной мебелью, но везде изобиловали золотом, драгоценными камнями, которыми в одной зале даже был выстлан пол и отделаны стены. Масса помпезных, но удивительных украшений: птицы из самоцветов, с роскошными павлиньими хвостами и внешностью попугаев ара, висящие стаей над парой кресел в стиле ренессанс, женские статуи, выполненные с таким мастерством, что Алена приняла их за живых и, только приблизившись вплотную, увидела, что они из какого-то мерцающего материала и сапфирами вместо глаз.

Голографические картины: посреди одной залы со стены лился настоящий водопад, по полу шли волны и даже пенились, в другой зале прямо по стенам плавали диковинные рыбки, а под прозрачными плитами на полу колыхались водные растения, бегали черепашки, ползали еще какие-то невиданные морские существа. И везде: простор, изящество, ничего лишнего или неуместного, все в тон и со вкусом. В общем, если б король-солнце увидел подобное великолепие, то сделал бы себе хара-кири тростью, от зависти. Алена же подобное и представить не могла, даже если б сложила в одно все репродукции из знаменитых музеев мира. Подобная красота убранства, шик и изящество оглушали и внушали почтение. Девушка хлопала ресницами и пыталась выглядеть так, словно в Эрмитаже с рождения прописана, и вся эта роскошь для нее, как нечто само собой разумеющееся. Получалось с трудом.

Конечным пунктом занимательной и поучительной экскурсии оказалась столовая:

большая зала, пол которой был усыпан яркими цветами и замысловатыми растениями. Алена и шагать — то боялась, что б не помять их, но стопы воспринимали прохладу и абсолютно ровную поверхность. Вместо окон — огромные витражи с причудливыми птицами, по стенам, переливаясь, сменялись растения, как-будто вырастая одно из другого.

Посреди комнаты стоял, вернее, висел, как и все остальные предметы мебели, круглый стол, уставленный изящной, крохотной, словно кукольной, посудой с яствами: кувшинчики на плоском блюде, вазоны, креманки, тарелки, чашечки, салатники, соусники, ряд тонких с позолоченным рисунком фужеров, лесенкой у каждого из приборов стопка бледно-коричневых лепешек, горка белых кубиков с красными прожилками, фиолетовых, с оранжевыми вкраплениями, длинные, чуть желтоватые дольки, бог знает чего- то ли дыни, то ли гигантского апельсина, черная икристая масса, оранжевая, янтарная, желированная пирамида, внутри которой лежал бутон, напоминающий орхидею, малиновые, сиреневые, пушистые и гладкие фрукты и множество всякой диковинной всячины.

Все было настолько шикарно, что Алена окончательно потерялась и почувствовала себя неандертальцем, попавшим на банкет, устроенный при дворе английской королевы. Она села за стол следом за мужчинами, не знала, куда спрятать руки, что и как есть, и старалась не только не пошевелиться, но и не дышать. Рэй, видя смущение жены, заполнил ее тарелку всем, что посчитал возможным и, поставив перед Аленой, посчитал свой долг выполненным. И откинулся на спинку стула, переключив все внимание на отца.

Девушка с опаской покосилась на свой прибор: тарелку, хрупкую на вид, полупрозрачную, как калька с изогнутыми, словно лепестки, краями, с россыпью блессток и позолотой, и вилку — золотую длинную тонкую палочку с ручкой в виде диковинного животного из изумруда с алмазными глазами и двумя острыми зубчиками на другом конце, сантиметра два, не больше. Тяжело вздохнула и, не решившись притронуться, стала поглядывать на мужчин, пытаясь по тону и виду определить тему разговора. Это было сложно: сынок был весь в папу, такой же загадочный и отстраненный, и речь что у того, что у другого медлительная, спокойная и усыпляющая — иди, угадай, о чем толкуют — о погоде или ее персоне косточки промывают?

Алена заскучала, несмело взяла знакомую вафельную трубочку и начала грызть, с тоской разглядывая оконные витражи. Мысль о том, что Рэй оказался отпрыском весьма именитого рода, аристократом и вторым Соломоном по финансовому состоянию, радости не прибавляла, наоборот — угнетала еще сильнее. Вокруг все было чужим, непривычным, отталкивающим, даже атмосфера, сам воздух, были пропитаны утонченной изысканностью, аристократической помпезностью и давили ее, унижая.

Она чувствовала себя неотесанной простушкой, плебейкой, неуместной здесь так же, как мартышка в тундре. Это напрягало и смущало. Это угнетало и рождало внутренний трепет. Это нервировало. И Алена, поразмыслив, решила взять в союзники высокомерного старика, используя явное недовольство ее персоной, в собственных целях. Осталось дождаться паузы в разговоре и вставить слово.

Тем временем, Рэйсли и Гвидэр поделились новостями, обсудили положение дел на Флэте и в других уголках галактики и плавно подошли к обсуждению семейных вопросов:

— Ты огорчил меня, сын. Я считал тебя достаточно рассудительным и мудрым, однако вижу, что поторопился с выводами. Думаю, совет решит так же, и, возможно, это сыграет важную роль в принятии решения.

— Совет не сможет отвергнуть мои притязания на звание сегоур.

— Отнюдь. Иллан за эти месяцы показал себя с самой лучшей стороны. Он прекрасный сегюр, и срок его временного правления закончился. Официальная инаугурация состоялась. Его признали приемлемым.

— В отличие от Иллана, мне все равно, признают меня приемлемым или нет. По закону, теперь я имею те же права, что и брат, не так ли...отец? У совета нет выбора.

— Выбор есть всегда. Надеюсь, ты понимаешь, что есть масса способов получить желаемое? Только в данном вопросе твое желание и желание совета могут оказаться диаметрально противоположными, а, следовательно, ваши цели будут достигаться с переменным успехом для обеих сторон и станут носить временный, нестабильный характер. Не думаю, что на такой зыбкой почве стоит строить планы.

Рэй усмехнулся: отец не изменился. Что ж, придется руководствоваться его методами — поиграть, поманить...и сломать.

— Ты намекаешь на волокиту? Я знаком с законами достижения целей, отец. Для исполнения желания нужно либо объединиться с противодействующей стороной, переманив на свою сторону, либо надавить. Возможности огромные, методы, — сейти пожал плечами. — Понятны. Мне легко будет уверить совет в своей лояльности, убедить, что мои требования носят чисто формальную претензию и ни в коем случае не ущемляют ни их права, ни права Иллана, достаточно намекнуть на то, что, по букве закона, я буду всего лишь временно исполняющим обязанности сегюра. Временно. Не думаю, что кто-то сильно воспротивится и будет чинить препятствия. Но даже, если и так... можно использовать второй способ- давление. Вот только возникает вопрос: на чьей стороне ты?

— Это неуместный вопрос. Я рад, что у меня двое сыновей. Двое. Я приятно удивлен твоим исцелением и, естественно, поддержу тебя на совете, но...нам нужно серьезно подготовиться к заседанию, чтоб ответить на любой вопрос. Убедительно ответить и документально подтвердить.

— Состояние моего здоровья стабильно. Вирус не обнаружен. Я могу подтверждать данный факт хоть каждый день и перед любым консилиумом.

— Прекрасно. Значит этот вопрос не вызовет досадных проволочек. Остается другой вопрос, которой я бы посоветовал тебе решить радикально. Я несколько расстроен твоим необдуманном поступком. Он повредит тебе на совете. Данный союз противоречит нашим обычаям...Кстати, на этой основе и можно разрешить ...недоразумение.

— Думаешь?

— Уверен. Если желаешь, я займусь этим незамедлительно, и через сутки ты будешь свободен.

— Так быстро? — насмешливо посмотрел на отца Рэйс.

— Конечно. Она канно. По виду и манерам...неразвита и наивна. Сословие ...самое низкое. Ее будет нетрудно убрать. Конечно, ты поступил опрометчиво, оповестив о своем союзе планетарные службы, но я помогу утрясти и это.

— Как?

— На основании перезаклучения союза. Мы не присутствовали на церемонии, и я не давал тебе разрешения на заключение союза, а это противоречит традициям. Ты и твое будущее слишком важно для планетарной системы. Ты — наследник империи, и не можешь распоряжаться собой без ведома совета. Тем более, соединять судьбу с канно, бывшей тэн, и тем самым уравнивать ее и коренных жителей, фагосто. Это — открытый вызов, сын, скандал, повод к недовольству и серьезная претензия, на основе которой, можно сделать массу

выводов не в твою пользу. Но мы повернем данный факт в положительную для нас сторону. Ты молод, горяч, проникся...благодарностью к девушке, которая тебя исцелила....Думаю, на этом можно сыграть хорошую партию и заработать положительное отношение совета к твоей личности.

— Не дальновиден и импульсивен, но благороден? — засмеялся Рэй: 'Доказать совету свою несостоятельность. Bravo, отец! Интересно, кем он меня считает?'

— И благоразумен, — качнул головой Гвидэр.

— Ах, да. Это главное, — с иронией заметил сейти. — Вменяемый сегюр — мечта совета. Думаю, решение будет мгновенным.

— Естественно, — кивнул мужчина.

— А что будет с девушкой?

— Разве это важно?

— Для меня, да. Я взял на себя ответственность за эту женщину перед богом.

— Что ж. Купи ей шигон [\[42\]](#) и дай отступного.

— А если она будет против?

— Сдается мне, против ты.

— Да, и я тоже. Видишь ли, мне понравилось быть мужем.

— Это не проблема, Рэйсли. Мы найдем тебе другую невесту, более достойную, и заключим выгодный союз. Эта жена компрометирует тебя. Она не приемлема, сын. Тебе нужно укрепить свою позицию, а союз с канно сведет на нет любые усилия. Совет не захочет подчиняться отсталой иноземке в ваше с Илланом отсутствие.

— Отец, когда во главе сегюр вставала женщина? Этого никогда не было и не будет.

— Но это возможно. Все мы смертны. И пусть это — формальность, тем не менее, положение дел обязывает учесть и данный вариант. Иллан не женат, у вас нет наследников, и в непредвиденной ситуации во главе сегюрета будет числиться она. Разве это можно допустить?

— Вот именно — числиться. Формальность, о которой ее и в известность не поставят.

— Объясни это совету.

Рэй прищурился, разглядывая свой фужер, и обдумывал услышанное.

Старик хитрил, причем явно перегибая и мотивируя, по сути, пустым звуком. Сдает Гвидэр, стареет. Растерялся, не знает, что предпринять, чтоб спасти положение старшего сына и не допустить младшего к власти. Совет примет сторону Рэйсли в любом случае и без проволочек. Закон на его стороне, а с этим не поспоришь. Если еще и сообщить о ребенке... Нет, с этим Лоан торопиться не будет. Нельзя рисковать дитем и женой, да и лишний козырь всегда пригодится. Впрочем, для начала нужно выяснить позицию отца, а то придется его вытащить раньше времени. Гвидэр, как и Иллан, может убрать Алену, но ни один из них не покусится на будущую мать. Рэй посерьезнел.

— А если все-таки она не согласится на разрыв?

— Не мне тебя учить, — развел руками мужчина, и взгляд его стал жестким. Рэй кивнул, пряча глаза:

— И кто рискнет?

— Предоставь это решить мне. Возможно...это самый лучший вариант. К чему тратить время и силы, решая данный вопрос официально? И потом...если она останется, останется риск на претензии и аннулирование расторжения союза. Ты ведь заявил, что он состоялся. А это будет трудно оспорить.

— Не возможно, — разжал губы парень.

Гвидэр выгнул бровь:

— Много свидетелей?

— 17.

— Да, — мужчина откинулся на спинку сиденья и, с минуту подумав, кивнул. — Не возможно и...опасно. Только под большим давлением. Но это не приемлемо. Думаю, ты сам понимаешь, что выход из данной ситуации один? Вот к чему приводят неосмотрительность и поспешность. Ты бы мог посоветоваться. Ах, почему ты не связался со мной раньше? Мы бы избежали многих неприятностей.

— Вы — да, — в упор посмотрел на отца Лоан. — Но именно поэтому я не выходил на связь. А советы...Я привык жить своим умом и буду руководствоваться им и впредь, ты же можешь, как и раньше, советовать Иллану, но запомни одно, отец: Алена моя жена, и если с ней что-нибудь случится...внезапно заболит или поцарапает пальчик — спрашивать я буду с вас, обоих!

— Угрожаешь отцу? — прищурился Гвидэр.

— Нет. Предупреждаю. Первый и последний раз. Именно потому, что ты ...отец. Я выяснил твою позицию. Она меня не удивила. Думаю, теперь меж нами все предельно ясно, значит, на снисхождение из-за родственных отношений не рассчитывай. Я тебе по-прежнему — никто, но теперь мне на это ...наплевать!

— Ты мой сын, и я хочу помочь тебе...

— Давно я тебе сын? Час? А насчет помощи... — парень холодно посмотрел на мужчину, и губы презрительно изогнулись, — в ней я нуждался 32 года назад, а не сейчас. Я не привык к твоему вниманию,...отец, и привыкать не собираюсь.

— Ты не прав. Если б ты был на моем месте, то поступил бы так же. Допустим, я был не внимателен к тебе, но сейчас все изменилось, стоит ли вспоминать вчерашний день? Подумай! Я могу помочь и хочу.

— Но после Иллана.

— Иллан тут ни при чем. Ты предвзят. Я хорошо знаю тебя, Рэйс. Знаю, на что ты способен и чего жаждешь. Ты честолюбив и рвешься к власти, но не забывай, что ты — окэсто и никогда не сможешь занять равное положение с братом. Он в любом случае останется главой и по закону, и по праву рождения, но я могу упрочить твоё положение и склонить совет к принятию решения о ...двоевластии.

— Ты блефуешь. Стареешь, отец. Совет и без тебя примет это решение, у них нет выбора.

— Но ты будешь временно исполнять обязанности сегюр, пока Иллан не женится, потом тебя отстранят. Я же могу сделать тебя соправителем. Не пешкой, не временным явлением, а постоянным. Конечно, главой останется Иллан, и последнее слово будет за ним, но с тобой так же будут считаться, не смогут игнорировать. От тебя будет зависеть не меньше, чем от него.

Рэй облокотился локтем на стол и хитро шурился, поглядывая на отставного сегюр: что он хочет? Зачем столько усилий, откровенного давления...боится? Чего? У Иллана не все гладко? Ах, да...повстанцы на Мольфорне напали на шигон сленгира, разгромили одну из лабораторий, устраивают засады, вредят и беспокоят обывателей, а Иллан не нашел ничего лучше, чем объявить военное положение и закрыть на карантин прилежащие к горному массиву эфриши и резервации. Глупо, учитывая, что большая часть пострадавших от рук

беглых рабов — фэсто, а отвечать за все придется окэсто, а их на Мольфорне больше двух трети населения, причем в основном сосланные. Они будут не просто не довольны, а присоединятся к инсургентам. Н-да, а тут и предводитель появился...Гражданская война, вот что мерещится Гвидэру, а в этом случае Иллан сильно подорвет свой авторитет.

— И что ты хочешь взамен? — тихо спросил Рэй.

— Убери ее, — прищурился Гвидэр.

Сейти внимательно посмотрел на отца: чем ему так не по нраву девушка? Только лишь тем, что стала своеобразным трамплином к трону для младшего сына?

— Нет, — отрезал парень.

— Тогда мне придется убрать ее самому.

Мужчины уставились друг на друга, как давние и непримиримые противники. Алена устала ждать, когда можно будет вставить слово, и решила воспользоваться минутным затишьем, а заодно и обстановку разрядить.

— Э-э-э, не знаю ваше имя отчество, — обратилась она к Гвидэру и покосилась на Лоан. — Папенька твой по-русски разумеет?

— Только на нем и разговаривает, — хмыкнул парень и, взяв Алену за руку, пододвинул к себе вместе с сиденьем — Хочешь рассказать ему?

— Да, — девушка попыталась выдернуть руку, предчувствуя очередную каверзу, да куда там — у Рэя хватка, как у капкана. Он перехватил ее через грудь, улыбнулся так, что девушку передернуло, и многообещающе шепнул:

— Сейчас расскажем и покажем.

Секунда, и плечо Алены было оголено и выставлено напоказ. Гвидэр впился глазами в печать и окаменел.

— Ну, как отец, рискнешь? — хитро прищурился парень. — Вряд ли. Модраш не Анторис, и тебе это хорошо известно.

Алена видела, что татуировка произвела на мужчину неизгладимое впечатление, и стало ясно, что разговаривать с ним и доказывать, что сын держит ее здесь силой, бесполезно. Девушка сникла, дернулась, высвобождаясь от объятий суженного, поправила рубашку и спросила:

— Где у них здесь ванна?

— Зачем?

— Тошнит от вас всех.

— Лжешь.

— Желаешь удостовериться? Папу тоже в свидетели возьмешь?

Парень посверлил ее недоверчивым взглядом и нехотя кивнул на выход:

— Прямо и направо.

Алена поспешила прочь, выскочила за дверь и перевела дух. Нет, в ванную комнату ей и не надо было, чувствовала она себя превосходно физически, а вот морально, мягко говоря — отвратительно и категорически больше не желала лицезреть двух напыщенных болванов. Хватит с нее светской хроники и сцен из жизни флэтонской аристократии.

Девушка, посматривая вокруг, немного прошла по полутемному коридору, разглядывая обстановку, и, заинтересовавшись материалом, которым были обиты стены, остановилась и начала их ощупывать. С виду — малиновый бархат, к которому прибили золотые цепочки, образующие ромбики, но на ощупь поверхность оказалась чуть шершавой и никак не ворсистой. Странно: обман зрения или еще какие новшества, основанные на процессе

преломления света? Кудесники, гении, эстеты...одно слово — гуманоиды.

— Вэ эксуэто [43] — раздался голос за спиной. Алена чуть не подпрыгнула от неожиданности и резко развернулась: в паре метров от нее стоял невысокий, босой мужчина лет 30, в странной одежде: полупрозрачная, синяя гофрированная рубашка с широкими манжетами, черный ремень с пейджером и короткие, просторные брюки. На флэтонца парень не был похож: длинные, темно-русые волосы, уложены в стиле 'гнездо для птиц', лицо приятное, простоватое, но без типичной желтизны, зато с атипичными для флэтонцев признаками небритости. Впрочем, кто его знает? Поручиться за что-то определенно Алена бы не рискнула, тем более держался парень хоть и дружелюбно, но весьма уверенно и с долей превосходства, сквозившей в карих, немного выпуклых глазах.

— У то энно гоу соутэбо, мон нэвитто [44].

Алена пожалала плечами, прикидывая, как объяснить незнакомцу, что по-флэтонски она не понимает, и только руками развела.

— Нэо бенно [45]? — приблизился парень, окидывая ее внимательным взглядом. — У то вэ моон? Бэльфлэро? Юкитерро [46]?

— Ноу, поу, — покачала девушка головой и ладонью для убедительности и замаялась: как ему объяснить? Да и что, собственно? И вздохнула. — Как же с вами тяжело.

Брови парня взметнулись вверх, один глаз прищурился, уголок губы чуть приподнялся — получилась удивленная рожица, малость парализованная на левую сторону, но весьма забавная. Алена в ответ скорчила недовольную мину: побыла одна, как же! И откуда они выныривают? Посмотришь — кругом ни души, отвернешься — здравствуйте! Из-под пола выползают что ли?

— Ты извини, но я к беседам не расположена, очень, знаешь, вы мне все надоели, до оскомины. Еще парочку встречу и взвою.

Парень расцвел и хлопнул ладонями по бедрам:

— Русская?!

— Папуаска!... — и вдруг дошло, заулыбалась в ответ. — Господи! Ты русский, с Земли?!

— Ну! Привет, сестренка! — парень аж засиял, как цепторовский чайник, и Алена от радости чуть не подпрыгивала. — Как зовут-то?!

— Алена! А тебя, землянин?!

— Серега!

— Здорово!

— А то! Я уж и речь нашу забывать стал!

— Давно здесь?

— Седьмой год, — парень качнул головой, улыбка поблекла, глаза посерьезнели.

— Господи! — ужаснулась девушка. — Что, никак не уйти?

— Не-а. Даже не думай.

Алена неподдельно огорчилась и, засунув руки в карманы брюк, прислонилась спиной к стене:

— Как же так?

— А вот так, — Сергей пристроился рядом. — Ты давно от нас? Как там?

— Осень, — и тряхнула волосами. — Бред какой!

— Да не так все плохо. Правда. Привыкнешь. Ты чья — младшего сейти или старшего?

Девушка поморщилась, так и хотелось крикнуть — ничья, мамина да папина, и уж точно не сержанта Лоан. Да мечты к делу не пришьешь.

— Младшего, — вздохнула.

Сергей кивнул, как ни в чем не бывало:

— Это хорошо, значит, видеться будем часто. Я тоже его. Здорово. Ты бы знала, как я рад тебя слышать! Думал, уже язык наш забыл.

— Наш не забудешь. Великий и могучий, всегда с нами..., а что, наших здесь больше нет?

— Есть, но либо среди наложниц, а с ними не поговоришь, либо из другого сеприша, да и мало, двое у Иллана, я вот, да среди девчонок одну знаю,...знал. Все. В основном бельфлерцы, юксиоты, да и еще куча всяких инопланетчиков. Раньше-то много наших попадалось, да потом нашего сейти отправили, половину распродали. Я вот остался, да еще 25 человек. Ничего, сейчас вернулся, так нас быстро пополнят. Ты, главное, сестренка, не переживай — не так все плохо, осмотришь и ...подальше держись от других сепришей.

— Что такое сеприш?

— Помещение для рабов, место их жительства. В женский попадешь — считай все. Будешь, как в гареме, через паранджу и решетку на мир смотреть, а потом в кьет, вон, отправят, и привет пращурам.

— А сбежать?

— У-у-у, выкинь из головы. Даже не думай. Я в первый год раз десять сбегал. Не далеко, и очень, скажу тебе, болезненно. Штук семь хозяев поменял, и такие гады попадались...Баба одна была, гюрза, одно слово. Тварь, еле ноги унес. А потом сюда попал и ничего, привык. Здесь очень даже неплохо, поверь, лучше, чем у других. Даже старшего сейти возьми.. — парень махнул рукой. — Да, что говорить...Он уже и не сейти — сегюр.

— А мне, что одно, что другое — фиолетово.

— Э, нет. Разница есть и большая, потом поймешь, как обвыкнешься. Я слышал, перемены нас ждут. Говорят, выздоровел наш, не узнать. Ты его видела?

— Кого, Рэя? — зло сверкнула глазами девушка. — Привалило 'счастье', кому бы подарить!

— Понятно, — хохотнул парень. — Уже заметил, значит, тебя? Это он быстро.

— Сволочь! — оцетинилась Алена.

— Ему не вздумай сказать. Быстро языка лишит. Манеры у них, не чета нашим.

— Я уже заметила. Килограмм хамства на один биллимоль галантности. Роботы!

— А ты не нарывайся. Веди себя тихо да послушно, глядишь, поживешь.

— Обломится! Я ему такую тишину устрою! — прошипела Алена и кулачки сжала. — Убила бы!

— Ну и глупо. Кому хуже-то сделаешь? Себе только. Он все равно свое получит, так стоит ли ерепениться? Кстати, говорят, он женился, девчонки, вон, с утра в белое облачаются, воют, к смерти готовятся. Вздумается — всех в кьет к дружку своему отправит, с него станется. Так что, ты б потише, а то ведь следом пойдешь.

— В смысле?

— Тьфу, ты! В жертву принесут, — и для убедительности по шее ребром ладони провел. — У них это быстро.

— В курсе. Убийца! Упырь! Что хочешь говори, а я здесь не останусь, сбегу. Домой хочу, сил нет...

В коридоре появилась знакомая фигура — Лоан вышел жену поискать. Нашел. Подошел и навис, переводя холодный подозрительный взгляд с напряженно застывшего Сергея на Алену. По всему видать, близилась буря, которую парень пережить и не мечтал, а девушка все ж надеялась.

— Что он здесь делает? — вкрадчиво спросил Лоан у жены, чуть склонив голову в сторону раба.

— Стоит, — брякнула девушка. — Присоединяйся.

‘Ой, дура, малолетка! Грубить-то зачем?’ — похолодел Сергей, прикинув, что девушке теперь точно не жить, да и его с собой утянет, вот тебе и встретил соотечественницу, унял ностальгию.

Рэйсли был зол, и сам не знал, что его больше взъярило — разговор с отцом, долгое отсутствие жены или этот тэн рядом с ней. Впрочем, раба он знал хорошо. Тот своевольничать не станет, верный и не глуп, шесть лет тайные поручения выполняет, и ни разу не подвел.

— Она моя соотечественница, господин. Мы всего лишь разговаривали о нашей Родине, — склонился Сергей.

— Соотечественница? Что ж, так тому и быть. Теперь, она твоя подопечная. Присматривать за ней будешь, в оба глаза, а не усмотришь, поплатишься головой. Понятно?

— Да, — кивнул тэн, хоть и ничего не понял.

Рэй не много успокоился, схватил девушку за руку и потащил по коридору прочь. Она только и успела на прощанье взмахнуть ладонью да послать печальный взгляд Сергею.

— Фьють! — присвистнула она минут через пять, миновав с десяток зал и пролетов и оказавшись в просторной комнате с весьма вычурной обстановкой. Хозяйка данного антуража стояла посреди помещения и улыбалась. Правда, столь напрягаться, по мнению Алены, ей не стоило, все равно изгиб губ можно было с трудом отнести к разряду улыбок, но с легкостью к оскалу голодного аллигатора. Мадам ‘Горгона’ кинулась навстречу сыночку, взметнув подолом просторного пеплума, фасончик которого явно тяпнула из журнала мод Древнего Рима.

Алена наморщила носик и скромно притулилась у массивной софы, дабы не мешать теплой встрече матери и сыночка. Тем более, эта встреча действительно была теплой: мамаша чуть не лобызала родное чадо, пытаясь достать до его персиковых ланит, но рост подкачал, до трахеи в прыжке сыну оказалась, а ведь не коротышка. Это озадачило девушку. Помнилось ей, Лоан пониже ее при первой встрече был, а сейчас, выходило, что вырос, как гриб после радиационных дождей, а она и не заметила. Ничего себе причуды генетики, такими темпами и мифические атланты тому по подбородок будут, а Алена и вовсе потеряется где-то между пупком и грудиной. Впрочем, в тот момент ее больше другой факт смутил: сын на маму похож был, как Ворковская на тульский самовар. Хотя, может, он фейсом в папу, а характером в маму, кто их, гуманоидов, знает? Сами свихнутые и порода под стать.

‘Горгона’, обнялась с сыном, поговорила, довольно шурясь, как сытый кугуар, обошла его раз на пять, придиричливо оглядывая, и переключила внимание на Алену: выцепила взглядом, подплыла, закружилась, осмотрела с ног до головы со всех сторон, как новый наряд, даже обнюхала и чуть не оцупала. Алена настороженно следила за ней глазами, готовая, в случае вольностей, шлепнуть ненормальную по руке, и всерьез озадачилась, обратившись к Рэю:

— Мессир, у вашей мамы девичья фамилия случаем не Адамс?

Тот отрицательно мотнул головой, не понимая вопроса. Девушка не поверила: ‘Соврала свекровь, по лицу видно’. Женщина развернулась к сыну и что-то залопотала, спич вышел длинным, а перевод изысканно лаконичным:

— Ты ей понравилась.

— Н-да? — скорчила ехидную рожицу девушка. Язык так и чесался пройти по генеалогическому древу Лоан. — ‘Честь-то’ какая! Моя ‘радость’ не имеет границ!

Женщина с улыбкой кивнула и, развернувшись к сыну, опять залопотала. Разговор родственников получился долгий, тематика, по всему видать, животрепещущей, и Алена, замучившись косить под интерьер, плюхнулась на софу. Она с час в этом здании, а уже готова была взвыть. Семейство Лоан навевала массу ‘приятных’ эмоций, и желание испариться без следа, как можно быстрее, и не важно в каком направлении, крепло с каждой минутой.

‘Не прошло и полгода!’ — с облегчением вдохнула Алена, когда пришел момент расставания, и Рэй вывел ее из комнаты матери. Покружив, как Сусанин по лабиринтам и залам, парень, наконец, привел девушку в свои апартаменты. Конечным пунктом оказалась спальня, что, в принципе, не удивляло.

В огромной комнате, с зеркалами на полу и потолке, посередине висела гигантская овальная кровать, к которой вели три низеньких ступени. Слева и справа — широкие окна-бойницы, с пяток кресел и пуфиков весьма замысловатой формы и прозрачные столбы по углам с пузырящейся внутри них разноцветной жидкостью, отбрасывающей блики на зеркальные поверхности.

— Кабинет в борделе для высокопоставленных клиентов, — кивнула Алена.

— Не нравится? Интерьер можно сменить. Вот панель. Здесь около 5 000 дизайнерских работ. Нажимаешь кнопку и обстановка меняется.

Он нажал: на потолке вспыхнули звезды, точь в точь, как на ночном небе, даже летящий спутник можно было рассмотреть, по полу поползли светлячки, мелькая в темной траве, кресла превратились в остатки вековых деревьев — пни, застеленные мхом, кровать превратилась в ложе друидов, причем смертное, не иначе — каменная плита, испещренная страшноватыми символами, и темная шкура сверху.

Алена вздохнула: ‘Для принесения жертв в самый раз, а спать здесь — кошмары замучают’. И спросила:

— А повеселей ничего нет?

Щелчок, и комната опять преобразилась: по стенам пополз плющ, постель стала низкой, застеленной изумрудно-зеленым шелком с множеством подушечек в виде фруктов, на полу цвели диковинные цветы, устилая яркими бутонами всю поверхность, на потолке лежали тени, словно от кроны деревьев...

— Богатая фантазия, — кивнула девушка.

— Сама потом поправишь, как тебе надо, — сказал Рэй и подошел к ней вплотную, обнял за талию. — Я соскучился.

— А-а, требуете исполнения супружеского долга?

— Точно.

— А больше вам заняться нечем?

— Позже, — и парень впился ей в губы.

Алена, улыбаясь, рассматривала листву над головой. Выспалась она превосходно, а отсутствие тирана на обозримых просторах поднимало настроение на невиданные высоты. Куда испарился Рэй, ее не занимало, а интересовало — надолго ли? Она еще с минуту понежилась на зеленом шелке и встала: пора и домой, загостились, однако.

Пять дней она продержалась, как жена декабриста — безропотно и скромно. Даже пережила два ужина с ‘горгоной’, но более не желала. Хватит с нее семейных фуршетов и прочих сентенций. Пора.

За эти дни Алена тщательно, но осторожно изучила окружающую среду: излазила вдоль и поперек весь замок, но осталась не удовлетворена исследованием, по причине невообразимого объема данного пространства. Выходило, что Тадж-Махал, по сравнению с этим произведением флэтонского зодчества и архитектуростроения, скромная кладовка для хранения съестных запасов на зиму. Окружающий парк был также бесконечен и витиеват, и больше походил на лабиринты Миноса, чем на место отдыха, но за полем с высокими растениями, смахивающими на одну из разновидностей столетника, стояла роща, за которой в ряд выстроились те самые штуки, на одной из которых Рэй ее сюда привез. Алена сунула туда свой нос вчера и поняла, что лучшего места для побега и не придумаешь. К тому же постоянное отсутствие супруга, с утра и до позднего вечера, также было, как нельзя, кстати, и облегчало побег.

Девушка спешно натянула джинсы, клетчатую кофту, в который раз за эти дни посетовала на отсутствие обуви и устремилась прочь из помещения.

На террасе было, как всегда, безлюдно и весьма прохладно, правда, Рэй сказал, что по земным меркам сейчас у них лето, но что Алена задала себе резонный вопрос: какая же у них зима? Оставалось только удивляться героизму растительности, буйно разраставшейся и цветшей при температуре не выше + 10, а скорей всего и намного ниже. Морозы Алена не любила, как, впрочем, и жару, а уж Флэт, с его климатическими особенностями, вызывал у нее бурную антипатию, до дрожи, поэтому и мечтала она испариться отсюда, пока не наступила зима, которая, видать, будет по арктически ‘теплой’.

Да и вообще ей здесь все не нравилось — от виртуальных интерьеров, меняющихся, как по волшебству, до жителей. Нет, бежать, бежать! И Алена, глянув вокруг, без раздумий рванула через мшистую террасу в сторону леса, пригибаясь и прячась за мясистыми листьями неизвестных растений, ровными рядами натканных в красноватую, сыпучую, как манка, почву.

Пару раз, услышав разговоры невдалеке, она ложилась на землю, стараясь не дышать, а потом поднималась и вновь устремлялась вперед. И вот, наконец, последние растения и первые деревья: огромные в три обхвата не меньше, красновато-коричневые стволы и тонкие ветки, спускающиеся почти до корней, не с привычной листвой, а с темными, синеватыми, рваными хлопьями, смахивающими на тину. Девушка уже приготовилась спрятаться под ними, сделав последний шаг, и резко плюхнулась на землю меж ‘столетниками’, скрипнув зубами с досады.

Под стволом, опираясь спиной на шершавую поверхность, с невозмутимым видом сидел Рэй в белой безрукавке: две полосы искрящейся, как снег, материи от плеч до ремня, и, отрезая своим кинжалом кусочки от длинного светло-зеленого мясистого стебля, клал их в

рот. Казалось, парень полностью поглощен этим занятием и не видит ничего вокруг, однако, как только девушка решила ретироваться и начала отползать, он негромко позвал:

— Иди сюда.

Алена чертыхнулась сквозь зубы и, прикинув, что дальше скрываться смысла нет, нехотя выползла на свет божий.

— Откуда ты взялся?! — гавкнула она с досады, усаживаясь рядом, у ствола.

— Оттуда, — парень, не глядя, махнул в сторону родных пенат. — Вышел, полюбовался на твои маневры, порадовался, что жена нашла себе применение, и в свободное от супружеских утех время тренирует свое тело, а не сидит тихо, мирно, как другие, сплетничая с подругами и служанками. Вот и решил подождать тебя здесь. Обрати тем же способом направишься? — Рэй, наконец, посмотрел на притихшую девушку и ухмыльнулся, запихнув в рот очередной кусочек растения. — Все не успокоишься никак?

Алена тяжело вздохнула и отобрала следующий кусок из его рук, пожевала, пришла к выводу, что вкус не плох — почти как ревень, только слаще, и, скривившись, выплюнула — однако вяжет.

— Все равно сбегу! — буркнула, надувшись.

— Ага, — согласно кивнул Лоан и с интересом посмотрел на строптивицу. — И долго будешь экспериментировать? Пока неприятностей не наживешь в удовлетворительном для тебя количестве?

— В смысле?

— В прямом. Я вот тебя сейчас раздену и пущу голышом по территории туглоса, в наказание, а потом, если мало покажется, что-нибудь более внушительное придумаю.

— Туглос — это данная коллизия вашего мозгового потенциала? — кивнула девушка на виднеющееся здание. — Название соответствует. А на счет наказания...слабо.

— Хочешь убедиться? — широко улыбнулся Рэй. Девушка вздохнула, уверившись: запросто так и сделает, садюга, и отрицательно качнув головой, решила сменить тактику, воспользовавшись видимым благодушием супруга:

— Может, так отпустишь? — заглянула ему в глаза, подвинувшись ближе. — Папенька твой дюже серчает, огорчил ты родителя до чрезвычайности своей женитьбой, того и гляди инфаркт схлопочет, лицезря неотесанную невестку в родовых стенах этого самого...туглоса. К чему волновать старенького? Пожалел бы, уважил...

— У нас инфарктов не бывает, — спокойно заметил Рэй. Глаза открыто насмехались.

— Да? Ничего себе строение...Ну, insult.

— Тоже мимо, — кивнул парень.

— Ну, блин! Пардон. Тогда нервы его побереги!

— Угу, — тряхнул челкой парень, дожевывая очередной кусочек. — Только я привык свои беречь, а не чужие.

— Ну, ты и отпрыск, я тебе доложу, так себе. Никакого уважения к родной крови, ни трепета, ни тепла — одно название. Я б удавилась, такого сына имея.

— У тебя все впереди. Придет время, обсудим.

— Щас! От ежиков пингвины не рождаются. Обломись.

Рэй рассмеялся, откинул остатки растения, втиснул кинжал в ножны на груди и улегся на мох, облокотившись. Алена примостилась рядом, положив голову ему на ноги. Настроение странным образом перешло от минора к крещендо. Погода уже не казалась холодной, окружающая растительность чужой и отталкивающей, а Лоан неприятным.

Наоборот, девушка не могла не признать, что он весьма недурственен внешне, даже более, очень привлекателен, нет — откровенно, вызываяще красив. Ее так и манило потрогать упругие мышцы, вздыбливающие грудь и плечи, а на его улыбку ее губы сами изгибались в ответ. Если б он еще всегда был столь лоялен и вменяем, как сейчас, Алена, в принципе, могла бы сжиться с мыслью, что он ее муж. Она с трудом оторвала взгляд от Рэя, чтоб тот, со свойственной ему пронизательностью, не заподозрил ее в смене гнева на милость, и воззрилась на шуршащую над головой листву.

Пара минут безмятежности пролетели, как мгновенье, и наступило отрезвление. Внутри что-то екнуло и, словно толкнуло ее, в который раз за последние дни. Это уже всерьез беспокоило. Мало того, что ее живот рос не по дням, а по часам, внутри еще что-то шевелилось, словно ползало. Мысль о возможной беременности девушка отвергала напрочь, и, начитавшись в свое время маминых книжек по медицине, пришла к выводу, что в ней завелся какой-то паразит, инопланетный солитер, например. А так как поделиться своей растущей тревогой и сомнениями было не с кем, она решила во что бы то ни стало добратсья до дома, где ей, несомненно, помогут. И добираться надо было срочно — солитер с каждым днем становился все резвей и прожорливей.

Девушка резко села и серьезно посмотрела на Рэя:

— Давай договоримся по хорошему — мне срочно надо домой. Срочно! Я здесь загнусь, понимаешь? Я согласна на любые условия с твоей стороны, говори.

— Чем тебе здесь не по нраву? И что обозначает слово — загнусь? — выгнул бровь парень, взгляд настороженный, цепкий.

— Умру! Не место мне здесь, не нравится мне ваша жизнь! Варварство кругом, дигиблизм какой-то! Словно в виртуальности живешь, не понять: где, что, да и не хочу я ничего понимать! Домой хочу! Где все ясно и понятно. Привычно, без всяких изысков и прогрессивных наворотов.

— Привыкнешь.

— Нет! Не привыкну! Не могу я здесь, не могу!

— Алена, наш мир не настолько отличается от вашего, чтоб к нему невозможно было привыкнуть, а насчет варварства, тут ты, как обычно перепутала определения. Хотела сказать одно, а сказала другое.

— Ничего подобного! Я сказала, как есть! Рабство ваше и культы всяких...даже отношения меж людьми, впрочем, и людьми-то вас не назовешь, эрзац какой-то бесчувственный! Родственники, а друг к другу, как враги.

Рэй угадывал за тирадой жены скрытую тревогу и совсем на другую тему. Что-то ее беспокоило, и серьезно, и никак не то, что она выставляла на поверхность.

— А вот это, милая, тебя не касается. Это мои проблемы, впрочем, и не мои, а их. Насчет остального... Представь себе ... хищника, которого вырвали из стаи и поселили в человеческом жилище, заставили есть из тарелок, спать на кровати, носить одежду. Ему этот мир покажется варварским и чужим, как и человеку, попавшему в его стаю, и, тем не менее, и тот, и другой не будут правы, и привыкнут рано или поздно. Все дело именно в привычке. Нет плохого или варварского мира, как нет и хорошего, есть привычный мир. Тебе твой, тем он и хорош, мне — мой. Но у тебя, в отличие от меня, нет выбора, я надеялся, что ты это уже поняла.

Алена нахмурилась и загрустила. Рэй приподнялся, подвинул ее к себе и обвел пальцами овал лица:

— Ты умеешь говорить правду? Твои доводы надуманны. Причина плохого настроения в другом. Я прав? Тебе одиноко? Это ненадолго. Еще дней десять, и я смогу уделять тебе достаточно времени. Сейчас очень напряженный период, я только вернулся домой, и у меня много дел, которые, увы, не отложишь. Ты должна понимать, что твой муж занятой человек, но в ближайшее время я обязательно займусь тобой, обещаю: нужно выбрать служанок, подобрать охрану. Тебе скоро некогда будет скучать — пойдут празднества, придется готовиться к ним, подбирать наряды, изучить наши обычаи, язык, кстати.

— Не хочу ничего! Мне домой надо!

— Почему ты так упряма? В чем причина?

— Я умру здесь, — всхлипнула девушка.

— Ты плохо себя чувствуешь? — насторожился Рэй.

Алена стесняясь своего заболевания, и не в силах больше сдерживаться и носить в себе горе, уткнулась носом ему в шею и горячо зашептала:

— Во мне что-то завелось. Оно шевелится. Я думаю, это солитер. Он растет, а я ... я не знаю, что делать. Это, наверное, от вашей пищи или воды.

Рэй выгнул бровь, хмыкнул, фыркнул и расхохотался.

— Я так и знала, что ты лишь посмеешься! Бесчувственный болван! — отпрянула от него обиженная девушка.

— О, Модраш! Какой ты еще ребенок!

— А ты очень взрослый, да? Вымахал под два метра, так думаешь ума много? — Алена хотела встать, но Рэй не дал, уложил ее на траву, навис и округлив глаза, прошептал, словно ужасаясь ее сообщению:

— И давно шевелится?

Алена видела, что тот смеется над ней, но его лицо было настолько сияющим, что обидеться не представлялось возможным. Она лишь мысленно покрутила у виска — crazy.

— Дней шесть... — протянула она, прикидывая, что ж его так от радости распирает?

Рэй делано серьезно кивнул и приник к животу девушки. Пару минут Алена лежала, боясь пошевелиться, и озадаченно косилась на парня.

— А ваши солитеры с ногами? — наконец спросил он, оторвавшись от нее.

— В смысле? — нахмурилась девушка, пытаясь понять, кто из них глупее.

— Он пинается. Ногой. Ощутимо, — нет, Рэйсли не сиял, он цвел и благоухал, как клумба у городской администрации, светился от радости, как театральный софит. Алена приподнялась на локтях, с подозрением глядя на чрезвычайно довольное лицо, и нахмурилась, не желая принимать действительность, но, уже сообразив, что за солитер в ней завелся:

— Не-а! — упрямо качнула она головой.

— Да-а, — кивнул Рэй, улыбаясь.

Алена села, и первая мысль, что мелькнула у нее в голове, была: 'Все, конец!' Это действительно был конец, тупик, большой и жирный крест на всех мечтах и стремлениях, на будущем, на ней самой. Все. Не вырваться. Судя по тому, как смотрит на нее Рэй, даже если она сможет прорвать все заслоны и кордоны и сбежать, он все равно найдет ее и притащит обратно. Стоп. Он знал? Но как?...Как такое могло случиться? Ведь он другой, совсем, абсолютно.

Рэй, склонив голову, задумчиво рассматривал побелевшее, окаменевшее лицо жены: 'Да, после родов ребенка придется забрать. Она сама еще совсем ребенок, куда ей'

воспитывать? Избалует. Нет, милая, не дам я тебе портить своего наследника.’

— Ты знал? — тихо спросила Алена. Взгляд обвинял.

— Естественно.

— Ты...это невозможно.

— Боги решили по-другому.

— Боги?! Ты фанатик!.. Убийца, насильник, психопат, жестокий, беспринципный, бесстрастный...Господи, что от тебя может родиться?! Такое же чудовище?!

— Хочешь знать пол? Пошли к Эллану.

Алена посмотрела на него, как на ненормального, потерянно кивнула и встала:

— При чем тут пол? Гены...

Она обняла себя за плечи, мгновенно замерзнув и шатаясь, оглушенная и раздавленная свалившимся на нее известием, побрела к туглосу. Рэй не задерживал ее, хмуро посмотрел в спину и отвернулся, в раздумье пошарил глазами округ и замер: на месте, где только что сидела жена, лежала красная, еле заметная змейка — мония. Ее яд был смертелен. Секунда, и Алена упала бы замертво. Рэй похолодел — Модраш уберег ее на этот раз, но уберезет ли в другой? Как эта змея оказалась здесь? Случайно? Парк тщательно обрабатывают, чтоб подобная живность в него не забредала. Отец?

Змея приподняла голову и стрелой взметнулась вверх, намереваясь впиться в парня. Тот перехватил ее в полете, пальцами раздавил голову и вновь посмотрел в спину жене. Придется вытаскивать козырь из рукава, иначе... он будет вынужден убить отца и брата. За жену. За не рожденного ребенка. Гвидэр не уберег его мать, но он сможет уберечь Алену.

Рэй свистнул, откинув труп пресмыкающегося. Из-за ствола тут же вынырнул лысый мужчина с тремя волнообразными полосками на правой щеке, и, приложив ладонь к груди, почтительно склонился, выжидательно поглядывая на Лоан.

— Смотри за ней в оба, — он кивнул на труп змеи. — Понял?

— Да господин, но нас мало.

— Сходи к Поттану. Возьми эстибов и набери команду. Собери всех, кто служил мне. Приведи к повторной присяге. Твоя цель — она. Если мой ребенок останется без матери... — Рэй сжал кулаки, и веко дернулось. — Твоя жизнь теперь принадлежит ей, понял, Стейпфил?

— Да, господин, — кивнул мужчина, прищурился карие глаза в спину девушки, словно запоминал ее. Склонился в поклоне и исчез за стволом. Рэй проследил глазами за женой, дождался, пока она скроется в здании, и пошел следом. Надо навестить отца.

Алена, шатаясь, бродила по спальне, не зная, куда себя деть. Ее бил озноб, мысль о беременности никак не укладывалась в голове и приводила ее в отчаянье. Ребенок! У нее будет ребенок. От Рэйсли! Она повторила это раз 100, но ничего. кроме ужаса, не испытала, так же, как и тепла или любви к малышу, растущему внутри. Она даже не осознавала себя беременной, а потому не могла представить себя матерью. Ребенок? Что за ребенок может родиться от этого чудовища? Такой же упырь! И из-за него она будет на всю жизнь прикована к этому напыщенному болвану? Жить здесь? До конца жизни? Только потому, что оказалась настолько глупа, что смогла забеременеть от инопланетянина? Бред! Бред!! Алену передернуло. Господи, но ведь этого не может быть!

Может! Ребенок мягко погладил ее изнутри, и девушка невольно улыбнулась. Малыш. Ее малыш. Вот! Точно! Ее малыш, не его. Ну и что, что от него? И без отца обойдется.

воспитает. Мама и отец ее поймут, она уверена: не выгонят, помогут. Только бы добраться до дома, только бы суметь вырваться. А ребенок... Без тлетворного влияния папаши и его семейства может получиться весьма смышленная и симпатичная личность. Рано, конечно, Алене ребенка заводить, да и ... с любой стороны посмотреть — глупо, но не аборт же делать? Что ж теперь, сама виновата, думать надо было. Хотя при чем тут она — это он, ... специально, что ли? И светится, главное, ‘рад до ушей, хоть завязочки пришей’! У-у-у, так бы и убила! Конечно, ему-то что, чурбану бесчувственному? Он дома, наследничек, ему все можно, а ей? Сиди теперь в этом... туглосе, как собака на цепи! Ну, уж нет!

Алена вышла из комнаты и остановилась. Ей пригладили дорогу трое странных мужчин: лысых, с волнообразными полосами на щеках — красно-синей и золотой. Темно-синяя гофрированная одежда — широкие брюки, стянутые на лодыжках, мягкие полусапожки-мокасины, на груди крест-накрест через плечи две полосы такой же гофрированной, словно жеваной, прозрачной ткани, пересеченной кожаными, тонкими ремнями, и кортики на золотых цепях, в скромных темных ножнах. На шее — маленькие наушники, на запястьях — широченные кожаные браслеты с массой непонятных знаков, инкрустированные сапфирами. На поясах — хотто и ‘пейджеры’.

У одного, постарше с виду, во все плечо замысловатая татуировка, наподобие Алениной, только больше и значительно скромней, а в ухе какое-то приспособление- маленькая пуговка с тонкой антенной сантиметра четыре, не больше. Он посверлил ее внимательными, карими глазами, поклонился, приложив ладонь к груди, и низким голосом и безапелляционным тоном заявил:

— Вам нельзя выходить, госпожа.

Девушка окинула оценивающим взглядом троицу, прикинула, что пройти через них не представляется возможным, и попятилась. ‘Бог с вами, посижу’.

Она вернулась в комнату, прислонилась спиной к двери и подумала: ‘А с чего вдруг такая охрана выросла?’ Ребятки-то накачены — будь здоров, мускулистые, высокие, гибкие, а взгляды, что ножи, и амуниция за спиной-то явно не половники, как бы не самурайские мечи. Нинзя! Черепашки-нинзя- мутанты, флэтонского разлива. Она похолодела: а что, если Рэй приказал ее не выпускать вообще? Замурует здесь до родов, потом отберет ребенка, а ее уберет, Модрашу своему отдаст. Запросто, с него станется. У-у-у, господа, ну, уж, это вы зря!

Алена, ни минуточку не сомневаясь в том, что правильно разгадала замыслы Лоан, оглядела комнату на предмет запасного выхода. Желание сбежать стало самоцелью и жизненной необходимостью, однако выхода не было. Стоп — окна. Она подошла к одному, выглянула — этаж однако второй, не меньше, а вроде ни на лифте не поднималась, ни по лестнице. Девушка подергала рамы — монумент, как приклеены — ни одной щелки, никакой задвижки. Ладно. Она рванула в ванну и, схватив первую попавшуюся вещь, внушительную и тяжелую, вернулась обратно. Приложила вдвое свернутую простынь к стеклу и с размаху ударила по ней. Ноль. Стекло завибрировало и смолкло. Ни трещинки, ни царапинки. Девушка повторила, потом еще раз и еще. Ноль. Алена постояла в раздумьях, положила на пол серебристый цилиндр, которым колотила в окно, и придирчиво оглядела рамы. Сбоку, слева, маленький треугольник в стене, и вроде неуместный. Она его и нажала. Секунда, и из окна подул ветер — стекла исчезли в неизвестном направлении, словно их и не было, только решетки рам на месте остались, однако проемы большие, не то что Алена, но и сам хозяин целиком влезет, вернее вылезет.

Алена глянула вниз, в метре под окном небольшой продольный уступ, кладка каменная,

зацепиться есть за что, а там, подалее, столбики вниз, плющем увитые, теоретически — спуститься, раз плюнуть, а вот практически...

Девушка ухмыльнулась — тоже мне задачка, для вчерашнего ребенка, выросшего в российской глубинке! Они с Олесей в детстве и не по таким высотам лазили. Зимой вон только и делали, что по гаражам за домом прыгали, сколько раз влетало по первое число! Но не зря, не зря. Высоты Алена не боится, и удержаться сможет, и спуститься. Надо же, то, что, казалось, не пригодится в жизни — пригодилось, а чему учили — бестолковым грузом лежит, невостребованное.

Девушка полезла в окно.

Рэй без стука вошел в кабинет отца и, не обращая внимания на недовольный взгляд Гвидэра и растерянный брата, сел в кресло и вытянул ноги на пуфик, сложив руки на животе.

— Я занят, — сдвинул брови мужчина.

Рэй кивнул: вижу. Иллан хмыкнул и улыбнулся:

— Приятно видеть тебя. Рад, что путешествие пошло на пользу.

Рэй опять кивнул, разглядывая отца.

— Ладно. Вижу вам нужно поговорить. Пойду, пожалуй. Мне новых тэн привезли, хочу взглянуть. Позже увидимся, отец, — парень встал и, подмигнув брату, вышел из кабинета.

— Что тебе надо? Совет через четыре дня. Все вопросы, по-моему, уже разрешены, — хмуро заметил Гвидэр.

— Я тоже так думал.

— И в чем дело?

— В тебе.

— Объяснись, — мужчина прищурился: не сносен. Как Иллан сможет найти с ним общий язык? Это не правление будет, а пытка.

— Ты объяснись, отец. А я послушаю.

— Та-ак. И что ты хочешь услышать? Тема?

— Моя жена.

— Это решенный вопрос. Совет однозначно дал понять — она неприемлема.

— И ты решил ее убрать? Ты меня не слышал?

— Твое мнение, сын, в данном вопросе не имеет значения. Твоя цель высока, значит и плата должна быть соответствующей. Смирись.

— Я не тэн, чтоб смиряться.

— Придется. Если хочешь добиться звания сегюр. Совет пошел тебе навстречу, но выдвинул одно, незначительное, условие. Согласись, глупо игнорировать подобную лояльность из-за скандальной привязанности к канно. Ты выказываешь свою слабость и уязвимость. Подобный правитель не приемлем, тебя отвергнут.

— Я выказываю дальновидность, а ты слепоту и глухоту. Мне все равно, как расценивает совет присутствие в клане Лоан канно. Это их дело, а не мое, и тем более — не твое. Насколько я знаю, мы с Илланом тоже от канно, да еще и тэн.

— Да, но не законной супруги.

— Поэтому ты и не смог ее уберечь.

— Не смей! — Гвидэр взвился с кресла. — Ты не вправе судить о том, о чём не знаешь и не можешь знать!

— Позволь возразить — ты делаешь сейчас тоже самое. Берешь на себя ответственность в решении не касающегося тебя вопроса.

— Все, что касается будущего сегюрет, касается прежде всего — меня!

— Вот и занимайся сегюрет. А в мою семью не лезь!

— Это исключено. Канно здесь не останется!

— Она мешает твоему любимцу? Ему придется смириться. Ему, тебе, но не мне.

Гвидэр помолчал, отошел к окну и, заложив руки за спину, с минуту обдумывал высказывание сына:

— Что ж. Ты выбираешь ее. Значит, я вынужден буду пойти против тебя. Я настрою совет и проголосую против твоего назначения. Иллан меня поддержит. Ты останешься сейти, — мужчина повернулся к Рэю. — Жаль, но ты сам выбрал путь. Я приказываю тебе, сегодня же покинуть территорию туглоса. Естественно, с женой. Твой гуэдо будет значительно урезан. В случае неповиновения...мне придется прибегнуть к силе. Надеюсь, ты понимаешь, к чему приведет упрямство.

— Конечно, — поднялся Лоан. — Упрямство и поспешность в принятии решений, никогда не приводили, ни к чему хорошему.

— Ты можешь решить все сейчас.

— Сказать 'да'? Согласиться на убийство своей жены?

— Канно. Досадную помеху к трону. Не более.

— Я не меняю своих решений, отец, ты не знал об этом?

— Это твое право. Я также не меняю своих решений! Оставайся с ней и убирайся из дома! — сверкнул глазами мужчина.

— С удовольствием, — Рэйсли насмешливо поклонился и шагнул к дверям, но повернулся и, как бы невзначай, заметил, с презрением оглядывая комнату. — Я и сам пришел к выводу, что здешняя атмосфера неприемлема для ребенка. Она слишком угнетающая. Нет, ты прав, ему здесь не место.

Парень шагнул к дверям и уже приложил ладонь к сенсорам, что б выйти, как Гвидэр окликнул его:

— Постой...О чем ты?

Рэй, развернувшись, прищурился:

— Я же говорю — ты слишком стар. Плохо слышишь, плохо видишь, принимаешь опрометчивые решения, торопишься...

Мужчина внимательно смотрел на сына — блефует? Или правда? Нет. Это невозможно! Но ...эта девчонка вытащила его с того света, а это было столь же невозможно.

— Что ты сказал? — голос Гвидэра значительно подсел.

— У меня будет ребенок. Ребенок! — Рэй в ярости пнул кресло, на котором сидел пару минут назад, и вплотную подошел к отцу, нависнув над ним, как ангел мести. Он бы с удовольствием раздавил этого старика, к которому ничего больше не чувствовал, кроме брезгливости. — Ребенок, которого ты чуть не убил! Фэсто! Скажи, что это не возможно и меньше, чем через 4 месяца, я докажу тебе обратное!! — Рэй в ярости, еле сдерживаясь, чтоб не встряхнуть старика, махнул рукой в сторону входа.

Гвидэр потрясенно смотрел на сына, не в силах вымолвить и слово.

— Мою жену благословил Модраш. Она зачала ребенка в первый же день. Обычного ребенка, фэсто. От меня. Я не дам вам лишить его матери, как лишили матери меня. Я знаю, на что ты способен, знаю, на что способен Иллан. У вас ничего не получится. С

сегодняшнего дня Алену будут охранять эстибы и агнолики [\[47\]](#), надеюсь, ты понимаешь, что тебе не удастся достать ее? И если еще одна мония проберется в сад или вдруг появится лауг, а в пище моей жены обнаружится неудобоваримое вещество, спрашивать с тебя я буду не как сын, а как сегюр. И совет будет на моей стороне, потому что я — будущее сегюрета. Я! Мой ребенок!

— Я ...не знал. Ты должен был...

— Я никому ничего не должен! И тебе меньше всего!

— Ты должен был предупредить!

— Предупредить? Я и сейчас не уверен, что поступил правильно.

— Ты не прав. Твоя женщина отныне в безопасности. Я обещаю.

— Ты умеешь лгать. А я умею не доверять. Игра на равных, отец. Я знаю, на что ты способен, но теперь и у тебя есть возможность убедиться в том, что я твой достойный отпрыск.

Рэй окинул растерянного старика презрительным взглядом и не спеша пошел к выходу:

— Да, надеюсь, ты понимаешь, что в данной ситуации решение придется менять тебе.

Мы остаемся. А если не нравится, то ты волен покинуть свою резиденцию, хоть сию минуту.

Кинул он напоследок и вышел.

Замок гудел, как разбуженный улей. Весть о том, что младший сейти через четыре месяца обзаведется наследником, занимала всех, от тэн до почтенных фагосто, ожидающих аудиенции Гвидэра.

Тот не принимал. Заперся в своих апартаментах и мерил шагами комнаты. Внутри все дрожало от ярости и бессилия. Сын бросил ему вызов, как когда-то бросил вызов смерти. И все же этот гордец смог подняться так высоко и в такой короткий срок, что подобное самыми последними скептиками будет расценено, как чудо. Нет, Гвидэр не мог не признать силу сына. Гордость за свое чадо затопила недавнее недовольство, а прошлое, в котором сейти не имел места, было забыто, вычеркнуто из памяти бывшего сегюр, как канувшее в лету. Теперь у него будет внук или внучка, что вообще-то не имело большого значения, главное, это был здоровый, естественно зачатый ребенок. Его продолжение. Будущее династии Лоан. Не важно, что от канно и тэн, теперь эта женщина, в глазах Гвидэра, была достойной его сына, достойна звания сегюр — мэно, правящей императрицы...

— Невозможно, — прошептал потрясенный Иллан, сверля взглядом Монтррой. Рабы, которых, он секунду назад с интересом осматривал, кивая зрителям, кого куда определить, потеряли свою значимость.

— Я разговаривал с Кхэ. Он подтвердил, но...вы, как всегда, правы, в этой истории много не ясности, а ваш брат, уж простите меня за откровенность, способен на любые ухищрения ради звания сегюр. Ни для кого не секрет, культ Модраш терял своих почитателей, а происшедшее пополнит ряды в значительном количестве, возвеличит и Рэйсли, и Поттана. Они могли придумать все это, чтоб убедить совет, и занять трон, поднять престиж уходящего со сцены бога ...а потом они посягнут и на вас. Я слышал, ваш брат уже угрожал отцу.

— Невозможно, — окаменел Иллан. — Он бы не посмел!

Черноволосый мужчина склонился, но тонкие губы были поджаты, а фиолетовые глаза смотрели на старшего Лоан по отечески ласково, но укоризненно.

Троуви — тайному советнику, фагосто, Монтррой Аваншэллу, было 50. Молод, по здешним меркам, очень, не приемлемо для занимаемой должности. Он и держался — то благодаря прозорливому уму и острому, все подмечающему взгляду. С Илланом он с пяти лет, как друг и товарищ, соратник и советчик, помощник во всех делах. Это тоже сыграло свою немаловажную роль при назначении на должность советника сегюр. Советник Гвидэра, Сотиб, был, естественно, против, но Монтррой за столько лет кропотливой работы смог переманить на свою сторону и недоверчивого старого императора, а уж о молодом Иллане и речи не шло. Тому только намекни, все, как надо, сделает. Друзья они, а это обязывает. Пришлось совету согласиться и пойти навстречу желанию нового сегюр: снять с занимаемой должности старого троуви и назначить нового.

— Я не верю.. — опять заявил Иллан.

— Слухи легко проверить, достаточно намекнуть вашему отцу о возможном подвохе, потом собрать комиссию независимых кафиров.

— А если Рэйс не согласится?

— Вопрос слишком щекотлив и задевает интересы всего сегюрет. Не думаю, что у

вашего брата есть выбор. А если окажется, что данное известие — ложь.... Надеюсь, вы понимаете, что это нам на руку? Рэйсли посягает на вашу власть, пытается усилить свое влияние и ущемить ваши интересы. Мы не можем это допустить.

Долг Монтррой блюсти интересы своего господина и зорко следить за всем, что происходит, но его, естественно, больше заботило свое будущее, а оно полностью зависело от происходящих событий.

Будет ли он троуви единственного правителя, фигурой значимой, облеченной неограниченной властью, или пешкой, помощником соправителя, одним из многих? Он слишком долго ждал, слишком многое положил на алтарь своей цели, чтоб сдаться и пустить на самотек карьеру, только из-за того, что младший сейти решил воскреснуть из мертвых и обойти старшего. Нет, Монтррой не собирался уступать трон Рэю. Конечно, зная характер Иллана, можно без труда предположить, что тот сдастся без боя, но слава богам, Гвидэр еще жив и не позволит сыну допустить подобную слабость. Да и Монтррой не даст. Он знает тонкие места каждого из сегюр и сыграет на них, главное, правильно расставить фигуры...и во время сделать ход.

Жаль, что в свое время он не воспринимал всерьез младшего сейти, не изучил его нрав и привычки столь досконально, как других представителей правящей династии, но кто мог предположить, что тот, о ком и не вспоминали, кого считали мертвым еще при жизни, поднимет голову и напомнит о себе?

Монтррой заботила власть, а Иллана, совсем другое. Он смотрел на полуобнаженные фигуры новых тэн, тщательно отобранных могостами [\[48\]](#), и думал: 'Какова, интересно, женщина, способная зачать от окэсто, поднять мертвеца со смертного ложа?' В его воображении возник образ богини Оби: точеная, хрупкая фигурка, большие глаза, взирающие на мир робко и ласково, длинные волосы, струящиеся по плечам до самых ягодиц, маленькие ступни, изящные руки, грация, наивность и смущение, беззащитность и смирение...О, да! Именно таких женщин и любил Иллан — красивых, смиренных и беззащитных, словно бутоны абразии, умирающих без его заботы.

Нет, власть его не привлекала, он чувствовал себя не на своем месте, напрягался, пытаясь играть роль сильного и решительного властителя, и безмерно скучал на заседаниях совета. Если б не отец, не презрение, с которым посмотрели бы фагосто на старшего отпрыска Лоан, вздумай тот выказать пренебрежение к званию, он бы сложил с себя бремя власти и с удовольствием отошел на второй план, что б посвятить себя слабым и беззащитным, прекрасным женщинам, рядом к которыми он и чувствовал себя по-настоящему сильным, умным и решительным. Как просто играть роль бога рядом с недалеким и хрупким существом и как трудно — в окружении крепких, мудрых и хитрых воинов.

— Говорят, она необычайно красива, а Рэй такой грубый... — мечтательно вздохнул Иллан, разглядывая ряды тэн.

Монтррой мысленно ухмыльнулся: сегюр неисправим, мнит себя спасителем и защитником прекрасных кьяро. Что ж, стоит немного охладить его пыл, спустить на землю из заоблачных высот:

— Она под стать ему. Своенравна, дерзка, не воспитана и импульсивна.

На чело наследника набежала тень недовольства.

— Ты видел ее?

— Нет, господин, я слышал разговоры.

— Странно, — через минуту раздумий заметил сегюр. — Рэйсли не из тех, кто будет терпеть неповиновение. И потом...окесто зачал фэсто. Он младше меня и станет отцом?...

— Вы правы, в этой истории много неясностей. Хотите, чтоб я выяснил подробности? Можно допросить Кхэ более рьяно...Или саму канно. Вполне возможно, что это ее ребенок, но ваш брат не имеет к нему ни малейшего отношения.

Иллан шурился в раздумьях, потом неуверенно качнул головой:

— Кхэ допроси, а ее ...все-таки, она жена моего брата и носит дитя.

— Брата, посягающего на вашу власть, угрожающего вам и вашему отцу, — напомнил Монтррой. Иллан недовольно посмотрел на троуви: зачем он напоминает об этом? Пытается втянуть в распрю с Рэйсли? О, Анторис, к чему ему это? Брат так несдержан, напорист, хитер ...Зачем злить его? Но игнорировать недопустимую резкость по отношению к отцу... его не поймут, Монтррой станет давить, да и отец будет недоволен.

— Не знаю. Может,...стоит подождать? — неуверенно протянул парень, с надеждой глядя на друга. Тот правильно понял взгляд и согласно кивнул:

— Я решу этот вопрос сам.

— Вот и хорошо, — облегченно вздохнул Иллан, к нему тут же вернулось хорошее настроение. — Я рад, что ты мой друг и советник. Скоро празднества в честь инаугурации. Мне будет приятно видеть не только тебя, но и Эльхолию.

Монтррой поклонился, пряча довольную улыбку: как все хорошо складывается.

Вот уже третий год он наставляет сестру, как вести себя в присутствии наследника, и его усилия не прошли даром. Иллан заметил ее, а если учесть сегодняшнее положение дел в сегюрет, то можно помечтать и том, что было бы несбыточным еще вчера — о заключении союза Иллана и Эльхолии. А что? Это было бы просто замечательно для Монтррой, а главное, на данный момент вполне реально. Иллан — слабость Гвидэра, или 'пунктик', как говорит Массия. Чтоб упрочить его власть, он будет стремиться, как можно скорей заключить союз, сменить статус сына, так почему бы императрицей не стать его сестре? Не будет же он сильно противиться желанию любимого сына? Тем более времени на отбор претенденток нет, и если вчера Эльхолия была недостаточно знатна для сейти, то сегодня может оказаться приемлемой для сегюр, ...а Монтррой получит прочный статус, безграничную власть, по сути, станет правителем вместо Иллана. Главное, не просчитаться. У него есть верные и умные помощницы — сестра и жена, они помогут разыграть эту партию и выиграть. Пусть сегюр занимается своим любимым делом — ломает тэн, а потом складывает, как ему надо, лепит нужное, разыгрывая спасителя и защитника, это увлекает его и отвлекает, а Монтррой займется всем остальным: настроит Гвидэра на нужный лад и ...уберет досадную помеху — Рэйсли.

— По-моему, вон та рабыня достойна вас, — со значением заметил троуви, кивнув в сторону роши.

Иллан проследил взглядом и заинтересованно осмотрел девушку, отбившуюся от других тэн. Одета она была конечно, отвратительно, но по внешним данным могла соперничать с самой Оби: высокая, стройная, огромные синие глаза, с восторженным удивлением вззирающие на него, алые губы, длинные, чудесные волосы и удивительное и-цы, беззащитное и выставленное напоказ, как приглашение к дегустации.

— Хороша... — протянул Иллан. В груди сладко заняло в предвкушении приятного вечера.

Монтррой с пониманием кивнул и махнул ладонью могостам.

Алене не везло. Она без труда выбралась из комнаты и... заблудилась на необъятной территории парка. Девушка сначала любовалась причудливым пейзажем, а потом приуныла и всерьез забеспокоилась. Дорожка вниз, дорожка вверх, яркий цветник, кусты с мясистыми острыми листьями, изумрудными 'зонтиками', размером с ладонь, деревья с хлопьями 'тины', мелкими, прозрачными листиками, большими, с лазерный компакт-диск, круглыми красными, синими, темно-зелеными, бурыми — красиво, но дико, словно она бродит по заколдованному, сказочному лесу, густому, пустому и непролазному. Ни одной души вокруг, будто Флэт накрыл апокалипсис, пока она в спальне сидела. Алена начала медленно, но верно впадать в панику и, наконец, услышав невдалеке голоса, припустила на них со всех ног.

За гущей деревьев были расположены странные строения из бордового камня, смесь низких мавзолеев имени усопшего ацтека, колониальных домиков времен войны юга с севером и партизанских землянок. В проемы меж колоннами заводили людей: толпа налево, горстка направо. Удивляло, что входящие без труда протискивались внутрь, да еще и могли там расположиться.

Алена поглазела вокруг и замерла: наискосок от нее, на ступенях, стояли два высоких мужчины, черноволосые, стройные, элегантно одетые, и о чем-то увлеченно разговаривали.

‘Он!’ — ухнуло сердце девушки.

Мужчина, что стоял ближе к ней, в светлой, широкой рубашке с золотистым узором, был абсолютно идентичен ее сероглазой мечте. Осанка, взгляд, черты лица, фигура — все, как во сне. Она смотрела на него во все глаза и не могла унять забившееся в сумасшедшем ритме сердце. Ей хотелось кинуться к нему и крикнуть... что? Что собственно она может или должна ему сказать? Что он ей снился? Что она заочно влюблена в него и мечтает стать его... кем? ‘Ах, простите, я вас ждала, ждала, да вот, кажется, и забеременела, да еще и говорят, замужем,’... посмотрит он на нее, как на дурочку. Алена тяжело вздохнула: и что теперь? Она ведь так ждала его, так мечтала...

‘Он смотрит на меня!’ — подпрыгнуло сердце к диафрагме.

Двое внушительных на вид парней подошли к ней и, без разговора подхватив под руки, подвели к сероглазому. Алена зачарованно рассматривала свою мечту, потеряв и дар речи, и возможность мыслить, а тот призывно улыбался и что-то говорил — глаза ласковые, добрые, красивые. Его ладонь с тонкими длинными пальчиками прикоснулась к ее щеке, нежно обвела овал лица, дотронулась до губ. Девушка невольно смутилась, краска залила щеки, но глаза по-прежнему взирали на мужчину с восторгом и долей благоговения.

Это понравилось Иллану, он привлек тэн к себе, обнял и начал целовать, сначала нежно и несмело, потом смелей и настойчивей. Ее и-цы мгновенно вскружило голову, и Иллан, уже не в силах оторваться, возжелал получить все и сразу, его язык проник в рот девушки, а ладонь легла на грудь. Алена резко отпрянула, оттолкнув его, и одарила наглеца взглядом оскорбленной невинности, несколько усложненный осуждением и предупреждением: только сунься, по личику схлопочешь.

Вот тебе и мечта! Ничего себе любовь с первого взгляда, а постель, значит, со второго? И даже представиться не обязательно? И ради этого она отказывала Сереге?

Иллан недовольно поджал губы: хороша, но строптива. Придется отдать могористам, пусть подготовят к вечеру.

— После ужина приведете ко мне. Она должна стать сговорчивой и послушной, —

кинул он слуге.

Тот низко поклонился и, окинув взглядом поляну, кивнул паре своих товарищей, подхватил Алену под руки и потащил в один из 'мавзолеев'.

Та и глазом моргнуть не успела, как оказалась далеко от своей мечты, внутри подвального помещения. Лестница вела резко вниз, в холод и полумрак, бурые, отшлифованные, как мрамор, каменные стены, по потолку светящиеся прямоугольники, колонны, пустота, в которой гулко отдавались шаги, пыльный, серый пол, холодный, как лед, резкие повороты, еще одна лестница вниз, и Алену втокнули в небольшое, пустое помещение, сильно напоминающее ей корабельный 'каземат', в котором она провела немало времени в обществе Лоан. Здесь даже такая же лежанка наблюдалась у стены, только больше, 2 на 2, а вот со светом было значительно хуже — тускло горел квадрат на середине потолка, и все.

Девушка оглядела помещение и, загрузив, уселась на ложе, ждать. Зачем ее сюда привели, она понятия не имела, но подозревала, что скоро узнает. Побег, конечно, не удался, зато она увидела своего сероглазого, а ради этого стоило рваться... Впрочем, в этом она уже глубоко сомневалась. Разочаровал ее парень, как конфеты ридной Украины — шикарный фантик, а внутри пластилин. Нет, конечно, и весьма недурственные экземпляры попадаются, но ей, как правило, не везло. Вот и здесь мадам Удача подкачала.

Алена тяжело вздохнула и, подумав, решила, что не все так плохо — первый блин комом, еще не патология. Рэй же говорил, что у них ухаживать не принято, не приятно конечно, но свыкнуться можно, не кидать же свою мечту из-за всякой ерунды. Жалко, столько лет в надежде... И целуется он неплохо, если подумать... и если ни с кем не сравнивать.

Так и сидела она в гордом одиночестве, переваривая неудавшуюся встречу с долгожданным избранником. И все пыталась собрать осколки мечты, сложить воедино и облегченно порадоваться их восстановлению, но, увы, внутри зрела горечь разочарования, и мысленные убеждения больше смахивали на прощальную речь у могилки еще не известного, но уже погребенного героя ее воображаемого романа. Жаль, ах, как было жаль и себя, и иллюзию, и его, и Серегу. Бездарно, глупо и, по сути, не из-за чего, в одну секунду рухнули все надежды, все, что нафантазировала себе, ради чего она жила, к чему стремилась. А стоило ли оно того? — напрашивался вопрос и ответом был тяжкий вздох: *ui, masher*, вы круто обломались.

На этой минорной ноте девушку и прервали. В комнату ввалилось пяток босых амбалов с обнаженными торсами. Алена скривилась, прикидывая их назначение и цель визита, и придирчиво оглядела посетителей. Парнишки были молоды и удалы, с наглыми лицами и развеселыми ухмылками, оценивающими взглядами, с короткими, под 'ежик', стрижками и в широченных, гофрированных штанах, как у запорожских казаков. Они, и секунды не медля, начали раздеваться.

Девушка похолодела, понимая, что стриптиз устроен по ее душу и сейчас начнется веселенькое шоу в стиле секс впятером, а она будет главной звездой. Знать бы еще, за что такая 'честь'?

— Господа, вы кабинет не перепутали? — севшим голосом прохрипела Алена, из последних сил пытаясь сохранить самообладание. Сердце билось уже где-то в области трахеи.

— Гляди, русская?! — широко улыбнулся один из парней, курносый, широкоскулый, с

выпуклыми, карими глазами. Он не спеша подошел к ней, красуясь, как манекенщик, и, уперев кулаки в ложе, так что Алена оказалась меж его рук, весело подмигнул. — Привет, землячка!

— Ты...ты...ру-русский? — в горле у девушки пересохло, близость нагого тела весьма нервировала.

— А-то! Петр, — шаркнул голой ступней парень, приложив ладонь к груди и отвесив насмешливый поклон. — А как вас мадам?

— Во...а...ло...А-ал-лена.

— Ты заика что ль, землячка? — погладил ее по плечу парень.

— Ты...что вам. надо?

— Ну-у, ты спросила! — ухмыльнулся Петр, качнув головой, и погладил ее по волосам. Алена чуть отстранилась и задрожала, глаза с мольбой посмотрели на парня:

— Не надо...за что?

Тот неопределенно пожал плечами:

— Сама виновата. Зачем дергалась? Попалась господину на глаза, так вела б себя паинькой. Не любит он проблем, ему готовеньких подавай, смиренных, тихих и покладистых, чтоб он им за счастье показался. У каждого свои странности, сама в курсе.

— Подожди, — доходило до Алены с трудом. — Ты хочешь сказать, что вы по его ... приказу...

— Не сами же! Ну, ты даешь, подруга, я что камикадзе? Мне, что скажут, то и делаю.

— И...потом...

— Систему хочешь знать? — удивился парень. — Да все просто: мы шифуем несколько часов, потом отводим к господину. Он вытирает слезки, обязуется защищать, обрушивает свою уйму обаяния. На нас погневается, для виду, и все довольны.

— Система контраста. Вы, значит, сволочи, а он белый, пушистый...чистый и благородный. Защитник...женщина после вас и противиться не посмеет...

— Точно. После такого, любая шелковой станет, а тут и он, ласковый, сильный, понимающий. Вы таких любите.

— Боже, сколько сложностей. Зачем? — прошептала девушка, совершенно раздавленная сообщением и тем, что нависло над ней. Значит ее сероглазая мечта — банальный извращенец? Как просто и как грязно. А она Рэя считала чудовищем....

Розовые очки со свистом спланировали на пол и брызнули стеклами. Алена хмыкнула, хохотнула и зашлась в истерическом смехе до слез. И она считала себя умной девушкой? Не по годам рассудительной и вдумчивой? Прагматичной реалисткой? Господи, да какая же она дура! Загнать себя в свою же ловушку! Рваться к сероглазому шизоиду, размечтавшись о кренделях небесных, чтоб тот отдал ее другим!

Петр отвесил девушке внушительную плюху, и из губы брызнула кровь. Алена смолкла, замерла, оттерла слезы, и кровь, затравленно оглядела секс-бригаду и умоляюще прошептала, глядя парню в глаза:

— Помоги...

— Не могу, я себе не враг, к тому же, как и ты, человек подневольный, — посерьезнел тот и даже поморщился с досады. — Совет могу дать: веди себя ...спокойно. Мы ребята ласковые, не садисты, увечить не собираемся, нам ведь главное, чтоб хозяин доволен остался. Так что давай по-доброму, спокойно, без криков и насилия.

Алена озадаченно нахмурилась: что он несет?

— Господи...ты ведь, как и я, с Земли...земляк, свой...как ты можешь?

Парень плечами пожал:

— Жить всем хочется, а то, что землячка...мы все кто откуда, это к делу отношения не имеет.

Девушка понуро кивнула: ясно, каждый сам за себя. Знакомый девиз. Здорово. И никто не поможет. Некому. Рэйсли? Даже он со своим феноменальным слухом не услышит ее из этого подпола. Да и что она ему скажет? Что она здесь делала? Как оказалась? Она ведь сбежала от него... Убьет он ее...а здесь эти убьют....Алена сглотнула вязкую слюну, поднялась и с решимостью заявила, глядя в упор на Петра:

— Подойдете — убью.

— Каждый раз одно и то же, — скривился парень. — Короче так, подруга, совет я тебе дал, ты его, по всему виду, не приняла. Значит, будет больно. Не обессудь. Ну, что приступим? Разденешься-то сама?

— Можно один вопрос, последний?

— Ну, — поджал губы Петр.

— Как зовут вашего хозяина? У него, действительно, серые глаза? — На что она надеялась? Что хотела выяснить? Жалко было расставаться с мечтой, и, понимая, что не выйдет отсюда живой, она пыталась сохранить веру, что не зря 20 лет потратила, выискивая сон в реальности?

— Зовут Иллан, а глаза...я что, девка ему в глазки заглядывать? Мне знаешь, на их цвет... — парень озабоченно потер щеку, пытаясь вспомнить цвет глаз, и спросил, в итоге, у товарищей, так и не вспомнив. Думали мужчины минут пять, даже малость поспорили и, наконец, подтвердили: серые!

Иллан, значит. Брат Рэйсли. Один сам изнасиловал, второй не стал, другим кинул. Братья. Яблоко от яблони. Они не выпустят ее живой, не вырваться ей. Этот вывернутый мир давил и прессовал ее несколько месяцев, а она еще боролась, надеялась и к чему-то стремилась...но больше цели не было, и желаний, и стремлений, и сил.словно внутри кончился завод. Шла, шла и упала. Все. Села 'батарейка'.

Петр рванул ворот ее рубахи, и Алена на автопилоте, не задумываясь о действиях, прошла ногтями ему по лицу, они оказались острыми, как бритва, и глубоко вскрыли кожу. Брызнула кровь. Парень выругался, прикрывая глаза и отворачиваясь, а на его место поспешили двое других.

Рэйсли стоял на террасе, сложив руки за спину, и шурился, глядя на кроны деревьев. Со стороны посмотришь — любитесь парень шикарной растительностью, но Стейпфил видел, господин в ярости: лицо белое, ноздри раздуты, взгляд, что лезвие мэ-гоцо. Он стоял на колене перед Лоан и, низко склонившись, винился, готовый ответить за халатность и понимал, что пощады не будет.

— Мы обыскали все, господин. Ее нет, но за территорией туглоса она не появлялась. Я виноват, господин, не учел ее характер. Она слишком смела для женщины.

Рэй кинул ядовитый взгляд на агнолика: какая мягкость в определении! Смела!

— Глупа и своенравна! — прошипел он. — Ты это хотел сказать?

Стейпфил благоразумно промолчал и даже не поднял глаз: не ему госпожу обсуждать.

Рэй тряхнул челкой и скривился. Он и сам не знал, что желает больше — убить жену своими руками или...обнять. Он дал ей слишком много воли. Хватит. Он накажет ее,

серьезно накажет, если найдет, ...если она жива.

— Ты поднял всех?

— Да,

господин. Поттан воскурил благовония, сказал: жива. Если это не так, я совершу сенсэш.

— Если это не так! — холодно посмотрел на него Рэй. Верные слуги были у него в чести, и из-за своенравности и глупых выходок жены он не желал терять их. Он сам виноват. Был слишком мягок, боялся навредить ребенку. Впрочем, она сама ребенок, и не знаешь, кого от кого оберегать.

— Господин, — Сергей низко склонился, несмело приближаясь. — Я знаю, где она.

Рэй и Стейпфил, как по команде, повернулись к парню и воззрились с недоверием и ожиданием одновременно.

— В сеприше вашего брата, — тихо сказал тэн, разглядывая мох под ногами.

Скулы сейти посерели — он знал забавы брата, рука сама потянулась к мэ-гоцо, но прохладные камни ножен немного отрезвили. Стейпфил протяжно свистнул, и десять агноликов выросли за спиной господина, готовые исполнить любой приказ. Рэй устремился в апартаменты Иллана, кинув на ходу слуге:

— Иди в сеприш. Никого не трогать.

Стейпфил кивнул и свернул в сторону, а с ним пять воинов. Он знал, что делать.

Иллан полулежал на софе и, улыбаясь, слушал Монтррой. Настроение было прекрасным.

— Я не запомнил в точности, но смысл сводился к тому, что она в растерянности и очень, очень благодарна за удостоенную честь...

Дверь открылась, и в комнату прошел Рэйсли, встал меж троуви и братом и с каменным лицом смотрел перед собой. За спиной возвышались пять агноликов. Иллан мгновенно встал, чувствуя, что происходит нечто из ряда вон, но выговаривать брату не спешил, тот явно был не в себе, а в таком состоянии Рэй способен на крайности.

— Я рад тебя видеть. Присоединишься? — кивнул Иллан на столик с яствами. Рэй молчал. Монтррой предостерегающе посмотрел на сегюр. Тот растерянно развел руками. — Тогда скажи, что тебя ко мне привело? Я помогу, ...если возникли какие-то проблемы.

Рэйсли заложил руки за спину и, чуть склонив голову набок, впери в брата холодный немигающий взгляд. Иллан непонимающе пожал плечами, начиная сердиться. Вид и взгляд брата тревожили.

— В чем, собственно, дело?

— Где моя жена?

Иллан безмятежно улыбнулся: забавно.

— Рэйсли, я понятия не имею, где твоя жена, — качнул он головой.

— Светленькая, высокая, длинноволосая. Синие глаза. Одета в клетчатую рубашку. Брюки. Босиком.

Улыбка сползла с лица сегюр. Он растерянно посмотрел на троуви, ища спасения, на брата смотреть не хотелось. Описание подходило именно к той женщине, с которой он собирался провести сегодняшнюю ночь, и если окажется, что она и есть жена Рэя, если могористы уже принялись за дело...

— Господин потерял жену? Это забавно. Правда, говорят она у вас весьма своеобразна,

но я уверен, не до такой степени, чтоб появиться здесь... — Монтррой сообразил быстрее Иллана и попытался спасти положение и выпроводить Рэйсли, а уж потом решать что-то с девушкой. Нельзя, чтоб сейти нашел ее здесь, да еще в обществе могористов, обрабатывающих ее по приказу сегюр. Это — конец.

Рэй резко выкинул руку и, схватив троуви за грудки, подтянул к себе, тяжело посмотрел в упор, словно придавил, и зловещим шепотом осведомился:

— Я тебя спрашивал?

Монтррой скис, отвел взгляд и неуверенно качнул головой, правильно оценив ситуацию. Сейти был слишком силен и взбешен, чтоб противоречить ему, и запросто мог пойти на крайности, а с жизнью расставаться троуви не спешил. Она ему еще пригодится, чтоб расквитаться за подобное унижение.

Рэйсли откинул мужчину и воззрился на поникшего брата:

— Я жду.

Иллан тяжело вздохнул, мотнул головой, развел руками, старательно избегая взгляда брата и, наконец, молвил:

— Я ...это случайность...она была без обуви и...тэн вокруг. Я не подумал, а она не поставила в известность... — Иллан сложил руки на груди и, словно опомнившись, посмотрел прямо в глаза парню: да, почему он, собственно, должен оправдываться? В чем он виноват? Нужно лучше смотреть за своей женщиной, если взял на себя ответственность за столь безалаберное и своевольное создание. Рэй кивнул, махнул ладонью, приглашая, но его взгляд ничего хорошего не предвещал, и Иллан поколебался, прежде чем вести его в сеприш. Однако выбора не было, и пришлось подчиниться.

В помещении, куда привел их Иллан, уже расположились агнолики. Они сторожили захваченную добычу господина. Пять нагих могористов стояли на коленях у стены, уткнувшись лбами в пол. Алена сидела на ложе, прикрывая руками и волосами обнаженный торс. Лохмотья рубашки на полу, затравленно виноватый взгляд, разбитая губа, кровавая полоса на бледной щеке, кровь на пальцах и синие пятна на плече. Все это мгновенно выхватил взгляд Рэя, и он вопросительно посмотрел на Стейпфила. Тот отрицательно мотнул головой и чуть заметно ухмыльнулся. Понятно. Алену не успели тронуть, зато она успела показать свой норв. Сейти дал себе минуту, чтоб смирить рвущийся на волю гнев, позже он основательно пообщается с женой, но не сейчас. Стоит посмотреть на нее, и ярость уже не смирить он сровняет этот сеприш вместе с хозяином...Нет. Месть хороша, как холодное блюдо. Горячей она имеет привкус горечи и разочарования.

Рэйс повернулся к брату. Тот, сложив руки на груди, стоял в метре от Алены и, как зачарованный, трепещущими ноздрями вдыхал острый запах ее и-цы. Он пьянил его, и глаза туманились. Вместо того, чтоб разобраться в ситуации, он еще больше усложнял ее, поддаваясь несбыточным желанием. Он старался не смотреть на девушку, всеми силами старался, но глаза сами искали источник раздражающе приятного аромата и натыкались на синие глаза и фиолетовую дымку на губах.

Монтррой с удовольствием бы пихнул сегюр, чтоб тот очнулся и вспомнил, наконец, на кого смотрит и в каком положении находится, но для этого нужно было обойти сейти, со зловещей улыбкой стоящего перед братом и внимательно наблюдающего за ним. Ситуация и так была весьма чревата неприятными последствиями, а сейчас и вовсе грозила вылиться в крупные обиды и привести к серьезной распри.

Стейпфил следил колючим взглядом за сегюр и готов был по одному взмаху ресниц

господина лишит наглеца зрения, но Рэй не спешил.

Алена окончательно ступала под пристальным взглядом Иллана и сжалась в комок, старательно разглядывая свои джинсы. В голове были две мысли: какого черта этот извращенец тарашит на нее? И почему Рэй позволяет это?

Впрочем, чему удивляться?

Еще пять минут назад Алена хотела прижаться к Лоан и выплакать ему свою обиду, пережитый ужас и унижение, но он так глянул, что желание отпало, и стало ясно: ему плевать на нее, даже если б его прихвостни не успели. Бесчувственный, холодный, равнодушный.... Что ему ее горе и стыд? И хоть бы для приличия прикрикнул на ублюдков, покусившихся на нее! Она была бы ему бесконечно благодарна, если б он воздал по заслугам ее обидчикам и своему братцу, в первую очередь. О, она б его за это и возлюбила, как спасителя, облекла бы в рыцарские доспехи и век бы слова поперек не молвила. Куда там, щас! 'Конечно, он брат, а я так, погулять вышла! Даже этих...рассортировали по стенке и хоть бы по фейсам, для приличия, съездили. Нет, и пальцем не тронули. Действительно — повод? Подумаешь, невидаль, групповичок устроить!' С горечью думала девушка. Эх, ей бы рубашку, сама бы убила! Воздала, так сказать, должное!

Рэй посмотрел на брата и вкрадчиво спросил:

— Понравилась?

Иллан вздрогнул, с трудом оторвал взгляд от девушки и с ненавистью воззрился на Рэйсли. 'Кто ты такой?! Как ты смеешь вставать у меня на пути?! Я возжелал ее, и ты не смеешь мне мешать! Не отдам!' - говорил его взгляд. Рэй одарил его нехорошим взглядом и отошел в раздумьях в сторону, глянул на могористов и слегка толкнул одного ногой. Тот поднял голову и выказал три глубокие ровные полосы, идущие от переносицы до подбородка.

'Алена,...' - удовлетворенно кивнул Рэй.

— Я забираю их, — заявил он сегюру.

— Что? — нахмурился тот, начиная закипать. — Это мои люди!

— Твои люди покусились на мою собственность, — спокойно заметил сейти, рассматривая ткнувшихся в пол слуг, и специально затягивая время, чтоб дать Иллану возможность сообразить и принять верное решение. Он почти прямо подталкивал его к нему, чтоб потом не говорили, что он поступил не по-родственному. — Или они действовали по твоему приказу?

Сегюр вздернул подбородок, побелел от гнева, и даже не понял, что ему предлагают выход. Он понимал лишь одно: его лишают верных людей, смену которым придется готовить, возможно, месяц, а то и больше. Мало, этот окэсто получил благословление своего бога, купил на его, Иллана, гуэдо жизнь в образе прекрасной землянки с удивительным, безграничным и-цы, скоро станет отцом и сегюром, так еще и смеет посягать на могористов, вышколенных, проверенных, знающих все нюансы желаний господина! Наглец! Как он смеет?!

— Нет!! — гаркнул Иллан.

— Нет....что? — насмешливо выгнул бровь Рэйсли.

'О, боги, что он творит?' — поморщился Монтррой, и решительно встал между братьями, желая исправить положение.

— Мой господин хотел сказать, что не имеет к данному инциденту ни малейшего отношения. Его люди действовали без его ведома, и, без сомнения, виновны. Естественно,

вы вправе наказывать их по собственному усмотрению. Более того, мой господин настаивает на их наказании и даже требует достойной кары за подобное преступление, но...

Иллан презрительно скривился, бросив недовольный взгляд на советника: что он несет? Перед кем унижается? Монтррой со значением посмотрел в ответ и продолжил:

— Как мне кажется, истинная виновница данного недоразумения ваша жена. Именно недоразумения, сейти, и никак иначе.

— Меня не интересует мнение троуви, — холодно заметил Рэйс, смерив мужчину презрительным взглядом.

— И тем не менее, я высказываю не только свое мнение, в первую очередь, мнение сегюр. Ваша жена, женщина видная, привлекательная, но, увы, неприкаянная, я бы сказал, заброшенная, а это не допустимо, учитывая ее весьма своеобразный характер и отсутствие элементарных ... э-э-э, навыков, знаний и ... манер. Вам нужно больше уделять внимания своей ... женщине. Она бродит одна, в ужасном, не подобающем своему званию, виде, да еще в толпе тэн... и буквально завлекает, откровенно предлагает вкушать свое и-цы...

Последняя фраза взъярила Лоан настолько, что он, поддавшись первому порыву, выхватил одной рукой мэ-гоцо, другой схватил троуви за грудки и, рывком откинув его к стене, прижал и приставил к горлу кинжал, острием точно в яремную впадину.

— Повтори, — прошипел он зловеще, сверля бездушным взглядом вмиг побелевшего мужчину.

— Е-ее ...и-цы. Вы должны понимать, насколько оно привлекает внимание, — прошептал тот, с ужасом взирая на отточенную сталь у лица. Его прошиб пот впервые за 50 лет, и даже ступни взмокли от страха. Смерть, которую он ожидал встретить, минимум через 200 лет и не в этом обществе, оказалась неожиданно близка и сильно смахивала на голубоглазого сейти. Монтррой боялся пошевелиться и только с надеждой воззрился на сегюр.

Тот думал секунду. Он знал характер брата, тому вскрыть трахею, что ладонью об стол шлепнуть, не даром с 6 лет его Поттан мастерству жертвоприношений обучал. Иллан мгновенно сообразив, что его троуви грозит смерть, пришел в ярость, не желая терять друга и опору. Однако уязвленное самолюбие властителя и мужчины, растерянность и страх за близкого человека сыграли плохую службу, и он не нашел ничего лучше, чем в ответ схватить Алену, выставив ее, как мишень. И выхватив свой клинок из поясного ремня, приставил к горлу девушки так, что одно движение, и ее не будет.

Алена и сообразить ничего не успела, как оказалась грубо прижата к груди парня. Ее мелко затрясло: не успела в себя прийти после недавнего стресса, как попала в не более серьезную передрыгу. Ничего себе шедевр — ее сероглазая 'мечта'! Знала бы она о ком грезит, еще в детстве бы мысленно закопала его, и могилку разровняла, что б и памяти не осталось, а после каждого сновидения, яро бы плевала через левое плечо и по 100 раз повторяла: 'У кого сны сбываются — то меня не касается'! Да, вот беда, сплунуть сейчас не представлялось возможным, не напоровшись на острое лезвие. Она с ужасом и мольбой посмотрела на Рэя, чувствуя, что минута, другая, и просто упадет в обморок.

'Как глупо!' — поморщился Монтррой. Даже осознавая свое незавидное положение, он не мог не признать, что сегюр поступил не просто опрометчиво, а весьма и весьма глупо. Нетрудно догадаться о последствиях подобной импульсивности. Теперь, какова бы ни была развязка, сейти не угомониться. Его женщина не на шутку напугана, и он этого не простит и уж точно не забудет. А если у Иллана хватит ума еще и подрезать девчонку, то меж братьями

начнется война, причем, на смерть. Впрочем, может, и к лучшему. Теперь перемирие невозможно, а распря Монтррой только на руку, она поможет убрать Рэйсли. У Иллан теперь просто не будет выхода. Только бы выжить самому...

Рэйсли, не выпуская Монтррой, покосился на брата, оценил состояние жены и поймал взгляд Стейпфила. Тот был готов к нападению.

— Советую тебе даже не дышать, — тихо сообщил он Иллану, предостерегающе шурясь. В груди kloкотал вулкан.

— Отпусти Монтррой, иначе, я ее убью! — процедил сегюр, глядя на брата исподлобья.

— Убей, — осторожно кивнул Рэйс. — И увидишь, как я убью сначала твоего дружка, следом его. сестру, медленно, давая тебе возможность насладиться их криками, а потом я возьмусь за тебя, — парень моргнул Стейпфилу и Иллан почувствовал, как острие, со знанием дела, уперлось ему в спину, точно в точку 'гу'. Рука сегюра не произвольно дрогнула — отрезвление было слишком неприятным и неожиданным. Только теперь он понял, насколько неразумен и бессмысленен его поступок: секунда, и если лезвие агнолика войдет глубже, прервет основной энергетический канал, обеспечит Иллана инвалидностью на долгие годы.

— Ты переходишь все допустимые границы, — тихо сказал Иллан, не зная, как поступить. Ему не хотелось признавать свое поражение, но и получить трехгодичную слабость, постоянные боли, кровотечения и головокружения — тоже.

— Границы перешел ты, — парировал Рэй, голос был глухим от ярости. — Ты посмел покуситься на мою жену, пожелал позабавиться с ней, как с тэн — отдал своим могостам, а теперь смеешь угрожать и подвергать опасности ее жизнь и жизнь моего ребенка. За подобное преступление карают, невзирая на ранг и сословие. О, совет будет рад узнать, каков их новый сегюр! Думаю, ты понимаешь, что совет оправдывает меня единогласно, даже если я положу здесь всех.

В комнате повисла гнетущая тишина. Минута, другая. Они текли слишком медленно, настолько медленно, как нехотя смирялась гордость сегюра, под давлением обстоятельств. Рэй замер, стараясь выглядеть невозмутимым, но внутри все дрожало от напряжения. 'Только бы успеть!' — думал он, видя, что Алена уже на краю. Ее взгляд туманился и был абсолютно пустым, а лицо посерело. В эти минуты он боялся лишь за нее. Ребенка спасти он успеет, и пусть это будет окэсто, он не Гвидэр: воспитает, поднимет, выходит, но Алена... помоги ей Модраш! Он не мог ее потерять, нет! Стейпфил со значением посмотрел на господина, и Рэй понял — тот готов умереть за девушку, но успеет ли?

— Так, что, брат? Поменяемся? — поторапливая, тихо спросил Лоан. Глаза угрожающе блеснули. На Иллана его спокойный голос произвел эффект взрыва, и рука дрогнула, оцарапав кожу девушки. Через секунду сегюр уже убирал кинжал, толкнув Алену к мужу. Та упала бы, не успеет Рэй ее подхватить. Еще секунда, и Монтррой стоял рядом с господином, Стейпфил между братьями, готовый без приказа броситься на Иллана, а девушка обессилено привалилась к Лоан, пытаясь унять дрожь и тошноту.

Рэй кивнул Стейпфилу, отзывая, и тот разочарованно посмотрел на сегюра и троуви, но внял и нехотя убрал мэ-гоцо. Если б Иллан знал, каких трудов Рэйсли стоило отозвать своего верного пса, то, пожалуй, так не радовался, но тот видел лишь, что его друг жив и здоров, и напряжение схлынуло, уступая место эйфории. А что, собственно, ему было беспокоиться: досадное недоразумение, наконец, разрешилось и достаточно спокойно, все живы, а суть... ну, с кем не бывает, погорячились, да и одумались, кровь-то одна, вот и играет.

— Ладно, — кивнул он брату примирительно. — Забирай могосто, и будем считать инцидент исчерпанным.

Тот холодно посмотрел на него и повернул лицо жены, выставляя на показ свежий порез на шее, сочащийся кровью. Иллан пожал плечами:

— Всякое бывает. Случайность.

— Действительно, — одними губами произнес Рэй и уже шагнул к входу, как остановился и, не глядя на брата, сказал: ‘Мы еще обсудим эту случайность. Позже.’

Через минуту, когда помещение опустело, Монтррой тихо заметил:

— Вы нажили себе очень опасного и непримиримого врага.

— Ерунда, он мой брат, — отмахнулся сегюр и задумчиво протянул. — Но она...веришь, я был словно пьян...ее и-цы и красота лишают рассудка.

‘Оно и видно. Нажил себе массу неприятностей и думает о женщинах!’ — брезгливо поморщился Монтррой, и Иллан, уловив его взгляд, гордо вскинул подбородок: не тебя, меня судить! Конечно, отец бы более достойно повел дело, но то, что он не Гвидэр, не меняет положение вещей, поэтому, будь любезен, оставь свое мнение при себе.

— По-моему, вам не мешало бы жениться, — поджал губы советник. Сегюр заинтересованно посмотрел на него и широко улыбнулся:

— Разумно. Думаю, стоит обсудить этот вопрос с отцом, и незамедлительно.

Монтррой кивнул: ‘Слава Анторису, он не безнадежен. А Гвидэр, услышав о происшедшем, не будет противиться, наоборот, поспешит заключить союз, чтоб не компрометировать сына в глазах совета. Вздумай Рэй поставить фагосто в известность о сегодняшних событиях — будет много шума, это на руку ему, но не нам. Пора готовить Гвидэра и Иллана к решительным действиям, а Эльхолию — к союзу, тем более, почва весьма благоприятна’.

Идти Алена не могла, и Рэй, без разговоров, поднял ее на руки и понес, стараясь даже не смотреть на жену. Недавнее напряжение никак не хотело покидать его и клубилось, внутри будоража нервы. Он знал, что сорвется, стоит только девушке слово ему сказать, а она и так не в себе. Рэй кивнул Стейпфилу:

— Найди Кхэ и приведи ко мне.

Тот, кивнув, бесшумно исчез, а парень усадил Алену в кресло, нажал кнопку на панели, дождался щелчка и, вытащив стакан горячего фэй, сунул в руку жене. Та выпила не поморщившись, только зубы о стакан клацнули, и огляделась в поисках одежды.

— Что ищешь? — наклонился к ней парень.

— Что-нибудь накинуть. Холодно.

— Да? — прищурился Рэй. Его взгляд внушал опасение. Алена поняла, что надвигается буря, и главное действие в сегодняшнем представлении еще впереди.

Дверь открылась, и в комнату вошли: девушка, замотанная с ног до головы газовой блестящей тканью, с подносом и тот самый лысый мужчина, с полосами на щеке. Поднос встал перед девушкой, а мужчина что-то сказал Рэю, и тот вытянулся, как стрела, лицо окаменело. С минуту стояла тишина, потом он словно очнулся и гортанно прокаркал в ответ. Мужчина поклонился и вышел.

— Что-то еще случилось? — любопытствовала Алена, и этот невинный вопрос произвел странный эффект. За окном резко потемнело, словно солнце выключили, а Лоан, развернувшись, навис над ней с таким видом, будто она и была виновницей этих метамоз.

— Да. Ты! Ты, глупая девчонка с умишком меньше, чем ядро моккали, возомнившая себя героиней столетия! Вот что случилось на этой планете!

— Что такое мокали?

— Моккали? Тебя интересует только это? — Рэй рывком открыл крышку с подноса и кинул в ладонь девушки гроздь с синими маленькими семечками в ворсистой оболочке. — Что-нибудь еще по ботанике?

— Рэй, я... — Алена не желала оправдываться, хотела лишь объяснить, но парень не дал, взвился, как укушенный, мешая, в гневе флэтонский и русский:

— Экси! Я больше не желаю слушать твой бред! Ни одна мэно ^[49]не посмеет вести себя так, как ты! Ты... Ты хоть понимаешь, что натворила? Ты подвела агноликов под сен-сэш, вылезла из окна! Ты!... — Рэя буквально подбрасывало от ярости. Он то выпрямлялся, то опять склонялся над женой, выплевывая обвинения в лицо. — Сколько нужно иметь ума, чтоб лезть через окно, подвергать опасности фэсто?! У нас давно придуман безопасный выход!! Ты не знакома с подобным изобретением?

— Там стояли эти... — попыталась возразить девушка.

— Эти! Этих называют агнолики! Они стоят там, чтоб оградить тебя от собственной глупости! Но им, зрелым мотонно ^[50], бывшим эстибам, и в голову не могло прийти, что какая-то апоно менто пэно ^[51]полезет в окно, будучи беременной! Будет рисковать своей жизнью и жизнью не рожденного ребенка! Агацо рину пьентос ^[52]! Как ты оказалась в сеприше Иллана? Что ты там делала? Почему ты не поставила их в известность о своем статусе?! Ты понимаешь, что тебя могли растерзать? А может, именно этого тебе и не хватало?

— Да?! — взвилась Алена, вскочив. — Я нормальной ориентации в отличие от твоего родственничка! Я понятия не имела, что здесь живут одни извращенцы! Знать не знала, что он твой брат! Нет, если б я поняла, то, конечно, бежала оттуда со всех ног — яблоко то от яблони не далеко падает! И не мне претензии предъявляй, а своему родственнику- ублюдку! Ему ты слова не сказал! Как и его порученцам!

Рэй схватил Алену за волосы и, встряхнув, прошипел в лицо:

— Я сказал тебе, сидеть здесь! Ты не послушала и получила по заслугам. Агнолики пришли рано, им нужно было подождать, что б ты, наконец, поняла, что находишься не на Земле, и здесь другие порядки? А, может, повторим? Для вменяемости? Я смотрю, ты так ничего и не поняла!

— О, я поняла слишком много! Даже больше, чем хотела бы. Вы все ...серпентарий!

— Хватит! — рявкнул Рэй. — С меня достаточно твоих фразеологизмов! Я сыт по горло твоими эскападами! И больше не намерен их терпеть! И если ты не любительница кошмаров, боли и психических прессингов, ты примешь это к сведению, иначе, милая, я преподам тебе такие уроки послушания, что пятеро недавних знакомцев покажутся тебе ангелами по сравнению со мной одним! У тебя отныне одна забота — слушаться меня!

Алена притихла, видя, что Лоан абсолютно невменяем, и, стараясь выглядеть как можно лояльней, послушно закивала — жить хотелось, а нормально жить хотелось еще больше. Парень с минуту недоверчиво рассматривал ее лицо, и, наконец, отпустил — впечатлила.

— Еще одна информация к размышлению. Или точка на твоих выпадах, если ты в состоянии здраво оценить ситуацию, — Рэй значительно успокоился, сел в кресло и кивнул жене. — Выгляни в окно.

Та выглянула, вернее, глянула и ужаснулась. Торнадо и смерчи, сдобренные компьютерными спецэффектами, собрались все вместе и хозяйничали в саду: пыль, комья земли, ветки, камни, обломки бог знает чего и странные, маленькие, светящиеся шарики, пролетающие то там, то здесь, сталкивались с предметами и взрывались яркими брызгами. Стекло было крепким и звуконепроницаемым, это несказанно порадовало девушку. В такую погоду она меньше всего хотела бы оказаться на улице.

— Что это? — тихо спросила она у мужа. Тот глянул на неё, отщипнул мокколи и, кинув в рот пару семечек, удосужился ответить:

— Хошотт.

Алена села напротив и заинтересованно уставилась на парня, ожидая продолжения, но тот словно забыл о ней, смотрел в сторону и думал о чем-то своем, бледный, утомленный. Девушка, видя, что буря в душе Рэя миновала, решила переспросить:

— И что?

— Что? — поморщился Лоан.

— Хошотт. Это смерч?

— Это? Катаклизм. Налетает мгновенно, сметает все. Ошо, те маленькие шарики, несут в себе электрические заряды подобно вашим шаровым молниям, но во много раз больший. Для вас это смертельно. Для нас — болезненно.

— Значит, если б я была там... — Алена махнула в сторону окна. — Умерла?

— Значит, — кивнул парень и опять смолк, задумчиво поглаживая подбородок.

— Ты переживаешь, что из-за меня поссорился с братом? — несмело спросила девушка, почувствовав некоторую вину перед ним.

— Мы не поссорились. Мы начали войну.

Алена сникла, тяжело вздохнула и начала нервно щипать мокколи. ‘Не жизнь, а ‘сказка’. Сам черт в их епархии ногу сломит. Разберись тут. Нет, посижу-ка я спокойно, ну, их всех с мозговыми заворотами, а то и вправду шею сломаю. Тайм- аут, однако. Все, все, ребята — я тиха и неприметна, как изюминка в булочке’.

Напряжение спало, и Рэй чувствовал себя безмерно усталым. Ему спешно требовался либо допинг, либо полноценный сон на пару часов, а лучше и то, и другое. Он внимательно посмотрел на жену и потер лоб. Нет, сначала нужно выяснить, куда делся Кхэ. Стейпфил сказал, что искал всюду, но... на свободе, а если поискать в казематах брата и отца?

Он нажал кнопку связи на своем браслете, и Алена, вздрогнув, выронила семечки. Прямо в воздухе, меж ней и Рэйсли, появился знакомый лысый дядечка с полосами на щеке. Правда, не весь, по плечи, и поклонился.

— Возьми людей и проверь казематы Иллана и Гвидэра. Кхэ может оказаться там. Вытащи его. Тихо, если получится.

— А если нет?

— Тогда громко, — отрезал Лоан. — Найди Дейксклифа Мэчигу. У него канно Наталья. Пусть придут оба.

Стейпфил вновь поклонился, и парень, отключив связь, посмотрел на жену. Она крепкая, сильная, и все же он должен быть уверен, что с ней и ребенком все в порядке, и сегодняшней стресс не отразился на их здоровье.

— Иди ко мне, — позвал он властно, и Алена пошла. После увиденного сопротивляться не было желания. Почему-то именно средство их связи окончательно ее сразило.

‘А, в общем-то, не так все и плохо’, — подумала Алена, разглядывая мужа из-под опущенных ресниц. Рэй стоял у зеркала, прилаживая к тонкому поясному ремню плоскую коробку — носитель информации. Темно — бордовые обтягивающие брюки, малиновая безрукавка в обычном стиле: высокий воротник, открытая грудь и россыпь страз по спине и плечам. Высокий, стройный, мускулистый, гибкий, волосы сильно отрасли и ложились трехцветными прядями на шею, а вычурная одежда на нем не казалась столь дикой, как раньше, а, наоборот, удивительно шла ему. ‘Красивый’- залюбовалась девушка: ‘Ласковый.’ Действительно, если не перечить, Рэй вполне приятная и приличная особь неземного происхождения. Алена вздохнула, вспомнив его щедрость, и улыбнулась: ‘Душка!’

За четыре дня, что прошли с момента впечатляющей встречи с сероглазой мечтой, девушка решила сменить тактику и хотя бы для видимости, пока, до родов, изобразить послушную, доброжелательную, ласковую и тактичную жену. Эта роль оказалась не так плоха, как ей казалось поначалу, а Рэй на глазах из чудовища превратился в доброго, внимательного и нежного ... нет, не только мужа, но и любовника, и друга. С ним произошла удивительная метаморфоза: монстрик исчез, уступив место очаровательному человеку, наделенному тонким юмором, тактом, острым умом и обаянием, против которого невозможно было устоять. Лоан буквально сразил ее этим. Или она просто перестала отталкивать действительность и смогла посмотреть на него с другой стороны? Ей это уже было не важно. Она чувствовала себя сейчас настолько счастливой, насколько считала несчастной еще четыре дня назад.

Девушка перевернулась набок, опершись на локоть и спросила:

— А почему такой цвет?

— Проснулась? — улыбнулся ей Рэй в зеркало, потом взял что-то с полочки и подошел, сел рядом, погладил волосы и протянул маленькую пуговку, похожую на клипсу, с загнутой антенной сантиметра в три.

— Что это? — озадачилась она.

— Лэктор. Стандартный курс обучения. 567 языков и наречий, — парень осторожно вдел прибор в ухо жены, закрепил и положил ладонь ей на живот, прислушиваясь к ребенку.

Алену же больше интересовал прибор:

— И что? — потрогала она ухо.

— Ничего, — вздохнул Рэй и нахмурился, взгляд задумчивый и настороженный.

— Что-то случилось? — озаботилась девушка.

— Мне нужно уехать, милая. Дня на три. Я вызвал Дэйкса и ...Наталью. Скучать не будешь. Слушайся Стейпфила.

Девушка задумчиво погладила ладонь мужа, не зная даже, отчего так огорчилась — вроде бы ничего страшного, подумаешь, уезжает, а на душе пасмурно стало. Может, она влюбилась?

— Я специально даю тебе лэктор, что б не возникло недоразумений. Надеюсь, ты не огорчишь меня?

Девушка мотнула головой. Рэй подбадривающе улыбнулся ей:

— Три дня пролетят быстро. Потом нас с тобой ждет масса дел. Займись чем-нибудь. Подбери одежду, купи еще украшений...

— Куда еще? И потом — если я потеряю этот... лектор, как буду объясняться?

— Скажешь Стейпфилу. Выдаст новый.

— А если и тот? — вглядывалась в лицо мужа Алена. Тот головой покачал:

— Через 26 дней он тебе не понадобится. Он обучает на уровне импульсов, преобразуя незнакомые слова в знакомые образы, и автоматически, заполняет клетки мозга, отвечающие за звукообразования. Меньше, чем через месяц, ты будешь знать языки в совершенстве, не прикладывая и малейших усилий.

— Здорово, — грустно кивнула Алена. — Илона Давыдова отдыхает.

— На нашем языке это звучит забавно, — приподнял ее за подбородок Рэй и, поцеловав, кивнул на прощанье. — Не скучай.

Долго огорчаться Ворковская не умела, поэтому, покругившись в раздумье, пришла к выводу, что отсутствие мужа не причина для печали, и, нажав кнопку вызова слуг, позавтракала прямо в постели, как королева. Вкусный завтрак растворил остатки уныния, и Алена, соскочив с кровати, весело подмигнула своему отражению и залезла в недра шкафа — любоваться. Количество подаренных ей Рэем нарядов пугало, а их красота просто обескураживала, но ведь все это она должна не только лицезреть, но и примерить. И Алена принялась за излюбленное занятие любой особи женского пола, от года до гроба — примеркой и самолюбованием. Легкое прикосновение пальчика к сенсорной панели — прямо перед ней выросло огромное зеркало, а не маленькое встроенное в дверцу шкафа, и ... полетела душа в рай.

'Ах, да муж- муженек!' - напевала девушка, прикладывая к плечам бирюзовый пеплум с бриллиантовой отделкой, темно-синее платье с открытой спиной и широким узорчатым поясом, топик из золотых нитей на тонюсенькой цепочке на левом плече, облегающее и с низким лифом из ткани 'хамелеон', меняющей цвет в зависимости от падающего на него света. Прозрачные и плотные, с выбивкой из кожи, усыпанные стразами, все в золоте и скромненькие — платья, костюмы, кофты, юбки, брюки, пеньюары, и бог знает что еще. Она остановилась на голубом, скромненьком платьице с воротом под горло и открытыми плечами, с выбитым бархатным рисунком и жемчужной окантовкой.

'Приятно быть замужем за мультимиллиардером', - кивнула своему отражению чрезвычайно довольная девушка, прикладывая к шее изумрудное кольцо в виде ветки плюща, сапфировое, в виде галстука с огромным бриллиантом посередине, золотистую сетку от подбородка до плеч с росинками бриллиантиками и бутонами неизвестных самоцветов, спускающихся от плеча до середины груди. Широоченные браслеты и тонюсенькие, как иголки, из камней и золота, из платины и непонятного материала, с отделкой и без, серьги, обручи на голову, кольца.... Вообще, мерила бы она все это до возвращения Рэя, да приустала.

'Не легкое, однако, это занятие', — вздохнула она, затягивая высокие мокасины на щиколотке, и улыбнулась, показав своему отражению язык: 'Но приятное! Жаль, девочки меня не видят. И мама'.

Алена выплыла в соседний зал и нос к носу столкнулась с Дэйксом. Тот широко улыбнулся и, поклонившись, заметил, весело поглядывая на девушку:

— Сверкаете кьяро?

Она пожалала плечами, довольно улыбнувшись в ответ, и уже хотела отвесить мужчине ответный комплимент, но увидела Наталью. Та выглядела весьма презентабельно: легкий костюм из чего-то невесомого и переливающегося, на голове газовый шарф, с блестками,

малахитовый браслет на запястье и лицо уверенной в себе и удовлетворенной жизнью женщины.

— Здравствуйте! — обрадовалась Алена, подлетела и потащила ее в комнату напротив. — Как здорово, что ты пришла! Я так рада, ты не представляешь! Ой, я на 'ты', простите, совсем что-то заговорила.

— Это замечательно, что на 'ты.' Я даже рада.

— Правда? Не обижайтесь, — скорчила покаянную мордочку девушка, а женщина лишь улыбнулась в ответ:

— Не буду, если и дальше будем на 'ты'. Я смотрю, у тебя все нормально? Это прекрасно, деточка, а я уж что думать и не знала. Хорошо, Дэйкс успокоил, рассказал. У меня ведь сыну, чуть побольше, чем тебе...И никого вокруг, все чужие, тяжело привыкать. Ты-то молодая, все равно легче, а я, считай, пенсионерка, и в такую переделку попасть...

— Одна растительность чего стоит, правда? А этот смерч — хотош.

— Хошотт. Ой, не говори, сама до смерти напугалась. Ладно, Дэйкси успокоил, сказал, что их жилища выдерживают натиск этой напасти.

— О-о-о! Смотрю, наш знакомый время даром не терял? — лукаво прищурилась девушка.

— Ну...почему — нет? Я женщина свободная, он тоже не занят, так что нам? Не дети.

— Поженились? — обрадовалась Алена и плюхнулась на диван. Наталья заливисто рассмеялась, так что внушительный бюст заходил ходуном. Смех у нее был грудной, приятный и вовсе не обидный:

— Ох, уморила ты меня! Я, деточка, не в том возрасте, что б государство в личные дела вмешивать, мне эти ЗАГСы без надобности, да где они здесь? — сообщила женщина, оттерев выступившую от смеха слезу.

— А мы вот поженились, — немного смутилась девушка.

— И правильно. Вы-то молодые. Ребеночек на подходе. Ты уж извини, что я тогда прямо не сказала, я, видишь, подумала: сама все знаешь.

— Ага, я тетя Наташ, думала, что это невозможно, — и прошептала, округлив глаза. — Он, ведь совсем другой — там только ...это и ничего больше — откуда дети-то? И потом, они вообще другие, даже зрачки вертикальные. Я привыкнуть никак не могла. Б-р-р-р.

— Ну, сподобилась же! Ничего, твое счастье, что не в рабынях, придел вон, как королеву. А что и так королева. Сидела бы в своем 'Захлюпинске' от зарплаты до расплаты, а здесь пристроилась, семья, ребенок. Мужики, конечно, другие, в смысле строения но, — женщина поерзала с загадочной улыбкой, поглядывая перед собой, и скосила карий глаз на девушку — Ничего себе. А причуды, — женщина махнула пухлой ладошкой. — Поверь моему опыту, и хлеще бывают.

— Ага! — Алена под села поближе, углядев в женщине доброго советчика, маму и верную подругу в одном, весьма недурственном лице. Очень ей пережитым поделиться хотелось, обиды и страхи выплеснуть, мнение узнать да совета спросить. А Наталья тоже поговорить была рада, с момента посадки ни одного земляка не встретила, а язык по любимому занятию скучал, вот и начались обсуждения, охи, вздохи да понимающие кивки. Автобиографические подробности жития двух славянок плавно, под фэй и инопланетные фрукты со сладостями, перешли на окружающую их данность с интерьером и портретами живых особей. Через три часа Алена, закончив душещипательный рассказ о встрече с мечтой, ткнулась Наталье в плечо и с тяжким вздохом заметила:

— Сашка бы их убил! А этот, хоть бы пальцем тронул! Вроде и понятно, но не приятно.

Наталья покачала головой, но комментировать поостереглась. Сегюр она после той встречи забыть не могла, так и стоял его образ перед ней, как милицейский газик на перекрестке двух дорог, и глаза, теплые, как ночь с северным сиянием, ‘грели’ душу до сих пор. Одно успокаивало, что с того дня она больше не тэн, да не одна — Дэйкс рядом, который занял должность и весьма большую, судя по тому, что обеспечивает Наталью, как Шахерезаду. Знала бы, что так дело обернется, сама б впереди Танькиной ‘жучки’ побежала. Так что, обошлись ей те волнения далеко не боком — и мужчина появился, приятный со всех сторон, так что и душой уже прикипать начала, и забот никаких.

Одно плохо — Витюшке не сообщить, да не навестить сынка, не узнать, как он там. Тяжко им придется без нее. Потому домой хотелось, несмотря ни на что, но не так, как Алена, по-глупому, чтоб по ушам нахлопали, а по уму, без претензий, да и не с пустыми руками желательно. Пока, конечно, это было невозможно, но Силина надежды не теряла и кропотливо работала на ‘благо Родины’ — поперек не молвила, смотрела, слушала, на ус мотала, да язык за зубами держала. Выходило пока не очень, по-флэтонски-то не понимает, но все равно, какая никакая, а картина вырисовывалась и весьма причудливая.

Аленку ей от души жаль было — попалась девчонка, как курица в ощиц, да с другой стороны, ее муженек фигура видная, выше-то только их флэтонские боги, и хоть характер у него, не приведи Господи, но ни умом, ни силой, ни красотой эти самые боги его не обидели, а родители еще и не простыми смертными оказались — средствами немалыми обеспечили, и вообще, император — это тебе не старший сантехник. И хоть материя, говорят, не главное, но жизнь длинная, и хочется ее не в заплатках прожить, а в бархате да парче, да и в шалаше только в июле приемлемо, если ‘раптором’ запасешься. И выходило, что, если сегюра обломать, с умом, конечно, и максимальной осторожностью, то очень даже хорошо б всем стало: и Алене, и Наталье, и Витюше, и Дэйксклифу, куда ж его денешь, свой уже.

— Ты, Алена, лишнее из головы выкинь, куда не надо, не лезь, и с ним ласковой, спокойно, сама ведь виновата. Ну, чего ж ты, действительно, полезла? Не знаешь ведь ничего, кто виноват, что на ...ненормального напоролась? У тебя ребенок скоро будет, хватит уж скакать, умнеть пора.

Она б еще многое сказала, да Дэйкс появился, встал у стены с осуждающим видом:

— А не пора бы и к прямым обязанностям приступить?

Силина с готовностью закивала, засуетилась: пора, мол. И так заболтались, терпение у мужчины золотое, зачем лишний раз испытывать? К тому же еще один в зале появился — разукрашенный, лысый, взгляд острый, недовольный. И приступила Наталья Геннадьевна к плановому осмотру, в присутствии свидетелей, чтоб ясно всем было — вреда не причиняет. Алена, конечно, не порадовалась присутствию соглядатаев, да ума хватило — промолчала.

Все Наташу устроило, кроме одного — сердцебиение плода. И так послушала и эдак посмотрела, и выходило, что домой Алене путь заказан — осчастливил ее муж, двойней одарил, а с таким грузом не побегаешь, да и по-хорошему не уйдешь. Не отпустят.

Вздыхнула она и со значением на Дэйкса посмотрела, девушке говорить ничего не хотела, ту инструкцию, что ей Рэйсли на корабле прочитал, крепко помнила. Мужчина кивнул на выход, мгновенно нахмурившись, а следом и Стейпфил вышел. Встали они перед Натальей, взгляды тревожные вперили, и на два лба одна мысль: что-то плохое.

Ой, мужики! Ну, дети, одно слово.

— Ну! — поторопил ее Дэйкс, второй сдержанней был — взглядом тоже самое сказал, причем внушительней.

— Э-э-э, не знаю плохо это или хорошо... Некоторые, конечно пугаются, но уж что теперь-то? В общем..

— Ну!! — грянули оба нетерпеливо, резко поддавшись к ней. Женщина непроизвольно подпрыгнула и, метнувшись в сторону, выпалила:

— Да, двойня у нее!

Мужчины замерли, нахмурились, с минуту ее разглядывали с беспокойством, потом друг на друга посмотрели озадаченно и вновь на Наталью воззрились.

— Мугос [53]? — скривился Дэйкс. Стейпфил его взглядом смерил с ног до головы, неприятным. — Антеро богацо [54] — развел тот руками в ответ, показывая одно ему ведомое. Однако лысый понял, нахмурился, лицо сильно недовольное стало, злое даже, на женщину посмотрел, как на виновницу апокалипсиса. Она ни слова, понятно, не уразумела, но вид флэтонцев беспокоил, да и за Алену тревогу внушал — видать, не рады те двум детишкам были, как бы не удумали, что со своими высокими технологиями не уменьшили два до одного, от большого ума.

— Страшного ничего нет. Ну, не один ребенок, а два, что ж теперь? И двоих воспитают. Деточки здоровенькие, крепкие. Могу ошибиться, но, по-моему, один — мальчик, а вторая — девочка. Это же радость — и тот, и другой сразу. А если вмешиваться, можно сильно навредить, так что, мое мнение — оставить все, как есть, двое — это же не пятеро, — попыталась настроить их на благодушный лад Силина, да, видимо, мастерство дипломатическое малость подрастеряла, потому что мужчины к ней поддались и рявкнули дуэтом:

— Мугос акино [55]?

Наташа отпрянула, ладонь к груди вскинула и перекрестилась мысленно: 'Свят, свят, свят' да затосковала шибко. По всему, видать, двойня для флэтонцев, что для землян теорема Ферма — мало, кто знает, еще меньше, видели, а в основном — без надобности. Вот и объясни.

Минут пять стояла гнетущая тишина, словно Алена неведомую зверюшку в чреве носила, и на данный момент решался вопрос — сделать ей харакири, объявить траур или бог с ней, со зверюшкой, пушай родится животина.

Первой не выдержала Силина — жалко девочку, уморят ведь со своим менталитетом. Вылезла опять с увещеваниями и предложениями:

— Я предлагаю не горячиться. До родов еще довольно прилично времени. И потом, ну, в крайнем случае, одного ребенка я заберу...

Ох, как она пожалела, что полезла: лысый мгновенно кинжал вытащил, секунда, и вскрыл бы ее от..., вообще, ей бы хватило. Сердце Наташи ушло в пятки, а мысли об акушерстве приобрели траурный оттенок. Не к добру она гинекологию изучала.

Дэйкс ей помог, помешал лысому, ладонью отодвинул вскинутую руку и поморщился: подожди, мол, что спешишь, к женщине наклонился:

— Наташа, объясни: что у Алены с ребенком... мутант? Или пол еще не сформирован?

‘Какой мутант?’ - хлопнула глазками женщина и нервно хохотнула.

— Ой, Боженька! Это ж надо!... — взмахнув ладошкой, начала она объяснять суть и не смогла сдержаться, засмеялась заливисто. — Да, двое у нее детишек! Двое: мальчик и девочка. Нормальные... мутанты’ ...Обычные, здоровые, без всяких отклонений — двое!

Один ребенок и еще один! Два! Вы что?

Лица, недалеких флэтонцев вытянулись, в глазах появилось сомнение во вменяемости женщины:

— Так не бывает, — прищурился Дэйкс.

— Почему? И трое рождаются, и пять, а двойня не такая уж редкость. Может у папаши или мамочки в родне подобное было.

Мужчины поглазели на нее и друг к другу повернулись, по-своему заговорили:

— Когда Рэй появится?

— Через два дня.

— Я бы на его месте дома сидел. Узнает кто...

Стейпфил надулся от важности и гордо кивнул — понял, опасность, а он в ответе, да не за одного, а за двух детей сразу! Вот ведь какая ответственность, а честь? Не каждый удостоится. Последний раз на Флэте о подобном чуде лет 500 назад слышали, а уж видеть и не доводилось.

— Усиль охрану, и молчите пока. Женщину в мои покои отведи, а я с сегюр свяжусь, потороплю.

— Я у Поттана эстибов возьму и сообщу.

— Ему, конечно, — кивнул Дэйкс и потер лоб. — Кто б сказал — не поверил.

Стейпфил смерил его надменным взглядом:

— Рэйсли — крестник Модраш, наш бог велик, одарил по чести, — расправил плечи мужчина, гордость за господина распирала. Кивнул агноликам, что б те женщину увели, и наладил связь.

Вспыхнул квадрат в воздухе, с минуту порябило и появился Рэйс. Недовольный, полдня прошло, как улетел, а уже тревожат.

— Опять Алена?

— Не может она спокойно жить, — развел руками Дэйкс, вид загадочный.

— Что натворила?

— Из ряда вон, — кивнул мужчина. — Тебе бы не мешало домой вернуться.

— Все хоть живы?

— Да.

— И туглос на месте? — потрянул челкой Рэйс насмешливо.

— Да.

— Тогда изолируй ее, приеду, разберусь. И накажу.

— Тебе, Рэйс, не наказывать жену надо, на руках носить! — расплылся в улыбке Дэйкс.

Стейпфил согласно закивал, лицо торжественное, гордое.

— Так. Быстро и по делу, — отрезал сегюр.

— Наталья Алену осмотрела и кое — что выявила.

— Ну! — нахмурился парень. По лицам товарищей читал — плохого нет, но сердце все равно екнуло тревожно.

— Детей-то у тебя, господин сегюр, двое намечается.

— Мальчик и девочка, господин, — низко поклонился Стейпфил.

Рэй с минуту молчал, понять не мог, сверлил их взглядом, щурился.

— Мы тоже понять не могли, — хохотнул Дэйкс. — Наталья объясняет, а мы... Не верится, правда? А теперь представь: твои узнают, для Иллана это приговор. Здесь ты нужен. Жене, детям. Не знаю, что удумают, но сам понимаешь, лучше поберечься, — посерьезнел

мужчина.

Рэйс смотрел на него и не видел. Новость оглушила его: Дети. Не ребенок — дети. Двое. Сразу.

— Разве такое возможно? — тихо спросил через минуту.

— Наталья говорит — да. У них это не редкость.

О, Модраш! Рэй покачал головой: а он-то думал, что изучил землян...

— Глаз с нее не спускать! Как только закончится инаугурация, я вернусь, — заявил он помощникам и отключил связь.

К ночи у входа в кьет, на самом верху, зажглись костры. Гвидэр смотрел на мерцающий огонь и чувствовал, что происходит нечто очень важное. Сердце тревожилось, но информации не было.

— Не к добру, — сказал Монтррой, поглядывая на огни.

— Хэчи, — неуверенно заметил Иллан.

— Нет, костры зажигают только в особых случаях, да и праздник их завтра.

— Узнай, — с минуту обдумывая происходящее, приказал сегюр.

— Охрану канно увеличили вдвое. Эстибы. У них ничего не узнаешь. Служанки... да вап брат с этим не спешит.

— Пошли-ка ей подарок, в знак примирения. Пока Рэйсли нет — она примет. Не нужны мне с ним распри, — забеспокоился Иллан.

— Конечно, — кивнул троуви и подумал: ‘завтра к вечеру, так чтоб на глаза агноликам попал. Распри ему не нужны... Сначала, нужно выяснить, что за фейерверк они устроили. Неспроста костры в ночи, да и Рэй на Мольфорне после инаугурации задержаться решил. Зачем? Ошибку брата исправлять? Очки перед советом набирает. Нет, нельзя их мирить, убирать надо и самого, и его канно’.

— Может, и ты ребеночка мне подаришь? — с надеждой прошептал Дэйкс Наташе. Темно было в комнате, только звезды в окна заглядывали.

— Стара я, хороший мой, — вздохнула она огорченно.

— Сколько же тебе? — озадачился мужчина.

— 45, — не стала скрывать, и Дэйкс рассмеялся: только?

— По нашим меркам немало.

— Тогда я по вашим меркам, наверное, мертв.

— А тебе сколько?

— 178! И представь, стариком себя не чувствую.

— Ого! — не поверила женщина. Выглядел он на ее возраст. Поначалу, конечно, и больше можно было дать, но теперь помолодел, не скажешь, что красавец, но очень приятный, привлекательный — импозантный даже. И не верилось ей, что такой позарился на нее. Не молодуха вроде, да и внешне на примадонну не смахивает, а смотри ты ...ребенка подавай. Сказка прямо. А, может, остаться? Что от такого добра бегать?

— Нет, правда? — развернулся он к ней, приобнял, зашептал горячо, умоляюще. — Роди, я тебя осыплю, что хочешь, сделаю. Домой ...отпущу, еще и столько с собой дам,... нуждаться до конца жизни не будешь. А хочешь... сына твоего сюда? Я его своим считать стану. Смотри вон, что происходит. Слова мне теперь никто не скажет.

— Не знаю, Дэйкси, — зарделась Наташа, вот ведь счастье женское и ей пристало.

‘Неуж-то, и правда не врет? А может...сподобиться? Не так уж и стара...’ — мелькнула шальная мысль и погасла — не дитя уже, басни слушать.

— Давай! — навалился Дэйкс. — Что хочешь, проси...

— Ну...не только ведь от меня зависит...

Дэйкс счастливо рассмеялся и полез целоваться.

Алена никак заснуть не могла, всякая чертовщина в голову лезла: ‘что Наташа опять нашла? Глянула, словно бегемотик у нее в животике, и ушла. Спасибо, ‘добрая ‘ женщина — мучайся теперь, разгадывая твой ребус’.

Девушка тяжело вздохнула, положила ладонь на живот, прислушалась — нет, на месте дитя, шевелится. И что надо? Стейпфил тоже — весь день на нее странные взгляды кидал и гнулся аж до пола...людей нагнал, куда ни глянь, ‘гофрированные’ мальчишки лысыми макушками отсвечивают.

Дэйкс загадочный такой ходит,...может, ему Рэй место предложил? А иначе, что он здесь делает? А говорил: ‘нет у Лоан друзей’. Врун! Тоже мне....но выглядит прекрасно, помолодел, а ведь, как Рэй когда-то, сухой и желтый был. Нашел, значит, лекарство...или дружок презентовал.

Ох, и хитрецы. Да что с них взять? Иерархия одна чего стоит? Агнолики, сегюр, сейти....ТЬфу, язык сломаешь. Проще-то никак — император, и всем все понятно, нет загнуть надо, так что и не разберешь. Сегюр, тоже мне! Рэй. Муж.

Алена прислушалась к своим впечатлениям на это сообщение, тяжело вздохнула и со злостью взбила подушку: ‘Муж! Ну, и где ты? Ау? Нетути. Был да весь вышел. ‘Обыдно, да’? Очень! То метлой не отгонишь, то днем с огнем не сыщешь. Бессердечный...Приучил бедную девушку к своему обществу: ляжет рядом, уставится в потолок, будто там ретроспективу всех тайн вселенной транслируют, и ждет, пока Алена не заснет, а теперь вот дела у него... Тепло с ним...и кожа такая гладкая, упругая, атласная, как у ребенка, и красивый стал, аж дух захватывает... видный. Мой. И отцом, сразу видно, хорошим будет, так и норовит живот потрогать, шепчет что-то, как сказки неродившемуся ребенку рассказывает, то ухо приложит — слушает. Любит уже, сразу понятно. Интересно, Серега бы себя так же вел? Тьфу, нашла о чем вспомнить!’ Алена с досады на другой бок перевернулась: ‘Что теперь-то? Поздно барышня — ваш поезд ушел. А вот, что мамы рядом нет, пожалеть стоит. Она бы порадовалась за дочь. Зятек, конечно. с завихами, но не дурак и хорошенький, а если не злить, то и не кусается, опять же ‘королевич’ да и ребеночек будет... Как же она без мамы с ребенком-то справится? Наталью, наверное, просить придется. Интересно, а она пол определить сможет? Вон у нее сколько приборчиков на основе высоких технологий, обеспечили ее флэтонцы, научили. Попрошу завтра, а то одеждой запастись пора, а я не знаю, какую брать: голубую — на мальчика или розовую — на девочку? Рэй, наверное, мальчика хочет, ну, еще бы — сын, наследник....а может, и девочке порадуетя...вроде без разницы ему...ходит вон гордыйребенок у него....не-е, у меня.’

Так и провела эту ночь: Алена — то задремлет, то проснется, место найти себе не могла, все глупости в голову лезли, а к утру, и не рассвело еще, а уже спать не хотелось, хоть ты что делай — Рэйс повсюду мерещился. ‘Наваждение какое-то! Приворожил он меня что ли?’ — подумала она с досадой и встала. Хватит кровать мучить. Натянула легкий, но теплый халат, мокасины застегнула, в который раз посетовав на отсутствие элементарных

тапочек, и пошла на улицу- рассвет встречать.

Вышла на террасу и порадовалась — тихо, безлюдно и не так уж студено. Может, конечно, уже и адаптировалась к здешнему климату, потому холод не чувствовала. Светило их, по имени Уэхо, было маленьким и ленивым, белая точка в широком алом ободе далеко, далеко, так, что казалось, и греть не сможет в силу своей отдаленности и малых размеров, но тепло, хоть и не большое, все же давало.

Она прошла по террасе, встала на балконе и, облокотившись на каменные перила, посмотрела вдаль. Красиво: необычный, ирреальный пейзаж завораживал. Постепенно светлело, тени обретали реальные очертания, превращаясь в причудливую растительность.

— Привет, ранняя пташка, — раздался голос за спиной. Алена даже вздрогнула от неожиданности, развернулась и заулыбалась:

— Привет, Сережа. Я думала, все еще спят.

— Ага, спят они...Ты что не спишь?

— Да, вот, — развела она руками. — Любуюсь.

Парень серьезно кивнул и пристроился рядом, руки на парапет, взор вдаль:

— Уэхо встает.

Девушка улыбнулась, с восторгом разглядывая преображающийся на глазах пейзаж. Розовая дымка поползла по бурой земле, заklubилась, и сквозь нее вся растительность выглядела сказочной — в радужных тонах, с превалированием алого. Пятна синей листвы стали зеленоватыми, серебристо — розовыми, оранжево — красными. Казалось, окружающий мир очень веселый оптимист художник раскрасил в многоцветные тона. Такого Алена еще не видела, разве в детстве, во сне, когда сновидения были еще удивительно яркими, в насыщенных, фантастических красках.

— А сейчас самое интересное начнется, — предупредил Сережа, и девушка замерла в ожидании. Пара минут, и над горизонтом появился дневной спутник Флэта, большой серо — бурый Мохонг и словно из пульверизатора, выплеснул серебристые трассирующие струи, спирали, блестящие, кружащиеся в воздухе хлопья. Цвет мгновенно поменялся, сменив яркие краски на пастельные тона в голубом колере.

— А-а-а, — засмеялась Алена, радуясь изумительной красоте, и вскинула руки навстречу летящим в воздухе брызгам, кружащимся серпантинном линиям. Сергей хмыкнул в ответ — восторг девушки вызвал в нем понимание, несколько высокомерное, по причине постоянного наблюдения данной картины.

— Я семь лет это наблюдаю и никак привыкнуть не могу.

— Да разве к такому привыкнешь? — округлила глаза Алена, лицо восхищенное, зачарованное. — Какой аромат, Сереж...что это?

Воздух наполнился упоительным ароматом, необъяснимым, незнакомым, но удивительно притягательным и завораживающе вкусным.

— Испарение земли. У них росы нет. За ночь на поверхности появляются мелкие, как крупинки сахара, кристаллы, а на рассвете взрываются, тают, распространяя этот запах. Если его на составные разложить, наверное, не меньше 10 000 компонентов получится, — со знанием дела сообщил парень. — А главное, он лечебный. Я американца одного знал, в Гарварде преподом был и вот сюда загремел. Так вот, он с астмой маялся, Рэйсли его приказал сюда вытаскивать. Неделю мужика агнолики на рассвете в землю чуть ли не носом укладывали. Все, забыл он про астму и аллергия куда пропала?

— Серьезно? — не поверила девушка.

— Точно тебе говорю, и сердечко, как у младенца, стало.

— Надо же...И что, прямо сам Рэй приказал?

— Ну.

— Откуда, чторосло? — пожала плечами Алена, удивляясь. — Он вроде на человеколюбца не похож, да и милосердие проявлять не в его стиле.

— Да, нужен американец ему был. Преподавал он что-то, не помню. Заумно звучит ... по-английски...Не, не вспомню, ну, не суть, было-то давно, я с полгода здесь отбыл.

— Странно, зачем ему земные преподаватели? Я так поняла, у них все на уровне лекторов.

— Лэктор — это стандартная программа, Земля-то там не вложена. Кто они и кто мы? У них в программе только общепризнанные планетарные системы, входящие в содружество, а наша планета то ли колония, то ли еще что — не поймешь.

— Понятно. Интерфейсом мы не вышли, чтоб о нас энциклопедическими знаниями делиться. Не доросли. Это примерно, как у нас некоторые племена. Ительмены или нгири, например. Об заклад бьюсь, не знает никто, что такие есть, а уж их традиции и язык — вовсе высшая математика. Только специалистам о них и известно.

— Ты у нас кто? — выгнул бровь парень, заинтересовавшись.

— Студентка, однако. Бывшая. Исторический факультет педагогического института. А вы мессир?

— А я тэн, — фыркнул тот в ответ. — Былинка, букашка, общество двуногих, отряд пресмыкающихся.

— Биолог что ли?

— Ага, по зову сердца, — хохотнул парень. — Не дотянул до высшего, ‘ля мур’ подкосил, а потом только в технарь и осталось. Профессия вышла замысловатая, название одно, а суть другая, короче — строитель. Правда, поработал я недолго, два года на благо государства, а потом себе в карман. На хлеб с маслом хватало и на икорку иногда.

— О, понятно- типичный продукт перестройки.

— Производная, — зыркнул парень с усмешкой и смолк, перед собой уставился. Алена тоже загрустила — дом вспомнился:

— Скучаешь? — спросила тихо. Тот плечами пожал, головой повел:

— Да, нет уже. Раньше...Да. Душа в клочья рвалась. Сказал бы кто, что такое возможно — не поверил. Какая ностальгия, если в голове одни ‘тушканчики’? 23 мне было, когда сюда...Ни в бога не верил, ни в черта, в себя только — молодой, накрученный, пальцы веером...быстро мне их в нормальное анатомическое состояние загнули. Злился — жуть, зубами загрызть готов был. Меня б точно убили — твой не дал, забрал. И не относился особо, как ко всем, только я после других уже понимать что-то стал, видеть. И не то что притих или смирился, а понял, наверное, ...толк рваться? Потом ...неплохо здесь, привык и, словно ...жил здесь всю жизнь, а Земля — сон, было и словно не было. Иногда подкатит к горлу — больно. Память жжет — я ведь хорошего ничего не сделал, жил, как все, на завтра откладывая, и словно один и все можно, а здесь понял, что не так все делал, и, веришь, заново жить начал, а в ответ ...меня будто приняли,...может, и не общество, а ...атмосфера эта что ли...

— Земля приняла.

— Да, наверное, — с благодарностью за понимание глянул на нее Сергей и кивнул. — Да, я теперь как часть этой Земли, иногда кажется, что жил здесь всегда, с рождения.

Алена внимательно смотрела на него, а тот, смутившись своей откровенности и косноязычия, смолк, взъерошил волосы и улыбнулся ей застенчиво. Меж ними, словно нить протянули и связали: двое земляков с разными взглядами, разным воспитанием и прочими атрибутами личности, оказавшиеся волею рока на чужой планете, поняли друг друга и потянулись навстречу, желая излить наболевшее, получить, если не поддержку, то хотя бы понимание, которое им было необходимо больше чем все остальное.

— Знаешь, я пыталась сопротивляться, долго,...а потом поняла — не вырваться, сил не хватит. И вроде неправильно это, нечестно, как предательство — взять и смириться, но...Я, наверное, слабая, не могу больше и ...страшно. Все против, будто паутиной опутали... и ребенок вот, — смущенно поморщилась девушка.

— Да перестань, ты, Аленка, правильно все, и не предательство это. Женщина ты, — жалко ее было Сереге и вроде не таких встречал: и крепче, и умней, и красивее попадались, а эта, поди ж ты, словно птаха в сердце залетела. — Чего там, ясно все. Плохо — верю, но знаю — пройдет, привыкнешь, сама все поймешь. Рэй твой мужик хороший, зря не обидит, поперек не лезь, и бед знать не будешь. У них здесь многое по-другому, главное, не дури, его слушай. Он знает, что делает. А ребенок и есть — паутина. Знаешь, что такое ребенок для флэтонца? Чудо, — парень развел руками словно хотел объять не объятное. — Весь мир! Воздух, жизнь...не описать. Главная цель. Власть, деньги, любовь, все, что важно для нас там — для них тьфу, ребенок — вот их цель! Родное дитя. Да они за это такую бойню устроить могут... Рэйс теперь тебя и своих детей пуще себя беречь будет, и не думай уйти, в любой галактике найдет, силком притащит. А если вас кто обидит,...не завидую — порвет без раздумий, это у него быстро.

Серега помолчал и заглянул ей в глаза, словно искал что:

— У меня ведь малой дома остался. Сын. Миша. Смешной такой, пухленький, глаза мои и нос... — парень потрогал свой нос и словно смутился собственной сентиментальности, вздохнул, на парапет руки опять пристроил, нахмурился. — Дурак я был. Многого не понимал. Из армии пришел — гормоны по всему организму скачут, мозги зашкаливают. А тут она. Глазища темные, огромные, фигурка точеная ...в общем, недолго музыка играла, взяла она меня тепленького и утянула в ЗАГС, а после свадьбы, словно глаза открылись — зачем мне это? Да поздно — ребенок наметился. И пошло: она мне про одно, я ей про другое, ругань, стычки... Я давлю — она в слезы, да... — Сергей махнул ладонью. — Банальная история. В итоге шабашить начал, лишь бы дома меньше бывать и отговорка хорошая — деньгу кую. А там свобода, и понеслось: водка, девчонки...

— Жалеешь? — тихо спросила девушка. Парень качнул головой, посмотрел серьезно:

— Нет, парня, да — жалко. Вырос без меня, в школу, наверное, уже ходит, а она...7 лет прошло, давно мое место занято. И не вспоминают, уверен.

— Нет, не может быть! — возмутилась девушка

— Да так есть! — дернулся Сергей, фыркнул обиженно. — Что ей меня вспоминать? Что хорошего меж нами было? Это только говорят, что плохое забывается, не верь, забывается хорошее, а плохое, как заноза в сердце, сидит, а с годами боль лишь притупляется, но не исчезает. И потом, не верю я, что б баба, пардон, женщина, 7 лет мужа ждала, повывелись декабристки-то, еще до Великой Октябрьской.

— Обреченно это как-то звучит, да и не правда, хоть и декабристов я тоже не встречала, однако не верю, что с годами можно забыть что было, тем более, ты муж, отец ребенка.

— Не верь, — равнодушно пожал плечами парень и выпрямился, закрывая тему —

рассвело...

— Сейчас агнолики набегут, — вздохнула девушка, понимая, что парень не желает больше разговаривать.

— А что им набегать? Они и так не уходили, дозорят.

— Где? — не поверила Алена, выпрямилась, давай кругом осматриваться.

— Да везде, — и замер, лицо вытянулось, посерьезнело. — Все, Аленка, разбегаемся.

— Почему? — не поняла та.

— Твой примчался. Сейфер вон остановился, сейчас нарисуетя. Ладно, давай, — махнул он девушке и ретировался к колоннам.

— Где? — только и успела спросить Алена, как увидела Рэйсли, чуть не бегом направляющегося к ней, перепрыгивая через ступени. Девушка обрадованно подпрыгнула и устремилась навстречу, но запнулась на первой ступени вниз и ...упала прямо на руки суженного.

— А если б я не успел? — насмешливо посмотрел на нее Лоан.

— Ты? Быть не может. У вас феноменальная реакция, мессир. — Довольно улыбнулась девушка, удобно устроившись на его руках и поглядывая чуть свысока, что б не вообразил себе слишком много. — Кто-то говорил, что появится дня через три? У меня была слуховая галлюцинация или это просто провал во времени?

— Передумал, — Рэйс поднялся с ней на террасу и, загадочно прищурившись, добавил. — Я привез тебе подарок, о котором ты мечтала все последние дни.

Алена скептически скривилась, но глазки заблестели от любопытства:

— Билет на рейс до Земли?

Рэйсли поставил жену на ноги и, лукаво улыбнувшись, скинул с плеча коричневый рюкзачок, в который могла войти от силы булка хлеба:

— Вторая попытка?

— Пас, — махнула ладонью Алена, взгляд уже прикидывал, что таится в недрах сумки. Рэй не стал ее третировать и извлек на свет ...тапки.

Подобное убожество скорняжного искусства Ворковской видеть не доводилось: запредельно вытянутые носы какой-то чумовой животины, смеси крокодила и крысы, с ушами сеттера, из блестящего меха, кофейного цвета с длинным, как у ондатры, ворсом, кончики которого были ярко-оранжевого цвета, смотрели на нее огромными, овальными глазами из сапфиров, а на кончике носа красовался черный, каплевидный камень, вытянутый вверх.

Алена в недоумении склонила голову набок, пытаясь понять, какой шизанутый сюрреалист мог так изуродовать банальные тапки, и что он, собственно, с какого перепоя пытался изобразить, и смущенно кашлянув, осведомилась, ткнув в убогое чучело пальчиком:

— И что сие обозначает?

— Тапочки, собаки. Ты сама про такие говорила, — кивнул Рэй, чуть нахмутив брови и категорически не понимая: что собственно не так?

— Н-да? — скорчила ироническую гримасу девушка. — Вашу собаку? Ах, как бедную флэтонский климат подкосил.

— Почему? — озадачился парень, повернул тапки к себе, внимательно их осмотрел и не нашел ничего зазорного. — Это ваша собака.

— Ага, а ты кинолог, землянин? У тебя, милый, собачка-то продукт явно не запланированный, согрешила ее мамаша, как минимум с крокодилом и крысой

одновременно. Потаскали грешницу, видать, по всему зоопарку. Не, у нас такие и в Чернобыле не водятся. Попутал ты малость. Я, конечно, тапки хотела, но этот, пардон, меховой кошмар не одену, хоть убей! Животинку жалко, убиенную, как же вы ее бедолагу покалечили, не один родич не признает, — укоризненно качнула головой Алена и рассмеялась. Лицо парня вытянулось и стало озадаченным, растерянным, почти в точности повторяя то выражение, что застыло на мордах меховых чудищ.

— Сделай свой эскиз, я закажу другие, — буркнул недовольно парень, откинув тапки.

— Увы, монсеньер, художник из меня никудышный.

— Ладно, сам что-нибудь придумаю, — кивнул Рэй и улыбнувшись, тряхнул челкой, поглядывая искоса на жену: хороша... И подхватив на руки, понес в дом. — Что так рано встала?

— А вы мне с добрым утром приехали сказать?

— Не рада?

— Ну-у, — скосила в сторону глазки девушка, надув губки, и вдруг обняла, прильнув щекой к его щеке, зажмурилась от счастья. Лоан покосился на нее и понял: присмирел 'лауг', привязывается потихоньку.

В зале, куда ее принес муж, на огромном столе в центре Алена увидела изумительный ансамбль из драгоценных камней, хрусталя и золота, выполненный в виде колоссального букета диковинных цветов, лежащего на подносе. Она восторженно ахнула и хотела уже поблагодарить Лоан за подарок, но, увидев, что тот внезапно поменялся в лице, опять превратившись из человека в сфинкса, поняла, что поторопилась с выводами.

Стейпфер стоял у стола, чуть склонив голову, наблюдал за господином, ожидал приказаний. Рэй не заставил себя долго ждать, склонился над букетом, словно сделал одолжение, оглядел, презрительно щурясь, и спросил слугу:

— Кто?

— Иллан. С тэн. Госпоже, — выплюнул тот, словно его оскорбляло каждое слово. Лоан кивнул:

— Каков ответ, знаешь?

Тот довольно оскалился и ...начал кулаком, с глубоким чувством удовлетворения, крушить букет. Лепестки рушились, издавая жалобные звуки, и Алена не в силах вынести совершающийся на ее глазах акт вандализма, ринулась на спасение шедевра ювелирного искусства, но Рэй перехватил ее и прижал к себе, не подпуская к столу.

— Перестаньте сейчас же! Отпусти меня! Что вы делаете?! Вандалы! — брыкнулась девушка.

— Перестань. Так надо.

— Что надо? Совсем свихнулись!

— Если ты перестанешь рваться — я тебе объясню.

Алена тяжело вздохнула и, видя, что спасать уже нечего, зло уставилась на мужа:

— Это подарок Иллана.

— Понятно! 'Не вынесла душа поэта'. Ревнуешь? Или мириться не входит в твои планы?

— Не в том суть, ты не знаешь наших обычаев, поэтому не суди поспешно. Данный подарок был бы знаком примирения. Но. Если б был подарен лично. Тебе. И в моем присутствии, а в таком контексте, посланный с рабом, пока меня нет — это уже оскорбление и пренебрежение.

Алена вздохнула:

— Ну и обычаи у вас — Сицилийская мафия прямо. И что теперь будет? Вы не помириться? Зачем страсти накалять? Повод? Я была не права, он не прав, проехали. Не хочу я быть причиной ваших разборок.

— Ты не причина, ты — следствие. Не бери в голову. Это моя забота. Пойдем завтракать.

— А это куда? — махнула девушка на останки букета.

— Вернут хозяину. С тэн.

— В смысле — зуб за зуб, да?

— Примерно.

Завтракали они втроем: Алена, Рэй и Дэйкс. Разговоры мужчин на заумные темы — политика & экономика утомляли и навевали непомерную скуку своей непонятной, даже с лектором, терминологией. Девушка пожелала пригласить к столу Наталью или в крайнем случае Фэйру, чтоб не чувствовать себя, мягко говоря, предметом неодушевленным, и вот тут-то поняла, что ее пробелы в знаниях флэтонских обычаев и традиций незначительны. Что в свою очередь, породило буйную тягу к осведомленности хотя бы по части этикета плюс менталитета. На ее естественное пожелание чуть разбавить мужское общество женским Дэйкс растерянно моргнул, а Рэй, глянув свысока, заявил, что за столом с мужчинами наложницам не место. На том разговор с девушкой закончился, но завтрак продолжился, малость затягиваясь и грозя плавно перетечь в ланч.

Слава богу, ее опасение не подтвердилось, и она смогла покинуть заунывное общество 'политологов' до того, как сморит послеобеденный сон, включенный заботливым муженьком в ее обязательную программу.

Пока мужчины активно общались, Алена решила пройтись по зданию и поискать библиотеку. Часа два было потрачено на скитания по просторным катакомбам, но ни одной замученной пылью книжечки или прошлогоднего журнала она не обнаружила. Везде стерильная чистота, красота и неповторимость интерьера, безлюдность и полное отсутствие книжных и периодических изданий. Возникал естественный вопрос: как они получают знания?

Девушка посмотрела на стенной экран, потом на знакомый черный круг и поморщилась: если через интерактивное вещание, то этот путь для нее заказан. Впечатление от первого сеанса, устроенного Дэйксом в ее честь на корабле, было еще свежо, и одно лишь воспоминание о нем будило заснувший токсикоз и рождало аллергию на телевещание Флэта в целом. Похоже, придется ей бороться со своим невежеством древним, как мир, способом: расспросами и выведыванием. Будет, как агент ЦРУ на особо важном задании, подбирать методом проб и ошибок ключик к вселенскому разуму на вверенной ей территории. А что делать? Кому сейчас легко? Кстати, первый кого стоит завербовать для этой цели — Сережа.

Алена, не медля, поменяла задачу и начала поиски соотечественника вместо книжных фолиантов. На это ушло еще не меньше часа, и итог был тем же — нулевым.

Парня она не нашла, но зато наткнулась на странную комнату, не большую по здешним меркам — квадратов 70–80. Два полукруглых сиреневых диванчика и уйма шкафчиков во все стены от пола до потолка, в которых ровными рядами стояли тонкие однотипные штучки, похожие на аудио подкассетники, заполненные чем-то темным. Шкафы казались открытыми, но когда Алена попыталась вытащить одну коробочку, оказалось, что они закрыты стеклом. Промучившись минут десять в попытке открыть дверцу, у которой, как обычно, не было ни одной щелочки, ни одной зацепочки, винтика и шпингалета, девушка, титаническими усилиями напрягла ум и, отыскав сбоку треугольник, добилась своего. Это порадовало, а заодно и удовлетворило любопытство. Вытащенная коробочка была прозрачной снаружи и словно выстеленной изнутри темным пластиком, на котором гордо возлежало три одинаковые платиновые пластины с замысловатыми закорючками на поверхности и изгибом вверх с одной стороны. Вторая, третья, десятая коробочка точно отображали первую, лишь закорючки на пластинах менялись.

Прикинув, что это может быть видео-, и аудиотека, Алена озаботилась методом их воспроизведения, покрутилась, проверила все шкафчики и ничего не обнаружила. Диван явно не тянул ни на видеомэганитофон, ни на аудио. Печально. Девушка вздохнула, сунула коробку обратно, вышла из комнаты и ...наткнулась на Рэя. Тот молча подхватил ее за талию и повел прочь из зала.

— Куда мы? — спросила Алена.

— Выбирать тебе служанок.

Эта тема ее интересовала меньше, чем загадочная комната, оттого она и спросила:

— Слушай, а там комната ...

— Это библиотека. Позже покажу.

Словам Рэя она верила — если сказал — покажет, значит, так и будет, а если позже, значит, не сейчас, поэтому настаивать не стала и молча последовала за ним.

Странно, бродила она по помещениям несколько часов, а он ее минут за десять вывел. Правда, оказались они на той стороне, где она еще ни разу не была.

Поросшая низкой пушистой травой площадка, огороженная зеленоватым, полупрозрачным, слюденистым каменным парапетом, за которым виднелось огромное поле, высокие, с совершенно гладкими синими стволами деревья, с маленькой, смешной, по сравнению с основными масштабами, кроной. Справа-лес, слева дымка, из которой выглядывали вершины пирамидальных строений, а прямо — храм Кецалькоатлю, не иначе. Высокая пирамида с массой платформ по периметру, из темно-синего камня, с позолотой, а на самом верху — надстройка- мавзолей. Квадратные колонны, расписанные в египетском стиле, под крышей, на которой что-то сверкало, слепя глаза — камень не камень, стекло не стекло — с террасы не разберешь.

Рэй пояснять не стал, уселся на парапет, обнял Алену так, что она оказалась зажата меж его ног, обхвачена руками за плечи и лицом к туглосу. С пяток агноликов с торжественным видом стояли слева и справа от них, красуясь своими стандартными прическами, татуировками и одеждой. Еще с десятков рассыпались по площадке, а из арки напротив стали выводить девушек.

— Гарем Али-паши, — хмыкнула Алена, разглядывая ‘цветник’.

Женщин было столько, что впору и задуматься: а не подражает ли ее муж Соломону, с его десятками тысяч жен? Правда, здесь размах был поскромней, но все равно впечатлял.

Женщин выводили, и в зависимости от того, как смотрел или кивал Лоан, сортировали, одних налево, других направо. Первые склонялись в низком поклоне, вторые менялись в лицах, начинали плакать, кричать. Их быстро убирали с глаз.

Алена с интересом наблюдала происходящее, правда суть и смысл не понимала, но одежда женщин, манеры и вид рождали любопытство. Она прикинула, что здесь представители всех народностей галактики, а, может, и нескольких галактик. Разноцветная яркая одежда с массой украшений, от монисто до стопки браслетов на запястьях и лодыжках, под стать гетерам и одалискам. Маленькие, как дети, худенькие и полненькие, высокие и глыбообразные, красивые и совершенно уродливые, совсем юные и постарше, с прекрасной фигурой и диспропорциональной, подобно той, что у Фэйры. Попадались и откровенно странные экземпляры: лысая, худая, как ‘крепыш Бухенвальда’, девушка, с маленькими глазками непонятного цвета, плоским носом, вернее, полным его отсутствием, за исключением ...одной ноздри; квадратная, лилипутка с прекрасным утонченным лицом и огромными сиреневыми глазами, на длинных пальцах которой красовались острые,

загнутые, сантиметров на 20, не меньше, когти; девушка с идеальной фигуркой манекенщицы, но страшным лицом, разукрашенным под африканскую маску, и курчавым клоком черных волос на макушке.

— Ярмарка невест, — ядовито заметила Алена минут через 30, покачав головой, надоедать начало, в глазах рябило от цветных одеяний, глаз, форм и прочей атрибутики женского пола.

— Наложницы, — спокойно заметил Рэй.

Девушка иронично скривилась: 'Ну, и вкус у него, однако!' Но промолчала: ей-то что? А в душе недовольство появилось, странное. При других обстоятельствах и в другом обществе она, пожалуй, его как ревность определила, потому, как стала более придирчивым взглядом окидывать женщин, выискивая изъяны, минут через пять поняла, что главный изъян у нее в голове, и оттого затосковала.

Представление, наконец, закончилась, и перед ней, выстроили отобранных: 20 колоритных мадмуазель в шеренге, с привычным ее глазу человеческим видом — обычные фигуры, приятные лица, никаких когтей, уродства, раскрасок, диспропорций и залысин. Каждая из девушек склонялась в поклоне и произносила свое имя. Из двадцати Алена запомнила 4–5: Зила, Вента, Мория, Тула и что-то очень похожее на Аграфию.

Вообще-то дела ей до новоявленных служанок не было, она даже понятия не имела, зачем они в принципе нужны? Положены по статусу? Пожалуйста, но ее-то зачем мучить? Так, в растрепанных чувствах оглядели друг друга, похлопали глазками и распрощались: Алена в дом пошла, девушек увели. Что это было? Одним флэтонским богам ведомо, не ей, простой смертной, озадачиваться.

Однако она озадачилась, правда, много позже и по другому поводу.

Вечером, когда уже стемнело, явился муж и прервал сеанс видеопросмотра. Алена глянула на его антураж и покатила со смеху. Рэй Лоан стоял перед ней в одних коротких шортах ярко алого цвета, обтягивающих ягодицы, как вторая кожа, на ногах высокие узорчатые мокасины, а на шее воротничок в сине-золотистую полоску, с подвеской в виде четырехугольной звезды из крупного сапфира в рубиновом обрамлении, и привычные ножны на цепи. Для полноты картинке не хватало скромного колпака с бубенчиками.

— Милый, ты не в цирк случайно собрался? — озаботилась она. — Выступление, да?

Рэй веселья не разделил, глянул на нее, словно придавил, и кинул на диван разноцветную тряпочку с массой блесток и цепочек:

— Одевайся.

Алена, пытаясь скрыть иронию, дабы не травить в парне зверя, послушно взяла тряпочку, повертела, прикидывая, как ее одевать и что это в принципе такое, и поняла, что навряд ли без посторонней помощи сможет в нее облачиться. Рэй помог. Стянул без слов с жены платье и, пристроив тряпочку, подвел к зеркалу, чтоб Алена любовалась. И та оценила, тяжело вздохнув и скривившись.

Широкий тяжелый пояс из золотых треугольников, перемежающихся с синими, четко очерченными алыми линиями, держался в самом низу бедер на 'честном слове', обнажая до неприличия все, что обычно стремятся скрыть. От него вниз, до самых стоп, углами струилась прозрачная материя с блестками, а вверх, по животу и спине, устремлялись тонкие разноцветные цепочки то ли из крашенной платины, то ли из чего-то другого, соединяясь на кольце меж грудью. Маленькие чашечки, прикрывающие лишь соски, крепились по той же системе — цепочками к тонкому ободку на шее.

— Я в этом никуда не пойду, хоть убей! — заявила она твердо. Но муж и внимания на ее слова не обратил, подошел к абсолютно гладкой пустой стене, нажал что-то одному ему видимое и вытащил из открывшейся панели плоскую темную коробку. Плюхнул ее на диван, открыл и начал извлекать замысловатые изделия, пристраивая их на Алене, как на кукле. Широкие браслеты с массой подвесок, кулончиков разной формы — на плечи, по десятку тонких разноцветных — на запястья, вогнутые широкие браслеты с иероглифами — на лодыжки. На голову обод с огромным голубым алмазом, на ноги сандалии, точь в точь земные сланцы на веревочках,

— Как насчет кольца в нос? — поддела Алена и притихла, судя по взгляду ‘милого’, еще слово и будет капкан на язык.

Парень накинул сверху прозрачную накидку, обшитую позолотой, которая от макушки до пят обрисовала силуэт девушки, отошел, окинул оценивающим взглядом и удовлетворенно кивнул. Алена скорчила ироничную гримасу, насмешливо попозировала, изобразив пару индийских ‘па’ и даже напела замысловатую мелодию в стиле ‘Рамаяна’ для полноты картины. Рэю явно понравилось, а у девушки опять язык зачесался, развернулась к нему и, уперев в бока кулачки, с ехидством спросила:

— И что дальше? Сексуальная фантазия разыгралась? — Ей и в голову не могло прийти, что в таком виде он ее куда-то поведет.

Лоан прищурился, улыбнулся насмешливо и, открыв ладонь, показал ей маленькую перламутровую горошину:

— Положи под язык.

— Зачем? — насторожилась Алена. Что-то у него на уме было и, наверняка, в его стиле — с гаденьким подвохом. Но развить эту мысль она не успела — не любит Рэй, когда ему перечат — сунул горошину без лишних слов ей в рот и повторил:

— Под язык.

Она и подчинилась. Горошина была безвкусная, чуть холодила и неприятных ассоциаций не вызывала, поэтому Алена спорить не стала и послушалась из любопытства — сунула ее под язык. И зря. Секунда, и комната качнулась перед глазами, покрылась на мгновение туманом, и вновь все встало на место, только вот взгляд Рэя значительно изменился, удовлетворенный стал, загадочный, на губах заиграла самодовольная усмешка.

‘И что сие значит?’ — хотела осведомиться Алена и поняла, что вопрос этот нужно было задать значительно раньше — язык не слушался, зубы свело наглухо, мышцы словно парализовало.

Девушка растерянно моргнула и хотела возмутиться, но почувствовала себя странно, словно ее сознание отделилось от тела и теперь зажило отдельно. Состояние для несведущего весьма неоднозначное и, надо сказать, пугающее. Она хотела закричать, но даже не вздохнула, хотела повернуться и выбежать вон, но и не шелохнулась. Мысленно она могла все, а вот на деле — только смотреть на парня, хлопая ресницами, как марионетка. Внутри родилась тревога, плавно перешедшая в трепетный ужас, как только она увидела, как Рэй, усмехнувшись, вытащил свой кинжал и, крутанув острием себе по подушечке пальца, мазнул кровью ей губы.

— Слизни.

‘Оставь меня в покое! Придурок!’- хотела гаркнуть она, но вместо этого послушно слизнула кровь! Рэйсли кивнул и повел ее по залам к выходу, а она шла, не соображая, как переставляет ноги, и мысленно упираясь из всех сил. Да толку — тело слушалось не ее —

его. Она вела себя как зомби. Господи, что, интересно, было в той горошине? Тяпнутое в последней экспедиции магическое зелье какого-нибудь африканского шамана — вудуиста? А она-то, дурочка, послушалась! Чувствовала ведь подвох и все равно попалась, как глупая мышка на отравленный сыр. Вот вам наивная земная девушка и первый урок доверия и благодушного расположения к хитрой натуре флэтонских данайцев. Получите. Впрочем, и не первый урок- второй. С освобождением из рабства он ее так же провел, влекую.

Рэй вывел жену на ту самую террасу, где недавно отбирал служанок, и Алену прошил холодный пот от страха: вокруг было тихо, безлюдно и темно, как в безлунную ночь на кладбище. Она бы не удивилась, если б парень повел ее на внеочередной слет вурдалаков, ночка подходящая выдалась и атмосфера соответствовала.

Темные очертания строений, мрачные силуэты растительности, скудные звездочки в небесной синеве и огромный шар ночного спутника, висящего в небе устрашающей темной глыбой. Лишь легкий шорох шагов раздавался в тишине, и от этого у девушки мурашки по коже побежали, проигнорировав воздействие ‘чудо’ горошины.

Рэйсли подвел ее к плоской темной плите у подножья лестницы, и ...они взмыли вверх, плавно и бесшумно плыли по воздуху, в сторону здания, которое Алена приняла за храм Кецалькоатлю. Внизу скользили тени, здание стремительно приближалось и вгоняло девушку в глубокое уныние, чуяло сердце тяжелые потрясения. Все происходящее напоминало ей сюжет гоголевских страшилок, только значительно видоизмененный. И кем она станет по сценарию суженного, предположить было трудно, а хотелось бы — для душевного успокоения. Правда, ни роль умершей паненки, ни тем более, ее оппонента, Алену не прельщала, но кто б ее спросил? Рэйс стоял рядом, с гордым видом обнимая ее за талию, но даже не смотрел на нее и тем более не пытался ни подбодрить, ни объяснить происходящее.

Платформа плавно причалила к вершине храма прямо напротив исписанных иероглифами колонн, и девушка внутренне содрогнулась, увидев, кто их встречает.

Высокий лысый мужчина с пронзительным, бросающим в дрожь взглядом черных, как ночь, глаз, облаченный в темно-синюю мантию. Меж его тонких бровей виднелся ромбовидный прозрачно-алый камень, словно вплавленный в кожу. На груди висели точь в точь такие же, как у Рэйсли, ножны с кинжалом, только камень на конце рукоятки был алым.

— Поттан, — чуть склонил он голову перед Аленой и, раздвинув блеклые губы в улыбке, больше похожей на ухмылку аллигатора, со значением посмотрел на Рэя и махнул ладонью, приглашая внутрь.

Мавзолей был небольшим, но помпезным — выложенным из слитков золота. Ровные кирпичики, тускло поблескивая, раздвинулись, открывая проход, и посетители шагнули внутрь.

Первое, что удивило Алену, когда они миновали небольшой квадратный коридор с темными, мерцающими стенами, это несоответствие масштабов наружных и внутренних.

Взору открылся колоссально большой зал, с высоким потолком, укрывающий помещение куполом, никак не меньше, чем на уровне 20 метров от пола. Два ряда ромбовидных колонн, из перемежающихся красно-сине-оранжевых кирпичей, уходили вглубь и вели к подножью огромной фигуры — клыкастого монстра с выпученными глазами, сверкающими в полумраке, как софиты.

Алена чувствовала, как ее сердце замирает по мере приближения к этой удивительно

реалистичной фигуре жуткого, ядовито ухмыляющегося идола, а в груди растет даже не страх — панический ужас. И дело было не только в атмосфере или тревожном количестве крепких лысых мужчин с равнодушно — отсутствующими лицами, в алых и малиновых шортах стоящих меж колоннами на возвышении, и даже не в фигуре божка, застывшей с каменным лицом, подстать ему, Фэйре, а в пяти вздыбленных фигурах, висящих меж столбами. Они приближались к ним, и шорох шагов в мертвенной тишине будил в Алене ощущение жуткого ужаса. Все ее существо дико завывало, как только она поняла, кто висит меж столбами, но из горла не вырвалось и стона. Она, как марионетка, прошагала за мужчинами и встала, где ей указали — спиной к изваянию Модраш, лицом — к распятой меж столбами фигуре, так что жертва оказалась в паре метров от нее.

Это был Петр. Узнать его было сложно: нагое тело безвольно висело, подтянутое вверх за локти — до середины предплечий руки были отрублены, а культы залиты словно воском, как и пах, который оскопили. Лицо было землисто-серым, на побелевших губах запеклась кровь и коркой спускалась к подбородку. И все же, как ни странно, парень был жив. Он поднял голову, посмотрел на девушку обвиняюще и умоляюще одновременно и вдруг замычал, задержавшись на цепях. Во рту зияла пустота. Ему отрезали язык.

Это было невыносимо.

Это было из ряда вон.

Это было выше ее понимания и абсолютно недоступно осознанию.

Она, как увидела его, так потеряла связь с миром вообще. Ей хотелось убежать или зажмуриться, зажать уши, но все это было невозможно, Рэй наказывал ее, приговорив безвольно взирать на муки другого.

Это было самое худшее, что она могла представить, что Лоан мог придумать. Алена в те минуты искренне пожалела, что не находится на месте Петра — ей было бы проще страдать самой, чем видеть страдания других и осознавать себя их виновницей. Она не чувствовала обиды на парня, более того, за эти дни совершенно забыла о том, что случилось в сеприше Иллана. Время здесь текло неумолимо быстро, и каждый день казался годом.

‘Зачем?! Отпустите их!!’ — кричало все ее существо, но мысли ее никого не трогали.

Поттан скинул мантию и оказался в том же одеянии, что и другие — алые шорты да ножны на груди, но тело его — спина, грудь, плечи были сплошь покрыты яркой татуировкой, в виде надписей и непонятных рисунков, и оправлены камнями, впаянными прямо в кожу.

В зале приглушенно зазвучали голоса, монотонно взывая к каменному монстру, появился запах каких-то благовоний, терпкая смесь нескольких масел и трав. В хор голосов вклинился голос Поттана, запахи становились более отчетливыми и неприятно резкими.

Рэй вытащил кинжал из ножен и посмотрел на Алену — в глазах читался приговор, и она в ответ мысленно закричала, останавливая, но он не внял. Подошел к парню, приподнял за волосы голову и, глядя прямо в глаза девушке, резко вскрыл клинком сонную и трахею. Кровь рванулась наружу, обливая бьющееся в конвульсиях тело, и стекала вниз, в зияющее под ногами отверстие. Потом оно увеличилось, и плита пола, исчезнув, открыла огромную мраморную нишу прямоугольной формы. Двое мужчин сняли затихшее тело с цепей и сбросили туда.

Алену мутило. Она смотрела, как вскрывают шеи остальным, и видела лишь отточенные движения мужа, его спокойное лицо и руки, залитые кровью. Он, казалось, не чувствовал и малейшей душевной дрожи по поводу содеянного и, словно, выполнял рутинную работу,

нудную, но необходимую.

Это было выше ее понимания, внутри уже не было криков, только тоненькое поскуливание, даже не от страха или омерзения, а от безысходности, обреченности на эту пытку- видеть муки других и смотреть, как тот, к кому готова была привязаться и признать своим мужем, подобно мяснику, разделывает людей, как туши животных.

Пять тел бесформенной кровавой массой лежали внизу, у ее ног, словно иллюстрация криминальной хроники, но никто, никогда не воздаст по заслугам их убийцам, не призовет к ответу. Эта чудовищная несправедливость, как клеймо, отпечаталась в ее душе и наделила виной непомерной и не менее смертоносной, чем клинок Лоан.

В нише зашипело, в нос ударил запах крови, и тела, зашевелившись, стали таять на глазах. Минута, и они исчезли в розоватом тумане, а с краев появились две треугольные чаши, наполненные густой, дымящейся кровью. Поттан почерпнул ее сферической плоской из золота и, подойдя к Алене, смочил ею лоб и губы, гортанно выкрикивая свои молитвы. Это было уже слишком. Девушка 20 раз за эти пять минут готова была упасть в обморок, но не могла и пошатнуться — тело одеревенело и совершенно не подчинялось ей, а сознание было бессильно. В голове было стерильно — ни мысли, ни вдоха, ступор, полное оледенение.

Произошедшее далее девушка восприняла, как плохо смонтированную киноленту: частями, кадрами. Из-за колонн выводили девушек и ставили на колени перед нишей, взмах кинжалов, кровь и полет бьющегося в агонических конвульсиях тела вниз. Рэй слева от нее, Поттан справа, за ними другие: смертоносный конвейер. Крики, плач, хрипы, предсмертные судороги, брызги крови — все это смешалось в рассудке девушки в одну сплошную кровавую кашу. Бесконечность происходящего воспринималось уже, как нечто само собой разумеющееся. Когда Поттан предстал перед ней с новой чашей, она и мысли не допустила, что это конец трагедии. Цепочка тех девушек, что выбрал Рэй в служанки, прошла пред ней чередой, и Алена решила, что их постигнет та же участь что и других. Девушки произносили какие-то слова, кланялись, обмакивали пальцы в кровь, прикладывали ее к губам госпожи, а потом к своим губам, снова склонялись в почтительном поклоне и уходили.

Последнее, что она запомнила — лицо Рэйсли с каплями крови, холодный, жесткий взгляд. Он повернул ее к клыкастому богу, сунул чашу с кровью в руку и приказал вылить у подножья статуи, в испещренную синими иероглифами золотую полусферу. Густая темно-красная масса хлынув вниз, брызнула на Алёну....

— А-а-а-а-а!!! — девушка резко села и открыла глаза. Собственный крик разбудил ее и вытащил из сна, словно котенка из воды, за загревок. Сердце бешено колотилось, рот беззвучно открывался в попытке сказать хоть слово, а в голове шумело от криков жертв и своего воя, перед глазами стояли кровавые картины увиденного. Алена мотнула головой, стряхивая наваждение, и затравленно огляделась, еще не понимая — где находится.

Залитая солнцем спальня, привычно тихая и уютная, без всяких клыкастых морд, лысых мужчин, трупов и жертвенных чаш. Обычный цветочный запах, разбавленный еле уловимым ароматом корицы — Рэй.

Он полулежал на софе у окна и просматривал свой носитель информации — маленький и плоский, как калькулятор, предмет. Спокойное лицо, безмятежный и даже полусонный вид, белая рубашка с золотой нитью от плеча до пояса, белые кожаные брюки, как на торжество собрался да вот прилег и чуть не заснул.

Алена хлопала ресницами, пытаясь сообразить: что же это было? Она смотрела на парня, ожидая прочесть ответ на его лице, но, встретившись с равнодушно-пустым взглядом голубых глаз, смутилась и начала осматривать себя: руки, грудь, а заодно и простынь. Наверное, это выглядело странно, потому что Рэй прищурился и вопросительно уставился на нее. На нем не было крови, как и на ней, и вообще нигде не было ничего говорящего за реальность произошедшего, но взгляд мужа всколыхнул неприятные чувства, и девушка, соскочив с постели, рванула в ванную. Организм пожелал избавиться от лишнего, и желудок долго возмущался безалаберным отношением хозяйки к своему психофизическому состоянию.

Ведь знала — нельзя их телевещание смотреть, прошлый раз тоже чуть умом не тронулась, вот и сейчас всякая чушь после их фильмов приснилась. Господи, но как реально...

‘Нет, ерунда, этого не может быть на яву, не-ет, ‘- Алена посмотрела на себя в зеркало и затрясла головой, потом включила воду и сунула лицо под холодную струю и снова посмотрела на себя в зеркало, словно в отражении белого, как снег, лица можно было увидеть истину.

‘Что же это было?’ — озадачилась она. Такой кошмар не может присниться ни с того, ни с чего, что же она вчера смотрела? Нет, не вспомнить, кровавые картинки перекрывали любые другие воспоминания. ‘Боже, спаси и сохрани меня от их компьютерных технологий’, - взмолилась Алена и дала себе зарок больше и близко не подходить ко всяким техническим средствам, от греха подальше, а то в следующий раз и она кого-нибудь порежет. Нет, Рэй конечно, не подарок, но не до такой же степени, чтоб крошить людей, как вилки капусты.

В конце концов, девушка немного успокоилась и даже смогла улыбнуться своему отражению, потом нажала кнопку сушилки, накинула халат и вышла.

Рэйс оторвался от своего накопителя, глянул вопросительно, но в ответ получил смущенный румянец. Алене было неудобно, что она могла подумать о нем до такой степени плохо и принять обычный кошмар за действительность, правда, внутри все равно что-то беспокоило, сидело, как льдинка Снежной королевы, и покоя не давало. И вдруг поняла — что. Она не могла четко ответить на вопрос — сон это было или реальность? Но она хорошо помнила, что Рэй поранил себе палец и не просто поранил, а очень сильно и глубоко, и если

ранки нет — значит, ей все приснилось, а если есть...

Девушка оделась, подглядывая украдкой за парнем, и подошла к софе. Он сел, отбросил свой прибор и с готовностью раскрыл объятья. Алена пристроилась на его коленях и начала, как бы невзначай, осматривать все пальцы и даже ощупывать. Рэй, заметив пристальное внимание к его рукам, выгнул бровь и заглянул ей в глаза:

— И что в них интересного?

— Так, — несмело улыбнулась Алена и облегченно вздохнула: ни единой царапинки, ни одной точки на пальцах не было, так же, как и капиллярного рисунка, впрочем. Тонкие длинные пальчики парня были как всегда мягкими, гладкими, ровными и ухоженными. Нет, такие руки не созданы для общения с клинком, хладнокровных убийств и кровавых расправ, они были слишком утонченными и изысканно красивыми. Такие руки подстать человеку благородному и ранимому, поэту или художнику, способному создать гениальное произведение, шедевр, в крайнем случае, аристократу, отпрыску древнего рода, но никак не киллеру.

— У тебя очень красивые руки — ласковые, нежные и сильные, — заметила она и, словно устыдившись своей откровенности, обняла его за шею, чувствуя одновременно и радость, и облегчение, и смущение, зашептала. — Ты бы знал, что мне приснилось... кошмар... люди в полутемном помещении. Оно огромное и мрачное, стены колонны-все из золота, даже пол... и статуя странная такая, огромная, с ехидной ухмылкой. И кровь ...ее так много, что можно захлебнуться...ты режешь людей и так просто ...легко, как ...не знаю, руки в крови, и тело и лицо в брызгах, рядом мужчина, по плечам и спине татуировка красивая и словно из слюды разноцветной...он тоже ...убивает и другие... Те пятеро, помнишь? Их. Они изуродованы были — без рук, языка...остального...потом женщины, много...очень...и ты их, и те ...кровь кругом... — Алена заглянула ему в глаза и воскликнула. — Господи, как я рада, что это всего лишь сон!

— Это был не сон, — спокойно заметил Рэй. Алена с минуту сверлила мужа непонимающим взглядом, хмуря брови:

— Что?

— Это был не сон, — терпеливо повторил парень. В глазах стояло холодное равнодушие, словно речь шла о чем-то обыденном, не стоящем внимания. — Лэп-хэчи. Настала зима. Если перевести на ваш язык. Правда, для нас это лето. Мы празднуем смену циклов каждые полгода, а заодно воздаем по заслугам окружающим и ...Модраш.

Алену качнуло, с лица мгновенно сбежала краска:

— Эти убийства...правда?...Праздник? — прошептала она пораженно, заглядывая в глаза Лоан и выискивая хоть грамм чувств, малейшее движение души, но в них жила пустота. Девушка моргнула, стряхивая наваждение — глупо искать то, чего не было отродясь. Перед ней был не человек — Нелюдь. Бесплезно такого очеловечивать, он слишком взрослый и, пожалуй, скорей ее превратит в такую же Нелюдь, чем она сможет внушить ему элементарное уважение к чужой жизни, объяснить и привить милосердные нормы морали, возбудить нормальные человеческие чувства в очерстевшей душе.

— Да. Праздник. Я принес жертву своему богу, отблагодарил его за тебя и детей и воздал должное посмевающим посягнуть на тебя.

— Тем...пятерым?

— Да. Конечно, их вина относительна, но придет время, я спрошу и с брата. Ты можешь быть спокойна — я ничего не забываю.

— Господи,...ты говоришь это так спокойно...ты убил ...сколько там было? 200–300, 500? Неужели ты ничего не чувствуешь? Это ...праздник? — Не могла она взять в толк суть происходящего, не принимал разум спокойствия парня, убившего столько людей и рассуждающего на эту тему с обыденной скукой.

— 285. Малость, за бесценный дар Модраш. За тебя и детей. Теперь вы будете под его защитой, и я буду спокоен. Обряд прошел прекрасно...

— Обряд?! Резня! Массовое убийство! Варфоломеевская ночь! Ты мясник, палач!.... — Алена, задрожав от негодования, отвращения и ужаса, попыталась слезть с колен, но Рэй не дал, глянул так, что она забыла, что хотела, и спросил:

— Если ты раздавила червя — ты палач? С чьей точки зрения?

— Ты убил людей, — тихо заметила она, сжавшись в комок и боясь пошевелиться. В памяти четко отпечатались картинка: Лоан в алых шортах, на теле и лице кровавые потеки, пятна, в руке кинжал, которым он орудует с мастерством метателя сабель. Теперь она убедилась, что Эллан сказал тогда правду, и испугалась до коликов в желудке. Ее муж-убийца. Вкупе с бессердечностью и феноменальными способностями, трезвым рассудком и отсутствием норм морали получился монстр, которому невозможно было подобрать адекватное название — он не имел аналогов.

— Я убил рабов и дал им возможность родиться вновь, свободными. Их жизнь не удалась, они бы все равно не увидели ничего хорошего, так и влачили существование невольников. Тэн сейти, как и сёгю, запрещено продавать. Я освободил их души от никчемных тел. А эти пятеро...по-моему, здесь и говорить не о чем. Они посмели испугать тебя, покуситься, тронуть...

— Ты говоришь так, словно совершил благодеяние.

— Так и есть. Я освободил одних, других наказал...

— Я давно простила им ...и забыла ...

— Я не забыл. И не простил. Такое не прощают.

— Тогда в чем разница?! Ты убил всех! Кого же ты наказывал?!

— Ты невнимательна. Наложниц мы убили быстро, а могосты были наказаны и подвергнуты пытке, но жили. Пять дней. Этого достаточно для искупления их вины, главный виновник Иллан, они лишь выполняли его волю, поэтому и мучались лишь 5 дней, а не месяцев. А потом я освободил их души от тел.

— В смысле, это твое понимание справедливости? — Алена чуть не плакала.

— Милая, справедливости нет. Запомни это. Данное понятие настолько относительно и субъективно, что не имеет почвы для осознания, а раз так, оно не подходит для применения и тем более оперирования в качестве довода. Это слово обозначает пустой звук.

— И все-таки она есть, — упрямо заявила девушка.

— Хорошо, объясни, что это такое? В твоём понимании она одна, в моём другая, в понимании Иллана третья, а у рабов четвертая — так что она в итоге? Где она? Что из себя представляет? Субъективная визуализация иллюзий? Неприятие собственного бессилия перед окружающей действительностью? Это и есть иллюзия. Желание, выданное за действительность. Твоя справедливость сама слепа, глуха и однобока, что она может тебе предложить?

Алена зажмурилась на секунду и качнула головой: как у него все просто — раздавить, растоптать основные понятия, брать что надо ему, шагая по головам, а главное, без малейшего угрызания совести: еще бы! Ведь ее у него нет, да и не было. Она для него, как и

другие понятия, лишь бессмысленное слово из лексикона чужеземцев, пустой звук!... И с такой легкостью оправдывать собственную черствость и низость, облачая ее в эгоистичные теории мироустройства, изобличать человеческие заблуждения, основываясь на собственную беспринципность и вседозволенность, перекраивать любое событие и понятие на удобный ему манер! Гитлер- философ! Зверь.

— Ты животное. Нет, хуже! Даже животное не будет убивать себе подобных, не станет оправдывать преступление, выдавая зло за добро! — уставилась на него девушка, вкладывая во взгляд все презрение и ненависть, на какие была способна.

— Да. Как и мы все. Люди и есть животные, только более амбициозные, живущие по своим законам, а не по законам гармонии, в отличие от наших сородичей. Взгляни на мир реально — животные убивают и себе подобных и себя самих и ничуть о том не сожалеют. Знаешь, почему? — Рэй сверкнул глазами. — Потому что их головы не забиты ненужной моралью, абсурдными и фальшивыми идеями! Они просто живут, не разделяя мир на добро и зло, плохо и хорошо, не жалея ни себя, ни других. Возьми лауга — проголодавшись, он найдет себе добычу, загонит ее и съест, не рассуждая, не думая о том, что о нем подумают, не считая себя людоедом или негодяем. Он хочет есть и он ест!

— Ты не лауг. И я. Мы люди! Мне плевать на все, что говоришь! Как бы ты ни оправдывал себя, чем бы ни прикрывал свою кровожадность, твоя философия не воскресит убитых!

Рэйс разозлился и, отсадив девушку, встал:

— В чем проявилась моя кровожадность? В том, что я выполнил свой долг? Осознавая свою ограниченность, заручился поддержкой бога, чтоб защитить вас? Я мужчина, это мой долг заботиться о вас, защищать, но я смертный, и могу не успеть, не увидеть опасности! А жертвы лишь малая плата за защиту бога. И потом — такова моя религия, и она не хуже твоей.

— У нас таких называют фашистами и презирают. Тебя бы разорвали

— У вас? На Земле? — парень дернулся, зло прищурился и, подойдя к Алениному шкафчику, вытащил две огромные шкатулки с подаренными драгоценностями, вернулся и высыпал их содержимое на колени девушки и на диван. — У вас на Земле... тебя бы без раздумий убили за одну такую безделушку, принеся в жертву своей алчности! — презрительно скривился он, сунув в ладонь девушки изумрудное кольцо. — А меня бы носили на руках! Для вас это дороже, чем жизнь, чем то, чем вы обладаете от природы, и не надо мне говорить, что бы со мной сделали у вас. Я изучил вашу историю, политологию и прочее. Вы из года в год, из века в век грызете друг друга, убивая, когда словом, когда делом, за кучку драгоценностей, стопку банкнот. И любую вашу войну сопровождают религиозные лозунги и воззвания — то за гроб Господень, то во имя Аллаха, то неся в массу отсталых аборигенов 'свет' катехизиса, только все это лишь прикрытие для достижения власти и богатства горстки избранных, и далеко не вашими богами!

Рэйс смолк на минуту, поглядывая на Алену так, словно для него было очень важно ее понимание. Однако она и смотреть на него не могла, отворачивала лицо и мечтала провалиться куда подальше, пусть и в нижнее царство, лишь бы не в одной комнате с этим упырем находиться, лишь бы не слышать его красивые, но пустые слова.

— Ты, кажется, студентка? Историю изучала? Сколько лет?

— Два, — нехотя ответила она, понимая, что парень сейчас подискутирует и на эту тему.

— Гениально! Два года! Тогда, что тебя так потрясло в нашем обряде? То, что в отличие от землян, мы не страдаем лицемерием и не боимся смерти? Вспомни историю Земли, посмотри на ваш сегодняшний день — все тоже самое, только хорошо завуалированное, надежно прикрытое покровами патриотизма и прочей мишурой, а, по сути, те же жертвоприношения, но в гораздо большем количестве и к алтарю, заметь, не бога, а человека. Когда жрец приносит человеческую жертву, он действует не по собственной прихоти или садистских побуждений — он спасает племя, продляет жизнь, защищает, вымалывает процветание, просит избавить от несчастий. Так поступали ваши язычники, поступают некоторые африканские племена до сих пор, ...так поступаем мы, а ради чего, поясни мне, конкистадоры убивали ацтеков, инков? Ради золота! — Рэй склонился к Алене, презрительно щурясь и заглядывая ей в лицо, язвительно спросил. — Наверное, они жить без него не могли? Наверное, это было жизненно необходимо? А может быть, я плохо разобрался в вашем менталитете и слишком предвзят? Наверняка, другие убийства, войны и завоевания были совершены во имя благого дела. Например, английские колонисты, решившие массе отсталых индийских племен, каст и общин выказать прелести цивилизованной жизни, подарить им свет знаний, просто не знали, как без насилия и физического уничтожения это сделать? А аборигены были настолько глупы, что никак не желали понять и принять прелестей существования по законам высокоразвитого, прогрессивного общества, а не природы!

— А вы сами? Чем лучше?

— Ничем, кроме одного: мы называем все своими именами, не создаем фальшивых лозунгов и не делим события, поступки, людей на хороших и плохих!

— Ах, какая ‘красивая’ речь! Прямо Гуманоид- Цицерон! — скривилась девушка, гордо вскинув подбородок. — Обличаешь отсталую цивилизацию? А сам ... упырь из упырей! Да какоетымеешь право судить о нас? Все это у нас было, а у вас есть! Мы только встали на путь прогресса и развития, только начали давать оценку прошлым событиям и всеми силами стараемся их не повторить! Мы развиваемся, начинаем ‘взрослеть’ понимать, стремимся к гармонии и миру, а вы... достигли в техническом плане невысказанных высот, но абсолютно деградировали в духовном плане! Вы — нелюди, застрявшие в каменном веке! Рабы, жертвоприношения и философия...эгоистов, нет, бесчувственных, жестоких эгоцентристов!

— Ты слишком наивна, милая. Вы не идете к гармонии, а уходите от нее. Рветесь к заоблачным далям прогресса и процветания, не осознав простой истины: любой прогресс — это начало регресса. Как только вы достигнете пика вашей ‘горы всех благ’, вам придется, как бы долго ни поднимались, как бы долго ни стояли на вершине, как бы вы этому ни противились, увы, спуститься. Это закон мироздания. Единый для всех. Что в вашей галактике, что в нашей, что в любой другой. Вы идете той же дорогой, что прошли когда-то мы, шаг в шаг повторяя пройденный нами маршрут. О, эпоха процветания у нас была прекрасной, изумительной и...опустошительной. Мы поднимались веками, а спустились вмиг. Отрезвление было очень болезненно. Мы, так же как и вы, зарыли своих языческих богов, устремились к духовным и техническим вершинам, сами уподобились богам, достигнув необычайных высот в знаниях ...во всех сферах жизнедеятельности и ... поплатились за это. Сначала ушла вода. За семь дней у нас остался океан. Соленый океан. Все. Пресная вода ушла. Теперь ее добывают в шахтах, как вы добываете свои полезные ископаемые. У нас больше нет ни рек, ни озер, ни водопадов, только голограммы, иллюзия, память о прошлом великолепии. Зато то, что вы так цените, лежит на поверхности и стоит

мизер, даже меньше... Но с одними проблемами можно справиться, а как справиться с другими? Флэт вымирает. Боги отказали нам в том бесценном даре, что еще остается при вас, — Рэйс качнул головой, стряхивая неприятные воспоминания, и посмотрел на жену: понимает ли она то, что он пытается ей объяснить? Нет, взгляд непримиримый, настороженный. — Дети, милая, мы не можем иметь детей. Мы не боимся смерти, у нас невероятный, по вашим меркам, интеллект, мы знаем то, что вам на данный период развития и не снилось, наши тела почти совершенны. Мы с легкостью обходимся без сна, пищи, воды, не чувствуем боли, не реагируем на холод, мгновенно восстанавливаемся... У нас нет бедных и богатых, общество делится на сословия и соответственно обеспечивается, и даже тэн не знает забот о хлебе насущном, но любой из нас с радостью поменяет и свою жизнь, и данные достижения ради ...родного ребенка.

— Не правда. Я же ношу твоего ребенка.

— Ты. И не одного, милая, двух.

— Двух?!

Алена потрясенно посмотрела на парня, а потом, стряхнув с колен драгоценности, встала и нервно заходила по комнате. Эта новость лишила ее права выбора, окончательно привязывала к этому нелюдю. Двое детей. С таким грузом не побегаешь. Долгие годы, пока они не вырастут, ей придется находиться здесь и не только растить их, но и оберегать от родного папаши.

— Это уже слишком, — покачала головой Алена.

— Отнюдь. Модраш благословил нас...

— Модраш?! Да причем тут твой кровожадный божок?! Ты такой весь... все знающий, все умеющий, а веришь в бога! Бред! Ты мне еще про святое зачатие акафист зачитай!

— Ты атеистка? Я думал, ты христианка...

— Я и так христианка!

— Тогда в чем дело? Я с уважением отнесся к твоему вероисповеданию, будь так любезна, с почтением относиться к моей вере. Я был предельно откровенен с тобой....

— Зачем?!

— Ты долго будешь меня перебивать? Мы закончим разговор на следующей неделе или все ж поднатужимся и поставим точку сейчас? — Рэй насмешливо прищурился и подошел к жене, прерывая ее забег на короткую дистанцию — от окна к окну. Алена и слова поперек сказать не решилась, оказавшись в опасной близости от парня, закивала согласно, прислонилась к стене и стала рассеянно разглядывать пол, думая о своем. Но Лоан требовал сосредоточенного внимания на собственной персоне, ораторствующей на глобальные темы. Он просто взял жену за подбородок, приподнял, заставляя посмотреть в его голубые глаза, и вкрадчивым тоном сообщил:

— Я не желаю, чтоб ты, как большинство женщин, создала в своей душе фальшивый образ светлого рыцаря, идеал и нарекла его моим именем, а потом в связи с несоответствием оригинала и его копии сетовала на свою загубленную жизнь. Видишь ли, ваши фантазии, как правило, изрядно отличаются от действительности и осложняют жизнь и вам, и нам. Я хочу, чтоб ты четко и ясно осознавала, с кем тебе предстоит провести оставшиеся годы жизни. Теперь ты знаешь, на что я способен, имеешь представление о моем характере, складе ума, особенностях моей веры и, надеюсь, ты сделаешь правильные выводы. На всякий случай поясню: я человек трезвомыслящий, достаточно жесткий и решительный, а в гневе устрашающе неприятен и резок, но ни тебя, ни детей это не коснется. У любого флэтонца

семья на первом месте, все остальное — второстепенно, и я не исключение. Что бы я ни делал, прежде всего, будет сделано для вашего блага, а чтобы ни сотворила ты ...ты всегда сможешь найти и прощение, и понимание в моем лице и, конечно, безотлагательную помощь по любому поводу.

Рэй гордо выпрямился и с добрейшей улыбочкой воззрелся на девушку сверху вниз. Благодетель! Алена за те месяцы, что пробыла в его обществе, знала, что слово Рэйсли с делом не расходится, и потому озадачилась:

— А если я ...убью твоего папеньку?

Парень хмыкнул, в глазах заплясали лукавые огоньки. Он с полминуты рассматривал лицо жены и, чуть склонившись к ней, шепнул:

— Только не убейся при этом сама.

— И тебе не жалко его? — ужаснулась Алена.

— Милая, флэтонца не так легко убить, к тому же, фантазии и действительность — разные вещи. В своих мечтах ты убила меня уже раз 200, не меньше, но, как видишь, я до сих пор жив, — он откровенно смеялся над ней, и девушку это задело.

— У меня просто нет оружия, — нашла она оправдание. Рэй без слов вынул кинжал из ножен и протянул Алене:

— Возьми.

Она посмотрела на сверкающее лезвие с темно-серой вязью на клинке, растерянно моргнула и отвернулась.

— Вот видишь? Ты не можешь никого убить, ты женщина и создана для возрождения, продления жизни, для тепла, добра и света. А убийство, милая, мужское искусство — оставь его нам. Хорошо?

Алена развела руками, не в силах что-либо сказать, и Лоан, удовлетворенно кивнув, скользнул губами по ее губам и вышел из комнаты. Девушка обессилено сползла по стене на пол и зажмурилась, взмолившись: ‘Господи, прости меня, душу грешную, спаси, сохрани и помилуй...’

Весь день она, как сомнамбула, пробродила по залам, чувствуя себя не просто отупевшей, а стерильной. Ее раздражала изысканная обстановка, давила ‘музейная’ атмосфера и пустота. Вся вычурность и утонченность интерьера, масса дорогих и великолепнейших предметов искусства, от картин до цветочных гирлянд из драгоценных камней, казалось, укоряли ее, обвиняли в несуществующих преступлениях и гнали прочь. Она ушла в сад.

Иллан посмотрел на Монтрой, ожидая объяснений. На столе стояли останки подарка и нервировали сегоур.

— Я сделал, как вы велели, но ваш брат не пожелал принимать извинения. Хотите услышать мое мнение? Это открытое пренебрежение, посягательство на ваше звание. Он отказывается признавать вас и своим братом, и сегоур.

— Ты сделал, как я просил?

— В точности, — вновь заверил мужчина и прошелся по террасе, — думаю, вам стоит быть осторожней, Рэйсли, судя по всему, не намерен примириться, наоборот. Сейчас он на заседании совета. Мои люди оповестили меня о теме данного заседания — Мольфорн.

Иллан прищурился, оперся на парапет и шумно вздохнул:

— Что ему надо?

— Власть. Мольфорн — ступень. Вопрос по блокаде вызвал массу прений.

— У меня не было другого выхода!

— Да, это понятно всем. Но...Рэйсли нашел, что блокада резервации окэсто и освобожденных тэн, включенных в опальную зону, неверное и более того, поспешное решение, чреватое огромными осложнениями. Это приведет к волнениям, и подданные, лояльные до сих пор, в итоге, пополнят ряды инсургентов. У них не будет выбора. Связь с миром полностью прекращена, поставки воды и продовольствия пресечены, никого не выпускают и не впускают на территорию, а ведь условия для жизни там и так достаточно плачевные. Естественно, что ваш брат желает защитить своих соплеменников. У него на руках факты о состоянии дел в Ливапии на данный момент.

— И что?

— Боюсь, они не очень утешительны. Месяц блокады, увы, не привел к положительным результатам.

— Месяц.

— Да, да. Это слишком маленький срок, чтоб судить о последствиях вашего решения столь категорично, и совет это понимает, но Рэйс желает сократить назначенное вами время блокады вдвое, аргументируя данное решение докладами эвекторов [\[56\]](#).

— Полгода ничего не решат.

— Да, но это спасет окэсто. На данный момент уже есть сведения о смертях среди канно.

— С этой целью и была затеяна блокада. наших обеспечивают через сленгиров. Этого достаточно.

— Да, но... — Монтррой смущенно улыбнулся. — Снабжают фэсто. Их 10 % населения, а остальным достается то, что не смогли заполучить инсургенты. Увы, это малость, не достаточная для нормального жизнеобеспечения.

— Я, что должен был проигнорировать закон и начать операцию по зачистке местности с применением новейшего оружия? Кто бы мне это позволил?

— Никто. Это понятно..

— Тогда в чем дело? Мое решение было оптимальным. Что он может предложить взамен?

— Об этом мы узнаем после заседания. Вас оповестят.

Иллан тряхнул головой: абсурд! Что нужно брату? Чего он добивается, подвергая сомнению его решение? Естественно, одобренное и принятое советом единогласно.

— Мне кажется, — вкрадчиво заметил Монтррой, старательно поглядывая в сторону, — Рэйсли пытается подорвать ваш авторитет, посеять сомнения в вашей компетентности.

— У него больше нет забот? Он ведь получил равные права со мной, этого мало?

— Видимо. Тем более, почва весьма благоприятна. Вопрос по Ливапии не имеет однозначного ответа и. ваше решение действительно несколько усложнило жизнь подданных...

— Хватит! — Иллан хлопнул ладонью о парапет и поморщился. — Я не желаю возвращаться к этой теме. Через год мы забудем о мятежах, инсургенты покинут этот мир и всем станет ясно, что я был прав. Да, потери будут, но значительно меньше, чем при применении роботехов и ...тем более оружия уничтожения. Мне что нужно беречь окэсто и тэн и подвергать опасности жизни фэсто, разрушить атмосферу Флэта из-за горстки повстанцев?

— Окэсто не могут получить допинг, их и-цы и так..

— Хватит!! — Иллан в гневе развернулся к троуви. — Мне все равно, что желает Рэйсли, будет, как сказал я! Если часть окэсто погибнут- значит так тому и быть! Блокада будет длиться год и не на день меньше!

— Я-то согласен с вами, но...по-моему это лишь первый шаг против вас, решим этот вопрос, потом будем решать следующий. Он не успокоится. Может... — Монтррой со значением посмотрел на сегюр, тот прищурился, понимая, и засомневался: все-таки родня. — Конечно, — кивнул троуви. — Но у любой проблемы есть множество решений, как выходов из комнаты...

— Что ты хочешь сказать? — насторожился Иллан.

— Канно. Стоит убрать ее, и мы деморализуем его, лишим и власти и ...звания. Все из-за нее и ваша ссора, и его посягательства на ваши права ...

— Она ждет ребенка, — отрицательно покачал головой сегюр, но во взгляде сквозила неуверенность.

— Двух, — тихо заметил Монтррой.

— Двух?! — Иллан недоверчиво прищурился. — Ерунда...нет, нонсенс..

— И я того же мнения. Наверняка, дети не вашего брата и не имеют к династии Лоан ни малейшего отношения. Канно достаточно эпатажна, чтоб устроить подобную аферу. Она хитра и изворотлива, а Рэйсли честолюбив, для него все средства хороши...Вам стоит лишь кивнуть, и я сделаю все сам. Вашего имени данный инцидент не коснется.

Иллан скользнул взглядом по гуще деревьев и задумался: конечно, данное решение было бы до гениальности простым, убрать девушку и избавить себя от вечных эскапад Рэйсли. Его миглом лишат звания, причину найти будет не сложно, а вторично взять жену он сможет не раньше, чем через пять лет...Но канно ждет ребенка, и не важно течет ли в нем кровь Лоан или кого другого, ребенок — это святое. Как можно решиться на подобное кощунство? И потом, несмотря на скверный характер, она так немислимо хороша, а аромат ее и-цы? Иллан так и не смог его забыть ...

Монтррой осторожно наблюдал за сегюр и видел его колебания: о, эти его вечные сомнения, как они осложняли жизнь троуви! Что ж, придется поторопить с решением, иначе он, пожалуй, откажется, и в итоге станет неприметной фигурой на политической арене, пешкой, тенью Рэйсли. Нет, троуви подобная перспектива не устраивала, тем болое сейчас, когда Гвидэр не стал возражать против кандидатуры Эльхолии на звание сегюр-мэно.

— Ваши могосты...вчера их принесли в жертву. А сегодня вернули подарок...Глупо из-за пустячного недоразумения разжигать распрю. Вы понимаете, что ваш брат не остановится? Моя сестра может оказаться в опасном положении, если согласится заключить с вами союз. Меня, как брата, очень волнует ее безопасность и, как троуви, я прекрасно осознаю, что вы не сможете обеспечить ее ...так же, как и свою. Рэйсли весьма избирателен в достижении целей и пойдет на все. Стоит вам помедлить и может случиться, что угодно. Он ждать не будет, а тем более колебаться в принятии решения. Это не в его стиле.

— Ты думаешь, он посмеет?.. — сегюр побелел, представив, что Рэйсли покусится на его прекрасную, хрупкую и ранимую невесту.

— Уверен, — поджал губы Монтррой.

Иллан с минуту разглядывал троуви, тот был мудр и не раз доказывал свою дальновидность и преданность Лоан. И если он говорит, значит, все так и есть.

Парень нехотя кивнул: что ж, выбора, пожалуй, нет. Рэйс сам виноват в том, что сегюр

приходится выбирать между своей семьей и его, и естественно, в свою пользу. Нужно смирять свой характер и научиться вести себя подобающим образом, чтя, прежде всего, родственные узы. Сам виноват. Конечно, Иллан тут ни при чем, брат просто не оставил ему выбора... Но двое? Дети... Она...

— Агнолики сейчас убирают кьет, Рэйс на заседании... Все складывается как нельзя лучше, — тихо заметил Монтррой и, боясь, что император передумает, пошел к выходу. Иллан тяжело вздохнул и все ж кинул в спину друга, успел:

— Только сначала ...я должен быть уверен, что ее дети не ...наши. Если же Рэй их отец — ты не тронешь ее, — сегюр не приказывал и даже не просил, он умолял, и троуви это не понравилось, но он нашел в себе силы безмятежно улыбнуться и склониться в согласном поклоне: глупец! Какая разница, чьих детей носит под сердцем канно? Главное, убрать помеху к единовластию.

Алене еще не доводилось бывать на этой стороне. Роща гладкоствольных, высоких деревьев, с раскидистой кроной и нежно-розовой, круглой листвой размером с блюда. Высокий парапет, огораживающий обозримое пространство от и до, за ним обрыв, а вдали — высокие красные скалы, долина, словно взятая из кадров американских вестернов.

Серо-зеленые камни шли отвесно вниз, так далеко, что у Алены дух захватило, а дальше — странные силуэты то ли растительности, то ли причудливых строений, а может быть, горная гряда, не разобрать, вечерние сумерки уже прокрались на эту территорию и плотно окутывали серо-синей дымкой землю. Она, струясь, стремительно поднималась все выше, а Уэхо столь же стремительно исчезал за горизонтом.

— Как закат? Впечатляет не меньше рассвета? — раздался веселый голос за спиной. Алена развернулась и порадовалась, что на этой благословенной кем угодно, только не богом земле, есть родная душа, способная и понять ее, и посоветовать, да просто послушать.

— Сережа...я думала, все вымерли. Сколько брожу — никого.

— Так панели в каждой зале, нажми кнопку и говори, что надобно, — парень пристроился рядом, склонился, поглядывая вниз.

— А что говорить? — с тоской сказала девушка, и Сергей с любопытством посмотрел на нее:

— Ты чего такая невеселая? Хэчи действует? Не так все плохо, поверь. Световой день сократится вдвое, температура днем будет доходить до -15, а ночью и до -20, растительность начнет покрываться белым кристаллическим налетом, только не инеем, а ...как солью. Помнишь, опыты по химии? Вот, примерно так и будет, днем, правда, налет исчезнет, а к вечеру опять появится. Вот в принципе и все изменения. В остальном, все то же, кстати, у хэчи свое преимущество есть — хошотт не появляется, а гуэзи стоит посмотреть. Как северное сияние по утрам, красиво и близко, прямо над тобой. Краски яркие, радуга отдыхает. Зима, одно слово, правда, это для нас, для них лето. Они ведь другие, им Арктика, как нам Африка...

— Сереж, я...ты про другое расскажи. Знаешь, что в кьете делается?

— Понятно, — кивнул парень, голос малость подрастерял оптимизма и беззаботности, да и взгляд стал серьезным, задумчивым. — А что рассказывать? Сама была, знаешь. Хочешь, мое мнение на эту тему узнать? Могу сообщить — лояльное. Вера у них такая, а это дело сугубо личное.

— Они убивают, Сережа!

— И что? — пожал тот плечами. — У нас не меньше убивают, или сейчас криминал завял? В Чечне успокоились? И в других горячих точках — мир и дружба народов?

— При чем тут?...

— А при том! Хочешь, скажу, почему тебя это так потрясло? — глаза парня превратились в две узкие щелочки, — потому что лично тебя коснулось. Мало ли, что там по радио болтают, в газетах пишут, поохала, поохала с фальшивой ноткой сочувствия и забыла, а здесь и хочется, да не можешь. Вроде муж, а вроде убийца, вроде вера у него такая, а вроде и быть не может такой веры, средневековье. И, главное, все собственными глазами видела. Вот что потрясло. Не отмахнуться, да?

— Ты психолог? Или ясновидящий?

— Окультист — парапсихолог, маг и волшебник! Скажи — я не прав? А хочешь, еще скажу? Тебе лет 18–20, мамочка, папочка, жизнь — малина. За все заплачено, везде прихвачено, а потом раз и никого. Сама. И не через призму родительского мнения, подружкиных советов, а своей головой, своими глазами, а, главное, никто больше не прикроет, если набедокурила... Тяжко это, ни объяснений, ни помощи. Кажется, все против тебя, а ты одна, не приспособленная, загнанная, как лошадь, растерянная и ...

— Стерильная на голову, как бахилы в операционной, — с мрачной гримасой закончила Алена.

— Примерно, — кивнул парень и ухмыльнулся. — Все через это прошли. Я поначалу все сравнивал и получалось хуже некуда, а потом бросил, стал воспринимать, как есть. Жизнь здесь ни с чем не сопоставишь, и она не хуже и не лучше, просто другая. Да пойми ты, во что верит твой муж, по большому счету, не имеет значения и к тебе не имеет ни малейшего отношения. Забудь, представь, что по телевизору триллер посмотрела.

— Как же? ... — ужаснулась черствости соотечественника девушка.

— А вот так! Какая тебе разница — молитвы он читает, на посту сидит или жертвы приносит? На тебе-то это не скажется. Ты радуйся, что тебя мама в 'рубашке' родила, и ты не к сленгирам со своим темпераментом и земной патетикой залетела, не в наложницы попала, а в законные жены. Такое, кстати, только твой и мог учудить.

Алена озадаченно наморщила носик:

— О чем ты? Какое счастье? Одни вертикальные зрачки чего стоят — увидишь, и не знаешь куда кидаться! Да, мне повезло, как курице, попавшей в суп!

— Вот я смотрю, мозговой потенциал соответствует.

— Да, что вы меня постоянно дурочкойставляете?! — возмутилась девушка и даже кулачки от негодования сжала. — Извини, что я не Софья Ковалевская и не мадам Кюри, а простая российская студентка со среднестатистическим IQ! Можно подумать, здесь через одного Да Винчи и Энштейны бегают, а ты, как минимум, Линкольн со своим средне-специальным!

— Ах, как мы ранимы и обидчивы, — рассмеялся парень, плутовато поглядывая на пунцовое от негодования лицо девушки. — Глупая, ты, ох, и наплакалась бы, если б не Рэй. Ты посмотри на себя: во флэтонском — ни в зуб ногой, ни обычаев их не знаешь, ни обстановки, а судить спешишь. Ты б сначала присмотрелась, поняла хоть что-нибудь, а потом эмоциями исходила.

— Вот, блин, педагогов развелось, надоело..

— 'Поучают, поучают', — мурлыкнул парень, скорчив ехидную рожицу, и Алена не удержалась, прыснула от смеха, миготом утратив и обиду, и раздражение.

— Ну, тебя, — махнула рукой. — Если такой умный, то просветил бы бедную девушку, а не ерничал.

— Это мы запросто! — Сергей потер ладони, сел на парапет с видом древнегреческого мыслителя и пробасил. — Урок первый, чадо мое, общеобразовательный.

— Ага, ага, — согласно кивнула Алена и пристроилась рядом. — Начинай.

— Э-э-э. Флэт состоит из двух континентов — Мольфорн и Викфорн, на коем ваше величие и пребывает на сей момент. Население планеты делится на два...племени или, нет, народности?

— Да не мучайся, знаю — фэсто и окэсто.

— О, какие глубокие познания, — ехидно ухмыльнулся парень. — Как насчет сословий?

— Тоже в курсе.

— Значит, опустим, уже легче. Ну, уйму вероисповеданий туда же, потом ежели пожелаете, так, — Серега почесал в раздумьях щеку, покрытую щетиной, — тогда...

— Поговорим о моем 'счастье' и 'удаче'.

— Прекрасная тема, — согласился он. — Тебе действительно повезло. Ты жена, а значит, что бы ни случилось, ты под защитой мужа. Любые проблемы: от выбора наряда до ссоры со слугами, решать будет твой муж и, понятно, в твою пользу. Согласись — это просто 'шоколад', причем в таком темпе до конца своих дней. Он же будет заниматься вопросами твоей безопасности, образования, обеспечения всем необходимым, а, зная Рэйсли, могу дать гарантию, что и не только необходимым, э-э-э...что там еще? Ну, короче все будет на нем, твои обязанности просты и необременительны...

— Секс — услуги.

— Ну, это понятно, для них, кстати, это на первом месте, главное, ты будешь создавать ему крепкий тыл. Лозунг прост: верность, послушание, доверие и понимание.

— Не многовато? — скривилась девушка.

— В самый раз. Да ты радуйся — ни забот, ни хлопот, где б ты на Земле так устроилась? Вышла бы за какого-нибудь студента, на шее у родичей до 30 просидела, да еще детей им свесила, а потом пошли неурядицы: он налево, ты направо, он за водкой, ты к любовнику, или наоборот.

— Ты пессимист? Или горький жизненный опыт грустные нотки навевает?

— А скажи — я не прав?

— А скажи — здесь по-другому? — парировала Алена.

— Скажу. Здесь мужчины любовниц не заводят, нужно — наложницы есть, а если жена изменит — ее убивают. У них союз священен, его никто не нарушит, и в чужую семью за удовлетворением ни один нос не сунет. Даже мысли не возникнет. Чужая жена — свята, как ценный экспонат: 'руками не трогать!' А насчет алкоголя вообще глухо, как в танке. Они другие, Алена. Выносливые, перегрузки им не страшны, низкую температуру переносят легко и с великой радостью, высокую, правда, — хуже, по физическим данным любому олимпийскому чемпиону фору дадут..

— 'А нюх, как у соба-аки, а глаз, как у орла!' — пропела девушка с ноткой ехидства.

— Кстати, о зрении: видят они не только, как орлы, но и, — Серега развел руками, прикидывая, какое же животное видит так, как флэтонцы, но на ум ничего годного не приходило. — Короче, они видят ауру и там энергию всякую, потоки. В темноте опять же, как совы, и слух ...шепот за километр услышат.

— Не поняла, что там про ауру? — заинтересовалась Алена.

Парень вздохнул, выудил из кармана очки с фиолетовыми стеклами и надел их на глаза девушки. Та изумилась: темнота раскрасилась в радужные тона, в воздухе летали разноцветные частицы, от белых до малиновых, группами и по одиночке, от деревьев исходило сияние, земля, казалось, была укрыта дымкой, в которой клубились водовороты, вспыхивали огни, рассыпаясь и частично устремляясь ввысь. Даже Сережа превратился в светящееся, как светлячок, существо, в котором пульсировал яркий, огненно-рыжий сгусток на уровне диафрагмы, насыщенно-оранжевые частицы, мелкие, как пыль, словно танцую, уходили вниз и влево, смешиваясь с зелеными, идущими вверх и вправо. Они окутывали фигуру парня, как облако, пропитывая насквозь, и плотный, на вид, сгусток лежал на губах.

— Здорово? — Серега сдернул очки и сунул обратно. Алена потрясенно смотрела на него, застыв с протянутой рукой, которой пыталась секунду назад дотронуться до сгустка.

— Это, конечно, слабая имитация того, что видят они без всяких приспособлений.

— Ни фига себе! — присвистнула обалдевшая девушка и, словно очнувшись, хлопнула себя по губам, — Пардон!

— Впечатляет, да?

— Хм, ну-у-у...

— Во-во, я тоже мычал по-первости. Зрачки у них видела — вертикальные. Я думал — все, галики, допился до белой горячки, а потом, когда оклемался, прилетели, гляжу, у всех такая ерунда периодически. Мне пацаны потом объяснили — флэтонцы так энергетический потенциал рассматривают, прикидывают на, что годен. У них и в залах посмотришь, стены, очки одел — точки, арки, фигуры геометрические, кнопочки и прочее. Вообще, видят они то, что нам не дано...

Алена внимательно слушала его, чуть хмуря брови, и вдруг вскинула ладонь, прижав к щеке: что-то неожиданно и пребольно ужалило ее. Она вознамерилась спросить — а не водится ли на Флэте муха цеце и не проявляет ли особую активность в ночной период суток при низкой температуре? Но не смогла и рта открыть: секунда, и удивленно — растерянное лицо собеседника растворилось в темноте.

Алена, поморщившись, села, потирая затекшую шею, и замерла, не веря собственным глазам — знакомый каземат только в более веселых тонах — голубые стены и желтый светящийся пол без решеток и пыли. ‘Что за чепуха? Опять Иллан решил почудить?’ — озадачилась она, нахмурив брови.

— Как дела, сестренка?

Алена настороженно покосилась: Серега! Вид у парня был невеселый, настороженный, лицо напряженное, взгляд такой, что впору психологическую помощь оказывать. Он сидел рядом на полу, вытянув ноги и упираясь спиной в стену. Девушка придвинулась к нему и спросила:

— Мы где?

— В полной... Неприятности у нас, короче.

— Большие?

— Огромные, — заверил парень, насупившись.

— Класс! Серия 124, в ней вы увидите, как два земных лоха сосуществуют в инопланетном каземате, а также ознакомитесь с 255 позой из Кама-сутры гуманоидов, — прогнусавила Алена. Парень фыркнул. — А если серьезно? Как мы здесь оказались? И вообще, где мы? Чья идея на этот раз?

— Похоже, твой деверь чудит...себе на уши.

— Иллан?

— Ага.

— Он с рождения больной или это у него приобретенный сдвиг по фазе?

— А кто его знает? Я при зачатии не присутствовал, — вздохнул парень.

Настроение у него было отвратительное: знал, что не на чашку фэй их сюда притащили. Хорошо, он во время сориентировался, и в Алену вцепился, теперь бы только переждать — Рэй их найдет, контролер-то в плече работает, глянь на экран — и будет ясно, где тэн, а значит и госпожа. Неглупые, догадаются, что к чему. И где, интересно, агнолики были, когда за их подопечной похитители явились?

А Иллан? Неужели не понимает, на что решился? О последствиях не думает? Совсем озверел. А может, не Иллан? Тогда, кто мог пойти на подобное? К сленгирам жену сегюр...

Гвидэр? Нет, старик бы ее не тронул и других, узнай, сам в кьет оттащил, да мэ-гоцо сыну подал. Нет. Не он. Иллан. Интересно — что хочет? Доказательств, что дети Алены от Рэя? Или...нет, убить женщину, да еще беременную — ни один флэтонец на такое кощунство не решится.

Но тогда, почему так тревожно? И роботехи...и мужик тот, Гулгэст, кажется. Кто он, Сергей точно не знал, но пару раз видел в обществе Иллана и его друга, а ныне советника — Монтррой, и все трое парню категорически не нравились.

Алена насторожено посмотрела на хмурое лицо земляка и почувствовала неладное, но, в отличие от него, в депрессию впадать решительно не желала:

— Слышь, земляк, нас четвертуют или живьем съедят? — бодро гаркнула она.

Сергей вздрогнул и так на нее глянул, что девушка и без слов поняла, что подобная инсинуация, увы, не далека от действительности, но это обстоятельство озаботило ее лишь на минуту. В конце концов, после стольких стрессов, ее психика просто не в состоянии была

воспринимать угрозу жизни всерьез, а страх и естественное еще несколько месяцев назад чувство самосохранения, казалось, покинули ее навеки, отказавшись служить на благо столь безалаберного существа. А вот желание отвлечь сородича от грустных мыслей о бренности жизни и поозорничать всласть, пусть и напоследок, переполняло душу и превалировало над всеми остальными, более естественными в данной ситуации. 'Совсем, вы, Алена Владимировна, умом тронулись', — подумала девушка и, лучезарно улыбнувшись парню, выдала баском:

— 'Гони прочь, тугу печаль!' Съедят, так съедят, авось подавятся? Мы ж славяне, не каждому по зубам, так что, не бери в голову. Дела наши скорбные нехай подождут, а мы о жизни бренной посудачим: урок второй, чадо мое — Земля. А то ты меня о Флэте просвещал, а о Родине не спросил. Не интересно, что ли?

— Интересно, да душу бередить не хотел, — Сергей прищурился, с интересом взглянув на девушку: до чего странное существо — или не понимает опасности, или не хочет понимать? Однако в мужестве ей не откажешь, кто бы подумал...ребенок совсем, ума с мизинец, а, поди ты, держится, дай бог каждому. Парень даже зауживал соотечественницу в эту минуту и решил, что она в корне права — не стоит раньше времени переживать и беспокоиться. Что будет, то будет.

— Ладно, сильно мы твою душу бередить не будем. О политике: В Москве террористы брали заложников, пришли люди на мюзикл и получили выше головы проблем. Буш взял Ирак...Что там еще, — напрягла Алена память. — Прости, я что в политике, что в спорте — профан. Неинтересно. Зато могу рассказать новости шоу-бизнеса.

— Ага, — скривился парень, — именно это меня больше всего и интересует. Прямо спать спокойно все это время не мог, покоя мне не давал вопрос: вставил ли Шура зубы.

— Вставил! — кивнула Алена. — Проекты новые появились: 'Последний герой' Ну, этс старое, одно время по 'Фабрике звезд' прикалывались, а сейчас так уже не интересно. 'Глюкоза' многим нравится ...

— Кто?! — наморщил лоб Сергей.

— 'Глюкоза'! — и напела для убедительности, выгнув пальцы и оскалившись, как пиранья. — 'Я буду вместо, вместо, вместо нее. Твоя невеста, честно, честная, ё!'

— Кошмар! — возвел очи к потолку парень. — Не, сестренка, не хочу я таких новостей. Они для моей тонкой душевной организации слишком причудливы.

— Хочешь, из 'Земфиры' что-нибудь спою? 'Я убью соседей, что мешают спать...'

— Упаси меня боже! — взревел Серега, прерывая сольный концерт. Он подозревал, что Алена специально выдает перлы, подтрунивая над ним.

— У-у-у, какой ты отсталый. Извини, голос у меня, конечно, не очень.

— Да нет, голос-то как раз у тебя ничего, вот только репертуар ваш, девушка, как бы помягче — слишком уж изысканный для моих ушек.

— Да? — лукаво улыбнулась Алена. — А что тебе нравилось?

— Лоза, 'Воскресенье', Розенбаум, 'Машина времени'.

— Споем? 'Повесил музыкант на спинку стула свой сюртук....'

Гулгэст нахмурился, слушая дуэт землян, и отключил аппаратуру слежения. Их пустой разговор лишь засорял эфир и утомил сознание соглядатая. Глупые, ненормальные, завывающе тоскливые песни его не интересовали. Девушка пришла в себя, значит пора действовать.

Он повернулся к старшему сленгиру и кивнул: приступай.

Агрифорн вызвал дежурного. Не самому же ввязываться? Странно было бы, если б он сам начал разносить лекарства по камерам. Зачем возбуждать лишнее любопытство? Ему и так не очень нравилась уготовленная роль в данном деле, хуже некуда — оказаться меж двух огней — один сегюр приказал, другой пострадал, а спрос с него будет. Хорошо, что смена заканчивается меньше, чем через час, в лаборатории останутся лишь дежурные по этажам, тогда можно будет с относительной безопасностью для себя убрать тело и признаки пребывания канно в его вотчине.

Он приготовил нужный состав, подал вошедшему парню стакан с зеленоватой жидкостью и приказал.

— 7 бокс. Проследишь, чтоб женщина выпила.

Парень поклонился и вышел.

— Что ты ему дал? — на всякий случай полюбопытствовал Гулгэст.

— Яд. Примерно через час умрет и она, и ребенок, а яд без следа растворится в организме. Причину смерти установить не смогут.

— Хорошо, — кивнул мужчина.

Каргер шел по коридору и поглядывал на жидкость в стакане. Это, без сомнения, был яд. Женщину из седьмого бокса привезли недавно, и он ее еще не видел, но количество роботехов на этаже и столь пристальное внимание старшего сленгира само лично к новенькой рождали массу догадок и предположений. А яд в стакане — средство редкое в данном заведении и слишком поспешное, учитывая время, проведенное новенькой в боксе, говорило о том, что женщина не простая подопытная, а, скорей, не угодная кому-то очень высокостоящему, раз от нее решили избавиться быстро, тихо и без свидетелей.

Парню это не нравилось, но, не смотря на сомнения, он исполнит приказ. Все остальное — не его дело. Фагосто грызутся, встревать не стоит, себе дороже выйдет.

Каргер был окэсто. Он с огромным трудом получил эту должность и собирался дослужиться, как минимум, до звания кэн, поэтому излишнее любопытство, как и собственное мнение, было ему не по карману. Его дело четко выполнять указания и следить за порядком и общим состоянием подопытных на вверенном ему этаже. Остальное его не касается. И что бы ни случилось — отвечать будут сленгир и тот мужчина, что стоял к нему спиной. Если судить по выправке и одежде, он и отдавал Агрифону приказ.

— А как там вообще, Аленка? — спросил Сережа, когда смолк последний куплет.

Песня из далекого прошлого разбередила душу, всколыхнув тоску по дому. А может, и не только песня была тому виной. Еще и пребывание в этих стенах, на волосок от гибели, возродили забытые воспоминания. Он понимал, что умрет первым. Алену еще могут помиловать, передумать, а нет, так тем более, придется, как Александр Матросов на амбразуру первым ложиться, чтоб время выиграть и дать девушке шанс выжить. Рэй долго не задержится, главное — успел бы.

— Там, как всегда — замечательно. Бардак, по большому счету, закончился. Лица людей стали светлыми, уверенность появилась. Президент новый. Слушаешь его, смотришь, и не поверишь, распирает от гордости — наш! Классный мужик. Зарплата вовремя, в магазинах — чего только нет, были б деньги. Бананы, как картошка, на каждом углу, словно Африка. А вообще: ‘там чудеса, там дума бредит, реклама в телике сидит’, — Алена

покосилась на собрата по несчастью и спросила. — Нас, правда, убьют?

Серега вздрогнул от неожиданности, дернулся, вздохнул и нехотя пожал плечами. Врать желания не было, но и пугать, тоже: блажен, кто не ведает.

— За что? — пристала девушка, заглядывая в лицо парню. Ни страха в голосе, ни отчаянья, лишь искреннее непонимание, любопытство.

— А сама как думаешь? — тихо спросил он, выдержав ее испытывающий взгляд.

— Не знаю. Я здесь вообще ничего не знаю и не понимаю. Весь мир с ног на голову перевернут. Поэтому даже и не пытаюсь выводы делать, без кофейной гущи, ясно, ошибусь. А вот ты, другое дело. 7 лет здесь, по любому больше меня знаешь. Просвети, ‘старший брат’.

— Я могу лишь свои догадками поделиться, но не факт, что они верны.

— Поделись, пожалуйста. Очень знать хочется, кому мы на любимую мозоль наступили.

— Бесшабашная ты, и язык, что бритва. Как тебе его еще на Земле не отрезали?

— Давай, опустим историю моей жизни, тема не та, да и место неподходящее. Позже, если захочешь, да если выберемся, с удовольствием напишу лично для тебя свою автобиографию, в рамочку заключу и подарю на 23 февраля, ага?

Сережа улыбнулся и покачал головой:

— Ох, и язва ты... Ладно. Уговорила, открою тебе ‘страшную тайну’. Оратор из меня не очень, так что, извини, изложу как смогу, — парень тяжело вздохнул, поерзал и начал вещать, заходя издалека. — Рэйсли — окэсто. А Иллан фэсто. С моей точки зрения, разграничения бредовые, но у них на этот счет свое мнение и закон четкий, которому они следуют с завидной последовательностью. Окэсто — низший сорт, полулюди, искусственные, по закону потому не имеют тех прав, что фэсто. В свое время их признали виновными в распространении какого-то вируса, ставшего причиной глобальной эпидемии. С тех пор они изгой. Хотя зачаты и рождены по желанию фэсто, но не могут наследовать их имущество, не могут иметь детей, только таких, как они, тоже искусственных. А твой смог, понимаешь? И зачать смог, и предъявить права на звание сегюр, и получить его. Для них это вызов. Особенно для твоего деверя. Он должен был править единолично, а Рэйсли отправили из дома умирать... Он возьми да и вернись, и не один. Тебя привез, заключил союз. А для флэтонца семья имеет огромное значение. Твой взял на себя ответственность за другого, для всех это признак того, что он достаточно силен и физически, и морально, признак зрелой, состоявшейся личности. Значит, может нести ответственность и за других, своих подданных, например. К его мнению будут прислушиваться. А учитывая, что окэсто выздоровел не полностью, да еще и зачал естественным путем двоих детей... Это нонсенс. Теперь главенство Рэйсли и его власть бесспорны для всех. Для Иллана это, что нож в сердце. Его авторитет и так равен нулю, а ведь именно его готовили к правлению с рождения, возлагали надежды... Гвидэр. Он за всем стоит. Женить теперь старшего хочет, чтоб расстановку сил хоть как-то нормализовать, но тот такие ‘дрова колет’, что и заключение союза не поможет. Мольфорн. Горная местность — Ливапия, веками служила местом ссылки неблагонадежных, окэсто там процентов 90, лаборатории... Их начали громить, восставать против порядков, требовать равенства в правах. Особенно недовольны бывшие тэн — их освободили, но ни прав не дали, ни возможности домой вернуться. Живут, как придется, между небом и землей болтаются. Надоело. Домой хотят. Вот и решили устроить революцию, местность опять же подходящая — горы, пустыня. Иллан объявил блокаду на Мольфорне, а это значит, что никто не сможет покинуть Ливапию, поставки продовольствия

сведены к нулю, допинга нет — население гибнет. И не только тэн — местные, свои. Климат там и так очень тяжелый для флэтонцев: полгода +15, 20, полгода +10,15, пески, шифаты [57], оттио, [58] а окэсто ослаблены и больше других нуждаются в особом уходе, а при отсутствии подпитки они мрут, как мухи. Они ведь болеют страшно, то, что фэсто проходит за всю жизнь, они за 30 лет по полной программе. А главное, они тоже флэтонцы, и тоже не хуже других и рождены от фэсто... Короче, твой решил помочь своим сородичам, не знаю, как, но он пытается снять блокаду Мольфорна, поставив под сомнение решение брата. Ситуация сложная. Иллан и так не правитель, а ...скорей, пешка. Если б не Гвидэр да троуви, его бы не признали, а если Рэй предоставит доказательства необдуманности решения и его чреватости для будущего подданных Флэта, у Иллана будут большие неприятности. Самое простое в данном деле, лишить Рэйсли опоры — тебя. Его перестанут воспринимать, как достойного правителя, наверняка, очернять или еще что-нибудь придумают. Это будет легче. Нет жены, нет детей, не надо быть ясновидцем, чтоб не понять, что он превратит в руины весь сегюрет и натворит таких дел, что его не только звания лишат, но могут и выслать без права возвращения. Короче, у Иллана две дороги — длинная, но честная: заключить союз, научиться принимать решение и отвечать за них, самому завоевывать авторитет. Короткая проще и быстрее — убрать тебя, а, следовательно, свои неприятности — Рэйсли. Вот он ее и выбрал.

— Путаница какая-то, — покачала головой девушка. — Чушь. При чем тут я, дети?

— Я же объяснял тебе — у них по-другому все. Здесь дети святое. Рождаемость минимальна, а уж от обычного соития...редкость огромная. Один шанс на миллион. В основном искусственное зачатие, а это — окэсто, смертник: то ли выживет, то ли нет. Не наследник, а смертник. Сама подумай — какво родителям смотреть и думать ежеминутно — сколько он проживет? Видеть, как мучается твой ребенок...

Алена передернула плечами:

— Ужас какой! Что за бред?! Фэсто, окэсто...Какая меж ними разница? Одни рожают других, чтоб потом лишить своих же детей прав, и при этом считают, что ребенок святое. ...Дурость! Это не Флэт, это Ад. Законы соответствуют, мало без сдвига по фазе не поймешь, что к чему, так еще и действуют против самих себя. Короче, ерунда какая-то!

— Да, все просто: два вида людей, одна группа — полное отображение первой и ее производное, поэтому первая группа считает себя выше второй, а вторая, естественно, с этим не согласна и пытается как-то изменить сложившееся мнение и положение вещей.

— Ага, а в голову это пришло только Рэю. Других чокнутых аболиционистов Флэт не рождал.

— Так окэсто еще ни разу не занимал должность сегюр. За тысячелетия твой — первый. Кто бы об этом заговорил? Фагосто? Они имеют возможностей больше, чем кто-либо, и потому им недосуг подобным заниматься. Смысл? Им это не надо. У них все есть. Они фэсто, допинг в любое время гуэдо позволяет, а это стабильное здоровье, постоянное жизнеобеспечение, без проблем. Им, в отличие от окэсто, много не надо, поддержать баланс и все. Да и время на них работает. Дети опять же, как правило, фэсто, пусть и поздно, как у Гвидэра, в 240 первый появился...

— Муть какая! — потрянула головой девушка, сияясь уразуметь. — В смысле: они не болеют, потому что имеют доступ к допингу? И что за допинг? Анаболики? Протеин?

— Энергия, — пожал плечами парень.

— Что?! — Изумилась Алена и застыла осознав. Все услышанное, увиденное, как пазль

мозаики, миг сложились в весьма неприглядную картинку:

— Поэтому у них становятся вертикальными зрачки. чтоб видеть энергию. Они питаются ею! Забирают жизненные силы... Боже! Вот почему Рэй поправился, стал таким...

— Ты не знала? — нахмурился Серега. — Странно, я был уверен... Они ведь другие, Алена, не могут сами. Что-то с атмосферой. Они не могут скидывать лишнюю энергию и пополнять запасы из космоса, как мы...

— Они вампиры! — потрясенно заметила девушка. Парень хотел возразить, но тут открылась стена, и в камеру вошел невысокий худощавый парень в голубом комбинезоне. Земляне поднялись, как по команде, и вперили в него вопросительные взгляды.

— Пей, — приказал тот на флэтонском, протягивая девушке стакан с зеленой жидкостью. Алена лэктором себя не обременяла и, естественно, поняла смысл слова только по жесту, но желанная пробовавшая столь ядовитого цвета жидкость, натурально не захотела, о чем не преминула сообщить на русском и подтвердить жестом: не буду!

Сергей же вглядывался в лицо парня и понял, что перед ним хоть и пешка, но довольно не глупая и имеющая все шансы стать ферзем. К тому же на шее у незнакомца из расстегнутого ворота комбинезона выглядывала толстая витая цепочка, и тэн заподозрил, что на ней висит мэ-гоцо. Значит, парень поклонник Модраш, значит, поможет им, если узнает, кто Алена. Взаимовыручка у модрашистов Сергея всегда удивляла и рождала глубочайшее почтение. На подобное проявление разве что 'Моссад' на Земле сподобился.

Парень тронулся к девушке, намериваясь, видимо, влить жидкость насильно, но перед ним вырос тэн, преграждая дорогу, и спросил по флэтонски:

— Что это за жидкость?

Незнакомец смерил парня презрительным взглядом темно-зеленых глаз и уже схватил за плечо, чтоб отшвырнуть в сторону, как тэн опять спросил:

— А ты знаешь, что покушаешься на священную собственность, подарок Модраш?

Парень замер, щуря глаза на наглеца, потом покосился на девушку, стоящую истуканом за спиной Сергея и заколебался.

— Покажи ему печать, — попросил девушку тэн, моля бога, чтоб та не вздумала перечить. Бог, видимо, услышал, а может, Алена с умом подружилась, во всяком случае, она без слов оголила плечо, выставляя напоказ татуировку.

Зрачки незнакомца сначала расширились, впившись в рисунок на плече, потом дрогнули, став вертикальными на пару секунд, и, наконец, приняли нормальное состояние.

Каргер понял, что за пленница перед ним, а также понял, что кэн ему уже не стать, но это теперь не огорчало. Вере послужить почетней, чем себе. А там Модраш поможет и братья. Но сначала он должен защитить кьяро.

— У нас есть час, — одними губами сообщил он Сергею, боясь прослушивания.

— Свяжись с Поттаном или Рэйсли, скажи, что их тэн сбежал, — так же тихо сказал парень и со значением кивнул на свое плечо.

Каргер чуть кивнул, выпил жидкость и вышел.

— Что это было? — просипела Алена. Парень ей сильно муженька напомнил, и на душе стало маятно.

— Яд.

— Но он же?...

— Им он не страшен, — тихо ответил парень, глянув на девушку. Ее вид внушал опасения: бледная, глаза, как блюдца, и взгляд испуганный, того и гляди, в обморок упадет.

‘Как бы не родила раньше времени. Не железная, и так досталось’, - вздохнул парень.

Алена же к стене прислонилась и в пол уставилась: Ну, что за мир? Куда она попала? А может ...это всего лишь иллюзия? Она сошла с ума, и это плод ее большой фантазии?

Ребенок шевельнулся, толкнув мать изнутри и напоминая о себе, и та, не думая, положила ладонь на живот, успокаивая его и успокаиваясь сама. Конечно, этот мир реален, как и все, что его населяет: синие листья, 28 часов в сутках, тэн, казематы для таких, как она, люди с неестественно ярким цветом глаз, вертикальными зрачками, питающиеся чужой энергией, пьющие яд, как сок, и ...Рэй со своим братцем- извращенцем.

— Мой муж инопланетянин. Вампир. Сатана. И я жду от него сатанят, вот радость-то! У меня будет двое вампиренышей, ‘лучших друзей человечества’. Интересно, они полностью в папочку пойдут или все ж от меня что-нибудь им достанется, человеческое? — нервно хохотнула девушка.

— Дура ты! — бросил Серега презрительно и полоснул взглядом, как огрел. — Истерику еще закатай. ‘Сатана’, ‘вампиры’- насмотрелась американских триллеров. Хороший вывод сделала. Что говорил, что не говорил, как об стенку горох — словно не слышала. Ох, бабы, не даром вас бог из единственной кости без мозгов сотворил...

— Сам дурак! — ошетибилась девушка. — Ты сначала забеременей от вурдалака инопланетного, а потом обзывайся! Посмотрела б я, каково тебе в моей шкуре было бы! Ты не допинг, как я...

— А кто, по-твоему? Забеременеть я, конечно, не смогу, уж извини, — с издевкой заметил парень, ядовито скривившись. — А вот допингом, я, к твоему сведению, больше года был. И, знаешь, жалею лишь об одном — помочь не смог!

— Ничего себе! — возмутилась Алена, — ты их жалеешь?! Они нас убивают, выпивают энергию, а ты их жалеешь?! Спасти хочешь?! Они тебе импонируют, да?! Кровососущие животные с высоким интеллектом теперь твои лучшие друзья?!

— Да!! — заорал Сергей, в упор уставившись на девушку. — А еще я их уважаю!

— Прекрасно! Очень за тебя рада! Счастья тебе, мужик на данной стезе! Желаю дослужиться до зам. Зав. Зава. Главного Дракулы!

— Дура! — сплюнул парень и отвернулся, обидевшись. Девушка зло скривилась и, махнув рукой, отвернулась следом.

В камере повисла тишина.

— ... если контрабандные тропы?

— И что это решит? Нет, Дэйкс, это лишь усложнит положение. Получится, что мы снабжаем инсургентов пополнением, за спиной совета и соправителя, игнорируя их постановление. Это не выход. Наоборот. Ухудшение ситуации.

— Тогда что будем делать?

— Ждать. Пока, — Рэйсли твердо посмотрел на троуви и вздрогнул от неожиданной трели, надсадно завывшей из сенсора его браслета. Экстренная связь. ‘Что опять приключилось?’ - поморщился сегюр, нажимая кнопку.

Поттан недобро сверлил его взглядом:

— Заседаешь? — прошипел он осуждающе. Парень вскинул бровь:

— Я должен был спросить тебя?

— Ты должен был смотреть за женой!

Рэйс замер на секунду, зрачки расширились, превращая глаза из голубых в черные, и

вскочил:

— Что с ней?

— С нами связался собрат. Каргер. Он служит в лаборатории совета. Кастоун-Хоф. Она там. И земной тэн. Они в опасности. Собрат не знает, в чем дело, но ему приказали дать ей яд. Связь была недолгой. Суть не ясна, виновные не выявлены. Торопись. У них закончилась смена. Значит, ее уберут. Он присмотрит, но он один. Стейпфил и агнолики уже на подлете.

Последнее Рэйс услышал в спину. Он уже торопливо вышагивал к выходу. Дэйкс шел рядом, стараясь не смотреть на сегюр. Лицо у того было: не подступись — убьет. И окружающие это видели, расступались спешно, пропуская, а потом долго смотрели вслед, теряясь в догадках и радуясь, что не попались под руку.

Два сейфера уже ожидали их на террасе гаосто [\[59\]](#).

— Где Стейпфил? — рявкнул Рэй, грозно разглядывая стоящего у дверцы с покаянной физиономией агнолика.

— В Кастоун-Хоф. Считали данные в контролера тэн. Он знает, где госпожа...

Сегюр не дослушал, с треском сжал зубы, сдерживая ярость и оттолкнув парня, влез в сейфер.

Сергей долго сердиться не мог, вспыхив был по натуре, но отходчив. А Алена и вовсе сердиться больше десяти минут не могла, а уж усидеть спокойно в такой обстановке, тем более. Поэтому их размолвка была недолгой. Посопели обиженно, помолчали осуждающе, да начали переглядываться примирительно.

— Извини, сестренка, — сказал первым парень, и та улыбнулась робко:

— И ты извини, Сереж... Страшно мне, понимаешь? Я, потерялась. И Рэй... как посмотрит вертикальными зрачками, так и бежать куда не знаешь. А еще вампир. Мало вчерашнего представления в кьете, так еще и..

— Я понимаю, — кивнул парень, виновато покосившись на нее, и начал объяснять. — Но попытайся и ты понять. Они не виноваты в том, что так устроены. Они не хуже. И твой мужик, что надо. Тебе не о чем беспокоиться. А что энергию забирают... Ты вот мясо ешь, а они нет, и что? У каждого свое. Самое простое, так категорично заявлять: вампиры, нечисть. А вот понять... Я, как попал на Флэт, почти год по разным хозяевам мыкался. Мужчины не трогали, а вот женщины их — да. Сначала зло брало, а потом попал к одной, отец ее меня купил. Флэтонка коренная, но окэсто. Вээли звали... Вот тогда я и начал что-то понимать. Она слабенькая была, молодая, 21 всего, и красивая: невысокая, хрупкая, руки, как веточки, тоненькие, волосы темные, короткие, как у мальчишки, да и фигура, как у ребенка, и сама — дитя. Глазища фиолетовые, наивные, доверчивые, а взгляд смущенный, виноватый. Смотрит и словно прощения просит, что возьмет у меня энергию, и-цы, по ихнему. Жалко мне ее было, так и хотелось помочь. Болела она жутко, как вспомню... все бы отдал, не то что энергию. Да, бери, не жалко, не убудет от меня... Но не помог я... Умерла она, а в сердце заноза застряла — не сумел помочь, и словно виноват, — парень мотнул головой, пряча горечь в глазах, и взъерошил ладонью волосы. — А потом я к Рэйсли попал. Присмиривший уже, после ее смерти словно... придавленный... Понимать начал: то, что мы можем, что имеем от природы, и не замечаем, оказывается, стоит жизни другим. У нас ведь просто — вздохнул — взял, выдохнул — выбросил, а они не могут и умирают. Странно, да? Я после Вээли больше молчал да смотрел, не торопился уже с выводами и за твоим наблюдал да

удивлялся — откуда у него силы берутся? Каждое утро, на рассвете, он тренировался: палки какие-то, словно у-шу и этот кинжал... А ведь уползал потом, еле двигался, бывало. А то и встать не мог и все равно упрямо упражнялся. Зачем? Потом понял. Он не тело, дух тренировал, закалял. Вот ведь сила! Знал ведь — смертник, не сегодня — завтра умрет, и все равно не об этом думал — о духе!... А родственникам своим он не нужен был. Они его и не замечали. Сам по себе. Один он был, сам со своей бедой боролся.

— Не надо, — не выдержала Алена. Жалко вдруг стало и подумалось: ‘Действительно, не убудет от меня этой самой энергии, не жалко, лишь бы жил. Пусть. Не такой уж он и плохой, не стоит ему умирать... Может, поэтому он такой, словно замороженный, что добра не видел, одинокий большой и ненужный — как не обозлиться? Нет, правы братья-бухологи, нет случайностей. Наверняка, меня именно за этим сюда занесло — отогреть помочь, а если мы не выберемся? Что с ним будет? Умрет?’

Девушка забеспокоилась, не на шутку встревожившись за мужа.

— Сереж, а что случится, если не будет допинга? Рэй умрет?

Парень покосился на нее и вздохнул: до чего ж странный народ — женщины! Двадцать минут назад последними словами мужа награждала, а сейчас испереживалась. Пойми их! У любого заворот извилин случится.

— Не знаю, врать не буду.

Алена нахмурилась и закусил губу, соображая, как бы выбраться без ущерба для здоровья. Рано ей, оказывается, помирать — она очень нужна, как он без нее жить-то будет? И потом, если уж все так поворачивается, ее святая обязанность не только здоровье мужа поддерживать, но и насадить в его душу ростки человечности.

Гулгэст застыл, глядя на монитор: в периметр помещений проникли чужаки. Их было не меньше 30, и они не скрывались. Это наводило на одну единственную мысль — агнолики. Только они до такой степени бесшабашны и откровенно дерзки. Следовательно, и сегод здесь, и вскоре служащим не поздоровится. ‘Как же он узнал, как?’ — дернулся мужчина, в бессильной злобе сжав кулаки.

Его миссия провалена, и нужно торопиться убраться, пока его не взяли и не всплыл заказчик. То, что он не успел выполнить, еще пол-беды, будет гораздо хуже, если Лоан узнает, кто покушался на его жену, и будет иметь доказательства преступления. Тогда не сдобровать всем.

Мужчина, подозрительно покосился на побледневшего сленгира, пристально следящего за движением точек на мониторе, и понял — выхода нет. Его продется убрать. А чтоб показания мозговых импульсов невозможно было преобразовать в образы и зафиксировать на данной основе факт злодеяния, ему нужно повредить мозг. А потом убираться, как можно скорей, через нижние этажи. Его никто не видел, и только сленгир в курсе заданной ему задачи. Монтррой был прав, настаивая лишь на одном помощнике. Убери его, и доказательств не будет, а домыслы, дело личное, они не представляют интереса для правосудия. Роботехи... в них лишь программа, и они будут биться до последнего, так что и здесь Рэйсли ничего не получит.

Гулгэст резко выхватил стилет и воткнул острие в ухо сленгира. Зрачки Агрифорна удивленно расширились, рот открылся в попытке крикнуть, но не было издано и звука. Тело мужчины рухнуло, дернулось и затихло. Душа еще топталась рядом, растерянно разглядывая отслужившую ‘одежду’ и привыкая к новому типу существования, но Гулгэста это уже не

интересовало. Он активировал роботехов на нападение и самоуничтожение, внимательно осмотрел помещение, нажал кнопку стерилизации, уничтожая малейшие следы своего пребывания здесь, и вышел. Ему нужно было всего лишь три минуты, чтоб покинуть здание, и они у него были.

Каргер сжал покрепче мэ-гоцо, внимательно следя за движением роботехов, готовый к нападению. Трех он уже вывел из строя. Они лежали у входа в камеру бесформенной массой, но это не придавало уверенности парню — на место тех встали пять других, а он один, и за спиной мэно, священная кьяро, которую он обязан защитить пусть и ценой жизни. Тэн ему не помощник, да и женщина, увидев, что здесь творится, может испугаться и повредить детям, поэтому парень не открывал камеру, не просил помощи.

Послышался дробный топот, и на подмогу роботехам с двух сторон коридора вынырнули еще семь. Каргер не стал ждать нападения и напал сам. Ему удалось зацепить трех сразу, одним движением. Лазерный клинок мэ-гоцо с легкостью прошел по телам роботов, разделявая их, как тушки.

Рэйс вступил на первую ступень, ведущую вглубь лаборатории, и увидел в конце длинного коридора толпу роботехов, приближающихся к ним неумолимо, как хошотт. Их было не меньше 20. Сегюр и Дэйксклиф переглянулись и, оскалившись, синхронно вытащили свои клинки, приготовившись к нападению. Агнолики было выступили вперед, но Рэйсли остановил их взглядом и, нажав алмаз на конце мэ-гоцо, шагнул навстречу противнику первым.

Он врезался в толпу роботов, хищно скалясь, и начал с чувством глубокого удовлетворения крушить тупое железо лазерным клинком.

За его спиной с той же решимостью работал Дэйкс — добивал роботов, справа и слева — выказывали удаль агнолики. В коридоре стоял хруст пластика и свист рассекаемого клинками воздуха. Красные светящиеся лучи метались в толпе, выводя из строя одного противника за другим, и вот, наконец, роботехи затихли у ног победителей.

Сегюр, дав выход ярости, немного успокоился, и нажал кнопку связи со Стейпфилом.
— 7 бокс, — сообщил тот хмуро. — Пробиваемся. Верхние этажи зачищены. Свидетелей не найдено: дежурные, служащие и роботехи. Все.

Рэйс кивнул: ладно, позже разберемся, отключил связь и, стряхнув с клинка влагу, направился к лифту, не глядя, перешагивая через останки роботов.

Каргеру приходилось туго. Роботехи прибывали и прибывали, ползли как насекомые и не собирались сдаваться. Груда расплосованного железа и пластика, залитая зеленой жидкостью внутренностей, росла, а количество нападающих не уменьшалось.

Парень яростно бился, успевая уворачиваться от смертоносных ударов только благодаря своей природной реакции, и без усталости отбрасывал одну волну за другой.

Но вот все кончилось. Роботов словно срезали, как ветки и на парня подозрительно щурясь смотрели голубые глаза. Тот замер, мгновенно поняв, кто перед ним, и поклонился в знак уважения. На душе стало легко: он выполнил свою задачу, кьяро спасена.

Рэйс кивнул Стейпфилу: продолжай зачистку, и шагнул к стене, за которой его ждала жена, но замешкался, посмотрел в упор на парня и бросил:

— Пойдешь с нами, брат. Я воздам тебе должное.

Каргер выпрямился, вскинув подбородок и с достоинством заметил:

— Я выполнял *свой* долг. Вы мне не должны.

— Зато мне нужны такие люди, как ты. Подумай, — ответил сегюр и открыл вход в бокс.

Каргер прислонился к стене, убрал лазер, водрузив мэ-гоцо в ножны, и с благоговением прижал его ладонью к груди. Все-таки он счастливеец. Модраш наградил его возможностью служить своему собрату, а значит — своим, жить в великое время перемен и умереть достойно. И кто знает, может быть, он еще увидит будущее глазами своих детей. У них теперь есть надежда, есть предводитель и защитник их интересов, и прав их сегюр.

Да, он будет ему служить, и не менее верно, чем служит Модраш.

Алена вздрогнула, увидев, как открывается стена, и облегченно вздохнула:

— Рэй!

Тот застыл на пороге, величественный и монументальный, как древний воин, немного надменный и как всегда самоуверенный, но родной и желанный, как никогда. Его рука сжимала странное оружие: с одной стороны кинжал, с другой — длинный, светящийся красный луч. Взгляд необычный, неприсущий ему ранее, почти человеческий, в котором сквозило ожидание, облегчение, страх и боль одновременно.

То ли разговор с Сергеем, то ли все произошедшее разом удивительным образом повлияли на Алену, и девушка, забыв все недоразумения и претензии, взирала на мужа с гордостью и восхищением, радуясь, что он жив, здоров и пришел ее спасать.

— Жена? — позвал он, и та рванула навстречу, прижалась к груди и улыбнулась доверчиво:

— Я рада, что ты пришел.

Рэйс выгнул бровь, насмешливо глянув на девушку:

— Ты сомневалась, что может быть иначе?

— Не-а, — рассмеялась она, и парень успокоено вздохнул, поцеловал жену в макушку и, обхватив за талию, вывел в коридор.

Он боялся выпустить ее. С того момента, когда Поттан сообщил плохую весть, и до того, как он увидел Алену живой и невредимой, Рэйс боролся с незнакомым и очень неприятным чувством — страхом. Да, он боялся потерять ее! И дело было не только в детях, вернее, совсем не в них. Дело было в ней и в нем. Пришлось признаться себе — он привязался к этому импульсивному, неумному существу, переполненному жизненной энергией, больше, чем мог себе представить, больше, чем мог себе позволить. И странное дело, его вдруг обеспокоил вопрос — а чувствует ли она то же, что и он?

Алена же вышагивала рядом с мужем, гордо расправив плечи и с любопытством поглядывая на покореженные останки тел, покрытые зеленоватой жидкостью. В одном из проемов, у самого лифта, девушка заметила группу людей, стоящих лицом к стене в ряд, и пару агноликов.

— Там люди, Рэй, — заметила она, с беспокойством глянув на мужа: а ну, и их, как роботов убьют?

— Их допросят и отпустят, — нехотя ответил тот, не взглянув на жену. Для него главным сейчас было отвести Алену в безопасное место, и он сосредоточенно поглядывал вокруг, крепко сжимая мэ-гоцо, напряженный, готовый мгновенно отразить внезапное нападение. Только выйдя из лаборатории на поверхность, и зорко оглядев скудный пейзаж

предгорья, Рэйс немного расслабился. Скалистые изгибы, валуны, редкая роща деревьев, пара кустарников уже накрытые вечерними сумерками, да сейферы с застывшими рядом агноликами. Все спокойно, все тихо.

Он уже шагнул к ближайшему сейферу, подталкивая Алену, как замер, насторожившись. Что-то обеспокоило его, какой-то посторонний, неясный звук вдалеке, как шорох или вздох. Лоан потянул воздух, прищурился, выискивая предмет беспокойства, и резко взметнул ладонь, перехватывая свистнувшую над ухом стрелу. В тот же миг агнолики бесшумно сорвались с мест, рассыпались по роще, расстая в дымке, а парень оттолкнул девушку к стене, у арочного перекрытия- входа, и прижал грудью, закрывая от полета шальных жал.

Ворковская с любопытством рассматривала стрелу, торчащую в руке мужа, у ее носа: наконечник, как зонтик из серебристо- желтого металла, толстое древко из того же металла, а на конце — шарик, наполовину наполненный голубоватой жидкостью.

— Ну и ну, до сих пор арбалетами балуетесь? — тихо спросила она, стараясь не нарушить тишину. Парень хмуро глянул на нее, как на неразумного, надоедливого ребенка, и легонько стукнул острием по стене. Наконечник мгновенно раскрылся, превратившись в оцетинившегося ежа, с серповидными, тонкими и острыми, как иглы, колючками, размером со спицу.

— Господи! — выдохнула потрясенно Алена, прикинув, что бы стало с тем, в кого такая 'стрела' попадет. Нет уж, лучше пулю заработать, выжить больше шансов.

Рэй хмыкнул, глянув в лицо жене, и вздрогнул всем телом, чуть поддавшись к ней. Стрела впиалась в лопатку, пронзив ее насквозь.

Девушка сначала ничего не поняла, лишь увидела, как потемнели глаза парня, и только потом, когда он качнулся, автоматически обхватив его торс, прижимая и придерживая от падения, увидела красное, стремительно расплывающееся пятно на рубашке и торчащее острие.

— Нет!! Рэй!! — испуганно завопила она, не зная чем помочь, и, предполагая самое худшее, чего она, видит бог, ни за что не хотела.

— Тихо, — осек ее парень, поглядывая вокруг, как ни в чем не бывало. Алена прикусила губу, с ужасом вглядываясь в его лицо, ожидая, что он вот-вот упадет в обморок от боли и кровопотери, а потом умрет на ее руках, и заскулила — тоненько, надрывно, жалобно.

Рэйс поморщился:

— Милая, у меня очень тонкий слух, ты мне своим ультразвуком его испортишь, — попенял он и озадаченно смолк, с любопытством заглядывая в ее молящие, испуганные глаза. Жена плакала. Крупные прозрачные капли скользили по щекам, одна за другой, грозя вылиться в непрерывный поток. Но узнать причину странной метаморфозы он не успел: на поляне появились Агнолики и молча кинули к ногам Лоан двух отключенных роботехов, кипу стрел и оружие. Следом из арки вышел Дэйкс, глянул на плечо сегюр и, присвистнув, потащил к сейферу оказывать помощь.

Алена, всхлипывая, пошла следом, намертво вцепившись в мужа, как клещ, то и дело заглядывая ему в лицо, то в лицо троуви, словно искала в них что-то из ряда вон плохое.

Пока Дэйкс вытаскивал стрелу, девушка немного пришла в себя, оттерла слезы и даже постаралась бодро улыбнуться мужу, который с искренним недоумением взирал на нее. И только, когда повязка плотно обхватила плечо парня, и их вместе с девушкой впихнули в сейфер, до Рэйсли дошло — Алена переживает за него!

Это ему понравилось. Еще никто так не беспокоился за него, не сопереживал, не

выражал открыто горе и сочувствие. Он еле сдержался, чтоб не рассмеяться, и изобразил умирающего, развалившись на сиденье и поглядывая на совершенно расстроенную жену из-под опущенных ресниц. Девушка заботливо уложила удобней его ноги, сунула под голову маленькую подушку, взятую с другого дивана, и села рядом, поглаживая по голове, как маленького ребенка, прижимая его руку к своей щеке, шепча слова успокоения и сочувствия, как молитву:

— Все будет хорошо, правда, все заживет. Ты, главное, держись, дома Эллан, Наталья. Они помогут. Все будет хорошо. Ты сильный — подумаешь, стрела...это ведь ничего, правда? Ты вон какой большой, крепкий, выдержишь. Только не уходи, хорошо? Держись, пожалуйста, держись. Я ...наверное, не смогу без тебя...может быть, я не очень хорошая и совсем глупая ...и вообще, от меня одно беспокойство, но я обещаю слушаться тебя, стать хорошей женой, только не уходи, ладно? Не бросай меня, живи. Пожалуйста, Рэй. Ты, ты очень хороший, умный, сильный, ты самый лучший. Мне все равно, что там и как, это все уже не важно, ты, главное, держись. А может, тебе нужна энергия? Возьми. Я с радостью тебе ее отдам, мне не жалко, на здоровье...

Рэйс распахнул глаза, в упор уставившись на Алenu, и та замерла. Взгляд мужа меньше всего был похож на взгляд умирающего — цепкий, внимательный, настороженный, любопытный, и глаза, как всегда: чистые, ясные, хоть и холодные.

Девушка выпрямилась и нахмурилась — в душу закралось сомнение: не очередная ли это миленькая инсценировка, по наитию его подленького характера? Ей мгновенно вспомнилось его совершенно спокойное лицо, на котором не дрогнула ни одна мышца, пока вытаскивали стрелу, безучастный взгляд, ровная походка до сейфера, скоординированные движения...Боже! А она-то, глупая, возомнила себя матерью Терезой! Сестрой милосердия! Готова была ухаживать за ним, в сиделки податься, все простить, все забыть, лишь бы жил! А он! Ее!...

— Ах, ты!... — задохнулась девушка от возмущения, сжала кулачки, желая обрушить их на грудь подлого обманщика, но сдержалась — все ж, хоть и врун, но раненный — жалко. — Я чуть не поседела, а ты пошутил, да?! Знаешь, кто ты после этого?!

Рэйс радостно рассмеялся, чрезвычайно довольный откровенным проявлением ее чувств: приручился лауг, привязался. И, схватив жену здоровой рукой, потянул на себя, лукаво шурясь:

— Так, что там, насчет энергии?

— А вот фиг тебе! — выдохнула Алена ему в лицо, уже не злясь, а из чистого упрямства.

— Э, нет, милая, так не пойдет. Обещала, давай, — ухмыльнулся Рэйс и впился в губы жены, в который раз благословляя своего бога за бесценный дар.

Дэйкс, как только сейферы остановились на террасе туглоса, вылез и пошел открывать дверцу сегюр, чтоб помочь тому выйти, но, увидев, чем занимается 'тяжело' раненный, растерянно моргнул, качнул головой, умиляясь его прыти, захлопнул дверцу, и, хохотнув, сложил руки на груди, приготовившись к долгому ожиданию.

Стейпфил непонимающе посмотрел на него и вопросительно вздернул подбородок.

— Подожди...пару часиков, недосуг правителю, занят, — весело сообщил тот и покачал головой — совсем еще дети.

Когда Алена, удовлетворенная и умиротворенная, сонно засопела на плече мужа, Рэйсли осторожно высвободился, выскользнул из-под одеяла и тихо, стараясь не потревожить уснувшую жену, оделся и покинул спальню.

— Иллан у себя. С ним Монтррой и его сестра, — сообщил Стейпфил. Дэйкс сидел в кресле и, задумчиво покачивая стрелу, поглядывал на Рэйсли:

— У нас нет улик.

— Они тебе нужны? — глянул на него сегюр, застегнув обувь, и выпрямился, легко вскочил, расправил плечи, проверяя раненную руку. Онемела, подвижность ограничена, слабость, но это ерунда, он и одной рукой с братом разберется. — Пойдем.

— Как скажешь, — пожал плечами троуви и с готовностью встал.

Иллан давно не испытывал подобного восторга: тоненькая фигурка Эльхолии дрожа прижималась к его телу, и скромно опущенные ресницы девушки трепетали, а пух ее волос ласкал его щеку. Робкий взгляд, стеснительный румянец, стройная, хрупкая и ранимая...

— За вас! — отсалютовал Монтррой фужером, с довольной улыбкой наблюдая за парой. Ночные тени окутывали жениха и невесту, смягчая резкие линии мужской фигуры и плавно очерчивая изгибы женской.

— Думаю, в конце недели мы объявим о помолвке, — счастливо улыбнулся сегюр троуви.

— Какая радость! — ядовитым тоном заметил Рэйсли, неслышно подойдя вплотную к теплой компании. Все трое дернулись от неожиданности: рука Монтррой дрогнула, выплеснув жидкость из фужера, Эльхолия стремительно отпрянула от нареченного, стыдливо пряча лицо и отступая в тень, а Иллан настороженно воззрился на брата. Его угрожающе огромный силуэт, возникший в дверном проеме балкона и желчная усмешка на губах не предвещали ничего хорошего.

— В чем дело? — недовольно спросил Иллан, его взгляд приковала белая угловая повязка, лежащая на плече, на серебристой клепке, придерживающая кожаную ленту, крепко перевитую через грудь. — Ты ранен?

— Так, издержки общения с агрессивными пресмыкающимися, — кинул тот, шагнув на балкон и беря в руку пустой бокал. — Не хочешь выпить со мной?

— От чего же? — Иллан с готовностью разлил шеврио ^[60]по фужерам, поднял свой и протянул другой девушке, — за мою невесту!

— Подожди, — упредил его брат и кинул в фужер Эльхолии матовую горошину. Вино зашипело и через миг из сапфирового превратилось в ядовито-зеленое. Протянутая рука девушки поникла.

— Что это? — сердито спросил Иллан.

— То же, чем и ты пытался напоить мою жену. Яд.

На балконе повисла тишина. Братья сверлили друг друга взглядами, девушка поспешно убежала, Монтррой бочком прокрался в зал, намереваясь ретироваться следом, но наткнулся на насмешливые и предостерегающие взгляды двух истуканов, застывших сложа руки на груди поперек его дороги, на входе — Дэйксклиф и Стейпфил. Что будет дальше, догадаться было не трудно, и троуви мысленно взмолился Анторису, чтоб тот дал его сестре ума

поднять стражников.

Иллан выкинул бокалы за перила и шагнул к брату:

— Это переходит все границы! Ты испугал мою невесту!

— А ты пытался убить мою жену!

— У тебя горячка! — смерил его презрительным взглядом сегюр.

— А у тебя синдром несостоятельности, — парировал Рэй, скривив губы. —

Инфантильный мальчишка!

— Что?! — взревел сегюр, рванув на брата, желая схватить того и выкинуть вон. Однако просчитался — Рэй откинул его к перилам, как щенка, и выплюнул с презрением:

— Зачем тебе жениться, Иллан? Ты ведь не мужчина — имитация, фальшивка, способная лишь подличать исподтишка, как низкий тэн!

Подобного оскорбления Иллан вынести не мог, и кинулся на Рэйсли разъяренный донельзя, но и тот был взбешен вероломством брата не меньше, поэтому с радостью встретил родственника, приняв в дружеские объятия. Они так и ввалились в зал, сплетясь в клубок, проехали по паркету и вскочили, разбежались и закружили, как хищники, настороженно поглядывая друг на друга и ожидая выпада. Мира не будет — это понимал каждый, да и ни одному из них он не был нужен. Они вытащили клинки: сначала Иллан — поясной стилет, потом Рэйсли не хотя- мэ-гоцо, и приготовились к схватке.

Он не хотел убивать брата, поучить — да и сломать в наказание. Странное дело, но Иллан для Рэйсли после возвращения с Земли стал скорей младшим братом, за которым нужно пристально следить и направлять, оберегая от необдуманных поступков, чем старшим, а значит сильным, взрослым, не нуждающимся в поддержке, но дающим ее. Три года разницы, а словно 30 и не в пользу Иллана.

— Расслабил тебя Гвидэр, слюнтяя вырастил, — протяжно заметил Рэй, кружа по залу и держа кинжал здоровой рукой на изготовке — лезвием вверх прижимая к запястью и отводя за спину, чтоб не ранить случайно. А тот, стилет, как штык выставил, щурился зло, губы дрожали от ярости — он готовился напасть и исполосовать брата, как шкурку лауга.

— Как же дошел до такого, братец? — Рэй чуть склонил голову набок, глядя на парня под другим углом. — Вроде мужчина, а манеры, не каждой женщине подстать.

Тот опомнился: что это он, правда? С оружием на брата? На раненного? Как трус, словно и впрямь не мужчина и не может решить вопрос по чести — руками.

Иллан резко откинул стилет и выпрямился, гордо расправил плечи, поиграл мышцами.

Рэйсли фыркнул, до того смешно это выглядело, и, вложив клинок обратно в ножны, встал спокойно, надменно и насмешливо разглядывая брата сквозь полуопущенные ресницы: ну, мол, покажи, на что способен. Но тот не спешил, спросил сначала:

— Чего ты добиваешься? Что тебе надо от меня?

— А что тебе надо от Алены?

— Она мне не нужна! Я не трогал ее!

— Да? Тогда, как она оказалась в Кастоун-Хоф? Может, кто-то из членов совета смог выкрасть ее с территории туглоса? И яд, которым ее хотели напоить, она попросила сама?

— О, я понял! Твоя мэно опять пыталась сбежать? Ты плохо следишь за своей женой, Рэй, а она у тебя женщина своеобразная и непослушная. По-моему, она и мужем-то тебя не считает, и бога в голове нет, лишь капризы. Как же ты ее так распустил, брат? — насмешливо скалился Иллан.

— Ах, братец, женщины существа непредсказуемые, посмотрим, как ты преуспеешь в

своем союзе.

— Не беспокойся, я беру флэтонку, она знает свое место в отличие от тэн.

— Ты уверен? Так хорошо изучил ее?

— Да, знаешь, посмотрелся на тебя и решил...

— Поспешил. Завидуешь?

Зрачки Иллана расширились, в глазах появились озабоченность, настороженность и беспокойство. Рэйсли это не понравилось, екнуло сердце, за шиворот будто стакан льда высыпали, и поползла змейка бессмысленной, слепой ревности по позвоночнику, будоража разум, наливая тело яростью до краев.

— Чему завидовать? — голос старшего сегюр предательски дрогнул. — Тому, что ты владеешь безумной кьяро?...

— Вот ты и выдал себя. кьяро, да? Запомни, братец — достоинства и недостатки моей жены тебя не касаются и никогда не коснутся. Но как родственнику могу сообщить один бесспорный факт из ее биографии, — Рэйс подошел вплотную к брату, в упор посмотрел на него, и шепнул, издеваясь. — Алена не владеет телепортацией.

Иллан непонимающе моргнул и вдруг понял, что его уличили. Ума хватило лишь на то, чтоб оттолкнуть младшего и уйти от разговора и вообще из залы, но Рэйс не дал, перехватил и пятерней в лицо, как мальчишку, с силой толкнул в сторону. Иллан не удержался на ногах и рухнул на пол, как неодушевленный предмет, неуклюже и с грохотом.

Монтррой поморщился, Дэйкс хохотнул, глянув на распластанное тело, Стейпфил презрительно скривился и чуть не сплюнул. Это окончательно вывело сегюр из себя, и он, нащупав лежащий рядом стилет, схватил его и ринулся на брата.

Рэй не спешил вытащить свой клинок, поиграл еще, покружил, уворачиваясь и не забывая ударить не столько больно, сколько обидно: то пощечину отвесит, то под зад пнет, то под колено. Но долго так продолжаться не могло. Иллан пришел в себя, вспомнив все, чему его учили, и бросив 'обезьяньи пляски', стал внимательней, хитрей, изворотливей: взмах стилета — удар, подсечка, уход, еще взмах, и кровь Рэйсли окрасила клинок, удар, и того чуть отбросило, ожгло скулу.

Парень отошел, и, сняв кончиком пальца кровь, слизнул и усмехнулся: что ж, поговорим на равных.

К ним не подходили, не пытались вмешаться, но каждому из троих наблюдающих стало ясно — из этой залы выйдет лишь один сегюр.

Лицо Иллана уже украшал внушительный кровоподтек, рубашка, распоротая вместе с мышцами на ребрах, слева и на плече, постепенно из бирюзовой превращалась в бурую, но сил в парне было еще много и сдаваться он не собирался. И брата щадить тоже.

А Рэй щадил, играл, не ранив всерьез, поучая, зля, но видел, что брат эти правила не принимает, не шутит, всерьез изранить норовит. По спине уже сбегали струйки из двух глубоких порезов, и на щеке острое стилета успело расписаться, оцарапав, но Иллану этого было мало, он так и ждал, когда младший замешкается, чтоб закончить схватку последним, решительным ударом и дождался. Клинок свистнул, рассекая воздух, и вскрыл артерию на шее. Рэйс рухнул на колено от неожиданности, машинально зажав рану ладонью. То ли в последний момент рука Иллана дрогнула, то ли сам чуть отвел, сообразив, что творит, но, к счастью младшего, клинок брата лишь рассек кожу, немного повредив артерию. Кровь ринулась наружу струйкой не лишая сил, а лишь ослабляя, и Лоан, не думая, подсек Иллана под колено, резко выпрямился и одарил точь в точь такой же раной — чуть надрезав тому

шею.

— Один — один, — подмигнул он, поднимаясь. Сегюр удивлено посмотрел на него, зажимая рану, и приготовился напасть вновь.

Может быть, они и добились бы друг друга, но зала резко наполнилась звуками торопливых шагов. Гвидэр с толпой стражников, ворвавшись в зал, стремительно направился к драчунам и встал меж ними, переводя свирепый взгляд с одного на другого:

— Хороши, — процедил он через минуту и повелительно махнул рукой страже. — Убирайтесь! Те мгновенно ретировались, захватив с собой Стейпфила.

Рэйсли, понимая, что спарринг на сегодня закончен, вытер клинок, сунул его в ножны и, приняв любимую позу: руки за спину, ноги на ширине плеч, подбородок гордо поднят, с высокомерием воззрился на старика.

Иллан сник, откинул стилет и стал усиленно смотреть в сторону, игнорируя недовольный, сердитый взгляд отца.

Троуви застыли в почтительном поклоне, боясь пошевелиться и стараясь выглядеть, как можно неприметнее — в гневе Гвидэр страшнее обоих сыновей, вместе взятых.

Мужчина оценил раны драчунов, окинув наследников презрительным взглядом, и начал вещать менторским тоном:

— Слушайте меня внимательно и запоминайте, а забудете, пусть вам напомнят ваши троуви! С сего дня, с сего часа вы не смеете провоцировать, задевать и поднимать друг на друга руку, не смеете! Если сегодняшней инцидент повторится, я лишу вас звания сегюр без права на оправдание и восстановление! Обоих! И мне все равно, кто из вас будет прав, а кто виноват! Вам ясно?!!

— Да, — нехотя ответил Иллан, не глядя на отца.

Он уже успокоился и пребывал в недоумении от собственного поступка: что с ним произошло? Как он мог поддаться на провокацию брата? Вести себя, как ребенок? Троуви, вот кто виноват! Опять что-то не понял, перемудрил и поставил в унижающее его достоинство положение. Он ведь ясно сказал — не трогать канно,... лишь обследовать, получить доказательства, а что натворил тот? Ладно, только уберутся все, Иллан спросит с Монтррой.

Рэй молчал.

— Вы братья! Я растил вас не для того, чтоб вы убили друг друга! Если у вас не хватает ума понять это, вам не место на троне сегюрет! Мальнишки! — Гвидэр зло воззрился на младшего, чуть вскинув голову: сынок был на голову выше. — Как ты мог?! У тебя за спиной жена, дети, это он творит, сам не понимает что, но ты?! Я прекращаю вашу распрю! — отрезал старик, рубанув воздух ладонью. — Все!

— Ты мне не указ, отец, — с желчной усмешкой заметил Рэй.

— Указ!! — взвился тот. — Вам обоим указ!! Десять минут назад все, что я сказал, было зафиксировано в присутствии трех членов совета! Данный документ будет незамедлительно обнародован и принят единогласно, как только вы посмеете нарушить приказ!!

Рэйсли пристально вглядывался в лицо отца, не веря услышанному, но допуская такую возможность.

Иллан недоверчиво посмотрел на отца и нахмурился.

Монтррой вскинул взгляд на бывшего правителя и скрипнул зубами с досады: 'Что ж ты наделал, старый дурак?!' Он не сомневался, что старик говорит правду. В этот час, как его осведомили, в кабинете Гвидэра собирались три члена совета для того, чтобы решать вопрос

о Юккосе, запросившего помощь в связи с глобальной катастрофой, убивающей население. Анзифэр, Лангрэйф и Клогорст — все верные помощники правителя, неподкупные, старые закостенелые праведы, ревностные блюстители закона. С такими не договоришься.

Что ж теперь делать? Ждать, пока они не умрут? Пока не умрет Гвидэр? И все это время жить в тени, под гнетом прихоти глупого старика, всплывшего родственными чувствами к младшему сынку? Смотреть, как крепнет власть и влияние Рэйсли? И это у порога триумфа! Всего пара дней, и Эльхолия станет невестой, а спустя небольшой срок — сегюр-мэно. Он бы успел убрать лишних к свадьбе и спокойно бы правил, а Иллан наслаждался обществом его сестры. Ну, почему боги вмешались? Почему Гулгэст так оплошал? Почему Иллан не убил Рэйсли? Ведь так хорошо все устраивалось...

— С сегодняшнего дня вы оба будете жить в согласии и править планетой, как пристало зрелым мужам, — четко и спокойно заявил Гвидэр, не глядя на сыновей. — Ты, Рэйсли, забудешь обиду и все простишь.

Тот попытался возразить, но старик осадил его взглядом и продолжил:

— Я в курсе случившегося с моей невесткой и все же приказываю — забудь и прости! В последний раз. Я обязуюсь самолично проследить, чтоб твоему брату больше и в голову не пришло вредить женщине, вынашивающей его племянников!!

— Отец! — возмутился Иллан.

— Молчать!! — рявкнул старик и мужчина подавленно сник, возвел очи к потолку. — Ты объявишь о помолвке в конце недели и поселишь невесту здесь. Будешь привыкать к ответственности! И я посмотрю, насколько ты справишься с этим, насколько ты достоин звания и мужа и сегюр! А от этого и будет зависеть заключишь ли ты с ней союз!

— Что?! — взвился тот. — По какому праву ты диктуешь мне условия?! Я старший! Я не обязан отчитываться, оправдываться и просить согласия на что-либо!! В чем ты меня обвиняешь?! Рэй постоянно теряет свою жену, почему я должен нести ответственность за его несостоятельность и сумасбродные поступки канно?! Нужно расторгнуть союз, тогда в сегюрет вернется покой!

— Все!! — отрезал Гвидэр. — Я не собираюсь выяснять: кто и в чем виноват? И тем более слушать подобный вздор! Я сказал — остальное зависит от вас. Миритесь и оставайтесь правителями или продолжайте свои бои...на другой планете!

Старик вытащил два накопителя информации из нагрудного кармана и подал забиякам. Иллан раздул ноздри от унижения и, не скрывая обиды и недовольства, подписал документ.

Рэйс хитро прищурился, перечитывая приказ, и что-то нацарапав, с наглой ухмылкой превосходства отдал отцу. Мужчина скользнул взглядом по строчкам, хмуро глянул на сына, но промолчал. Тот кивнул Дэйксу и, не прощаясь, покинул зал. Старик еще какое-то время смотрел ему в спину, впервые пожалев, что Рэйсли не старший сын, и развернувшись к Иллану, начал строго выговаривать.

— Что ты там написал? — осмелился спросить Дэйкс, когда они вышагивали по сумеречным залам ночного туглоса в сторону покоев младшего сегюр.

— До первого выпада в сторону Алены.

Дэйкс качнул головой: толк?

— А все-таки старик — гений, — рассмеялся вдруг парень и подмигнул троуви. — Так подсечь.

— Монтррой не понравилось, да и Иллан не в восторге. Впрочем, сдается мне, всему виной как раз не он, а его троуви. Прыток и властолюбив. Сестру пристроил вовремя...

— Это я вовремя заключил союз, иначе не бывать бы Эльхолии сегюр-мэно, — снисходительно заметил Лоан и толкнул панель в кабинет кафира. Надо привести себя в порядок, чтоб не напугать жену своим потрепанным видом.

Утром Алена проснулась поздно и выплыла к столу ближе к обеду. Рэйс уже сидел и неспешно поглощал пищу. Девушка хотела присоединиться, но взгляд упал на физиономию супруга, и ноги подкосились сами. Она рухнула на стул и с ужасом уставилась на него — личико Рэйсли приобрело пару шрамов, ярко-синее пятно на всю скулу, а к повязке на плече добавилась повязка на предплечье и пластырь на шею:

— Ничего себе! Ты не с локомотивом ночью столкнулся, милый? — выдохнула девушка.

— Не пугайся, завтра все пройдет.

— Господи, — всплеснула та руками. — Мой муж инопланетянин, вампир,...

— Дьявол...

— ...забияка, да еще и лунатик.

— С последним не согласен, но в остальном — портрет точен, — кивнул Лоан.

— Как же мне повезло, — тяжело вздохнула Алена, не зная плакать ей или радоваться по этому поводу.

— А вот это абсолютно верно! Я — самое лучшее, что могло с тобой приключиться.

— Ага? — скривилась девушка, оперлась подбородком на ладонь и, задумчиво разглядывая самодовольную физиономию Рэйсли, заметила, — сдается мне, ты не счастье мое, а кармическая задолженность. Видать, сильно я в прошлой жизни нагрешила, теперь бы расквитаться. Наверное, я когда-то принесла тебя в жертву. До-олго приносила, по частям.

— Вполне возможно, но ты не переживай, впереди у нас долгие годы, за которые ты успеешь искупить вину. Я готов ежедневно принимать твои извинения....

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Газета бесплатных объявлений.

Баба-Яга из фильма-сказки А.Роу — ‘Морозко’

Вэрэн, отпусти ее.

Отведите ее и сворачивайтесь.

ПОЛКОВНИК

вымершее человекообразное.

ископаемый, хищный динозавр.

Понял, доктор!

палач

космический корабль.

Продукт физической и энергетической переработки, отход, энергетический излишек.

Дух.

Ритуальное самоубийство.

Фан- дикий бык с высокой, лохматой холкой, острым рогом на лбу.

Исследователи, научные работники.

агрест- публичное наказание с лишением званий, должностей, гуэдо и возведение в статус раба.

Низшее звено посвящающиеся.

Среднее звено. Люди прошедшие начальную ступень посвящения, давшие клятву в верном служении. Отрекшиеся от жизни для себя.

священная плита, возвышенность. Устанавливается над заполненной, жертвенной выемкой.

Экстракт мескалина.

Дикая кошка, огромных размеров, фосфоресцирующими глазами и отточенными нижними клыками, выступающими из пасти чуть в стороны и вырастающими до полметра.

Перестань ей лгать.

Отстань, уйди, не лезь, хватит.

Рэйсли голову тебе оторвет.

Ты стал другом рабыни?

Наказание плетью.

электронный бич.

4,5, 6,

10,11,12.

Сословие.

Да благословит тебя Модраш ребенком.

Приверженцы культа Модраш.

Трехдневные празднования нового цикла, сопровождаются обильным жертвоприношениями и экстатическими ритуалами.

Естественно зачатый, долгожданный ребенок.

Ритуальные колокольчики из хрусталя.

Адсорбент излишней влаги.

Местожителство рабов.

Настоящая фурия!

Фан. — 1 мигон-1,40 метров.

Фан- Город, место поселения..

‘Тайна третьей планеты’

загородное поместье.

Ты заблудилась?

Тебе нельзя здесь находиться, могут быть неприятности.

Не понимаешь?

Ты из последней партии? Бельфлерка? Юксиот?

Элитная охрана, давшая не рушимую клятву на крови служить господину и почитать его как бога. Смертники.

Надсмотрщики.

жена, не свободная женщина.

Мужчина — воин.

Ненормальная, ошибка генетического эксперимента, девочка в возрасте до 12 лет и замедленным уровнем развития.

Во имя отрицательных потоков энергии. Флэт. ругательство.

Мутант.

Двойной плод.

Двупольный мутант?

Управляющие поселениями.

Песчаные ветра.

Выбросы ядовитых газов, кислотных испарений.

Правительственное здание для заседаний.

Легкое вино.